

Всеволод Слукин

ТАЙНЫ УРАЛЬСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

ЛЕГЕНДЫ
РЕАЛЬНОСТЬ
ПОИСК

Всеволод Слукин

ТАЙНЫ УРАЛЬСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

A stylized, high-contrast black and white illustration of a castle tower with a conical roof, positioned to the right of the main title text.

**ЛЕГЕНДЫ,
РЕАЛЬНОСТЬ,
ПОИСК**

Издание 2-е, переработанное и дополненное

Екатеринбург
Издательство «Сократ»
2005

Художник

В.С. Мамаев

Слукин В.М.

С 49 Тайны уральских подземелий: легенды, реальность, поиск. / 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2005. — 252 с.: ил.

ISBN 5-88664-214-5

В пер.: 3000 экз.

Книга известного екатеринбургского краеведа посвящена истории подземного строительства на Урале и современным изысканиям, позволяющим открывать тайны, которые многие годы будоражили умы жителей края. Новые свидетельства очевидцев и документы, попавшие в руки автора после выхода в свет первого издания, дают возможность подтвердить или опровергнуть то, о чем говорят известные легенды.

Рассчитанная на широкий круг читателей, книга заинтересует тех, кому дорог родной край, кого привлекает его история, кто не чужд романтике поиска.

ББК 63.3 (2Рос)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Издавна человечество интересовалось, по крайней мере, тремя пространствами, входившими в круг его непосредственных ощущений и размышлений. Первое пространство — это небесная сфера над головой, то нежно-голубая, уходящая в бездонную неосязаемую глубину, то пугающе-черная, с мириадами светящихся точек, находящихся за пределами возможных оценок расстояний. И все же это пространство уже поддается осмыслению, исследованию, измерению. Второе пространство — это то, что человек увидел и видит, вставая во весь свой рост, там, где сходятся небесная сфера и земная твердь. Оно доступнее других — нужно было только идти, ехать, плыть, карабкаться, познавая открывающуюся действительность за постоянно удаляющейся линией горизонта. Это было нелегко, но возможно. Отсюда — эпоха древних плаваний Пифия, эпоха Великих географических открытий, эпоха русских землепроходцев... Итог — горизонту некуда удаляться, все в этом приникшем к поверхности планеты пространстве известно, доступно, каждый может при желании оказаться в любой его точке. Третье пространство — самое стойкое в изучении и обретении. Это та твердь, что мы ежечасно попираем ногами, пытаемся углубиться в нее, «выцарапывая» необходимое, прислушиваемся к ее сотрясениям и гадаем, что же там, глубже, скажем, нескольких километров. Гадаем, потому что око наше не может проникнуть взглядом в окаменевший космический субстрат. Лишь тонкую современную корочку прощупывают наши приборы и реконструирует наша мысль. Мы делаем попытки увеличить глубину проникновения в это земное пространство и уже успели пробурить скважину более чем двадцатикилометровой глубины, да остановились. Вдруг однажды из скважины слышался адский гул, взметнулось дымное пламя, а очень смелые очевидцы даже, говорят, разглядели невиданное чудовище, выскочившее из тонкого жерла.

Много непонятных явлений происходило в естественных червоточинах «земного яблока» — пещерах, расселинах и провалах. Множество легенд, слухов, а то и «теорий», неправдоподобных, мистических, потрясающих воображение, связано с ними. Будто бы это продукт каких-то явлений, происходящих внутри твердой оболочки нашей планеты. А явления эти искусственного происхождения и исходят от представителей всемогущей цивилизации, в глубочайшей древности ушедшей в земные полости и создавшей там удивительную среду обитания, которой подвластны многие законы материального мира, прихода бессмертия и космическая мощь тонких энергий. И есть недоступный нашему взору центр этой цивилизации — Шамбала. И находится она то ли в недрах под арктическим льдом, то ли в глубинах тибетских нагорий, то ли незримо парит в наших небесах, изредка рас-

сылая в «неразумные» точки планеты своих посланцев, которых мы называем непознанными летающими объектами. Многие умные головы считают, что это инопланетные астронавты, пришельцы... А вдруг это «ушельцы», обитающие в мире подземных глубин?

Изредка что-то становится для нас видимым и осизаемым. Исследователям легендарной Гипербореи встретились на Кольском полуострове подземные лазы, своеобразные пещеры, в которые... залезть было невозможно. Какое-то мощное энергетическое поле препятствовало проникновению даже на два-три шага, при этом у человека начинало мутнеть сознание, он переставал контролировать свое поведение. Таких «лазов» следопыты обнаружили несколько. Подобные точки находили и на Приполярном Урале. Точно такое же действие неизвестного «запрещающего» поля испытали исследователи следов Шамбалы в Тибете, когда хотели проникнуть в священную пещеру, где, по предположениям, находятся в состоянии «сомати» (между жизнью и смертью) представители многих поколений землян. Они сохраняются неведомыми силами, как генетический материал на случай земных катастроф, угрожающих существованию всего человечества. Подземное пространство, до которого мы еще не можем достучаться, хранит потомков лемурийцев, гипербореев, атлантов...

В мифах и легендах древности неизбежно присутствует подземный мир планеты. Правда, он предоставлен темным силам, а иногда служит местом очищения и наказания. Он выглядит страшным, полным или непроглядного мрака, или огненных вихрей. В нем обитают существа фантастической внешности и силы, готовые терзать хрупкие тела и души землян. И все же в мифах и легендах, какими бы неправдоподобными они ни казались, всегда есть зерно реальности, крохотные блики событий, происходивших на самом деле. Разве можно отрицать, скажем, наличие гигантского подземного лабиринта под комплексом египетских пирамид, приносящим каждый год новые открытия? Или наличие почти полуторакилометрового тоннеля, проложенного под горой Кастро древнегреческим строителем Эвполином? А подземные многоэтажные города на земле древней Анатолии?

Таких примеров очень много. И говорят они об одном: прислушиваясь к мифам и легендам, человечество на протяжении всей своей истории искало возможность не только проникнуть в подземное пространство, но и использовать его для удовлетворения своих насущных потребностей.

ИЗ ИСТОРИИ ПОДЗЕМНОГО ДЕЛА

Подземные загадки великих цивилизаций. Подземное дело на Руси. Киевские катакомбы. Потасованные ходы Северо-Западной Руси. Московское подземное строительство. Пути сдвух традиций. Причины появления на Урале подземных тайн. Зачем нужны знания о подземельях? Терратекстура — подземная архитектура. Подземелья — памятники истории и коварные погосты. Как создаются тайны подземелий и как они разгадываются? Экспедиция «Терра-80» и геофизика. Доступны ли подземелья сегодня? По путям освоения Урала.

Строительство подземных сооружений всегда являлось признаком высокого строительного мастерства.

Великий Леонардо да Винчи еще в пору молодости, предлагая услуги кому-то из родовитых итальянцев, среди своих многочисленных умений особо выделял искусство скрытно, быстро, надежно проводить подземные ходы. И это не удивительно. Во все эпохи тайное подземное строительство составляло важную часть деятельности любого архитектора, строителя, инженера.

Скрытые подземные связи различных объектов отражают сложные функционально-бытовые, архитектурно-исторические и социальные зависимости в «наземном» бытии человека. Архитектура подземных сооружений, или, как ее называют, терратекстура, составляет прямое продолжение наземной архитектуры зданий, ансамблей, городской застройки. Сколько загадок самого разного характера, подчас совершенно неожиданных, заключает подземное пространство древних, старинных и современных городов!

Великие цивилизации древности, можно сказать, соревновались между собой по размаху и тайнам подземного строительства. На десятки километров протянулись подземные лабиринты египетских пирамид и храмов, причем не без оснований считается, что это лишь малая крупница еще не открытого. До сих пор используются прорубленные в твердых горных породах грандиозные водоводные тоннели урартийцев. Манят своей загадочностью еще практически не исследованные подземные сооружения инков, среди которых и тоннели под морским дном, и лабиринты в толще гор, и глубокие колодцы, похожие на норы невиданных зверей. Удивляют своим инженерным совершенством проложенные глубоко под землей галереи древних греков и римлян, приносившие в города прозрачную воду горных источников. Поражают размерами храмы индусов, высеченные целиком вместе со скульптурами богов и украшениями в недрах единого скального монолита. С древнейших времен известны подземные города в Малой Азии и на Ближнем Востоке, построенные по всем правилам градостроительного искусства: с улицами, перекрестками, площадями, храмами, жилой и производственной зонами — словом, всеми атрибутами большого наземного города.

Наконец, Средневековье с его замками, монастырями, крепостями. Выдающиеся зодчие, строители, фортификаторы, ученые придумывали почти невероятные системы ходов, тоннелей, галерей, колодцев, ловушек, лабиринтов, многоэтажных подвалов... Лишь небольшая часть подобных сооружений доступна взгляду исследователя или случайного наблюдателя.

А как многообразны цели, побуждавшие использовать подземное пространство!

В крепостях вплоть до XX века нужны были подземные ходы для водоснабжения и вылазок, противоминные галереи и «слухи», скрытые пути доставки оружия и снаряжения. Традиции многих религиозных культов требовали строительства подземелий. Христианство, как религия гонимых, и начиналось в мрачной темноте катакомб. Отсюда пошли подземные церкви-крипты, монастырские жилища-лабиринты, тайники. В былые столетия по подземным коммуникациям всех видов — ходам, галереям, каналам, потернам, проходам — пробирались, протискивались, шли, а то и сходили наступавшие на врага и бежавшие от него, сражавшиеся и сломленные, рассеянные в схватках и набиравшие силу для побед. Как знать, может быть, не один поворот истории связан с безвестными доселе драмами в подземном мире крепостей, городов, поселений.

В разных странах находят подземелья, выполнявшие функции долговременных убежищ, хранилищ припасов и воды, некрополей, застенков и тюрем, сокровищниц с хитроумными ловушками и преградами для злоумышленников. А куртуазный XVIII век в Европе придумал даже развлечение: в садах и парках знатных особ наряду с вычурными павильонами, фонтанами и цветниками делались декоративные подземелья, куда заходили компании гостей, чтобы пощекотать нервы жутковатым мраком и отблесками факелов на влажной каменной кладке.

В строительной культуре Древней и Средневековой Руси неизменно присутствовали разнообразные формы подземных сооружений. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что подземное строительство было обширным, не уступало по техническим данным иноземному, велось с выдумкой, изобретательно, с использованием предыдущего опыта и практики.

Провести «потаенный ход, от глаз людских скрытый», не было новинкой для русских строителей.

Но целенаправленно, масштабно, с размахом строительство подземных сооружений развернулось на Руси со времени правления великого князя московского Иоанна. Того самого победителя татар «в великом стоянии на Угре», которого история назовет Иваном Третьим. Желание превратить Московский кремль в мощную крепость, не подвластную ни огню, ни воде, ни татарским таранам, ни литовским пушкам, дало толчок грандиозному оборонительному строительству. Для выполнения этой задачи были приглашены итальянцы. Не потому, что в русской земле не нашлось бы своих мастеров, а, видимо, велико было влияние на князя его жены, племянницы последнего византийского императора, и ее окружения, расхваливавших — и вполне оправданно — мощь крепостей и замков, построенных итальянскими зодчими. В Москву прибыли Аристотель Фиораванти, его сын Андрей Фиораванти и ученик Пьетро Антонио Солари.

Навсегда осталось тайной, заказал ли дальновидный князь Иоанн призванным мастерам устроить в кремле подземные палаты, ходы и тайники. Но позднейшие

находки в Московской цитадели возможность такого заказа подтвердили. Да и косвенные доказательства совсем не противоречат этому.

Аристотель Фиораванти известен как строитель многих укреплений, в том числе знаменитого Миланского замка, подземные тайны которого не разгаданы и спустя столетия. Хранимые в толще земли секреты великому князю московскому были нужны не только для военных надобностей, но и для того, чтобы защищать от огня и лихого глаза имевшиеся богатства. Уж кто-кто, а Иоанн знал, как всепожирающий огонь расправляется с деревянной застройкой, как врывается он в каменные хоромы, как сплавляет в безобразный ком золотые и серебряные кубки, ковши, украшения. Не раз в период его княжения выгорала Москва. А если на самом деле существовало собрание редчайших книг, которые привезла с собой великая княгиня Софья, бывшая византийская царица? Где могла сохраняться эта библиотека хотя бы до того времени, когда стала называться уже библиотекой Ивана Грозного? Только в подземных тайниках кремлевского холма.

Может быть, мысль о подземельях была навеяна рассказами послов об устройстве крепостей и городов в сопредельных княжествах и землях, куда все чаще обращался взор Москвы.

В строительстве подземных сооружений на Руси иноземное влияние все же сказывалось мало. Да, Аристотель, а потом Солари и Алевиз строили в Москве для Иоанна III и Василия III подземные ходы, галереи, тайники. Но только в Москве. В эпоху Ивана Грозного, когда развернулось грандиозное сооружение всякого рода подземных «хитростей», в той же Москве их строили русские мастера. А монастырское подземное строительство вообще велось только русскими каменных дел мастерами. Но мы забсжали вперед. Возвратимся на несколько столетий.

Уже на заре образования Киевского княжества были известны подземные ходы и даже целые лабиринты под древним градом Киевом. Изрядно расширенные в последующие эпохи, эти подземелья дошли и до нашего времени. Подтверждением тому — знаменитые катакомбы Киево-Печерского монастыря, куда водят паломников и туристов.

Как свидетельствуют результаты исследований, подземные лабиринты Киева протянулись в разные районы старого города, тайные пути подходят к Софийскому собору и другим старым наземным сооружениям. Киевские подземные ходы сыграли немалую роль во время осады и разгрома города Батыем. Много сокровищ, оружия и даже колокола были укрыты под землей.

Подземные сооружения «киевского» типа отличались большой протяженностью и разветвленностью, проходили они в лессе — сухой, вязкой и крепкой породе. Подземелья эти почти никогда не облицовывались каменной или кирпичной кладкой. По примеру киевских ходов и тайников позднее сооружались целые подземные поселения. Известны монастырские подземные городки в местечках Святогорье и Дивногорье, что в среднем течении Дона, в толще Болдиной горы на окраине Чернигова, в окрестностях старого Оскола и под Лубнами, вблизи многих других старинных городов и местечек Украины.

Совсем другой характер имели потаенные ходы и тайники в Северо-Западной Руси, где издавна росли мощные оборонительные узлы: Изборск, Порхов, Гдов, Копорье, Псков, Новгород, Старая Ладога, Вологда. Здесь подземные ходы служи-

ли для обеспечения крепостей и цитаделей водой, были путями отхода воинов и неожиданных вылазок во время осады, являлись средствами обнаружения подкопов противника. Реже подземелья использовались в качестве убежищ и сокровищниц, а тем более в качестве некрополей. Но именно в этих краях дают о себе знать подземные тайны. Если в Киевской и Юго-Западной Руси о подземных убежищах и скитах было ведомо многим, то на Севере прокладка и само наличие подземных путей тщательно засекречивались. Появился новый тип потайных сооружений — подземные ходы, соединяющие отдельные здания внутри города, княжеские терема, соборы, даже частные владения.

Особый размах приобретает монастырское подземное строительство. Монастыри выглядят как небольшие, хорошо укрепленные крепости. Тут есть целый комплекс подземелий: ходы, водозаборные тайники, глубокие подвалы-сокровищницы, некрополи.

В Московскую Русь искусство подземного строительства потянулось двумя путями: с севера — из княжеств Северо-Западной Руси и с Юга — из Руси Киевской. Для укрепления Москвы использовался весь накопленный русский опыт, обогащавшийся опытом зарубежным. Москву окружили города со своими подземными тайнами: Коломна, Тула, Тверь, Алексин, Переяславль-Залесский, Звенигород, Калуга. И уж совсем близко расположились монастыри-крепости: Ново-Иерусалимский, Симонов, Донской, Троице-Сергиева лавра, в которых подземные «хитрости» соперничали с наземными. В Московской Руси слились разные традиции и приемы подземного строительства. В Коломне и Туле, например, главенствовали типично крепостные подземные сооружения, в Алексине — подземные убежища, в Твери — церковные подземелья, в Рузе — разветвленные катакомбы, как две капли воды похожие на киевские.

В самой Москве развернулось обширное подземное строительство. В кремле под соборами и теремами устраивались подземные казнохранилища, имевшие связь между собой и выходы к башням. Выводились из-под башен водозаборные тоннели, в пространстве между стенами и рвом прокладывались слуховые и противоподкопные галереи. Боевые подземные ходы шли из кремля в Китай-город. Один из них, построенный Алевизом, был обнаружен в 1896 году на глубине 10 метров от поверхности.

Царь Иван Грозный готов был буквально «зарыться» в землю. Деспот, боявшийся боярских заговоров и мятежей, он чувствовал себя в безопасности только в тайных палатах своих дворцов: Загородного на Арбате и Опричного на Неглинной, откуда в кремль и за город были выведены подземные ходы. Остатки их обнаруживались в разное время благодаря случайным провалам, при постройке зданий, а позднее при прокладке метрополитена.

Тайные палаты царя сообщались с подземными тюрьмами, где денно и нощно пытали «крамольников» и «супротивцев». Легенды говорят, что царь Иван любил, пройдя по подземным путям, тайно проникать в свои кремлевские покои. В окрестных и далеких монастырях и укрепленных резиденциях, таких, как Александровская слобода, царь устраивал потаенные сооружения. Есть свидетельство, что даже английского посланника Дженкинсона вели к Грозному потайным ходом.

Примеру царя следовали бояре и ближайшие сподвижники. Так, Голицыны и Морозовы соединили с кремлем свои московские хоромы. Малюта Скуратов, главный палач царя, делал тайники в своих владениях на Солянке и Берсеневке. В начале XX века при строительстве многоэтажного дома на Солянке, на месте скуратовского подворья, нашли подземный ход с подземным же колодцем. На Берсеневке обнаружен ход с лестничным спуском к Москве-реке.

Средневековая Москва охвачена подземным строительством. Не только бояре, но и менее родовитые люди занимаются этим. В документах, обычно немых, когда дело касается подземных секретов, появляются такие строки: «...Каменные палаты с потаенными путями из них строили Дмитрий Ховрин, Василий Образец да купец Таракан...»

С продвижением русских на восток вместе с лихими новгородскими ушкуйниками, а позднее с не менее лихими казачьими экспедициями древнее искусство потаенного строительства потянулось к Каменному Поясу. Конечно, жившие в уральских краях чудские племена умели строить подземные жилища — разветвленные искусственные пещеры, своды которых поддерживались деревянными опорами. А чудские рудознатцы выкапывали довольно длинные горизонтальные штольни и даже проходили вертикальные горные выработки (такие сооружения видели первые разработчики знаменитого Гумешевского медного рудника). В камской земле еще задолго до прихода монголо-татар волжскими булгарами были вырыты извилистые лабиринты подземных жилищ и убежищ. Переплетение ходов то обрывается тупиками, то выходит в глубокие овраги, то вдруг расширяется в большой зал — такие лабиринты когда-то обнаружили вблизи впадения реки Белой в Каму.

Подземное строительство на Урале восприняло две традиции: Северо-Западной Руси и Московской Руси. Географически это конкретизируется так. Псковско-новгородская ветвь потаенного строительства постепенно охватывала Вологду, Тотьму, Великий Устюг, Вятку (Хлынов), Нижний Новгород, Сольвычегодск, Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) и подходила к Чердыни и Усолью. Во всех этих городах находили подземные исторические сооружения.

Московская ветвь двигалась на восток, оставляя подземелья в Муроме, Пензе, Царицыне (ныне Волгоград), Мензелинске. В Нижнем Новгороде она пересекается с псковско-новгородской ветвью, а севернее, в Сольвычегодске, Усолье и Соликамске, и вовсе с ней сплетается. Здесь, в «царстве» Строгановых, подготовилась почва для подземных тайн Каменного Пояса.

Когда речь идет о городах европейской части нашей страны, то причины строительства под землей вроде бы понятны: этого требовали постоянная организация обороны от многочисленных воинственных соседей и обеспечение защиты во время затяжных княжеских междоусобиц, сложные условия централизации Русского государства и утверждения самодержавия, накопление ценностей у знати, дворянства, богатых купцов, у церквей и монастырей и, конечно, реальная угроза народных волнений.

На Урале появление подземных сооружений определялось своеобразными, иногда присущими только этому региону условиями. Освоение края по-настоящему развернулось уже в тот период, когда сильные внешние враги на востоке, а самый

главный и близкий — Орда, были сломлены, междоусобные войны ушли в историю. Однако первым русским селениям на Урале, появившимся в XV—XVI веках, долго еще угрожало разорение от сибирских царьков и их вассалов. Поэтому крестьянские слободки непременно обносились тыном, а позднее, к XVII веку, обрели вид настоящих крепостей с башнями и стенами. Укрепления строились с соблюдением всех русских фортификационных традиций, а значит, имели и тайную подземную часть.

На важных торговых перекрестках появились опорные пункты: Верхотурский и Далматовский монастыри-крепости.

С XVII века на уральской земле разворачивается горнозаводское производство, принесшее с собой новый вид поселений. Группируясь вокруг основного ядра — завода, такие поселения не оставались незащищенными: окружались валами, рвами, стенами, оснащались пищальями и пушками. Словом, кроме укрепленных крестьянских слобод на Урале появились заводы-крепости, постепенно превращавшиеся в города.

И эти укрепления имели скрытые оборонные объекты. Естественно, возникает вопрос: ведь массовое заводское устройство приходится на XVIII век, а к тому времени об Орде и Сибирском ханстве и думать забыли. К чему же все эти крепостные ухищрения? Действительно, время крупных военных операций на Урале и в Сибири прошло, но поселения и заводы ощущали постоянную опасность набегов. Близость к землям башкиров, вогулов, киргиз-кайсаков, а то и развертывание строительства прямо на их землях, приобретение прав на уголья и недра силой или обманом вызывали крайнее недовольство коренного населения. Недовольство переходило в волнения и вооруженную борьбу не без подстрекательства местных феодалов, помнящих себя данниками и союзниками сибирских ханов. Начиная со второй половины XVII и до конца XVIII века было шесть многолетних периодов восстаний и набегов на заводы и поселения.

Но и внутри завода-крепости никогда не было спокойно. Эксплуатация работного люда, который не по своей воле был увезен в чужой и еще дикий край, полное бесправие и абсолютная зависимость от хозяев и их прислужников порождали народные возмущения. Заводские управители и прислуживающая сошка всегда заботились о путях собственного спасения и спасения своего добра.

Так, после Пугачевского бунта, когда присоединившиеся к мятежным казакам русские крестьяне в союзе с башкирскими повстанцами осаждали и сжигали заводы, наблюдалось усиление строительства подземных сооружений в уральских городах-заводах. Но не только крепостных, оборонных. Заводчики делали для себя подземные убежища и тайные выходы из них.

Тяжелые условия жизни на заводах постоянно пополняли армию беглых. Беглые объединялись в ватаги. Иные сразу уходили на «вольные» земли Сибири. Другие отрывали себе подземные лабиринты в глухих местах, укрывались в них, обеспечивая свое существование грабежами купеческих караванов. Немало таких разбойных нор сохранилось по берегам Камы, в таежных распадках вдоль Великого Сибирского пути.

Была и еще категория уральского населения, внесшая свой вклад в потаенное строительство. Это раскольники, бежавшие на Урал от преследования церкви или

высланные сюда властями. Фанатичные в вере, раскольники рыли скиты-убежища, устраивали под землей молельни.

Встречаются подземелья, назначение которых не сразу поддается объяснению. Они связаны либо с каким-то тайным производством, либо с сокрытием следов злодеяний заводчиков и их подручных, либо с хранением сокровищ и ценностей. Существует также целая группа скрытых от глаз сооружений технологического назначения: водоводы, транспортные коммуникации, вентиляционные каналы, сливные лотки. Забытые, они служат иногда источником романтических легенд, хотя и сами по себе представляют большой интерес как элементы старинной технологии и свидетели пезаурядного технического мастерства.

Итак, города и веси обширного уральского региона, не составляя исключения в ряде себе подобных на Руси, таят в своих недрах рукотворные полости, которые мы называем архитектурно-историческими подземными сооружениями.

Для чего нам нужны знания о них, почему мы собираем малейшие упоминания об их существовании, что побуждает нас изучать эти свидетельства былых эпох, полных романтики и тайны?

Прежде всего, подземные старинные сооружения представляют обширную группу памятников архитектуры, истории и культуры, это носители строительных традиций, технической мысли и мастерства прошлых поколений, а зачастую и национальных черт народа.

Соотносясь большей частью с наземными зданиями и сооружениями, подземелья представляют как бы продолжение «дневной», всем видимой архитектуры. Они дополняют решение одной из важных ее задач — обеспечивать связь объектов в пространстве, выявляя их назначение и цели. Стоит, скажем, в ансамбле с другими зданиями ротонда. Сооружение, олицетворяющее переход от основательности, постоянства, деловитости бытия к легкости, отдыху, развлекательности. Но... к ротонде ведет подземный ход и от нее ветвится в глубь территории. И ротонда уже представляется не легким вместилищем забав и отдохновения, а важным распределительным узлом подземной сети. Игривость архитектурных форм, колонн, капителей, карнизов уже нас не обманет: это только ширма для сокрытия основной функции, связанной с подземной тайной.

Подземные сооружения всегда играли значительную роль в формировании городов, особенно их исторических центров, а потому знание таких сооружений, их местоположения и масштабов их распространения помогает реконструировать планировочные тенденции с прошлых эпох до современности. Архитектору трудно обойтись без этих знаний. Совершенно невозможна научно обоснованная и направленная реставрация памятников архитектуры, стоящих на поверхности земли, если полностью проигнорировать то, что находится в пространстве под ними.

Деятельность человека в подземном пространстве с древнейших времен дает основу и направление современной подземной урбанистике. Недаром ученые называют все, что ниже дневной поверхности, такой же архитектурной средой, как и то, что находится на земле.

Интерес к подземной сфере городов совсем не случаен. Он вызван проблемами современной застройки — ведь города не могут безмерно расти вширь. Значит, остается — ввысь и вглубь. Если то, что растет ввысь, мы оставим безраз-

дельно человеку, чтобы он дышал, ходил, жил, наслаждался гармонией природы, а вглубь поместим производство, транспорт, сферу обслуживания, то есть максимально используем подземное пространство, то получим город, близкий к идеалу, о котором мечтали зодчие и футурологи с давних времен. Эти соображения приводят к осознанию необходимости широкого исследования недр городских территорий, особенно их исторических зон.

Кархитектурно-историческим подземным сооружениям проявляется двойственное отношение. С одной стороны — это памятники архитектуры, а с другой — подземелья представляют серьезное препятствие для современного строительства как коварные полости, нарушающие целостность и прочность грунта.

Старые подземные сооружения могут служить современным целям. Например, дренажные каналы, отводящие лишнюю воду с застроенной территории. С годами они засоряются, забиваются илом, кое-где обрушиваются. Но если дренажную систему отыскать, очистить, привести в порядок, то она вновь будет действовать и снижать уровень грунтовых вод, повсеместное повышение которого превратилось в одну из бед современного города.

Вот почему подземные объекты должны тщательно изучаться, оцениваться с точки зрения исторической, архитектурной и хозяйственной значимости. А затем либо подлежать охране как величайшая ценность, либо включаться в городскую технологию, либо устраняться как досадная помеха. И еще: а вдруг! Да, именно, а вдруг в этих подземельях отыщутся предметы старой культуры, техники и быта, а может быть, и что-то очень важное, имеющее национальное значение: древние книги, исторические реликвии, уникальные драгоценности?

Трудно найти в построенном человеком мире какие-либо другие объекты, которые были бы окружены такой тайной, как подземелья. И в этом был глубочайший смысл. В истории много примеров, когда раскрытие подземных секретов приводило к губительным последствиям для их держателей. Так, случайная находка турками потайного входа под стенами осажденного Константинополя ускорила падение византийской столицы. Соловецкий монастырь пал после восьмилетней его осады стрельцами царя Алексея Михайловича только потому, что предатель указал осаждающим подземный ход в крепость. Однажды после нападения ордынцев на город Алексин жители спрятались со своим добром в подземном тайнике. Враги разрушили и сожгли поселение, но, ничего не узнав о тайнике, отошли. Кто-то сообщил им о месте, где скрывались жители. Татары ворвались на пожарище, нашли тайник и погубили более тысячи человек, захватив добычу.

Но можно привести много примеров и того, как подземные тайны помогали в лихую годину.

Секретами подземелий всегда владели немногие посвященные. И эти секреты, как правило, передавались устно. В архивах не попадаются документы о подземных сооружениях с описанием и планами расположения. Лишь в редких рукописях, дающих характеристику текущего состояния, например, русских крепостей-острогов, есть упоминания о водозаборных тайниках и стоящих над ними башнях. Подземелья обычно не заносились в реестры недвижимого. А человеческая память слаба. Нередко случается и так, что носители памяти о подземных тайнах исчезают в водоворотах жестоких и сложных времен, не успев передать только им известные сведения.

Подземные архитектурно-исторические сооружения становятся видимыми при случайных находках. И происходит это зачастую не так, как хотелось бы: нашел, скажем, потайную дверцу или люк в заброшенном доме, открыл, спустился со свечой, заглянул во все закоулки тайного подземелья да еще составил карту. Такое — большая редкость. Трудно сказать почему, но входы и выходы большинства подземных галерей и прочих сооружений с течением времени оказывались замурованными. Может быть, потому, что прошла надобность в тайне, или возникла мысль о консервации до нужных времен, или появилась опасность обвала. Кстати, обвалы и делают подземелья видимыми. А происходят они по вполне естественным причинам: теряет прочность грунт, гниет дерево крепления, разрушается кирпич стенок, омываемых грунтовыми водами, усиливается нагрузка на поверхность земли от транспорта, наземных строений, грунт тревожат бесконечные земляные работы. Провал над подземным сооружением привлекает внимание любопытствующих. Хорошо, если среди них окажется мало-мальски заинтересованный или просто памятливым человек — возникнет хотя бы устное описание события и объекта. До взгляда ученого дело доходит редко: не успевает ученый, ибо к дыре в грунте, появившейся среди бела дня, немедленно привлекается (и справедливо!) внимание тех, кто хозяйствует на территории. Реакция обычно решительна и мгновенна — засыпать! И в ней не увидишь ничего предосудительного: ведь провал опасен для идущих, бегущих, едущих. Приведенная схема обнаружения подземелий свойственна не только современности, так происходило и сто, и двести лет назад.

Преднамеренная секретность, отсутствие письменных сведений, проговорившийся носитель тайны и случайный ее свидетель, неожиданные и порой повторяющиеся находки, быстрое сокрытие найденного — все это способствовало появлению легенд и преданий, в которых действительные факты заслонялись фантазией, расцвечивались домыслами, трактовались так, как нужно сиюминутности.

Значит ли это, что реальность существования архитектурно-исторических сооружений, например в старых уральских городах, так и останется неотделимой от легенд? В известной степени на этот вопрос можно ответить утвердительно, но историко-архитектурные, инженерные и другие исследования позволяют приблизиться к фактам, поднять уровень объективности, дать оценку легендам. Именно эти цели и ставила научная студенческая экспедиция Уральской архитектурно-художественной академии (а тогда еще архитектурного института) «Терра-80», побывавшая четверть века назад во всех старых городах Каменного Пояса от Чердыни до Оренбурга.

В деятельности экспедиции было два направления. Первое: изучение и анализ исторических и архитектурно-градостроительных материалов, выезды на места, беседы с историками и архитекторами, сотрудниками музеев и краеведами, поиск людей, случайно или не случайно оказавшихся свидетелями подземных тайн прошлого. Иногда удавалось натолкнуться на чей-нибудь дневник, записи, письмо, где упоминалось об интересной находке. После этого составлялась возможная картина подземных сооружений старины.

Второе: применение инженерно-геофизических методов, позволяющих на поверхности земли, не нарушая грунта, определить с помощью приборов наличие

подземной полости. Эти методы использовались на тех участках исторических территорий, по которым было собрано много быющих в одну точку фактов, вырисовывалась значимая картина и требовалась немедленная оценка.

И как хотелось осуществить третье направление: тут же вскрыть найденные полости, укрепить их, обследовать всесторонне, а потом передать музейщикам! Но подобные работы требуют большого объема раскопок, такого внедрения в подземное пространство, которое по силам только специальной организации, оснащенной современной техникой. Эта работа может быть проведена в период всеобъемлющей реставрации исторических центров, архитектурных ансамблей и их территорий, рассчитанной на многие годы и даже десятилетия. Пока, к сожалению, ни в одном городе Каменного Пояса не ведутся комплексные реставрационные работы подобного масштаба.

Знаю, что читатель, познакомившись с легендами и уверовав в реальность подземных тайн, ждет от запечатленного в этой книге поиска полного воплощения принципа: «Пришел, увидел, победил». О победах говорить еще рано. Но если я и не приглашаю читателя пройти, скажем, на следующей неделе по уральским подземельям со свечой или фонарем, то означает ли это, что информация о них сейчас не нужна, что надо терпеливо ждать момента, когда все будет раскопано и раскрыто, а пока хранить и держать под спудом все добытые сведения? Поступить так было бы не совсем правильно. Ведь кто-то может загореться романтикой тайн и желанием поиска и найти столько новых свидетельств, что целой экспедиции не под силу. Другой, от кого зависит реставрационное решение, учтет в своем проекте возможное наличие подземных сооружений и даст такое направление работ, чтобы вскрыть их и привести в порядок. А третий, производя земляные работы на исторической территории, предупредит на всякий случай экскаваторщика об осторожности и повышенном внимании. Четвертый задержит собственный приказ о предстоящем строительстве, если в грунте предполагаются какие-то пустоты, сделанные человеческими руками. Руками его предков. Пятый задумается... Вот именно, пусть первому, пятому, десятому, каждому думается. В этом, наверное, главное.

Как построить рассказ о подземельях уральских городов? Можно было сначала рассказать о крепостях Каменного Пояса, а в связи с этим о подземной фортификации. Потом о заводских подземельях, а далее о монастырских подземных тайнах. Можно было начать рассказ с крупных уральских центров и завершить теми, которые давно потеряли первоначальную историческую значимость. Словом, путей находилось много, но при этом каждая из получающихся схем чем-то серьезно грешила: то исчезали традиции заселения уральского региона, то пропадала хронология, то смешивались в одном разделе рассказы о сооружениях, соседство которых несовместимо.

А что, если пойти по пути движения экспедиции «Терра-80»: Чердынь, Соликамск, Верхотурье, города горнозаводского Урала, города и монастыри Зауралья, южноуральские крепости? Тогда мы пройдем путями заселения Каменного Пояса, путями важных торгово-промышленных связей, сохраним нить хронологии и отчетливее представим логику проникновения на Урал и распространения здесь архитектурно-исторических подземных сооружений.

В НЕДРАХ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ

ПОДЗЕМНЫЕ ПАЛАТЫ ПРИКАМСКИХ ЦИТАДЕЛЕЙ

«Планисфера фра Мауро» и Перть Великая. Подземелья Чердынского Крестия. Зеленый след подземного хода. Соликатская крепость и «Кайсаровский» тайник. Дето об открытии подземных ходов и первых раскопки. В подвалах воеводского дота. Тайны старой колоколыни. Версии соликатского историка. Подземные ходы ссыла Красново. Тайнствениос Усолье. Подземная Добрянка уходит под... воду. Подземелья древних городов.

Очень давно в одной старой книге, напечатанной еще с ятями, я увидел показавшуюся странной карту. Однако странность эта исчезла после внимательного взгляда. Карта была составлена более пятисот лет назад, но, несмотря на такую давность, удивляла точностью. Словно картографы той поры имели полный набор точных инструментов. Но таких инструментов, конечно, не было, а карту составлял один человек. Человека звали фра Мауро (история знает его только как брата Мауро, его истинное имя и происхождение неизвестны), он был одним из выдающихся ученых Средневековья. По определению Гумбольдта, «венецианский ученый почти неизмеримой эрудиции». Монах ордена камальдулов, он посвятил себя картографии, полагая, что созданная богом Земля должна быть, по крайней мере, хорошо изучена людьми. Современники считали его «несравненным географом», и действительно, то, что сделал этот ученый монах, дало грандиозный толчок эпохе Великих географических открытий. Фра Мауро составил карту мира, послужившую многим будущим поколениям под названием «Планисфера фра Мауро». Карта включала почти всю имевшуюся в то время географическую информацию, добытую из книг и отчетов экспедиций, рассказов моряков и сухопутных путешественников. Даже байки случайных торговцев складывались в определенные версии и давали почву для размышлений.

Эта карта мира произвела настолько сильное впечатление на венецианскую знать, что ее немедленно заключили в золотую раму и объявили ценнейшим достоянием республики. Очертания материков, земель, островов, извивы могучих рек, волнистые контуры горных массивов, похожие на цепи кучевых облаков, и четкие надписи. Кроме названий стран, городов, гор, рек и прочих географических наименований были и весьма пространные тексты. У северной дуги планисферы, по краю таинственной Пермии, шла латинская надпись, дававшая характеристику тамошним людям: «Они высокого роста, белолицы, сильны и мужественны, но не трудолюбивы. Живут охотою. Эти люди зверских обычаев. Далее к северу они живут в пещерах и под землю вследствие чрезмерной стужи». Откуда же ученый монах взял

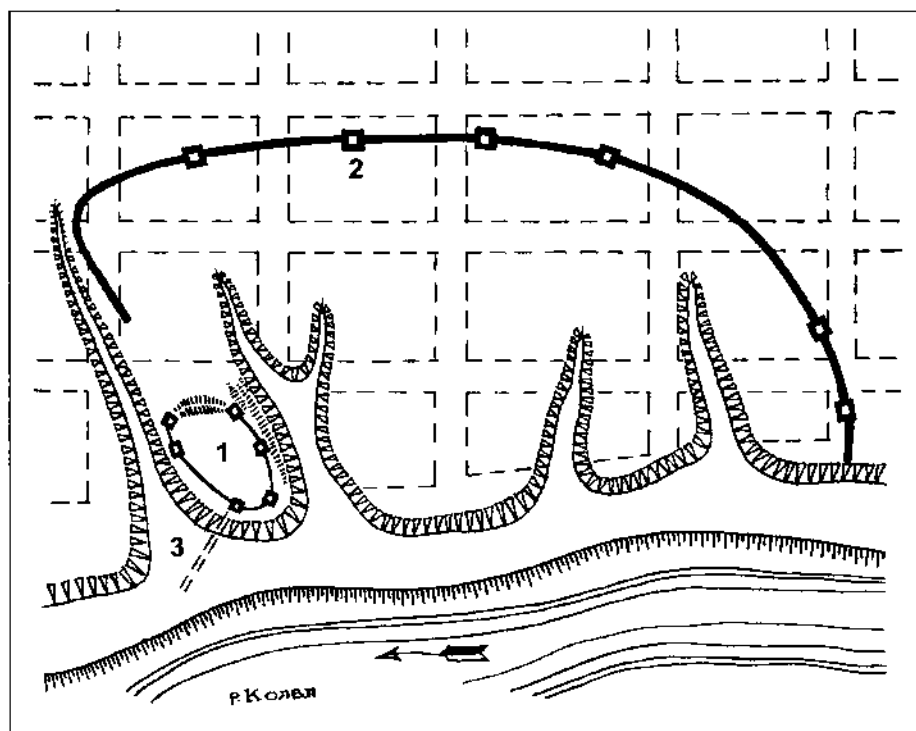
все эти сведения? Наверняка из рассказов предприимчивых новгородских купцов, которые уже давно, презирая стужу, завели тесные торговые связи с местными жителями. Русские называли эту страну Пермью Великой, а людей, живших в ее лесах, — чудью белоглазой. Первые сколько-нибудь значимые поселения выходцев из Северо-Западной Руси возникли в этом крае еще в первой половине XV столетия, а чуть позднее появляется *Чердынь* — один из первых городков, что имели уже укрепленный острог.

На карте Русского государства того времени едва ли не последним населенным пунктом на востоке был этот город-острог. И хотя уже в ту пору краем света русские люди считали еще более далекие восточные земли, мир для них все равно кончался где-то здесь, на краю планисферы брата Мауро. За этим последним в русской ойкумене городком было почти неведомое: дикий таежный урман, непомерной ширины реки, в разливы превращавшиеся во вселенское море, и странные редкие селения местных жителей: становища не становища, крепости не крепости, объединенные властью Сибирской Орды.

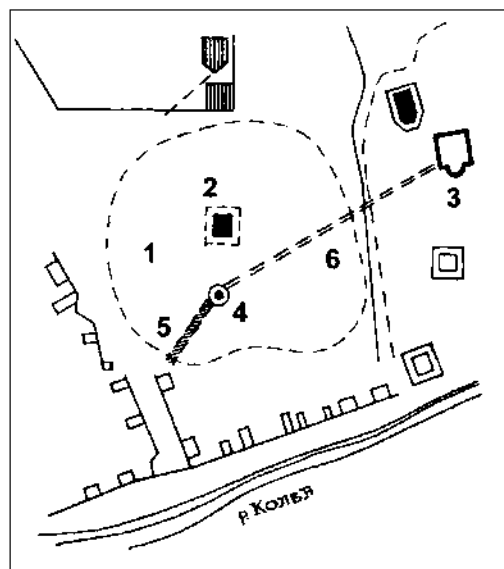
Археологи давно заметили, что древние захоронения, фундаменты старых стен, кострища, рвы, каналы, некогда погребенные под слоем земли, вдруг выявляются самым неожиданным образом — по характеру современной растительности. Над фундаментами стен, например, растения более чахлы, а вот на трассах каналов и рвов, где скапливается влага, они, как правило, зеленее, крепче, да и поросль их гуще. Конечно, этот контраст незаметен, если смотреть с высоты своего роста, но если обозревать интересующую площадку с какой-нибудь маломальской возвышенности, то глаз начинает различать геометрию некогда существовавших сооружений. Таким способом с самолета были открыты знаменитые этрусские некрополи в Италии, многокилометровая оросительная сеть на древних землях Средней Азии, остатки построек римского времени в Европе и много других объектов, давших потом блистательные находки.

С высоты Троицкого холма, где когда-то стоял один из замечательных русских форпостов в Прикамье — Чердынский кремль, в благодатные для трав лета хорошо видна неширокая полоса яркой зелени, сбегаящая с холма к реке с северным названием Колва. Это след тайного хода, что спускался из-под Тайницкой башни кремля к воде. Считается, что первое укрепление в Чердыни было сооружено около 1475 года, когда воевода великого московского князя Иоанна Федор Пестрый, подчиняя Великую Пермь, остановился в приглянувшемся ему месте, где уже не один век стоял коми-пермяцкий городок, давший название русской крепости.

Острог Федора Пестрого простоял чуть более полувека и не избежал участи многих деревянных построек — сгорел. На том же месте, на Троицкой горе, в 1535 году московским дьяком Давыдом Курчевым была отстроена новая крепость с мощными деревянными стенами и башнями. Видимо, в это время и был проложен потайной ход. В «Писцовых книгах», составленных Иваном Яхонтовым в 1579 году, подробно говорится о крепости, но... о тайнике ни слова. Оно и понятно: тайник еще успешно функционировал. Чердынский кремль имел шесть башен, и назывались они так: Спасская, Средняя, Княжья, Глухая, Наугольная и башня над тайником (или Тайницкая).

А. Местоположение крепости в структуре города

Б. Схема основных сооружений на месте старой крепости

- А*
 1 — крепость с башнями и стенами
 2 — башни городского укрепления
 3 — подземный ход-тайник

- Б*
 1 — территория Чердынской крепости
 2 — остатки Троицкой церкви
 3 — Воскресенский собор
 4 — предполагаемый вход в тайник
 5 — подземный ход-тайник
 6 — легендарный ход к Воскресенской церкви

Схема расположения подземных ходов на месте старой крепости г. Чердыни

Но уже в 1614 году в донесении царского дьяка Морозова говорилось: «В Перми город Чердынь деревянный, а на городе шесть башен, а мосты и обломы на городе и на башнях сгнили, и кровля обвалилась, а у города четверы ворота да тайник завалился...» Заваливаясь, тайник себя обозначил на поверхности, и скрывать его местоположение не было смысла. Через 10 лет Михаил Кайсаров в составленных им «Писцовых книгах» упомянет только четыре башни Чердынского кремля (что же, остальные две к тому времени разрушились?), не говорит ничего о балне над тайником, но четко фиксирует факт завалившегося тайника. Появляются свидетельства и о других подземных сооружениях крепости, например о пороховом погребе, который, очевидно, располагался где-то в центральной части крепостного холма, вблизи амбаров для припасов и вооружения.

Что же представлял из себя черданский тайник? Это было потайное водозаборное устройство, скорее всего «изборского» типа. В Изборске, древней русской крепости, такой тайник, построенный еще в XIV веке, начинался внутри крепости, потом тоннельным проходом пересекал линию стен и ступенчато спускался параллельно склону холма до его подножия, где и выходил в подземный колодец. Изборский тайник был выложен камнем, а потому довольно хорошо сохранился до наших дней. Чердынский кремль — прямой наследник оборонительных традиций Северо-Западной Руси — имел похожую конструкцию тайника: такой же тоннель, выходящий из-под стен, наклонный спуск (высота холма в этом месте достигает 15 метров), снова переходящий в тоннель, который и заканчивался потайным колодцем.

По свидетельству директора Чердынского краеведческого музея А.Н. Харитонова, занимавшегося изучением тайника, подземный водозаборный колодец располагался в отложениях речной поймы примерно в 40 метрах от реки Колвы. Это давало возможность сделать колодец сравнительно неглубоким и иметь в достатке хорошо отфильтрованную речную воду. Интересно, что потайной ход был направлен не по кратчайшему расстоянию от Тайницкой башни к реке, а несколько под углом, что в случае осады затрудняло его поиск врагами.

Чердынский тайник был выполнен целиком из дерева: и крепление, и обшивка, и лестничный спуск. Даже если все деревянные элементы делались из лиственницы, наиболее стойкого к гниению материала, то в условиях доступа воздуха и повышенной влажности их хватило бы не более чем на 50 лет. Так и получилось: к рубежу XVII века потайной ход стал обваливаться.

Современный зеленый след тайника говорит о многом. Например, о том, что потайной ход стал обваливаться не отдельными участками, а сразу по всей длине, что залегал он на небольшой глубине и потому, обвалившись, оставил после себя глубокую выемку. В эту борозду местные жители долгое время сваливали мусор. В бедных органикой речных отложениях появился толстый слой гумуса, хорошо удерживающий влагу, что и нужно для хорошего роста растений. Так и возник этот уже четыреста лет не стирающийся след древнего подземного лаза.

Тайник не восстанавливался, как, впрочем, не ремонтировался и сам кремль до своего полного исчезновения во время грандиозного городского пожара 1792 года. В XVII веке ушло из Чердыни живое русло торговых и военных путей. И сам город Чердынь, сыграв свою роль в продвижении русских землепроходцев, погрузился в многовековой сон.

Сбегает к Колве зеленый след древнего тайника — отпечаток истории, посланец далекой эпохи, многовековой свидетель интересных событий и судеб.

Соликамск. Как принято считать, он появился волею случая. О таком говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Конечно, рано или поздно на этом живом и богатом месте все равно возникло бы поселение. Но произошло это именно тогда, когда у солеваров Калинниковых, посадских людей, произошла неприятность: принадлежавшие им соляные колодцы на реке Боровой иссякли, перестали давать солевой рассол. Солепромышленники погоревали, но не растерялись: земля здесь кругом солью богатая. Попробовали копнуть на реке Усолке, что неподалеку... На новом месте соляные колодцы сразу дали хороший рассол, да в таком количестве, что через некоторое время вблизи облюбованного Калинниковыми участка стали ставить свои избы и солеварни их соседи по промыслам. Этим было положено в 1430 году начало нового поселения, которое получило название Соль Камская. Через тридцать лет в Соликамске уже было 190 домов и 16 солеварниц. А еще через двадцать лет, делая набег на русские поселения пермской земли, прознавший о якобы несметных богатствах невесть как появившегося городка солепромышленников пельымский князь Аблегириг повернул на Соликамск, разграбил его, сжег и многих жителей захватил в плен.

После этой трагедии будущий город, восстав из пепла, стал укрепляться. Устройство крепости было традиционным: стены из двух рядов бревенчатых прясел с земляной засыпкой между ними, четыре башни на углах и одна главная, глубокий ров с водой, амбары и погреба с боевым снаряжением и, конечно же, тайники с колодцами. Так примерно описывал крепость в 1623 году М.Ф. Кайсаров, составляя один из первых документов о городском хозяйстве Соликамска. В этом же описании он как бы вскользь отметил: «...Да в городе же погреб пушечных запасов с выходом». О входах куда-либо в те времена не упоминали — само собой понятно, а вот «выход» — это означало, что из погреба был тайный ход. Позднее, уже в XIX веке, наличие «выхода» подтвердилось провалом на бывшем крепостном холме.

С устройством крепости началось и подземное строительство. Старинные документы скупо сообщают, что у одной из наугольных башен был устроен тайник «из-под городовая стены к реке к Усолке...».

Соликамск рос так быстро, что вскоре был признан одним из важных пунктов Руси на востоке и получил царского воеводу. Выиграл город и от соседства с могущественным непризнанным царством Строгановых, этой династии купцов и промышленников. Строгановы испросили у царя Ивана Грозного право содержать свою армию, ставить крепости, предпринимать экспедиции в соседние земли. На Каме появились два строгановских крепостных городка — Канкор и Кергедан, которые в известной степени прикрывали Соликамск от нападений. Однако безопасность, хотя и относительную, Соликамску придали собственные стены, башни и тайники. Одна беда: все это было деревянным. Уже М.Ф. Кайсаров отмечал ветхость некоторых укреплений. Тем не менее крепость исправно служила почти сто лет, пока в 1672 году все не уничтожил грандиозный пожар. Но Соликамск не исчез. Сгоревшая крепость не восстанавливалась, ибо непосредственная опасность нападений к тому времени значительно ослабла. На месте деревянных укреплений возникло центральное ядро каменного города.

А как обстояло дело с подземным строительством? Соликамские следопыты находили не только следы подземных сооружений времен деревянной крепости, но и подземелья, похожие на оборонные, времен каменной застройки. В чем же дело? Отголоски грозившей когда-то военной опасности? Или приготовления на случай новой, исходившей от камских разбойных ватаг, которые иногда насчитывали сотни людей, а может быть, от той опасности, что ширилась на юге, на Волге, где бушевала народная вольница Степана Разина?

О потаенных сооружениях Соликамска известно давно. Еще в трудах Пермской ученой архивной комиссии приводились сведения о подземельях этого города. Любопытный документ был найден членами этой комиссии в Соликамском архиве. Назывался он так: «Дело по предписанию Министра Внутренних Дел об открытии существующих в г. Соликамске подземных ходов». События, изложенные в «Деле», происходили в 1838—1839 годах. Городской голова Колмогоров и местный протоиерей Любимов возглавили целую изыскательскую компанию из купцов и мещан города, которая так сформулировала свою программу: «...Изъявляем совершенную готовность к раскрытию имеющихся здесь подземных проходов для исследования путей, ведущих по оным и для изыскания достопримечательных древностей с тем такмо, ежели найдутся там какие-либо достойные замечания редкости, драгоценные по их достоинству или древности, то за труды, старания и издержки, какие понесем, оказано б было нам полное и удовлетворительное вознаграждение по усмотрению Правительства...» Далее искатели подземных достопримечательностей обязывались в случае неудачи никакого вознаграждения не требовать, а «изрывы земли на поверхности» заровнять и привести все в надлежащий порядок. Вопреки существовавшей тогда системе чиновничьей бюрократии и проволочек ответ министра пришел довольно быстро и предписывал: «Предприятие соликамских граждан заслуживает покровительства и поощрения».

Компания из купцов и мещан взялась за работу. Осенью 1838 года они успели только выкопать один шурф глубиной около полутора метров вблизи соборной колокольни, что стоит в древнем центре города. Шурф не вскрыл ничего примечательного, а осенние холода быстро остудили пыл предприимчивых компаньонов.

Эти случайно приобщившиеся к поискам люди, может быть, после первой же неудачи никогда больше не взяли бы в руки лопаты, но министерство внутренних дел, почему-то явно заинтересовавшееся поисками, потребовало от пермского губернатора отчет. По-видимому, эту заинтересованность можно объяснить только одним обстоятельством: за несколько лет до событий вышел указ царя Николая I составить полное описание замков, крепостей и старинных сооружений (в том числе подземных) всей Российской империи. Работа затянулась на годы. С Урала, видимо, сведения поступали скудные, а тут какие-то купчишки сами напросились, сами раскошеляются, сами копают...

Приунывшие искатели копались все лето. С юго-восточной стороны соборной колокольни они вырыли ров глубиной около 3 метров, у так называемого воеводского дома, вдоль его южной стены, была также открыта канава. Подземных ходов этими раскопками не найдено, а потому последовало распоряжение свыше: «Прекратить всякое дальнейшее о тех ходах розыскание».

Так что же, прижимистые и сверх меры расчетливые купцы понапрасну по-

тратили денежки на фантастическое и заведомо провальное предприятие? Видимо, это не так, и основания к поискам подземных ходов были. Вдохновителем раскопок, по всей вероятности, был протоиерей Федор Любимов. Как знать, не надеялся ли он в темени древних подземелий обнаружить какие-нибудь «чудотворные» мощи или старинную утварь, что, несомненно, поспособствовало бы его церковной карьере? Протоиерей кое-что знал о подземных ходах. Через много лет даже отыскался документ, написанный его рукой, в котором сообщалось об обнаружении еще в 1773—1778 годах сводчатой подземной «палатки» вблизи соборной колокольни и другого свода, найденного в начале 1800-х годов.

Федор Любимов сообщал и о подземных ходах, идущих из-под воеводского дома. Как выяснилось много позже, по фактам других находок, соликамские купцы и мещане ошиблись в выборе места раскопок и искали своды подземных ходов в стороне от участков их действительного расположения.

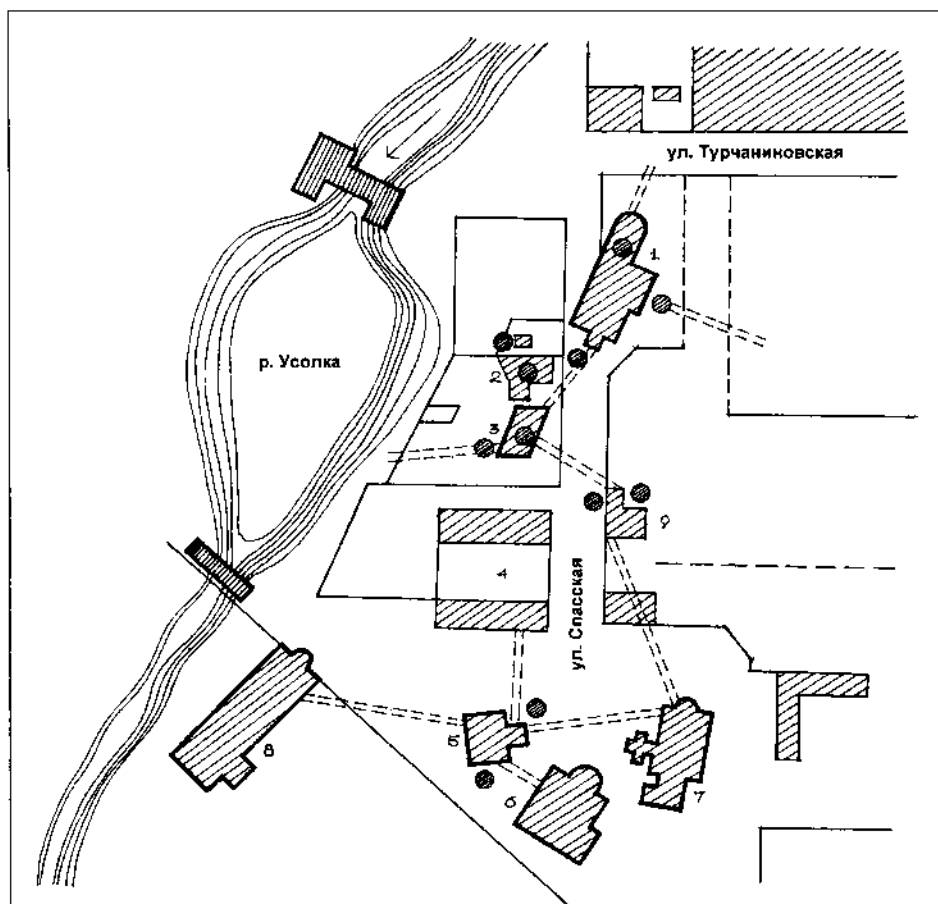
Воеводский дом. Несомненно, это интересное архитектурное сооружение прошлых веков всегда привлекало внимание соликамцев, да и гости города немало удивлялись его виду. Массивные стены с внутренними проходами, оригинальная планировка помещений, своеобразный внешний облик здания, у которого каждая из четырех сторон выглядит так, словно принадлежит совсем другой постройке, и углы его не все прямые, с южной стороны видится два этажа, а северная имеет три. В доме действительно жил когда-то государев воевода, а потом, начиная с XVIII столетия, дом переходил из одних рук в другие. Предание говорит о том, что один из владельцев воеводского дома, солепромышленник Максим Суровцев, в подземных ходах нашел клад из золота и драгоценностей. Клад был «заговоренный», и пока Суровцев не пожертвовал сокровище на строительство церкви, его семья мучилась какой-то непонятной болезнью. Это предание. А вот что писал в начале XX века знаток соликамских древностей А. Слупский: «В нижнем этаже северной стены почти посредине дома имеется небольшое полукруглое отверстие, еще недавно запиравшееся массивной кованой железной дверью. От этой двери узкий сводчатый коридор такой же высоты и ширины, как и сама дверь, ведет сначала к югу, а затем закругляется к юго-востоку. Коридор этот при ремонтах здания был завален известкой и щебнем, но в 60—70-х годах XIX столетия он был свободен от всякого мусора и, по рассказам старожил, доходил до южной стены дома, откуда ступени вели книзу, в яму, проникнуть дальше, однако, из ямы нельзя было. В 50-х годах того же XIX столетия по этим ступеням еще можно было спускаться в подземный ход...» Краевед сообщал, что по этому ходу любопытные проходили до 60 метров и возвращались обратно только потому, что воздух становился удушливым и свечи гасли.

Итак, из подземных палат воеводского дома выходили вовне тайные галереи. Тремя рукавами растекались они: один — под Богоявленскую церковь, другой — к дому, что находится через улицу от воеводского, и третий — к речке Усолке. Была версия, что какой-то из рукавов продолжается до местечка, называвшегося в старину Кашкин лес, то есть выходит за пределы старого Соликамска.

Богоявленская церковь, расположенная неподалеку от воеводского дома, — почти его ровесница и одно из самых старых сооружений каменного Соликамска. Под церковью еще в прошлом веке находили подвалы, а под алтарем слышалась

гулкая пустота. Глухо отзывалась земля вблизи главного входа в здание, когда мимо проезжали груженные телеги. А в 40-х годах XIX века около церкви случился провал земли, открывший глубокое подземелье.

Между Богоявленской церковью и воеводским домом есть строение, которое в старину использовалось как подсобное помещение воеводского дома и соединялось с ним крытой галереей. Строение имело подвал, в котором в 1875 году неожиданно был обнаружен подземный ход. Тоннель высотой до двух метров, шириной около 70 сантиметров, выложенный кирпичом, шел в направлении Богоявленско-

1 — Богоявленская церковь	7 — Троицкий собор
2 — здание бывшей аптеки	8 — Зимний собор
3 — воеводский дом	9 — дом Кузнецова (Любимовой)
4 — тюрьма	● — находки подземных сооружений (провалы, выходы и т.д.)
5 — соборная колокольня	--- — подземные ходы
6 — Воскресенская церковь	

Схема расположения подземных ходов в старом центре Соликамска на плане 1892 года (реконструкция автора)

го храма. Он постепенно углублялся на протяжении примерно пяти метров. Пол тоннеля представлял как бы кирпичную лестницу, опускавшуюся на 3 метра.

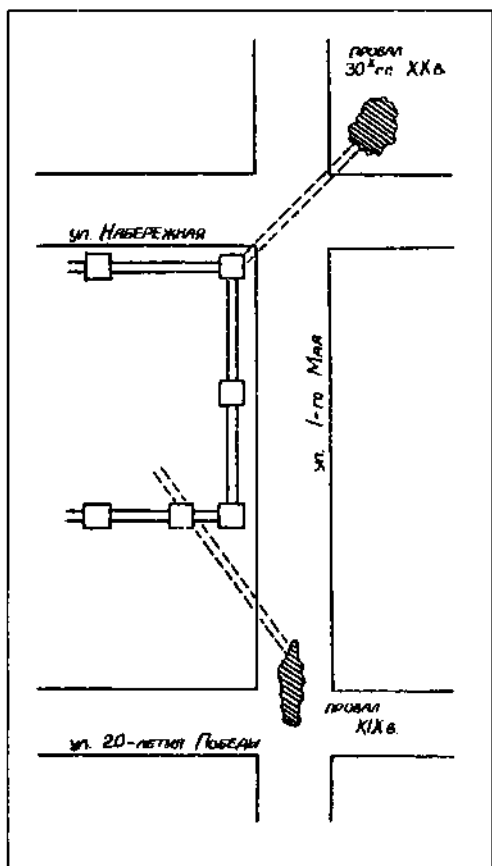
Через дорогу наискосок от воеводского стоит другой старый дом, принадлежащий в старину тоже Максиму Суровцеву. Позднее он стал известен больше как дом Кузнецова. Оба здания были соединены подземной связью, о которой говорят свидетельства прошлого века: то случится провал близ северного угла дома Кузнецова, в котором видится узкий сводчатый кирпичный ход, то обнаружится у ворот этого здания сводчатый тоннель.

Из-под воеводского дома подземная галерея вела к реке Усолке. В 90-х годах XIX столетия устье галереи было обнаружено неким Нечаевым в высоком крутояре берега. Будучи смотрителем тюрьмы, Нечаев имел, видимо, профессиональный инте-

рес к подземельям, опасаясь возможности использования подземных путей при побегах арестованных.

Вспомним, в своей «Писцовой книге» М.Ф. Кайсаров отмечал: «...Да у тое ж Наугольные башни тайник из-под городовыя стены к речке Усолке». Уж не остатки ли этого древнего тайника старой крепости видел Нечаев?

Многие факты говорят о существовании подземных палат в соборной колокольне. Мы уже знаем о неудачных попытках первых «искателей достопримечательностей» обнаружить потаенные пути из этого сооружения. К началу XX века эта история почти забылась, и вдруг... Да, такие находки бывают большей частью счастливой неожиданностью. Решили юго-восточный угол сооружения укрепить контрфорсом — своеобразной кирпичной подпоркой — и нашли вход в подземную сводчатую галерею, выложенную кирпичом и целиком заполненную пеком. Свидетели события видели ведущие в эту галерею двери, косяки которых почти истлели. Упоминавшийся соликамский краевед А. Слупский в своих записках писал, что ход раскапывать не стали, а то, что открылось, вновь засыпали. Исследователь даже дает точные координаты находки: «...Вход находит-

- — направления подземных ходов
- — провалы грунта

Схема подземных ходов Соликамска XVII века
(по Г.А. Бординских)

ся почти у самой южной стены контрфорса на глубине около полутора аршин от поверхности земли».

Обнаруженный ход направлялся к Троицкому собору, одному из сооружений ансамбля старых каменных построек Соликамска. Соборная колокольня была чем-то вроде центра этого ансамбля, а возможно, и распределительным узлом подземных путей в ядре древнего города. Не случайно ведь колокольня кроме своей основной выполняла и другие функции: в первых двух ее этажах размещались городская дума и суд, а в подвалах был тюремный застенок. Потайная лестница в стене вела на обзорную площадку.

Находки подземных сооружений в Соликамске были и в близкие нам времена. Девять лет, начиная с 1951 года, в старинном городе работала историко-археологическая экспедиция, материалы которой составили основу для установления охранной зоны исторического центра и для прогноза развития современного строительства. В задачи экспедиции совсем не входило обследование или поиски подземелий, но их следы постоянно попадали в поле зрения. Были зафиксированы многочисленные провалы грунта, обнаружено несколько вентиляционных выходов из подземелий.

Во все времена на территории старого городского центра в подвалах обнаруживались подземные сооружения двух типов: сводчатые, выложенные кирпичом, и совсем не оборудованные, без следов какого-либо крепления. Последние, видимо, представляли остатки тайников для забора воды и выхода из крепости, когда-то укрепленных и обшитых деревом, которые фиксировали в своих книгах дотошные царские писцы.

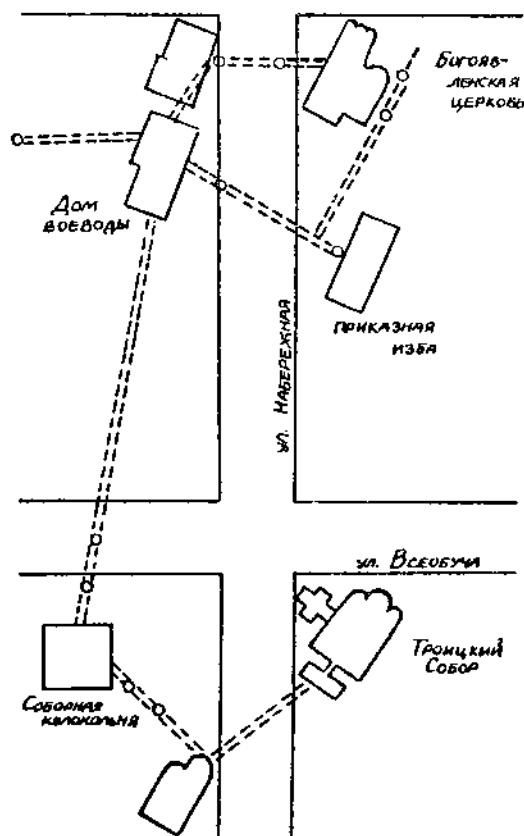
Книги, документы... Чаше всего исследователь имеет дело с этими источниками будущих своих работ, это определенным образом сужает рамки раскрытия темы и подчас дает только общий абрис решения задачи, но по-другому не всегда получается. Например, чтобы со всей полнотой знать ситуацию с подземными «страстями» в каком-либо городе, специалисту нужно просто там постоянно пребывать. Во-первых, он обрстет кругом краеведов-информаторов, во-вторых, в поле его зрения тотчас будут попадать все случаи обнаружения признаков старого подземного строительства до того печального момента, когда эти провалы, воронки, промоины будут немедленно засыпаны тоннами щебня, в-третьих, идет многолетнее накопление фактического материала, дающее возможность постоянного сопоставления его с литературными данными. В-четвертых... Словом, много существенных преимуществ быть ближе к истине.

Мне довелось познакомиться с таким специалистом, который, занимаясь историей Соликамского края, внес свой профессиональный вклад и в изучение местных подземелий. Это историк, сотрудник Соликамского краеведческого музея Геннадий Александрович Бординских. У него есть свои достойные внимания версии подземного строительства в старинном городе и его окрестностях.

В своей публикации он выделил периоды строительства подземных ходов и дал схемы их расположения в структуре современной застройки города. Так, провалы грунта, выявившие признаки рукотворных подземелий, определили наличие подземных выходов из Соликамской крепости (ostroга), которые относятся к XVII веку. Другая схема фиксирует подземные связи на более обширной территории

старого центра Соликамска. Эти сооружения были осуществлены в конце XVII — первой половине XVIII веков. Они соединяют Троицкий собор с Воскресенской церковью и соборной колокольной, а затем достигают Воеводского дома, где образуется некоторая замкнутая подземная связь этого дома с Богоявленской церковью, зданием приказной избы (впоследствии — дом Любимова-Кузнецова). На схеме автор показывает также наличие признаков подземных сооружений, которые фиксировались в провалах.

Вторая половина XVIII века в Соликамске — это строительство «частных» подземелий: то есть этим занимаются богатые купцы, промышленники, владельцы усадеб. Известный на Урале заводчик Алексей Федорович Турчанинов еще до своего появления на Каменном Поясе имел владения в Соликамске. Два дома его усадьбы были соединены подземным ходом, который продолжался под усадебным садом и

— направления подземных ходов
 ○ — провалы грунта, своды, выходы и т.п.

Схема подземных ходов Соликамска XVII—XVIII вв.
 (по Г.А. Бординских)

выходил в Каменный лог — впадину, заросшую в те времена густым лесом. В этом Каменном логу прятались жители с незапамятных времен при опасности набегов (вспомним «озорства» пельымского князя Аблегерима!). Устье «Турчаниновского» хода было в восточном склоне лога, и место это называлось Кашкиным лесом.

Г.А. Бординских упоминает о другом ходе из Турчаниновской усадьбы, который шел к Талицкому заводу (когда-то — деревня Зырянова, ныне — микрорайон Соликамска). Историк, осторожно называя ход легендарным, приводит некоторые свидетельства о том, что это подземное сооружение могло существовать. В одной из работ археолога Н.Н. Новокрещенных, опубликованной в «Трудах Пермской ученой архивной комиссии», упоминается о «ямах с огнеупорной глиной» по трассе предполагаемого хода. Историк спрашивает, не обвал ли это кирпичного свода? Ведь кирпич за многие десятилетия, подвергаясь увлажнению, выщелачиванию, размораживанию и оттаиванию, может превратиться в глиноподобную массу.

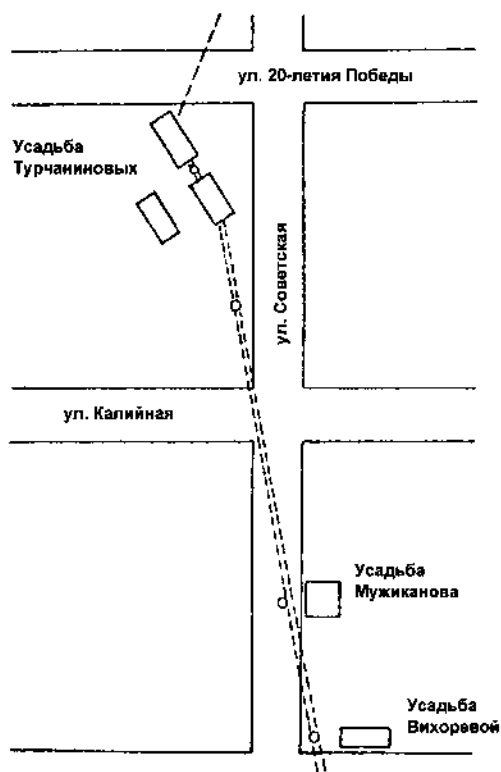
Версии соликамского историка объединены в одну общую схему расположения подземных ходов на территории города.

Легенды говорят о подземной связи центрального ядра города с его периферийной застройкой. На окраине старинного Соликамска располагалось село Красное. Позднее это поселение целиком вошло в городскую черту. В 50-е годы прошлого века там внезапно провалился грунт, образовалась яма. Провал открыл большое подземное помещение, выложенное красным кирпичом. В помещение вели полуобвалившиеся тоннели, связанные, вероятно, со стоящим неподалеку собором Иоанна Предтечи, красивым стройным большеобъемным храмом постройки первой четверти XVIII века. Местная жительница А.И. Тараскина рассказала о том, что из подвала собора к реке Усолке шел подземный ход и ее родители когда-то по нему ходили до самой реки.

Возможно, открывшееся провалом помещение было связано и с группой зданий, принадлежавших Турчаниновым, как, впрочем, и все бывшее Красное село. Тем самым Турчаниновым, что переехали потом на Урал и сделали одной из богатейших династий уральских заводчиков.

При Соликамском соборе Иоанна Предтечи долгое время существовала монастырская мастерская по изготовлению церковной утвари из драгоценных металлов и шитью золотом. Запасы сырья и готовые изделия хранились в тайниках под собором. Во время реквизиции драгоценностей в революционную пору была найдена только часть сокровищ. Это дало пищу бытующей до сих пор легенде о том, что в подземельях Красного села все еще лежат припрятанные монастырские ценности.

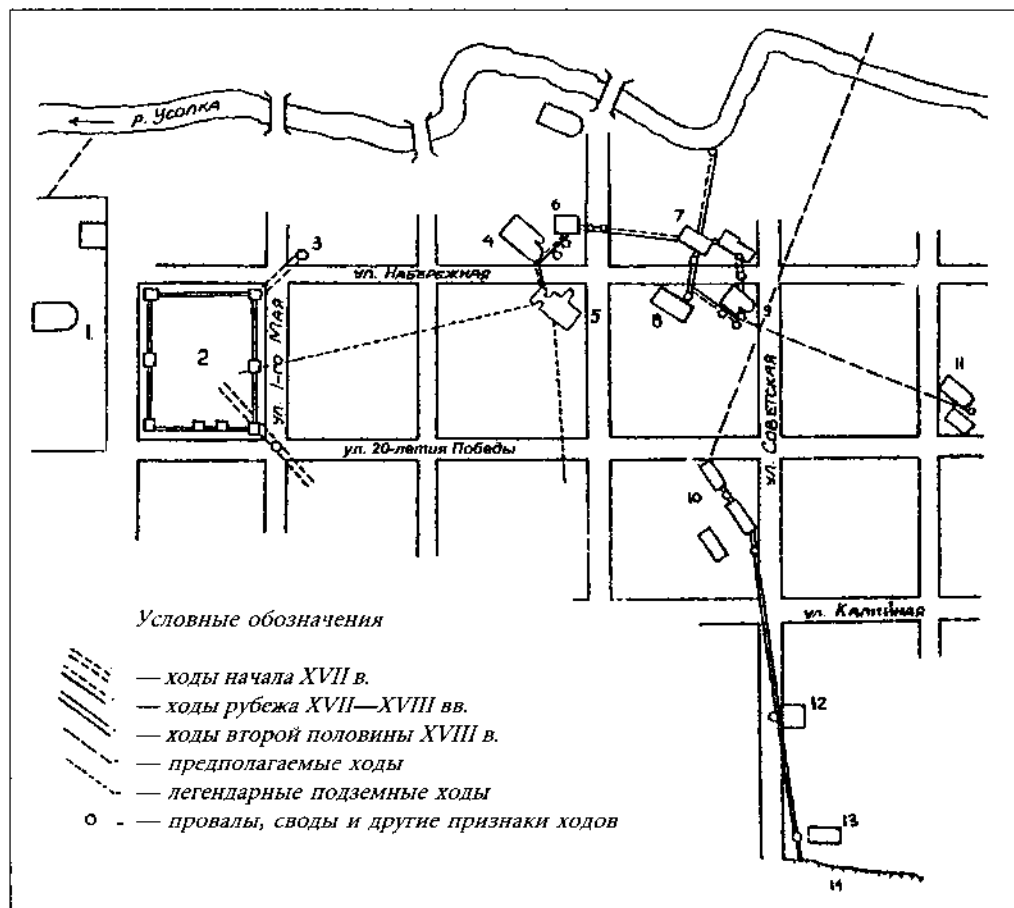
Подземелья Соликамска — результат сложного многовекового строительства. Как мы уже знаем, деревянная цитадель сгорела в конце XVII века, а стать каменным Соликамскому кремлю было не суждено. Но что-то же должно было заменить укрепления? Попробую высказать такое предположение.

- — направления подземных ходов
- — участки провалов грунта, вскрытия сводов, другие признаки подземных ходов

Схема подземных ходов Соликамска второй половины XVIII в. (по Г.А. Бординских)

Скажем, чем не маленькая крепость уже известный вам воеводский дом. Или цепочка толстостенных каменных соборов? А разве не выглядит боевой башней старая соборная колокольня? Да и дома именитых граждан, построенные по подобию традиционных новгородских и псковских купеческих гнезд, с метровыми по толщине стенами, внутрискладными лестницами, громадными подвалами и подклетами — это ли не защита? Если все сооружения, стоящие довольно кучно в центральном ядре, объединить скрытыми, потаенными связями, то получится самая настоящая крепость. Правда, без стен. Но отсидеться в ней можно. Хотя бы в случае нападения какой-нибудь прикамской разбойной ватаги.

1 — мужской монастырь	8 — дом Кузнецова
2 — Соликамская крепость	9 — Богоявленская церковь
3 — усадьба Коровина	10 — усадьба Турчаниновых
4 — Воскресенская церковь	11 — женский монастырь
5 — Троицкий собор	12 — усадьба Мужиканова
6 — соборная колокольня	13 — усадьба Вихоревой
7 — дом воеводы	14 — Кашкин лес (лог)

*Общая обзорная схема подземных ходов Соликамска
(по Г.А. Бординских)*

Усолье. Древний город на землях Соли Камской с когда-то красивым комплексом строений на берегу Камы. Усолье осталось в стороне от реставрационной лихорадки, от туристских троп Предуралья и терпеливо ждет своего часа, не то взлетного, как не раз бывало с такими городами, не то бедственного, когда забвение и равнодушие с десятком своих верных союзников, среди которых не только вода и ветер, холод и тепло, но и злая человеческая воля, довершат дело разрушения.

Старожилы Усолья помнят много случаев обнаружения тайных ходов и галерей. Один из провалов грунта образовался прямо на старой площади: вскрылась каменная и кирпичная кладка, остатки деревянной крепи. Реставраторы, исследуя дом Строгановых, пытались попасть в подземные тоннели, выходящие из него, но помешала обильная грунтовая влага. Объекты, которые чудом сохранились и, как нигде, были доступны для наблюдения, оказались за семью печатями. По-видимому, в Усолье теперь уже никогда не удастся изучить подобные сооружения, так как подъем речной воды в результате образования Камского водохранилища способствовал подъему грунтовых вод.

И все же судьба памятников архитектуры Усолья — это судьба частичных потерь. Они, полуразрушенные, разрушающиеся, пока еще неиспользуемые, все же стоят. Другое дело, когда водами того же Камского моря затоплен старинный уральский городок Добрянка, где работал железодельный завод, построенный Строгановыми. За столетия его существования на территории поднялся ансамбль производственных корпусов, вспомогательных, административных зданий, отражавших мощный пласт уральской промышленной архитектуры во всем ее разнообразии. Добрянский завод мог служить настоящим учебником по этой отрасли зодчества. Интересной была и планировка завода, тесно обусловленная технологией производства. Наземной структуре построек помогала и структура подземных сооружений. По многим свидетельствам, под старым заводом действовала довольно оригинальная сеть подземных путей технологического назначения. Это огромные по диаметру водоводы — деревянные, стянутые железными обручами трубы для подачи воды — основного источника энергии — в систему водяного привода. Это широкие подземные тоннели, выложенные из кирпича, выполняющие роль транспортных путей. По ним двигались вагонетки с сырьем и материалами. Это сводчатые сливные каналы высотой в рост человека, удалявшие избытки технологической воды... Завод затопили — так оказалось дешевле. Строить дамбу, которая защитила бы завод от Камского моря, или не строить? Стоит реконструировать заводское производство и менять оборудование или не стоит? Вопрос однозначно решила экономика. И никто не положил на чашу весов архитектурную значимость сооружений, историю, память поколений, дело патриотического воспитания, то есть реалии на редкость важные, но не находящие выражения в рублях и тоннах.

Не Соликамском единым живет и жила прикамская земля. С глубокой древности она была населена, по ней прокатывались войны, приходили и уходили народы. Оставались следы жизни и деятельности — непочатый край работы археологам. А что же с подземным строительством? Было ли оно в те далекие времена, когда счет времени шел не от момента появления в этих краях русских колонистов? Было. Так утверждают археологи, раскопавшие много мест давних поселений и городищ. В своих материалах исследователь Г.А. Бординских приводил некото-

рые примеры, свидетельствующие о наличии подземелий в старинных камских городах. В частности, он вспоминает археологический полевой сезон 1982 года на раскопках Пяптежского городища в Черданском районе. Экспедицией руководил известный археолог В.А. Оборин, который на вопрос ее участника о том, как обеспечивалось поселение водой, показал на едва приметную в тот момент канавку от центра городища до ручья и объяснил, что такой ров-канавку перекрывали жердями, устилали дерном и по образовавшемуся ходу скрытно ходили за водой, если враг окружал городище.

На другом городище — Эсперовом — был найден так называемый «чудский погреб», то есть своеобразное начало хода, служившего тайным выходом к реке Каме.

Также при раскопках Губинского городища был обнаружен провал, напоминавший подземный ход. Предания говорят о том, что на месте столицы вогульского княжества Расим существовало большое подземелье, в котором укрывалось местное население при нападении врагов.

А вот совсем свежие данные. Предоставим слово нашему соликамскому историку: «Во время раскопок Рождественского городища, обитаемого в IX—XV веках, в 1992 году найдены остатки подземного хода. Он начинался на площади городища в 40—50 метрах от его края и пологими ступеньками через толщу глины и мергеля спускался к берегу Обвы. Возможно, ход заканчивался в небольшом логу, поросшем маскировавшими выход кустами. Над входом в подземный лабиринт на могучих столбах располагался навес. По мнению автора раскопок А.М. Белавина, это городище — упоминаемый в арабских географических сочинениях городок Акикул... Сам факт существования здесь подземного хода подтверждает гипотезу о возможности их сооружения на древнейших городищах...»

Недра Перми Великой удивляют и, надо полагать, еще удивят в будущем любителей старинной терратектуры.

ЗАГАДКИ ВЕРХОТУРСКИХ ГЛУБИН

На дорогах в Сибирь. Город-остров и его тайники. Каменный век Верхотурья. «Сауки», «пожотные» ходы, подзетные палаты и погребца Верхотурского крестия. Тайны Троицкого собора. Путешествие к коподцу... в стене. Монастырские подзетствия. В лабиринтах Никольского монастыря. Подзетные ходы Покровского монастыря. Легенды о подзетных путях в пещрах Верхотурья.

Четыре столетия назад об этом городке говорили как об очень важном опорном пункте русских землепроходцев, двигавшихся в далекую неведомую Сибирь. Он возник сначала за стенами крепости-монастыря, потом вышел из них. И расти бы ему да развиваться, как многим десяткам старых русских городов, превратившихся потом в крупные центры современности, — благо городок стоял на столбовой дороге из Европы в Азию через землю пермскую и тобольский край. На той самой дороге, короткой и удобной, которую изыскал уральский крестьянин Артюшка Бабинов, за что был жалован самим царем Федором Иоанновичем.

Но... Через Каменный Пояс пробилась другая дорога, уже не обходящая земли ордынских ханств. Стал зарастать, пропадать в лесистых уральских хребтах старый Бабиновский путь, а вместе с ним остановился в своем росте городок, замер и засох, как засыхает после майского коварного морозца тугой весенний бутон, обещавший невиданный цветок. Городок этот не потерял в столетиях свое имя — Верхотурье. Оставаясь долгие годы главным городом Среднего Урала, выдавшим власть царских воевод и купеческие караваны всех восточных стран (здесь была таможня, самая крупная на востоке России), ощутившим славу больших ворот из Европы в Сибирь, он сохранил старорусскую архитектуру, градостроительные элементы европейской Руси, где всегда высокий холм детинца сочетался с крутыми извивами реки и сбегаящими в низину посадами. Целый комплекс соборов, монастырских и гражданских зданий, купеческих особняков находился на территории старинного Верхотурья, и сейчас еще многие постройки не утратили своей архитектурной привлекательности.

Об основании города Верхотурье впервые было упомянуто в росписи «Городовому и острожному делу на городище Неромкуру», составленной чердынским воеводой Сарычем Шестаковым в 1597 году. Описывая место нового города, воевода сообщал: «...От реки от Туры по берегу крутово камени горы от воды вверх высотой сажень с 12 и болши, а саженьями не меряно, а та гора крута-утес, и того места по Туре по реке по самому берегу 60 сажень больших, и по смете-де тому месту городовая стена не надобе, потому что то место добре крепко, некоторыми делы взлести не можно, разве б по тому месту велети хоромы

поставить вряд, что город же, да избы поделать и дворы б поставить постепенно, а по углам города от реки от Туры поставить наугольные башни...»

Таким образом, с самого начала Верхотурье строилось как укрепленный город-острог. При этом широко и умело использовалось выгодное топографическое положение. Первая деревянная крепость просуществовала до 1625 года.

В том же 1625 году в Верхотурье был построен новый острог-крепость о восьми бревенчатых башнях. Письменное свидетельство о сохранности этого острога было найдено в Нижнем Тагиле в конце XIX века известным уральским историком и краеведом А. Дмитриевым. Документ назывался «Опись Верхотурского кремля воеводы Цыклера 1694 года». Интересно, что именно в этой рукописи впервые есть намек на наличие тайных водозаборных путей из крепости. Именно намек: «...От Покровской проезжей башни проезжая же Водяная, в вышину 9 сажен, а в ширину полу — 4 сажени, а в ней 3 моста. Меж тем Покровской и Водяной башен острожные стены 148 сажен с прорубными бойницы... А от Водяной башни к гостину двору четыре аршина острога». Водяной обычно называлась башня, в которую выходил водозаборный колодец, тайник или какое-либо другое устройство для снабжения крепости водой.

Российский историк и исследователь Сибири Г.Ф. Миллер приводит в своем труде очень любопытный документ, датированный 40-ми годами XVII века. Это так называемая «Отписка» в Москву верхотурского воеводы Никифора Мещерского о состоянии Верхотурского острога: «Государю и великому князю Михаилу

Вид на Троицкий мыс и Верхотурский кремль (конец XIX в.)

Вид на Верхотурский кремль со стороны Ямской слободы (начало XIX в.)

Федоровичу вся Руси холопи твои Микифорко Мещерский, подъячей Сенка Звягин челом бьют. По твоему указу велено нам холопом твоим быть на твоей государственной службе на Верхотурье и приехав у воеводы у Воина Корсакова да у подъячева у Петра Михайлова принять острог и осмотреть рвы и слуховые и подкопные места и всяких крепостей. И по твоему государеву указу мы холопи твои на Верхотурье у подъячева у Петра Михайлова острог приняли. И Верхотурский острог поставлен тыном, а тарасов и обломов и никаких крепостей нет. И тот острог весь прогнил и во многих местах провалился...»

В приведенном документе прямо говорится о наличии в Верхотурском кремле «слуховых и подкопных мест». «Слухи» — это подземные галереи, выходящие за контур крепостных стен и разветвляющиеся вдоль линии стен снаружи крепости. В них сидели во время осады «слухачи» и определяли, не ведет ли неприятель подкоп под стены. «Подкопные места» — это подземные галереи, по которым в осадное время можно было сделать неожиданную вылазку в стан противника. Подобными сооружениями оснащались все сколько-нибудь значимые крепости и укрепленные поселения.

Так и представляешь себе воеводу Мещерского и подъячего Звягина в перепачканных кафтанах с чадящими факелами в руках, продвигающихся, где в полроста, где и ползком, по этим подземным ходам и оценивающих состояние этих важных для жизнеобеспечения сооружений. Представить это просто, потому что в те времена высокие чиновники еще не были изнеженными вельможами и предпочитали все видеть своими глазами. К тому же неосведомленность и нерадивость сулили серьезное государево наказание.

В 1674 году в Верхотурье произошел сильный пожар, при котором сгорели Государев острог, башни, соборные церкви (Живоначальной Троицы и Воскресения Господня), приказная изба, таможня и гостиный двор, воеводский, подьячий и всяких чинов дворы в кремле, то есть сгорело практически все, что находилось в крепости. Не исключено, что огонь проник и в подземные строения, а ведь они были облицованы деревом и имели крепления из лиственничных бревен.

Новый острог был отстроен в 1687 году. Он стал последним деревянным укреплением Верхотурья. Наступало новое время.

Золотой век Верхотурья начался на рубеже XVII—XVIII столетий. Правильнее было бы назвать его каменным веком, так как именно в это время началось интенсивное каменное строительство в городе-крепости, нередко истребляемом целиком или по частям страшными пожарами.

Период с 1698 по 1712 год для Верхотурья оказался временем интенсивной строительной деятельности. В 1699 году на территории кремля возведены каменные амбары, в 1700 году — корпус Воеводской канцелярии. Следующий год стал годом постройки корпуса для проживания воевод, называемого Воеводскими палатами. В 1703 году началось строительство жемчужины Верхотурья — Свято-Троицкого собора. Строились таможня, двухэтажный гостиный двор, Воскресенская церковь, склады. В эти годы были построены четыре башни, несколько сотен саженей крепостной стены высотой 3—4 сажени и толщиной в одну сажень. Стену сложили из огромных камней, достигавших веса в 200 пудов.

Каменное «детство» Верхотурского кремля отражено в другой описи, также счастливо найденной А. Дмитриевым. В этом документе есть любопытные строки и о подземных сооружениях: «...Канцелярия с накатными потолки, под ней подвалы, подле той канцелярии кладовая палата со сводом, под ней подвал (длина 18 сажен, ширина 5 сажен)... Да в том же городе воеводских каменных палат пять с накатанными потолки. Под ними погреб с выходом, два подклета, два подвала (дли-

Вид Верхотурского кремля с южной стороны (начало XX в.)

на 20 сажен, ширина 5 сажен), зеленой (пороховой. — В. С.) погреб каменный, а свод и выход кирпичные (длина 5 сажен, ширина 2 сажени)...

Известно также, что казначейская кладовая была устроена в земле, ее стены обложены камнем, она имела прочный кирпичный свод.

Даже скурые свидетельства говорят о значительном подземном строительстве. Можно предполагать, что крепостное хозяйство Верхотурья уже в ту пору располагало достаточно развитыми подземными системами. Появление каменной крепости совсем не исключало подземных работ. При этом, возможно, восстанавливались прежние сооружения, частично засыпанные, обгоревшие когда-то при пожарах, залитые водой. При этом они были оборудованы каменными сводами, увеличили свою длину и изменили направление. А возможно, с появлением каменных зданий с каменными подвалами, с новыми планировочными изменениями территории возникли и новые подземные объекты.

В 1753 году в России отменили внутренние таможи, а торговые пути стали перемещаться на Средний Урал. Жизнь в Верхотурье стала замирать, и развитие города замедлилось. По словам академика И.И. Лепехина, посетившего Верхотурье в 1771 году, кремль выглядел так: «Он огорожен каменной стеной с зубцами по роду деревянного укрепления. Две каменные башни с бойницами, но время много сие попортило, стены местами обвалились».

В сороковых годах XIX века часть стен кремля, обращенных к западу, стоявших на уклоне и подпертых балками, постепенно наклонялась и рухнула. Для предупреждения опасности городской голова и исправник решили сломать прочную и притом самую красивую часть западной стены вместе с башнями.

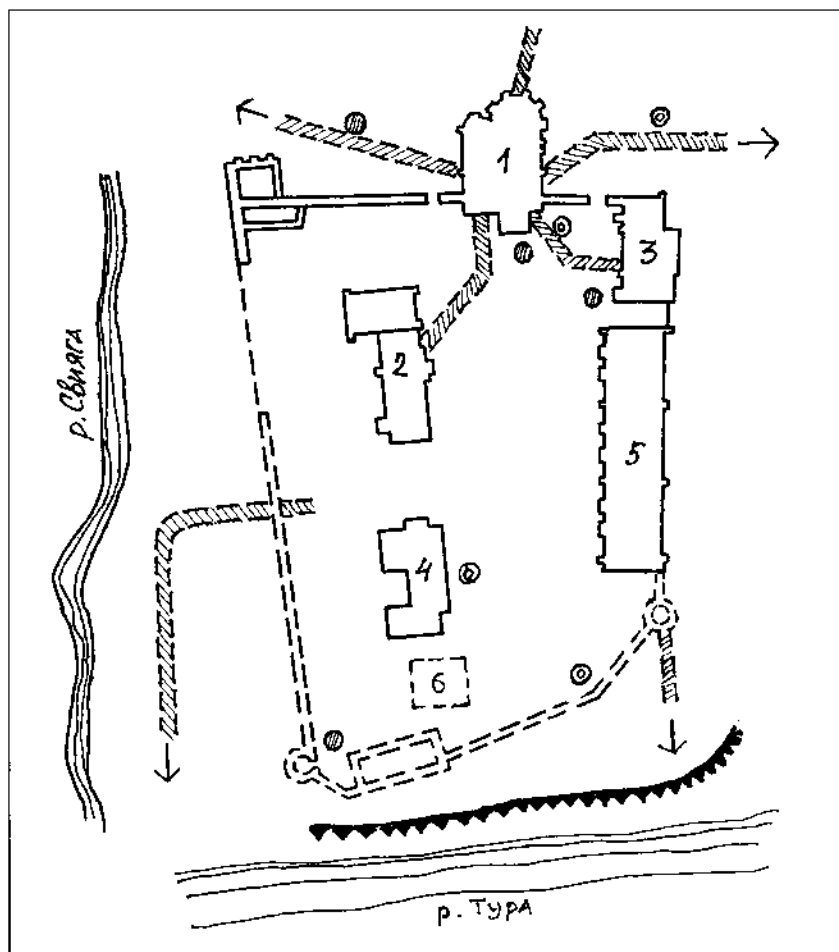
Нельзя сказать, чтобы в эти годы не возникал вопрос о ремонте крепости, как замечательного памятника старины, но для этого требовались значительные средства, а они не находились. Поэтому вместо ремонта оставшаяся часть стены была разломана.

Так Верхотурский кремль навсегда лишился своих крепостных атрибутов. Наземных. А как же подземные сооружения, ведь они тоже не вечны? Они разрушаются не на глазах, но именно разрушением выдают свое присутствие. Вот тогда-то тайна подземелий и перестает быть тайной.

Исторические подземные сооружения в Верхотурском кремле и на сопредельных монастырских территориях выявлялись в разное время. Собирали ли кто-нибудь эти сведения, уберег ли от забвения? С этим вопросом приехали в Верхотурье студенты-архитекторы из Свердловского архитектурного института, участники экспедиции «Терра-80». Знание подземного пространства Верхотурского холма и таящихся в его недрах потаенных сооружений было совершенно необходимо для разработки охранных зон и создания будущего архитектурно-мемориального комплекса. Казалось, вначале архитекторам повезло: они узнали, что верхотурский краевед Николай Михайлович Лиханов, заведовавший когда-то отделом культуры райисполкома, составил схему расположения входов в таинственные подземелья и схему эту в свое время будто бы передал вместе с другими материалами городской библиотеке. Вот так удача! Значит, сохранились результаты кропотливого труда по выявлению, обобщению и точной привязке подземелий.

Но подземелья, как и клады, не даются в руки сразу, словно над ними висит

тяжкое заклятие. Переворошили все бумаги — и схему не нашли. Стало быть, поиски сведений о подземных сооружениях Верхотурья нужно начинать фактически сначала, да еще с явными и уже как бы запланированными потерями: со времени, когда Лиханов собирал данные своей схемы, многие старожилы Верхотурья и очевидцы находок ушли из жизни. Но ведь есть кто-нибудь, кто в силу своей любознательности или просто по воле случая заострил внимание на подземных диковинках? Такие люди всегда находятся. Узнав о поисках подземных тайн, к архитекторам подошел рабочий котельной Верхотурского райисполкома (то есть

- 1 — Свято-Троицкий собор
- 2 — дом воеводы
- 3 — воеводская канцелярия
- 4 — казначейство
- 5 — гостиные склады
- 6 — пороховой погреб

- — подземные ходы
- — колодцы
- — провалы грунта
- — башни

Схема расположения подземных сооружений Верхотурского кремля

администрации района) и представился Василием Александровичем Моревым-Паршиным. «Вообще-то я по рождению Паршин, — пояснил Василий Александрович, — но уж больно неудобная фамилия, так я, служа на флоте, прибавил вторую — Морев — и все документы на двойную фамилию оформил...» Так звук моря появился в совсем сухопутном городке. Гость рассказал, что под северным склоном Троицкого холма, на котором когда-то возвышалась стена, у самого русла реки Свяги когда-то были огороды его отца. Там же рядом стояла избушка седобородого старика-бобыля. Он засаживал небольшой участок земли картофелем. Неширокая грядка располагалась вдоль реки. Старик дружил со старшим Паршиным и однажды, расстроенный, пришел к нему и поделился увиденным. А дело было в том, что картофельная грядка бобыля провалилась и стала уже не грядкой, а самым настоящим рвом. В образовавшемся провале был виден тоннель, высота его — в рост человека, стенки обложены деревянными листовенничными плахами. Василий Александрович сам видел тоннель и с ватагой ребят даже «исследовал», пройдя несколько метров в сторону кремлевской стены и в сторону реки Туры вдоль русла Свяги.

Судя по деталям, которыми дополнил свой рассказ В.А. Морев-Паршин, можно себе представить две вероятные схемы назначения этого тоннеля. Первая — это водозаборный тайник с горизонтальным коленом. Он спускался от кремля к Свяге. Возможно, что Свяга давала мало воды и ход повернули к Туре, в ее пойму, где водонасыщенность была значительно выше. Вторая — это тот самый «слуховой», или «подкопный», тоннель, о котором упоминал Миллер, рассматривая «Отписку» Никифора Мещерского.

В 1988—1991 годах в Верхотурье работала очередная научная экспедиция Уральской архитектурно-художественной академии, одной из задач которой явилось исследование исторических территорий города с выявлением подземных сооружений в грунтах. Экспедиция широко использовала комплекс инженерно-геофизических методов для определения подземных пустот.

На измерительных профилях, проложенных вдоль северного склона Троицкого холма, откуда уходил к Свяге подземный ход, были отмечены геоэлектromетрические аномалии. Графики электросопротивления над этими участками имели характерную седловидную форму, обозначая распределение высоких значений электросопротивления. Такая ситуация подсказывала наличие в грунте склона возмущающего объекта с некоторым объемом пустоты.

Во все времена доминантой Верхотурского кремля являлся Свято-Троицкий собор. Он почти ровесник «каменного» кремля и построен на месте деревянной Троицкой церкви. В то время действовало запрещение, санкционированное самим Петром Первым, строить каменные сооружения где бы то ни было, кроме Санкт-Петербурга и... Тобольска с Верхотурьем. Одна из грамот Петра утверждала право и необходимость построить каменный собор Во Имя Святой Троицы. Храм заложили в 1703 году, а в 1709 году его уже освятили. Уникальная красота Свято-Троицкого собора настолько очевидна, что даже большевики не тронули архитектурный шедевр и устроили в нем библиотеку, а не зерновой склад.

Известный на Урале историк архитектуры А.Ю. Капतिकов писал: «Замечательная изразцовая декорация Троицкого собора: «лепестки» восьмигранных окон четве-

Свято-Троицкий собор Верхотурского кремля (середина XIX в.)

рика, розетки в антаблементах наличников, кронштейнах карнизов. Оформление световых постаментов и барабанов глав целиком выполнено в керамике. Желто-зеленые изразцы — «вкрапления» переходят на венчающих частях храма в крупные пятна, эффектно контрастируя с белизной стен. Строители вывели также длинную мемориальную надпись изразцовыми буквами, начинающуюся на алтаре и продолженную в карнизах.

Троицкий собор во многом предопределил дальнейшее развитие архитектуры барокко на Урале, хотя композиция с большим восьмериком и не получила в этом регионе распространения».

Не получила распространения... Значит, другого такого нет. Свято-Троицкий собор — не только архитектурная доминанта Верхотурского кремля, это еще и средоточие подземных тайн. Многие свидетели сами принимали участие в путешествиях под собором и его подземным «окрестностям». Они спускались в подземелье, ходили по галереям, видели зияющие провалы и входы.

Старейший житель Верхотурья Иван Михайлович Добрынин (в пору наших разговоров ему было почти девяносто лет) рассказывал о своем путешествии в подземные этажи Верхотурского кремля. Вход в подземелье обнаружили рабочие-реставраторы, приводившие в порядок Троицкий собор. Среди них был сын Добрынина, который и пригласил отца спуститься под землю. Как вспоминал Иван Михайлович, они прошли довольно большое расстояние по широкой и сухой галерее. Галерея имела сводчатое перекрытие, стены выложены кирпичом, проходить по ней можно было не нагибаясь. На всем протяжении галерею не исследова-

ли, так как наспех приготовленные фонарики давали быстро слабеющий свет — в сыром воздухе подземелий батарейки садятся скорее обычного. Об этом ходе знали и раньше: трое рабочих из бригады реставраторов прошли по нему до самого Николаевского монастыря, территория которого граничит с кремлевской.

Другой старожил, Павел Никитович Денисов, в период с 1913 по 1918 год был воспитанником мужского Николаевского монастыря. С детским любопытством ко всему таинственному он вслушивался в разговоры монахов и по отдельным обмолвкам понял, что под монастырем есть неведомые кельи, проходы, застенки. Уже в двадцатые годы, после упразднения монастыря, П.Н. Денисов, вспоминая мальчишеские мечты, нашел один из подземных ходов, связывающих Верхотурский кремль и Николаевский монастырь, и побывал в нем. Его описание (сводчатый потолок, кирпичная обкладка стен, сравнительная просторность) совпадает с впечатлениями И.М. Добрынина. Видимо, они видели один и тот же объект.

Одна жительница старого города, расспрашивая экспедицию о целях и задачах исследований, обронила, что от Свято-Троицкого собора подземный ход вел на торговую сторону прямо от алтарной апсиды, а в глубоких подвалах храма есть захоронения. До самого недавнего времени в Свято-Троицком храме была городская библиотека. Чистенькие беленые помещения, стеллажи с книгами, тишина благоговейная после рычащих на кремлевском дворе тракторов и грузовиков. Так что храм возвратили церкви в полном порядке — только иконы развешивай. Правда, вдоль всего центрального купола шла зловещая вертикальная трещина — свидетель осадки фундамента. В глубоком подвале (или в какой-то его части) была устроена котельная, которая, что греха таить, частенько вышлескивала под здание горячую воду.

В этом подвале очевидцы видели много замуровок каких-то дверей и отверстий. Как рассказывали сотрудники библиотеки, однажды они услышали из-под пола стук, вполне упорядоченный, словно кто-то выбивал азбуку Морзе. По их предположению, в подвал храма подземным ходом извне забрались искатели подземных приключений. Потом вспомнили, что в 1970-х годах заведующая библиотекой сама попала в подвал по... внутрстенному ходу. Оказывается, по нему можно было спуститься под храм, но далее сплошной завал преграждал путь. Опыт строительства древних храмов подсказывал две возможные ситуации: внутрстенный проход вел либо в подвальные этажи собора, либо выходил в подземную галерею, которая соединяла собор с каким-нибудь объектом на территории кремля. Чем не начало поиска? И поиск пошел самым невероятным образом.

К нацией исследовательской группе, работавшей на территории кремлевского двора, часто подходили любопытствующие. Вот и в тот раз, находясь у геоэлектromетрической установки, я увидел, как к моим коллегам подошел какой-то рыжий парень и завязал беседу. Когда я закончил свое дело и вернулся к группе, парня уже не было. Коллеги сообщили, что он интересовался нашим поиском, а потом заметил, что знает про колодец под храмом и что туда можно спуститься по внутрстенному ходу. Он уже там бывал. Тот самый колодец?! Я кинулся разыскивать парня. Среди рабочих, вывозивших оборудование базы «Сельхозтехники», его не было. Стал расспрашивать. Никто ничего не знал о «моем рыжем». Жаль. А в голо-ве засел этот таинственный колодец, в котором побывал человек, пять минут назад

стоявший здесь. Прошел час или чуть более. Мы продолжали работать. И вдруг мимо проезжает грузовик, а за баранкой его сидит... тот самый рыжий парень. Остановился, увидев, как я призывно размахиваю руками. Пришлось объяснить причину моего интереса, и мне показалось, что парень только и ждал момента, чтобы снова рассказать о колодце. Мы долго не разговаривали, а немедленно отправились в загадочное место.

Попасть туда оказалось непросто. Сначала поднялись на колокольню по узкой винтовой лестнице. Лестница «крутилась» вокруг центрального кирпичного столба, отполированного ладонями поднимавшихся на колокольню любителей дальних видов.

Мы делаем несколько витков и оказываемся на площадке. Мой ведущий исчезает в проеме какой-то двери, ведущей в темноту. Он зовет меня, но предупреждает, что там темно, грязно, нависают балки, а главное, надо преодолеть крутизну каменного свода. Такое впечатление, что мы находимся как бы на чердаке какого-то помещения храма. «Рыжий» уже в светлом проеме окна, подает мне руку, и мы прыгаем на крышу пристроя. Громокая по железу, спускаемся... к стене. Вернее, к верхней площадке стены, откуда «растут» зубцы. Стена эта — остатки кремлевских укреплений с его восточной стороны. Она по времени строительства более поздняя, чем остальные, уже снесенные стены, и простирается от собора на север и на юг. Стена массивная, имеет двое ворот по обе стороны храма. Это нынешние ворота кремлевской территории. Идем по стене. Она покрыта дощатым настилом, защищающим кладку от дождя и снега. В одном месте доски отсутствуют, открывая темное отверстие. Мой спутник лезет в него. Через некоторое время его голос уже едва слышен. Отправляюсь за ним и я. Лестничный спуск, по прикидке, доходит до подошвы стены. Там небольшая площадка с легким подъемом, и далее ход разветвляется. Ветви уходят налево и направо в толще стены собора, а прямо вниз устремляется... колодец. Да, тот самый легендарный колодец. Но он весь забит мусором.

Верхотурский кремль. Дом воеводы и казначейство (начало XX в.)

Тут мы с рыжим парнем и познакомились. Представился он Володей Копыловым, патриотом Верхотурья, интересующимся историей и ее тайнами. Армейская его служба проходила в старинном русском городе Ефремове. Все увольнения из части Володя проводил в библиотеках и музее, изучая исторические события и местные реликвии. Вот такой он, верхотурский шофер Владимир Копылов.

Старожилы, случайно заводившие с нами разговоры о подземельях Свято-Троицкого храма, неизменно упоминали о подземных ходах, ведущих к зданию Воеводской канцелярии, в сторону Николаевского монастыря, на торговую сторону от апсиды алтарной части, в южную часть застройки, где Покровский монастырь, условно к «школе» (кирпичное здание школы, построенное в конце XIX столетия, — вряд ли «носитель» подземелий, но на его месте могло стоять что-то из верхотурской древности). В какой-то мере эти направления намечаются провалами грунта, случившимися в разные времена — о них тоже рассказывали старожилы, а некоторые из свидетелей даже показывали места уже давно засыпанных провалов. Места провалов совпадали с направлениями подземных ходов. Кстати, кто-то из рассказчиков поведал, что один из входов в подземелье собора располагался на колокольне и по внутрискладной лестнице можно было спуститься в это подземелье. Не тот ли самый ход, в котором мы были с Володей Копыловым?

Есть свидетельство, что особый тоннель вел в некогда густой кедровый Калачинский лес. Ныне от него осталось несколько деревьев. Такое свидетельство вполне правдоподобно — ведь Троицкий собор представляет ядро древней крепости, и его деревянные предшественники до начала XVIII века стояли именно на этом месте. И первое, что сделали фортификаторы, одевавшие крепость в камень, — проложили подземный выход в безопасное место именно из крепкого каменного здания Верхотурского кремля — Троицкого собора. Тот самый так называемый алтарный ход. И это не случайно, ибо таковы были давние и непрменные традиции подземного оборонительного строительства.

А что же дали геофизические исследования на участке собора? Профили наблюдений буквально опоясали сооружение со всех сторон. На одном из них, расположенном вдоль западной стороны кремлевской стены на внутренней территории двора, «выскочила» аномалия, которая могла свидетельствовать об одном: между храмом и Воеводским домом есть подземная связь. Причем аномальное возмущение электрического поля прослеживалось с помощью двух различных методов. На другом профиле, который, начинаясь у северо-западного угла собора, проходил вдоль Воеводского дома, также получена аномалия. Она хорошо увязывалась с предыдущими аномалиями, характеризуя один и тот же подземный объект.

Следующий исследовательский профиль был проложен параллельно южной стене собора, примерно в пяти метрах от ограды, и начинался прямо от южных ворот кремля. Спокойный характер графиков электросопротивления по всем охваченным исследованиями глубинам грунта от 2 до 10 метров вдруг где-то на расстоянии 20–25 метров от начала профиля резко изменился, фиксируя подземную неоднородность, скорее всего, представленную пустотой. Таким образом, подтвердилось наличие подземного хода от Свято-Троицкого собора в сторону Воскресенской церкви и гостиного двора.

Наконец геоэлектрометрические исследования по профилю, располагавшему-

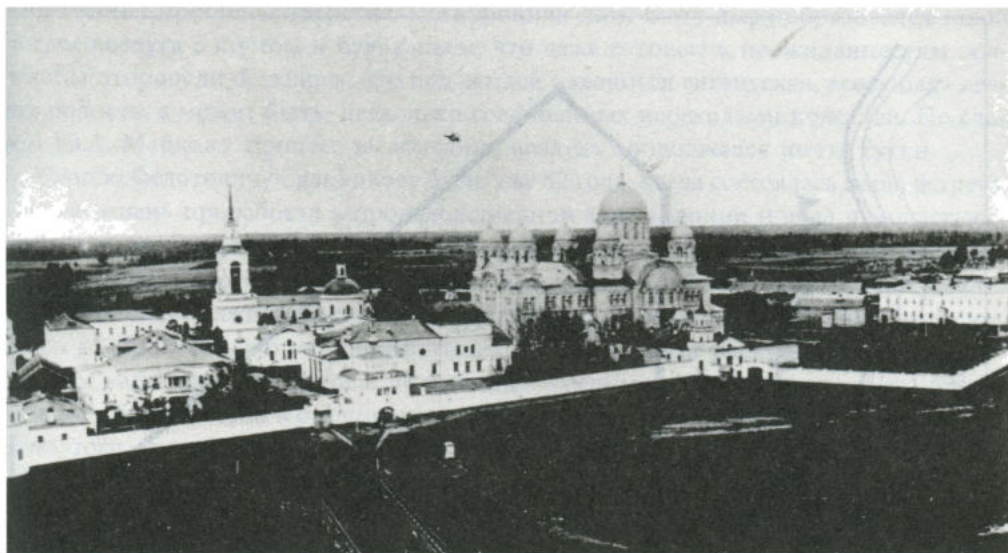
ся вдоль апсидной части храма, дали результаты, по которым можно достаточно уверенно считать, что алтарный ход в торговую сторону существовал, но в настоящее время он пребывает в полузасыпанном состоянии. Интересно, что на небольших глубинах графики электросопротивления здесь имеют резко изрезанный вид — влияние склепов и многослойных захоронений в приалтарной части. Чем глубже, тем вид графиков «успокаивается», и только над явным глубоким возмущающим объектом «вырисовывается» аномалия.

Вся территория кремлевского двора была покрыта точками измерений, полученными другим методом, так называемым «методом срединного градиента», который позволял «увидеть» распределение неоднородностей в грунте примерно до глубины 6—8 метров и дать их местоположение не только по одному направлению, но и в пределах участка площади. Благодаря этому обозначились аномалии, дополнительно подтверждающие связь Свято-Троицкого собора с Воеводским домом. А там, где не было исследований по профилям, выявилась еще одна связь: между собором и Воеводской канцелярией. А теперь, если взглянуть на план кремлевского двора с храмом, то можно увидеть все многообразие подземных «дорог», связавших основные сооружения древней крепости.

Позднее инициатива подземного строительства перешла к монастырям, благодаря которым Верхотурье превратилось в мощный религиозно-христианский центр на востоке России. Появились новые подземные тайны, о которых, увы, нет ни одного намека в письменных источниках. Монастырские тайны, как всегда, оказывались крепче государевых.

Верхотурский кремль и его сооружения нельзя рассматривать отдельно от территорий и сооружений двух монастырей: Николаевского мужского и Покровского женского. Все эти составные части с точки зрения градостроительства и архитектуры старого Верхотурья связаны общностью не только места, но и времени: кремль и монастыри появились примерно в одно двадцатилетие конца XVI — начала XVII века, история тесно оплетала их одними и теми же событиями. И подземные тайны их очень похожи.

Подземелья Николаевского монастыря имели своего открывателя в лице Якова Ивановича Гребенкина, который в первые годы Советской власти жил в детском доме, что разместился в монастыре. Потом он стал воспитателем этого дома. Может быть, и не довелось бы воспитателю Гребенкину в силу занятости по службе обратиться к праздному делу — спустаться в подземные этажи старой обители, но толкнул случай: у хозяек окрестных дворов стали пропадать куры, и подозрение пало на детдомовскую вольницу. Ощипать, сварить или изжарить курицу — все это трудно сделать незаметно. На поверхности земли улики не было найдено, но ведь есть укромные местечки под землей — о них воспитатель слышал от своих подопечных. Вместе с женой, тоже воспитателем детдома, Я.И. Гребенкин проник в подземелье. Они попали в тот самый тоннель, что связывал монастырь с кремлевским холмом. Но через какую-то щель пробрались в другую галерею. Размеры ее в сечении были классическими для подземного хода — высота около 2 метров, ширина около 80 сантиметров. Каменная кладка стен говорила о древнем происхождении. Как показалось Гребенкиным, они прошли по ходу не менее 200 метров, причем под территорией монастыря. Видели участок, где в стенах были вы-

Верхотурский Николаевский мужской монастырь (1916 г.)

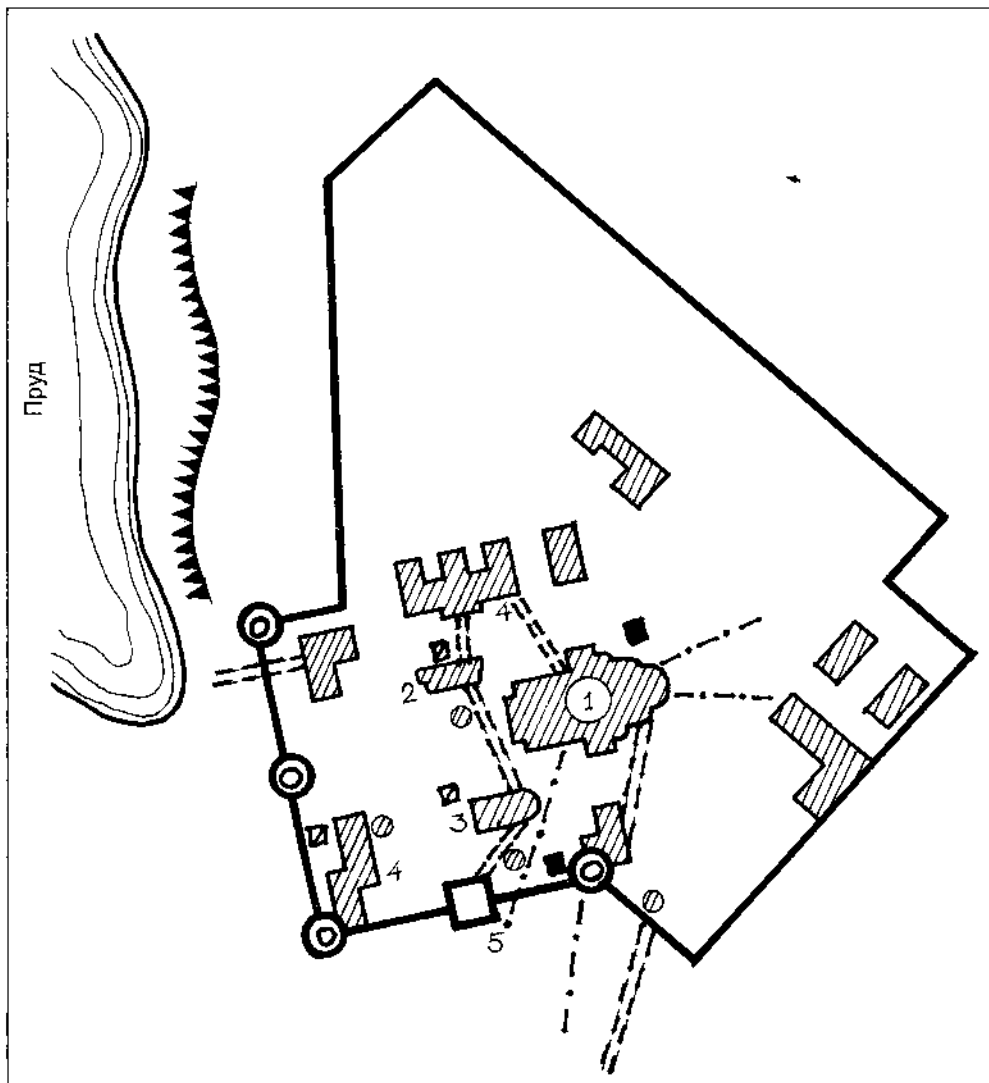
ложены ниши. Перед одной из них — полусасыпанная яма. Не остаток ли спуска в более глубокие этажи? Не исключено, что участок хода с нишами мог использоваться как монастырский застенок. После этого участка встретился сплошной завал. Впоследствии Я.И. Гребенкин вспоминал, что вход в эту галерею находился где-то вблизи Никольских ворот монастыря. Потом его, видимо, завалили, преграждая путь случайным любителям подземных тайн, но на том месте долго оставалось углубление.

Есть другие сведения, говорящие о том, что на территории Николаевского монастыря существовала подземная тюрьма, от которой отходил рукав за пределы огражденного стеной участка.

Тюрьма... Совсем недавно монастырь занимала самая настоящая тюрьма. Называлась она, правда, не столь страшно — колония для малолетних преступников. На Крестовоздвиженском соборе рядом с изречениями из Евангелия, «Прииде ко мне вси труждающиеся и обремененные, и я успокою вы» или «Радуйся, обрадованная, во успении твоём нас не оставляющая», были намалеваны клички тех, кому довелось пребывать здесь для исправления: «Соловей», «Шкет», «Керя», «Лохматый», «Черт»...

Колония просуществовала до 90-х годов прошлого столетия, потом территорию и постройки снова вернули монастырю, и самым первым насельником стал монах отец Тихон, впоследствии игумен обители, много сделавший для ее возрождения и развития.

Мы встретились с последним начальником колонии жителем Верхотурья подполковником Ю.А. Марковым. Он многое знал о подземных сооружениях Николаевского монастыря и кое-что рассказал. Вот, скажем, совсем перед закрытием колонии пришлось раскапывать грунт вблизи зданий на западной стороне территории (бывшие и будущие братские корпуса). «Воспитанники», занимавшиеся этим,

- 1 — Крестовоздвиженский собор
- 2 — Преображенский собор
- 3 — Николаевский собор
- 4 — братские корпуса
- 5 — Симеоно-Аннинская церковь

- ⊙ — монастырские башни
- ⊗ — провалы грунта
- ⊠ — погреба, ледники
- — колодцы
- — подземные ходы
- · - — дренажные каналы

*Схема расположения подземных сооружений
Верхотурского Николаевского монастыря
(по данным автора)*

неожиданно пробили отверстие, куда уронили лом. В эту дыру образовался такой подсос воздуха с шумом и бульканьем, что даже готовые к неожиданностям землекопы оторопели. Казалось, что под землей находится гигантская, «сосущая» воздушная полость, а может быть, несколько соединенных переходами полостей. По словам Ю.А. Маркова, процесс засасывания воздуха продолжался почти сутки.

Сергею Федотовичу Сальникову было уже 82 года, когда состоялась наша встреча. Он всю жизнь проработал в производственной зоне колонии и знал о монастырских тайнах из первых рук. Когда написал «всю жизнь», то невольно вспомнилось, что жизнь Сергея Федотовича складывалась по жестким законам тоталитарной власти. Родился в семье зажиточных (читай: работающих, не берущих в рот спиртного, умных и сообразительных) краснофимских крестьян. После раскулачивания (по тогдашним канонам работающий и непьющий — верные признаки кулака) его отправили на строительство в столицу края. Строил знаменитый Городец чекистов и, видимо, тогда уже обратил внимание на хитрости подземного зодчества. Прошли пять лет назначенной трудовой повинности — и строителя определили... на вечное поселение в Верхотурье. Измывательства продолжались. Но уже в другом роде. Так, ссыльным не разрешалось жениться, можно было только сожительствовать. Сергея Федотовича такое положение не устраивало — была любовь крепкая, крестьянская. Обил все пороги. Сжалились, разрешили жениться, но только тоже на ссыльной. И любовь стала ссыльной. С тех пор давно за плечами золотая свадьба.

С.Ф. Сальников наблюдал много провалов на территории Николаевского монастыря. Открывались обшитые деревом каналы. Вряд ли стоит считать подземным ходом протяженную полость, в которой можно двигаться сильно пригнувшись, а то и вовсе ползком. Конечно, это дренажные каналы, которые, похоже, составляют целую систему отвода грунтовых вод от стен монастыря и его построек, в частности, от фундаментов Крестовоздвиженского собора. В дренажную систему входили и колодцы. Один из них, весьма глубокий, находился неподалеку от апсид Крестовоздвиженского собора и был засыпан.

С другим, тоже очень глубоким, связана романтическая история. Этот колодец располагался вблизи юго-восточной башни ограда монастыря, где еще совсем недавно в одной сараевидной постройке размещалась прачечная колонии. Колодец вырыли еще в старину, он давал хорошую питьевую воду всей обители и имел большой дебит. Верхотурский старожил Андрей Иванович Шалаков рассказывал, как к нему, единственному знатоку сложных механических устройств, однажды (а это было в далекие 30-е годы прошлого века) почти в полночь явились сотрудники НКВД. Приказали быстро собраться и следовать за ними. Такое было не в новинку, и Шалаков уже почувствовал себя на нарах, а то и хуже — перед расстрельной стенкой. Но память не подсказала никаких прегрешений перед властью, и это давало надежду. Механика привезли в монастырь, подвели к колодцу и настойчиво предложили запустить в действие насос для откачки воды из колодца, а затем следить за его работой в течение всего времени осушения, сколько бы это ни заняло. Насос был немецкий, но Андрей Иванович знал такие агрегаты еще по работе на Тагильских рудниках.

Энкавэдешники менялись, а механик все сидел около работающего насоса. Уже сутки. Приносили вкусную пищу, но постоянно строго предупреждали об ответ-

ственности. Вскоре поступление воды в колодец удалось прекратить, и в его темную дыру спустился сотрудник органов. Он долго пробыл в колодце, но вслед за ним подняли тяжелый тюк из мешковины. Его быстро погрузили в поджидавшую машину и сказали механику, что он свободен, но свой язык должен крепко прикусить.

Только тогда дошла до Андрея Ивановича догадка — да ведь это достали ценности монастыря, спрятанные монахами перед разорением обители, о чем по Верхотурью ходили слухи. Видно, кто-то из арестованных служителей под пытками рассказал о тайне колодца.

Кстати, еще один клад, состоящий из церковной утвари, был обнаружен насельниками монастыря уже в 90-е годы XX столетия при раскопках в подвалах игуменской резиденции. Не без помощи археологов.

Нынешние монахи нет-нет, да и натываются при земляных работах на подземные сооружения. Игумен отец Тихон засвидетельствовал вскрытие сводчатого подземелья вблизи входа в Преображенский собор на его северной стороне. Возможно, что это тот самый ледник, о котором писал историк В. Баранов в своем труде по истории Николаевского монастыря. Ледник был сооружен в 1788 году. При реконструкции территории монастыря находили фрагменты дренажной системы.

Свое слово в разгадке подземных тайн Николаевского монастыря сказали и геофизики. Были исследованы перспективные на обнаружение подземных объектов площади, например, пространство между братскими корпусами и соборами: Крестовоздвиженским и Преображенским, а также участки территории вдоль южной и западной стен монастыря. В результате была получена целая группа аномальных зон, приуроченных к подземным сооружениям. Применение геофизических методов разной природы позволило более достоверно судить о наличии в толще грунтов полостей и пустот. Если к тому, что получили геофизики, добавить свидетельства очевидцев и данные литературных источников, как бы скупы они ни были, выявится картина подземного пространства Николаевского монастыря.

У западной стены монастыря обнаружена подземная полость, примыкающая к стене братского корпуса. Не та ли самая полость, которая «засасывала» воздух чуть не сутки? На территории между соборами и братскими корпусами есть, по видимому, обширное подземелье, соединенное галереями с окружающими строениями. Здесь же отмечаются и прямые подземные связи. Вблизи южной стены проступают фрагменты подземных ходов, по которым можно было выйти из когда-то существовавшего Никольского храма (снесен в начале XX столетия) за пределы стены или к монастырскому колодцу у юго-восточной башни. На этом участке прослежены также дренажные сооружения. Системой отвода грунтовых вод от фундаментов был оборудован Крестовоздвиженский собор — самое последнее крупное сооружение монастыря. Он строился в 1905—1913 годах, то есть в то время, когда подземные страсти вроде бы приутихли. Но только не на таких отрешенных от мира и закрытых от любопытных глаз территориях, какими являлись монашеские обители. Под собором находился обширный и глубокий подвал, в котором размещались отопительные установки, сделанные с особой тщательностью и старанием. Они гнали теплый воздух во внутреннее пространство храма. В стенах

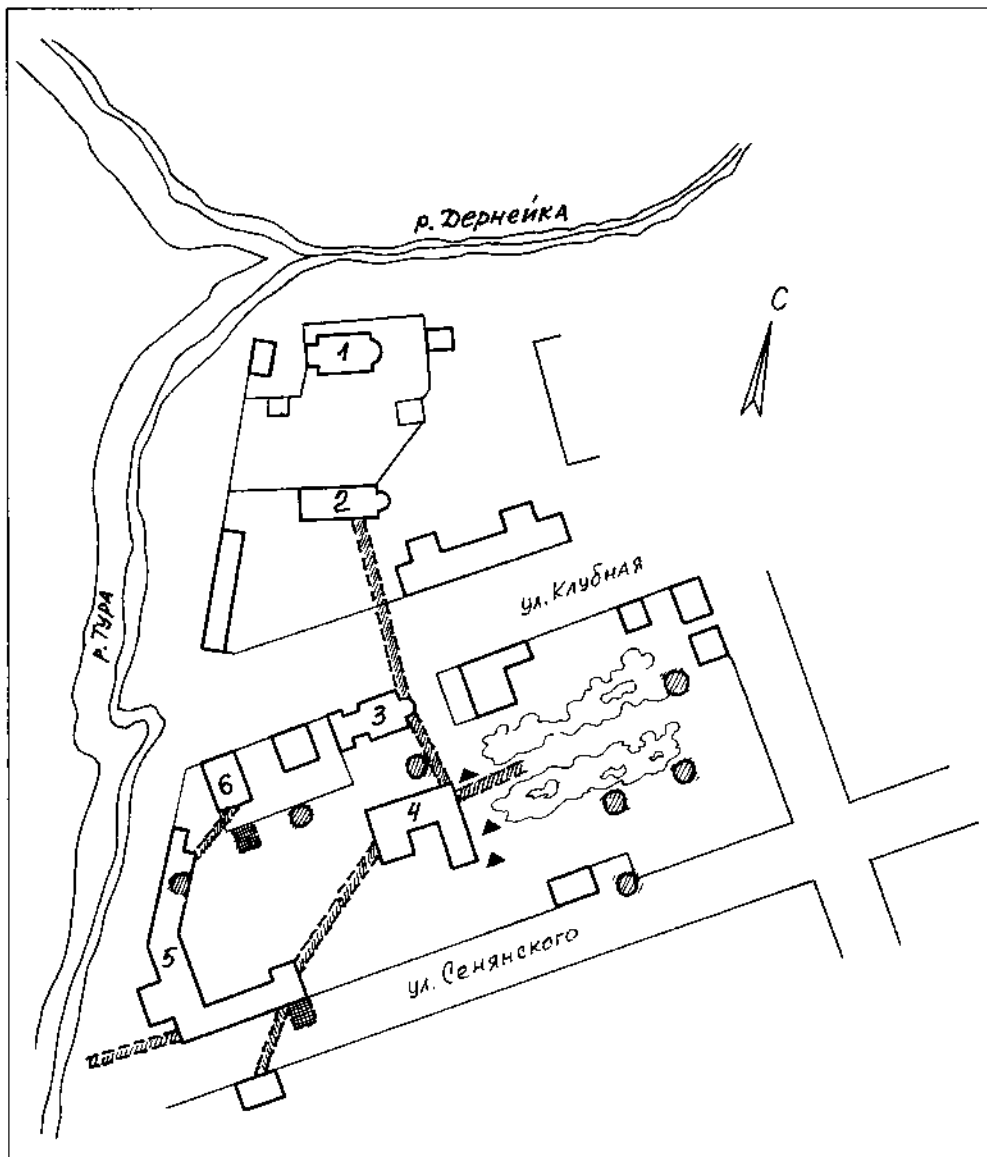
подвала были устроены ниши, а также проходы в какие-то подземные отсеки, среди которых могли быть и выходы в подземное пространство территории. Все это впоследствии перекрылось закладками. Одну из таких закладок вскрыли работавшие в подвале первые воспитанники колонии для малолетних преступников, занявших монастырь в 1935 году. Закладка скрывала глубокую нишу, где когда-то был винный погреб. Бутылки с кагором лежали рядами. Многие были разбиты, вино вытекло на соломенные подстилки, загустело в виде твердой сладкой пасты. «Малолетки», видно, тогда хорошо подкрепились и сохранившимся вином, и пастой.

В холодную зиму 1938/39 года кому-то из начальства пришла в голову очень практичная мысль: «Зачем пользоваться для хранения продовольственных запасов многочисленными погребами и ледниками, разбросанными по всей территории, если можно сделать один большой ледник на многие годы из... подвала Крестовоздвиженского собора?» Окружению мысль понравилась, в подвал хлынули потоки воды, закачаеваемые всеми насосами, какие нашлись в колонии. Подвал заполнили «до отказа», и стали ждать холодов. Они пришли через открытые подвальные окна, лед стал образовываться. Однажды особенно морозной ночью колония содрогнулась от страшного взрывоподобного шума. Все выскочили, полагая, что началась война или произошел налет «врагов народа». Все выяснилось быстро: лед в подвале, дойдя до полной кондиции, разорвал фундамент алтарной части, а вместе с тем и стену центральной алтарной апсиды. Окна подвала заделали кирпичными закладками, и ледник функционировал до выезда колонии из монастыря. В начале 90-х годов прошлого века подполковник Марков показывал нам этот заполненный льдом подвал. В свете луча фонарика лед поблескивал тускло и казался некоей зловещей субстанцией. С возвращением монастырской братии окна подвала размуrowали и многолетний лед стал таять. «Проснулись» дренажные каналы, и их действие едва не привело к утверждению и узакониванию чуда.

Дело в том, что вода от таявшего льда стекала в каналы и, пробивая себе естественный путь сквозь завалы и пробки, в один прекрасный день вышла наружу, изливаясь тоненьким ручейком около надвратной Симеоно-Аннинской церкви. Это было воспринято как чудо (о дренажах никто из монахов не догадывался, и местные давно забыли о тайнах монастыря), игумен отец Тихон повелел поставить над вновьявленным родничком маленький деревянный сруб. Он угощал меня этой влагой. Вода была отменная. Но источник быстро иссяк, когда наступило осеннее холодное время. Может быть, снова приморозило открывшиеся дренажные пути или вода от таяющего в подвале льда нашла другие течи. Только родничок больше не появился.

В дренажную систему неизбежно включались колодцы. После обеспечения основных функционирующих зданий водопроводом, а первые водопроводные линии из чугунных труб появились в 1896 году, надобность в колодцах стала отпадать. Потом некоторые из них были просто засыпаны. Обычная засыпка колодцев, особенно глубоких, осуществлялась так: в него бросали бревна, жерди, брусья стоймя, а затем на все это сваливали всякий хлам, мусор, строительные остатки. Возникла пробка, которую сверху присыпали землей. Но в пространстве колодца при этом образовывались участки пустоты, которые и фиксировались геофизическими приборами. Геофизики «подарили» два таких колодца. Один — у апсиды

1 — церковь Покрова Богородицы

2 — церковь Во Имя Рождества Иоанна Предтечи

3 — Ново-Покровская церковь

4 — монастырский корпус

5 — хозяйственные постройки

6 — монастырское здание

 — подземные ходы

 — провалы грунта

 — выявленные подземные сооружения

 — участки археологических раскопок

*Расположение подземных сооружений на территории
Верхотурского Покровского монастыря*

Крестовоздвиженского собора, а другой — у юго-восточной стены. Это тот самый колодец, из которого достали монастырские ценности. Есть основания полагать, что к этому колодцу подходила подземная галерея из Никольского храма.

Согласно распространенной в Верхотурье легенде, из Николаевского монастыря можно пройти подземным путем в Покровский монастырь с заходом на кремлевский двор. Легенда, прямо скажем, не очень-то считается с руслами двух речек — Свияги и Дернейки, не задумывается над целями такой подземной связи, если учесть, что у каждого из этих крупных территориальных объектов есть самостоятельные выходы под землей за контуры, свои внутренние подземные системы. Покровский монастырь не исключение.

В истории строительства и развития Покровского женского монастыря четко видны два этапа: первый — с основания в 1621 году до его упразднения в 1782 году и второй — с возрождения в 1896 году с переводом на новое место до закрытия в 1924 году. Таким образом, Покровский монастырь имел две территории: старую, с храмами Покрова Пресвятой Богородицы (Старо-Покровская церковь), Рождества Иоанна Предтечи, и новую, с другим храмом Покрова Пресвятой Богородицы (Скорбященская, или Ново-Покровская, церковь) и настоятельским корпусом. Свидетельства о наличии подземных сооружений связаны и со старой, и с новой территориями. Причем на старой рассказы о подземельях «крутятся» вокруг Старо-Покровской и Иоанно-Предтеченской церквей, а на новой — вокруг настоятельского корпуса и хозяйственных построек.

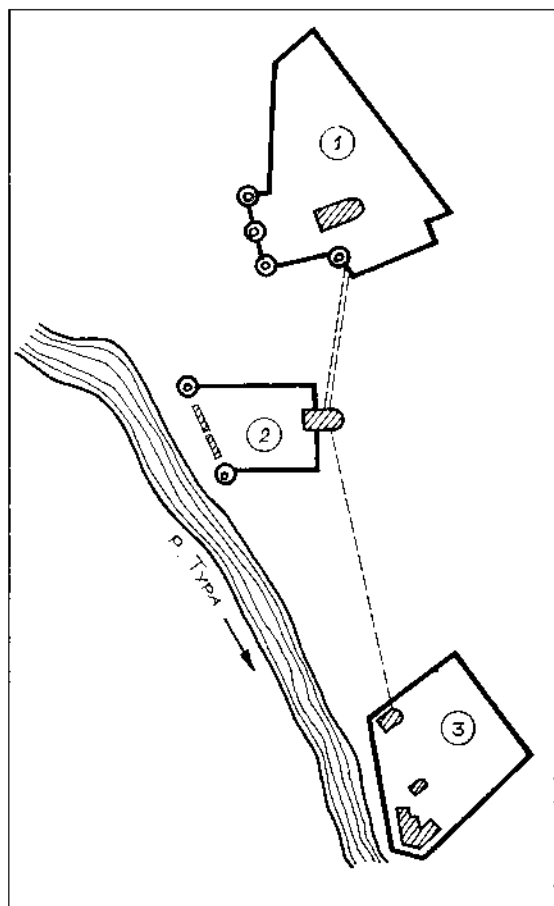
Иоанно-Предтеченская церковь (конец XIX в.)

О чем свидетельствуют старожилы? Какой бы фантастической ни казалась мысль о «великом ходе» между кремлем, Николаевским и Покровскими монастырями, с нее чаще всего начинают. Кто-то якобы прошел его сам, кто-то залезал в дыры провалов, а кто-то подметил интересный факт: старые колодцы в усадьбах между кремлем и Покровским монастырем лежали на одну линию. Не значит ли это, что колодцы использовались как вентиляционные устройства для проветривания длинного тоннеля? Такое устраивали и в древние времена.

И еще. В 1979 году примерно на этом направлении произошел крупный провал грунта. В воронке видели признаки пустоты, но никто не решился туда спуститься. Вскоре провал засыпали. Вопрос о «великом ходе» остается открытым...

На старой территории Покровского монастыря, по-видимому, не было сколько-нибудь обширного подземного строительства, поэтому и свидетельств о подобных сооружениях мало. Большею частью поминается подземный ход из-под Старо-Покровской церкви к реке Дернейке, а то и прямо к Туре. Иногда говорят о подземной связи этой церкви и Иоанно-Предтеченской через монастырский двор.

Зато как обильны и разнообразны свидетельства о подземельях новой территории! Это даже вызывает удивление — ведь она застраивалась сравнительно поздно, во времена, когда козней внешних врагов уже не существовало, скрываться вроде бы не имело смысла, а каких-то немислимых сокровищ у монастыря не отмечалось. И, тем не менее, дыма без огня не бывает. Забегая чуть вперед, выскажу предположение, что территория развивалась очень динамично, монастырская застройка (жилые корпуса, хозяйственные постройки, мастерские, различные вспомогательные сооружения) охватывала по периметру основное ядро: Ново-Покровская

- 1 — Николаевский монастырь
- 2 — Верхотурский кремль
- 3 — Покровский монастырь

- подземный ход между кремлем и Николаевским монастырем
- · - легендарный подземный ход
- ⊙ — башни

Схема возможных подземных связей в исторической зоне г. Верхотурье

Ново-Покровская (Скорбященская) церковь (начало XX в.)

(Скорбященская) церковь — настоятельский корпус — монастырский сад. Глядя на такой план монастыря, неизбежно думаешь о связях этих зданий, и кажется очень логичным связать их подземными переходами через погреба и подвалы. В монастырском строительстве прошлого подобные решения были не редки.

Динамика жизни новой территории не прекратилась и с приходом советской власти. Если сооружения старой территории (в основном два храма) использовались в течение десятков лет стабильно: склады, гараж, морг, то здания новой территории, заселенные разными организациями новых хозяев, меняли назначение, претерпевали реконструкции и приспособлялись к необычным функциям. Некоторые стали жилыми домами для верхотурцев после изгнания монахинь, в одном из зданий разместился военный комиссариат, в другом — поликлиника, в третьем — мастерские и склады, в настоятельском корпусе — сначала детский дом для сирот, а потом Дом пионеров. Самое чудовищное «приспособление» испытала Ново-Покровская (Скорбященская) церковь: в ней разместили... городскую баню, в которой многие десятилетия горожане проводили «помывку» и парились с вениками в алтаре.

Итак, пройдемся с нашими провожатыми по новой территории, по той, которая еще не принадлежала ныне вновь обретшему ее монастырю. Житель Верхотурья Анатолий Владимирович Макаров пригласил нас в здание военкомата, бывшее когда-то монастырским. В подвале дома находится вход в подземную галерею, часть которой приспособлена под современные хозяйственные нужды, а часть (на 1991 год) была не расчищена от мусора и обвалившегося грунта. Редкий случай, когда при поисках подобных сооружений появляется возможность осмотреть без помех и страха перед нависающей кровлей участок самого настоящего подземного хода. А если бы расчистить его до конца? Куда он приведет? Не раскроет ли всю

замысловатую сеть потаенного строительства? А наш проводник, показывая это подземелье, сокрушался о том, что не спросил в свое время фамилии одного старичка-старожила, не узнал его адреса — заели текущие дела. А ведь тот старичок сообщал удивительные вещи. То, что он вроде бы знал и мог начертить всю систему подземелий в Покровском монастыре, уже определяло ценность его свидетельств. Очень живо, с деталями и подробностями, он рассказывал, как однажды проник через какой-то лаз под землей в зал площадью не менее 25 квадратных метров. Можно предположить, что это была подземная церковь — крипта, где совершались особые христианские таинства. В криптах располагались и самые сокровенные тайники.

Как потом установили геофизики, от южной стены здания военкомата отходит подземная галерея. Исследователям повезло: вскоре поперек этого хода рабочие, ремонтировавшие теплотрассу, прорыли глубокую канаву, которая ход обозначила. Вел он в погреб. И не исключено, что из погреба был еще один рукав в сторону мастерских, то есть к западной границе новой территории, расположенной уже вдоль берега реки Туры. В начале этого рукава побывал другой свидетель — Александр Васильевич Божок, но он не рискнул продвигаться по нему. Когда Ново-Покровскую (Скорбященскую) церковь перedelывали в баню, то, естественно, понадобилась прокладка инженерных коммуникаций. Для этого вблизи здания церкви и на удалении от него траншеями вскрывался грунт. Сразу же наткнулись на подземный ход, облицованный камнем и кирпичом. Как вспоминает имевшая к этому делу отношение Антонина Павловна Лапина, ход удалось проследить до старого монастырского здания, где когда-то находились мастерские. Ход обрывался перед массивной дверью. Дверь, видно, разбухла от влаги, и открыть ее не удалось. Так и засыпали потом участок открытого хода вместе с дверью, когда нужные коммуникации были проложены.

В 1952—1954 годах при каких-то земляных работах снова был выявлен фрагмент подземного хода. На него поглядели любопытные прохожие, подивились и прошли мимо. Среди них, к сожалению, не оказалось ни одного сколько-нибудь заинтересованного человека, чтобы приметить место и зафиксировать детали находки. Скорбященская церковь и окружающие сооружения — интересный узел для исследования подземного пространства старого Верхотурья.

Подлинной удачей исследователей явилась встреча с Леонидом Спиридоновичем Симоненко. Он долгое время работал директором детского дома, размещенного в настоятельском корпусе монастыря. Кроме того, он и жил в доме, выходящем фасадом на улицу Сенянского, а входом — в бывший монастырский сад. Все, что происходило на новой территории, так или иначе попадало на глаза директору, к тому же доводилось слышать торопливые откровения очевидцев, внезапно ставших свидетелями подземной тайны. Леонид Спиридонович поведал, что от здания военкомата в направлении к нынешним мастерским много раз провалами обозначался некий тоннель. Он действительно начинался в подвале военкомата за дверью с лестничным спуском. А в мастерских тоже однажды выявилось подземное сооружение. Рабочие хотели сделать опорную колонну для какого-то устройства. Стали долбить пол, чтобы выложить под опору фундамент. Во время «долбежки» пол провалился, да так, что внизу открылась полость глубиной почти три метра. Спустившийся в эту полость увидел обложенный кирпичом тоннель, уходя-

щий к реке Туре. Рабочие поставили свою опору на дно этого хода, а разрушенный пол забетонировали. Настоящий вход в тоннель не нашли. Так и осталась эта тайна под бетонным полом.

Зато в 1990 году вблизи юго-восточного угла корпуса мастерских, который выходит на улицу Сенянского (южная граница новой территории монастыря), произошел провал грунта. Тайна снова поманила. Провал открыл сооружение, похожее на вертикальный сруб из дерева. Причем верхний венец сруба располагался на глубине около двух метров от поверхности. В здании нет и не было никаких устройств, для которых это сооружение могло бы служить технологической емкостью. А вот напротив, через улицу, находился бывший монастырский амбар, впоследствии приютивший станцию юннатов. Под амбаром есть большой подвал. Не было ли связи того, что обозначил сруб, с амбарным подземельем? Кстати, с этим подземельем связана легенда о том, что из него уходил подземный ход в сторону одной из монастырских заимок на южной окраине Верхотурья. Легенда легендой, но существуют свидетельства бывших воспитанниц Верхотурской женской гимназии и послушниц Покровского монастыря, которые вспоминали, как в 1918—1919 годах при подходе красных войск девушек уводили подземными галереями на монастырские заимки и в другие безопасные места.

Вернемся к рассказам Л.С. Симоненко. Его воспитанники, как все в мире подростки, одержимые разгадками тайн, страстью к приключениям и поискам кладов, облазили весь настоятельский корпус, ставший им родным домом. Особенно их влекли подземелья. Проползая в узкие щели, кое-где разбирая замуровки, они проникали всюду и утверждали, что из подвалов корпуса отходит... шесть (!) тоннелей в окружающее подземное пространство. Фантастика! А вдруг... правда? Спутницей мальчишек в тех путешествиях под землей неизменно была Таня Комарова, ныне жительница Верхотурья, а заводилой — ее брат Юрий Иорданов. Юрий был буквально охвачен страстью к подземным тайнам, он ходил к руководству дома, просил и настаивал на масштабных поисках и изучении подземелий. Он знал многое. Но то было другое время. И никто не рискнул бы санкционировать воплощение подростковой идеи. Тем более что она была связана с непосредственной опасностью.

Какими бы фантастическими ни были мальчишеские оценки подземных путей из настоятельского дома, за ними есть реальности. Л.С. Симоненко упомянул о той части подвала дома, что прилегает к северо-восточному углу. Тут явно был выход в подземное пространство, причем, возможно, в двух направлениях: в сторону сада и к Ново-Покровской (Скорбященской) церкви. Это подтверждает и сотрудник детского дома Владимир Чащегоров. Он спустился в подвал под фотолaborаторией и проходил из него в направлении церкви. Проход был столь широким, что Чащегоров даже предложил директору устроить там учебный тир. Детдомовцы проходили по тоннелю в подцерковье Ново-Покровского храма и видели там облицованный канал, по которому текла проточная вода. Впрямь подтверждалось бытовавшее среди населения название церкви — «Храм на водяной жиле». Видно, это обстоятельство и подвинуло лихих «преобразователей жизни» к устройству здесь бани.

К дому, где жил Л.С. Симоненко, подводили теплотрассу, траншея которой «подцепила» сводчатый тоннель. Направление его было однозначным — к настоятель-

кому корпусу. Один из шести? Или просто один-единственный? Где-то вблизи этого провала были отмечены участки проседания почвы. Кстати, Л.С. Симоненко показал несколько таких участков в пределах территории бывшего монастырского сада, где постоянно возникают углубления, особенно по весне. Их засыпают садовым мусором, но они появляются вновь. С такой воронкой сам Симоненко борется уже много лет. Она появляется около его дома и постоянно сезонно углубляется.

Здесь же в саду на волейбольной площадке однажды во время игры произошел провал грунта, едва не увлекший игроков в тартарары. В провале был виден кирпичный свод.

На участках других бывших монастырских зданий также наблюдались подземные сооружения. Например, в здании нынешней поликлиники был вскрыт под полом узкий проход, обшитый досками. Ширина прохода составляла около 70 сантиметров, а высота — около двух метров, то есть параметры сооружения были близки к классическому сечению подземного хода. Найденное не походило на обычный подвал. К другому зданию, занимаемому Верхотурским гороно, подходит подземная галерея, а под самим зданием располагается обширный подвал.

Таким образом, по свидетельствам жителей, оказавшихся причастными к открытию подземных секретов, можно предположить, что на новой территории монастыря существовало некое подобие лабиринта под землей. По крайней мере, практически все монастырские постройки были соединены между собой переходами. Плюс выходы в какие-то рукотворные полости, находящиеся в пределах отдельных участков территории. Предполагаемый лабиринт нуждался в подтверждении объективными методами. На территорию вновь пришли геофизики со своими приборами. Что же они получили?

На старой монастырской территории приборы заговорщицки «молчали». Не удалось подтвердить наличие «алтарного хода» из-под апсиды Старо-Покровской церкви к реке Дернейке или к Туре. В этом пространстве фиксировались отдельные скелеты и фундаменты северной стены монастыря, давно снесенной. На всем участке внутреннего монастырского двора между Старо-Покровским и Иоанно-Предтеченским храмами не было выявлено ни малейшего признака какого-либо подземного сооружения. Чисто. Исследования, охватившие своими измерительными линиями Иоанно-Предтеченский храм, тоже не дали информации о подземных полостях. Лишь на участке вдоль северной стены отмечены признаки элементов старой дренажной системы да очерчены контуры развалов строительных остатков, лежащих здесь со времен разрушения колокольни и второго этажа храма после пожара 1948 года.

На новой территории Покровского монастыря геофизикам повезло больше. Вдоль южной стены здания, занимаемого военкоматом, пролегли несколько исследовательских профилей с таким расчетом, чтобы «подсечь» отходящие от здания подземные тоннели. Из рассказов старожилов уже было известно их гипотетическое местоположение. Удача улыбнулась — на профилях выявились две подземные структуры: ход в подземную полость, используемую как погреб, и ход в сторону современных мастерских. Туда, где рабочие обнаружили подвал с тоннелем.

В связи с этим следовало бы изучить западную часть территории, но тогда помешали огромные поленницы припасенных на зиму дров да кучи всяческого лома.

Исследовательская группа перешла на восточную часть территории. Главным объектом здесь был настоятельский корпус, ставший сначала детским домом, а затем Домом пионеров. Линии измерений здесь протянулись вдоль восточного фасада здания, как бы «отсекая» его от участка сада. На этот раз удача не только улыбнулась, но и одарила успехом. Обнаружились три контрастные аномалии, которые нельзя было спутать ни с чем: в грунтах притаились подземные пустоты.

Первая аномалия располагалась вблизи северо-восточного угла здания, там, где на первом этаже размещалась фотолаборатория. Создалось впечатление, что от дома отходит широкий тоннель. Однако его влияние на измерения через 10—12 метров закончилось, словно он оборвался в толще грунта. Вторая аномальная зона выявилась напротив главного входа в здание. Она также обрисовала короткий тоннель в сторону сада. А вот третья оказалась протяженной и несколько уже, чем предыдущие. Она выявляла подземный ход, идущий от юго-восточного угла к монастырскому дому, в котором живет наш свидетель Л.С. Симоненко. На направление этого сооружения хорошо укладывалось место когда-то происшедшего провала.

Можно поставить вопрос, соответствуют ли данные, полученные геофизиками, тому, что знали и рассказывали жители? В целом, да. Подтвердилась подземная ситуация у военкомата. От здания Дома пионеров отходят подземные галереи, но их не шесть, как оценивали очевидцы, а только три. Причем две из них — это не галереи в прямом смысле, а тупиковые отсеки подвального пространства.

Даже после геофизической проверки рано ставить точку на других возможных сооружениях. Геофизика хорошо фиксирует полости и пустоты, однако если они когда-то существовали, но в результате провалов или намеренных действий оказались засыпанными, то аномалии от них будут сглажены и «растворятся» среди естественных неоднородностей грунта. Чем же, например, можно объяснить обилие попаданий на небольшие пустоты по всей территории сада? Погребца, колодцы, фрагменты каких-то ходов или еще иные объекты? Например, одну из таких аномалий проверили своим раскопом археологи. В слое грунта был обнаружен объект, представлявший сруб из шести сохранившихся бревен с небольшой полостью внутри. На дне раскопа под срубом найдены обломки кирпича, среди которых находился целый большеразмерный, так называемый «подплатный» кирпич, изготовлявшийся в XVIII веке. Значит, в этом веке здесь уже были постройки. Может быть, заимка монастыря, который только в конце XIX столетия закрепил за собой территорию, получившую название «новой».

На участке волейбольной площадки (где произошел провал) и в округе найдена целая система фундаментов и таинственных пустот, что говорит о стоявших здесь сооружениях, снесенных давным-давно. А может быть, они были связаны с главными зданиями новой территории монастыря?

Теперь и на «старой», и на «новой» территориях снова живет монастырь. Покровский женский. Монахини восстанавливают обезображенный алтарь Старо-Покровской церкви, закончился «банный период» в истории Ново-Покровской церкви, не звучат пионерские горны в здании настоятельского корпуса. Наступила деловая тишина. Как, впрочем, и во всем древнем городе, который вошел в новый виток своей непростой истории, начиная отсчитывать пятое столетие собственной биографии.

УЗЛЫ ТОБОЛЬСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

Тобольск — город Каменного Пояса? Гороховое строение Стена Ретезова. Были ли просканы подземелий? Трудности тайного водозабора. Подземные выходы на Троицком тысу. Тоннель к Северным воротам. Подземные скресты гостиного двора и рентерей. Подблывный лабиринт архиерейского дома. Пробавы грунта в нижних воротах. Подземные тайны Ускра.

Предвижу: удивится читатель, увидев этот заголовок. Действительно, говорим о городах и всях Каменного Пояса, то есть о той сравнительно ограниченной полосе населенной территории, что лежит вдоль древнего хребта. При чем же здесь Тобольск? Уж он-то к Уралу не только географически, но и геологически не привязывается, ибо Уральский кряж как геологическое образование уходит глубоко в недра земной коры и уже никак не чувствуется в месте слияния Тобола и Иртыша. Все это так, да не так. Когда-то весь огромный урало-сибирский регион развивался как одно целое, когда слова и понятия «Урал» совсем не существовало, а было слово и понятие «Сибирь». Даже в XVIII веке первые Демидовы, Никита и Акинфий, считали, что заводы их находятся в Сибири.

Примерно в одно и то же время основаны Верхотурье (1598), Туринск (1600), Тобольск (1587). Географически Верхотурье — уральский город, Туринск — урало-сибирский, а Тобольск — сибирский. В этом переходе — изначальная неразрывная связь. Начинается она с общих задач этих городов-крепостей: осуществление военно-административных функций при освоении всего необозримого края, а также охрана важнейшего, единственного в ту пору торгового пути и обеспечение его постоянной деятельности. Во всех трех городах были таможни, заведения ямской гоньбы, гостиные дворы, амбары для товаров. Даже строились они в чем-то сходно. Вначале небольшой острожек на скалистой круче, деревянный, не очень-то надежный в осаде, потом уже острог с валом и рвом на «полевой», доступной неприятелю стороне, с пряслами бревенчатых стен и дощатыми шатрами башен. Позднее — каменное ожерелье мощных укреплений, башни, оштетинившиеся пушками, тайные подземные пути. Так делалось в Верхотурье и Тобольске. И, конечно, общим было то, что города основывали, строили и защищали люди одного времени, одной эпохи, одних устремлений.

Учтем и то, что по приказу Петра Первого уральские заводы, Каменский и Невьянский, в течение многих десятилетий поставляли железо для Тобольского оружейного двора. Это обстоятельство тоже немало способствовало тесным экономическим связям.

Итак, посмотрим на подземные тайны крепостного Тобольска, присоединив оный к городам уральского региона, не смущаясь расстоянием, отделяющим его от гребня Каменного Пояса.

Семен Ульянович Ремезов, коренной тоболяк, известный не только в Сибири, но и в Москве картограф, чертежник, архитектор, строитель, художник, в 1697 году получил ответственное задание: составить проект, смету и приступить в Тобольске к строительству «каменного городского строения», то есть кремля. Поручение не из легких. Сама природа воздвигла много препятствий, которые нужно было обойти и поставить себе на службу. На Троицком мысу за прошедшее столетие шесть острогов сгорели дотла. Последний, шестой, был поставлен в 1678 году, имел мощные стены, девять башен да встроенную в стену церковь, а через два года, в 1680 году, от него осталась груда головешек и пелена черного, слипшегося от дождя пепла. Место, где стояли остроги, прекрасное для крепости: глубокая петля реки, высокий крутой берег — не подступиться с трех сторон, господство над окружением полное. Но весь массив разбит оврагами, которые постоянно размываются и осыпаются. Прежние крепости умещались между ними и крутым обрывом. Пространство на обжитом холме Троицкого мыса дробилось. Тут и острог, и Софийский монастырский двор, и верхний посад. Для хорошей крепости нужна неделимость. Ремезову предстояло объединить все эти территории на Троицком мысу в единую военно-оборонительную и архитектурно-градостроительную систему.

Пять чертежей, пять вариантов сделал С.У. Ремезов в поисках самой рациональной планировки. Четыре крупных оврага внедрялись в тело холма. Здесь они назывались взвозами, так как по ним можно было въехать на холм и везти поклажу. Большой и малый Казачьи взвозы, Николаевский, Прямской. Если первые три, что располагались на восточном склоне Троицкого холма, со стороны речки Курдюмки, удалось обойти стеной, то последний, Прямской, стал проблемой. Прямской он потому, что пересекает холм прямо со стороны посада, представлял самый прямой путь в крепость. Как включить этот крутой, узкий и глубокий, как каньон, овраг в систему оборонительных сооружений? Тоже обойти стеной? Нет, слишком глубоко заходит взвоз в пространство крепости. Закрыть его на выходе башней, оставив ущелье вне стен? Но в нем будет образовываться непростреливаемая зона. Подвинуть башню к устью? Можно, но лучше всего перекрыть каньон мощным зданием с воротами. Тогда узкий овраг превратится в захаб, то есть в стесненное стенами пространство, где прорвавшиеся враги будут нещадно истреблены с двух сторон сверху градом пуль, стрел, потоками смолы и глыбами камня. Такое здание было построено. Оно называлось рентерея, что означает — казнохранилище. Рентерея как бы продолжает стены кремля над взвозом, служит своеобразным мостом между двумя участками крепости. Стены с башнями прошли по обводу Троицкого мыса, а с северной, тыльной, стороны, открытой «в поле», были устроены вал со рвом и несколько башен.

Проект приняли. В мае 1700 года началось строительство первого кремлевского здания — Приказной палаты. Потом выстроили гостинный двор, напоминавший своими стенами и угловыми башенками маленькую крепость. Чуть позже над Прямским взвозом поднялась рентерея, Шведская палата — ее строили шведы, плененные при Полтавской битве. Осуществить весь проект сразу не удалось: строительство задержал указ 1714 года о запрете возводить каменные строения. Но кремль потихоньку достроился.

Размышлял ли С.У. Ремезов о потайных ходах и галереях, сделал ли что-нибудь подземное в своем детище — Тобольском кремле? Наверняка размышлял и, можно предполагать, сделал. Главным вопросом было потайное водоснабжение. Здесь не все получалось. Дело в том, что продуктивные водоносные горизонты на территории Троицкого мыса залегают глубоко: до них почти 100 метров. Таких колодцев во времена Ремезова не копали. Правда, через двадцать лет, в 1723 году, в Софийском дворе был вырыт колодец такой глубины, но воды он давал мало и служил скорее забавой для жителей, потому что крутить колодезный ворот научили медведя и косолапый вполне с этим справлялся. Опять же большая высота холма не давала возможности подойти к воде Курдюмки или Иртыша с помощью наклонной скрытой галереи.

С.У. Ремезов запроектировал под холмом, на нижних участках взвозов, сооружение специальных колодцев. У Прямого взвоза колодцы охраняла специальная башня. В одной из башен на восточной стороне, выходившей на Никольский взвоз, были сделаны водовоззные ворота. Но вода из колодцев в гору самотеком не идет, поэтому ее доставлял специальный обоз. Это было слабым местом Тобольской крепости, но, к счастью, оно не проходило проверку — кремль никогда не подвергался осаде, хотя угрожающее положение не раз назревало. Так, в 1711 году происходили волнения в южных степных районах. Опасность на восточных границах возникла в 1745 году. В период 1760—1764 годов волновались крестьяне в вотчинах монастырей. А 27 октября 1773 года до Тобольска дошли вести о пугачевском восстании. Вот тут-то город стал напоминать осажденную крепость. Около тысячи каторжан и ссыльных готовили выступление, их подогревали пугачевские посланцы. В соседней, Исетской, провинции бушевало пламя пугачевщины. Тобольские власти готовились: учли все огнестрельное оружие, починили и поставили на лафеты пушки, поправляли валы и чистили рвы. Но гроза миновала...

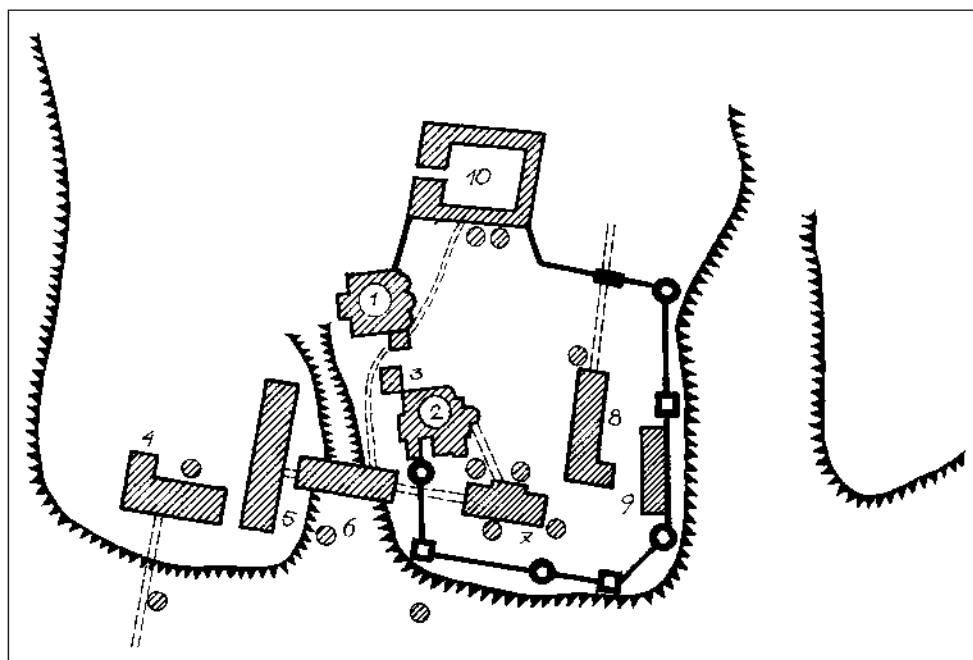
Была ли все-таки готова Тобольская крепость к длительному и трудному противоборству?

На чертежах Ремезова нет подземных сооружений, и в записях своих строитель кремля не упоминает о них. Но, как мы знаем, это еще не является свидетельством того, что подземных оборонительных сооружений не было. Если не получился скрытый водозабор, то вполне могли существовать потайные выходы из кремля. Один вариант их возможного местонахождения — укрепления со стороны северной, не защищенной обрывами части территории верхнего посада. Эти укрепления: вал, ров, деревянные стены и башни — частично снесены и разобраны в конце XVIII столетия, уступив место дальнейшей застройке верхнего посада. Вряд ли подземные сооружения засыпались и уничтожались — просто были завалены входы и выходы. Уже в наше время при строительстве здесь современного микрорайона нашлись остатки тоннеля со следами сгнившей деревянной крепи.

Второй вариант — южная часть крепости, обрыв над нижним посадом. Выход из кремля (и возможно, не один) здесь мог быть сделан прямо в толще обрыва. В ныне редком издании книги «Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйрие и украшенное гравюрами» в рассказе о Тобольске есть такое упоминание: «...Подъем сюда (в кремль. — В. С.) сде-

лан между двух глубоко обрытых валов, которые соединяются вверху каменными воротами с двойным проездом (здание рентерей. — В.С.)... Боковые тропинки ведут к глубоким пещерам, которые заперты теперь железными решетками и употребляются купечеством в виде кладовых...» Карстовых явлений на Троицком холме не отмечается, значит, упомянутые «глубокие пещеры» — это не природные образования, а отрытые человеком. И первоначальная цель их — военная, ибо кто бы позволил рыть под крепость галереи или какие-то другие выемки! Да еще для кладовых! Ведь даже после страшного пожара 1788 года, когда буквально все население города осталось без крова, было разрешено копать землянки не в склонах Троицкого холма, а в обрыве Панина бугра. Этот холм расположен против Троицкого, на другом берегу речки Курдюмки. Военные выходы из кремля превратились в склады после того, как Тобольская цитадель окончательно потеряла военно-оборонительное значение.

О подземном тоннеле, вышедшем из цитадели на территорию верхнего посада, есть много свидетельств. Разные люди так или иначе оказались причастными к его тайне. Подземный ход начинался в подвале здания, которое долгое время

- 1 — Софийско-Успенский собор
- 2 — Покровский собор
- 3 — соборная колокольня
- 4 — дом наместника
- 5 — губернская судебная управа
- 6 — рентерей (хранилище казны)
- 7 — архиерейский дом

- 8 — консистория
- 9 — монашеский корпус
- 10 — гостиный двор

- — провалы и выходы подземелий
- — подземные ходы

Схема подземных ходов Тобольского кремля (реконструкция автора)

занимала консистория (так называлось церковное управление при архиепископе), и подходил к главному входу в Софийский двор кремля — Северным святым воротам. Предположение подкреплялось находками дверного проема в северной стенке подвала, а также давним провалом на оси примерного направления подземного сооружения. Наличие подземного хода к Северным воротам подтверждают многие сотрудники Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, видевшие провалы с кладкой в глубине.

В 1897 году в двух номерах «Тобольских епархиальных ведомостей» была напечатана любопытная статья, в которой приводились интересные сведения о тайнах подземного пространства старого Тобольска. О чем же говорят факты, отмеченные в статье? Вот первый: «Существуют сведения, хотя и довольно отрывочные, что под кремлем находился подземный ход, начинавшийся будто бы от бывшего прежде здания гостиного двора, с разветвлениями к дому архиерейскому и генерал-губернаторскому и выходявший в одну из арок существующей и поныне шведской башни над спуском с нагорной части города, или Прямым взвозом...»

Итак, речь идет о подземном узле, начало которого находится в здании гостиного двора. От этого строения затем идут как бы три рукава: к архиерейскому дому, что располагался на старом Софийском дворе (в этом здании ныне и размещается музей), к дому генерал-губернатора (или наместника), что сразу выявляет проблему: ведь ход должен неизбежно уткнуться в «каньон» Прямого взвоза или обходить его. Такой обход в принципе возможен, если принять в расчет всю планировочную ситуацию. Наконец, третий рукав направлялся к шведской башне, то есть к рентерее. Прямая подземная связь гостиного двора с архиерейским домом не вызывает сомнений, но все же логично, если в эту связь включается Покровский собор своей подалтарной частью.

Думается, что рентереея обладала большими подземными секретами, чем все другие здания. Мы уже знаем, что она была крепостным элементом, как бы связывающим две части кремля, расположенные по разные стороны Прямого взвоза. Сюда, к этому «мостику», словно стекались подземные тайны и генерал-губернаторского дома, и архиерейского. Кстати, связь последнего и рентерееи подтверждали в своих свидетельствах сотрудники музея М.Н. Авдеенко и В. И. Корытова. Под казнохранилищем помещаются большие подвалы, из которых тянутся вверх лестничные подъемы, спрятанные в мощных опорах нижнего этажа. Может быть, эта версия не столь уж и фантастична. И действительно, в 2001 году тайны рентерееи чуть-чуть приоткрылись: была вскрыта комната-тайник на первом этаже здания, скрывавшаяся за плотной кирпичной кладкой. Она оказалась пустой, но сам факт наличия такого тайника настраивает на дальнейшие поиски подземной системы кремля.

Второй факт, приведенный в статье, касается гостиного двора. Автор отталкивается от описания, зафиксированного в «Сибирской летописи» Ивана Черепанова: «...Меж угольными башнями в стенах, которые на 2 апартamente подняты. В нижнем апартamente от ворот западных до восточных по полуденную сторону 18, по северной 17 палат, все с разборами. Да при том под каждой палатой построены такие же каменные погребы с такими же сводами. А дверьми и разборами все палаты устроены на внутреннюю сторону того строения».

Таким образом, в документе Ивана Черепанова подтверждается наличие подземных помещений в здании гостиного двора. Далее статья цитирует наблюдения известного тобольского историка, краеведа, общественного деятеля XIX века. «...Будучи в детстве, — писал Н.А. Абрамов в статье своей «О старинных каменных строениях в Тобольске», — я слышал от стариков, что в некотором отделении нижнего этажа каменного гостиного двора от ветхости балок провалился пол, и под ним будто бы рабочие, исправляющие его, видели в южной стороне железную дверь с очень большими крючьями, запертую тяжеловесными железными замками. На двери этой изображен во весь рост казак в синей форменной куртке с пикой в руке, и будто бы за дверью был подземный ход в камеры с железными дверями. Выход из этого подземелья был в одну из каменных арок возле Прямого взвоза, поднявшись на него из-под горы с правой стороны». «Тому же Абрамову, — продолжает статья в «Тобольских епархиальных ведомостях», — тобольские старики рассказывали, что эти 2 по сторонам арки в конце прошлого или в начале настоящего столетия (XIX. — В. С.) засыпаны землею в отвращение будто бы того, что там в глубине скрывались воров, которые шедших ночью по Прямому взвозу людей грабили».

Вывод из всего этого напрашивается один: значит, со стороны Софийского двора к Прямому взвозу подходили подземные тоннели. Возможно, они начинались от гостиного двора, от соборов, архиерейского дома или от одной из близко расположенных башен кремля и были как-то связаны и с рентерей.

Интересно, что автор статьи ссылается на мнение Н.А. Абрамова, говоря о наличии подземного хода из генерал-губернаторского дома в подземелья гостиного двора. Что же, был все-таки обход Прямого взвоза подземной связью двух старых каменных зданий? Какие новые наблюдения появились за последующее время?

Во-первых, неоднократно наблюдались провалы грунта на участках, примерно соответствующих направлениям галерей, о которых говорилось выше. Такие провалы были у дома генерал-губернатора, у гостиного двора, у архиерейского дома, у здания консистории.

Во-вторых, были находки «потерянных» подвалов, из которых, по многим признакам, выходили подземные пути. Сотрудник музея-заповедника Борис Олегович Эристов сообщил, например, о существовании целого подвального лабиринта под архиерейским домом. Он даже пробовал своими силами вскрыть один предполагаемый выход. Под балконом дома в раскопе наткнулся на глубокую нишу, закрытую решеткой, — по-видимому, заложенную когда-то дверь. Вскрыть эту закладку или продолжить раскоп дальше от дома без специальной техники не удалось.

С архиерейским домом связана легенда недалекого прошлого, в которой оставлено место и для подземных тайн. Легенда говорила, что якобы в дни Гражданской войны, когда Тобольск стал советским, красногвардейцы пришли арестовать все-сильного церковного владыку, известного крайне враждебными к новой власти взглядами, и не нашли его в доме, хотя все свидетельствовало, что хозяин только-только был здесь: на столе весело попыхивал самовар, а в солнечном лучике вилась пыль, поднятая упавшим стулом. Дом был оцеплен. Куда же пропал его хозяин,

как исхитрился исчезнуть? Владыку позднее видели в нижней, подгорной, части города. Появился слух, что он покинул резиденцию через подземный ход, ведущий к зданию рентереи. Кстати, в нижнем городе, как называлась тогда та его часть, что располагалась под кремлевским обрывом, были свои подземные тайны. Конечно, малейшая находка сразу связывалась с кремлем, но реально такая связь вряд ли могла существовать. Провалы грунта наблюдались у бывшей Богородицкой церкви, которая находилась у самой подошвы обрыва. Там же, внизу, стояла и другая церковь — Богоявленская. Огромное, массивное здание по непонятным причинам было уничтожено взрывами в 1947 году («по непонятным», потому что на этом месте ничего не построено и здание ничему и никому не мешало!). По историческим свидетельствам, именно эта церковь была первым в Тобольске каменным сооружением. Являя завидную архитектурную выразительность, здание Богоявленской церкви могло бы сегодня встать в ряд уникальных памятников архитектуры Сибири, хранить в своем объеме утекающее от нас Время. Взрыв Богоявленской церкви растревожил грунт — во многих местах появились провалы, обозначая направление древних подземных путей и местоположение бывших тайников. Какой-то путь тянулся в сторону Троицкого холма, приютившего Тобольский кремль. Так говорят очевидцы, но никто в ту пору не исследовал провалы, не зарисовал и не задокументировал обстановку.

Говоря о тобольских подземельях, мы ограничились лишь историей Тобольска, этой русской крепости и города. Но Тобольск, как и другие окрестные русские поселения, появился после походов Ермака и его сподвижников. А до этого на большой территории Западной Сибири были и поселения, и городки, и крепости, подвластные последнему властителю Сибирского ханства — Кучуму. Столица ханства Искер, или Кашлык, стояла неподалеку от того места, где был заложен первый Тобольский острог. После разгрома Кучума его укрепленное пристанище было заброшено, и на этом месте уже никогда больше люди не селились. Видимо, с тех пор пошли легенды о подземных лабиринтах Кучумовой крепости. Рассказывали о тайниках, подземном дворце сибирского царька, мастерских, где изготовляли оружие, о таинственных колодцах и прочем.

Случайны эти легенды, сказочны или все же скрывают реальность? Из подземелий Искера якобы выходил наклонный ход, устье которого находилось в ущелье реки Сибирки, рассекавшей искерский холм. Существование этого хода, принимаемого за колодец, подтверждал еще С.У. Ремезов, проводивший обмеры развалин Кучумовой столицы в самом начале XVIII века. Устье видели в XIX веке, а в начале XX века пробовали раскопать и расчистить. И действительно, обнаружили крепкий сруб из лиственничных бревен, уходивший в глубь холма. К сожалению, очистить ход целиком не удалось.

Но не только в древнем Искере собрались подземные тайны. Давным-давно легенды уводили и в другое место — на остров среди болот, который романтично назывался Золотой Рог. Тюменский журналист Б. Галязимов в книге «Легенды седого Иртыша» рассказывает о сложном и драматичном поиске тайных подземных сооружений на этом острове, проведенном группой энтузиастов. Один из них вроде бы нашел на затерянном в болотах клочке суши два вертикальных лаза из кирпичной кладки, уходивших глубоко под землю, и видел странные клейма на кирпи-

чах. Но, когда хорошо подготовленная экспедиция отправилась, чтобы произвести детальное исследование, выходов из подземелий не обнаружили, а потом выяснилось, что вообще попали на другой остров. Проводники из местных жителей развели руками — заблудились. Много странного и необъяснимого было в этом поиске. А легенды говорили не только о подземных сооружениях, но и о несметных сокровищах Кучума, спрятанных где-то в близких к древнему Искеру местах.

Можно задуматься над вопросом: как могло вообще появиться в глухомани сибирских земель тонкое инженерное искусство прокладки холмов, вывода вертикальных выработок, облицованных кирпичом, и других хитроумных затей? Ответить на него можно, если вспомнить, что Кучум — сын бухарского правителя из некогда могущественной династии Шейбанидов. А среднеазиатская «подземная инженерия», имея глубокие тысячелетние корни, достигала поразительных успехов во все времена. Постоянная прямая связь Кучума со своей не столь уж безнадежно далекой родиной обеспечивала приток мастеров и нужных материалов, а в рабочей силе при господстве рабства на территории Сибирского ханства недостатка явно не было.

Тайны «кучумовских подземелий» спорят с тайнами скрытых лабиринтов тобольских укреплений. У них разные истоки, но одна точка сближения — сибирская земля с ее непростой историей. Несмотря на гигантские пространства, эта земля всегда была насыщена, как и всякая веками населенная территория, памятниками истории и культуры. И большой, сложной, ответственной задачей нашего времени представляется изучение наследия сибирской земли, бережное восстановление, сохранение и утверждение в памяти потомков «кучумовского» и «ермаковского», гленного и нетленного, природного и сделанного человеческими руками, наземного и подземного — всего, отстоящего от нас на века. Задачей именно нашего времени. Завтра будет поздно.

Кунгурские рукотворные пещеры

*Кресты на слиянии Ирени и Сылвы. Есть ли тайники в Кунгурском остроге?
«Вечные» провалы в старом центре. Подземные ходы у Тухвинской церкви.
Подземелья боярского дома, где они? Подземный ход к Сылве.*

О Кунгуре, наверное, знают все. О нем не слышали, пожалуй, только самые недобознательные люди. Но такие не в счет. Если уж быть совсем точным, то любознательные люди знают Кунгурскую ледяную пещеру, и многие из них не подозревают, что пещера расположена почти в городской черте этого уральского поселения, значение которого в истории освоения края очень велико. Кунгур просто был необходим, он не мог не появиться, как, скажем, не мог не появиться в свое время Нижний Новгород. Сдвинулись южнее великие торговые пути после крушения Орды, нашлись новые удобные дороги через Уральский хребет, да такие, что из реки в реку можно было без особых забот перевалить, — вот и появилась необходимость в торговом, военном и административном центре, в городе-лабазе, городе-крепости, городе-мастерской.

Кунгур начинался как маленький деревянный острог, поставленный «для сбережения пути» недалеко от впадения реки Кунгур в реку Ирень. И было в остроге восемь дворов с населением в 17 человек, но службу он нес исправно. Правда, недолго, всего 14 лет. Потомки сибирских «царьков» не забывали поражения, нет-нет да и собирали они сотню-другую воинов, подстрекали к выступлениям владык местного калибра, неистово громили русские поселения. В один из таких набегов Кунгурский острожек был дотла сожжен ордами кучумовского наследника — царевича Кучука и примкнувших к нему башкирских феодалов. Кунгур возродился уже на новом месте, недалеко от слияния Ирени и Сылвы, и обладал теперь настоящей крепостной неприступностью: высокое место с крутыми склонами, опоясанное с трех сторон сливающимися реками-защитницами. На высоком месте и был возведен деревянный рубленый кремль.

Городу на новом месте пришлось не раз переживать «лихое время» и видеть под своими рублеными стенами разбойничье воинство кучумовских внуков, но добрые были в Кунгуре пушкари и пищальники, отбивали осады. К рубежу XVII—XVIII веков город обретает еще две линии обороны, защищавшие разрастающиеся посады, а на плане 1703 года их уже три. Кунгур петровского времени — это нервный узел, через который посылались мощные импульсы, поднимавшие горнозаводское дело на Каменном Поясе.

После открытия медных руд в Камском Приуралье Кунгур, как ожерельем, окружается медеплавильными заводами и заводиками. Начинается звездный час города-крепости: он получает статус цент-

на Пермской провинции, разворачивается каменное строительство, причем сооружаются не только культовые постройки, но и крупные гражданские здания. Дело доходит до того, что и купеческие амбары возводятся из кирпича. Для Урала XVIII века это было неслыханной роскошью.

И с каждым годом с горечью и болью смотрели кунгурцы на свой ветшающий кремль, что недавно горделиво и победно возвышался над городом. Покосились башни, кое-где рухнули участки црясел, заросли грозные рвы, провалами обозначились контуры сгнивших водозаборных тайников. Три оборонительных городских линии сняли с кремля военное бремя, а при угрозе подхода пугачевцев оказалось, что башни и стены не смогут выдержать даже веса пушек.

Участь древнего сооружения была решена. Решена не только из-за его ветхости: по новому, так называемому регулярному плану (такие планы были составлены во второй половине XVIII века для большинства русских городов с древней планировкой) кремль мешал городу, рвавшемуся из рамок феодализма. Городу нужен был уже не крепостной, а торговый центр. Снос кремля не привел, к счастью, к всеобщей перепланировке центра. Старые кирпичные здания сохранились, многие из них дошли до нашего времени и сейчас еще служат важными опорными точками градостроительной структуры Кунгура. Что же, если в Кунгуре так много сохранилось архитектурной старины, значит... Значит, и потаенные сооружения должны дойти до нас, сохраниться где-то в недрах старинного города.

Конечно, наиболее древние тайники с деревянной крепью и обшивкой должны были быть на территории кремля. Кунгурские летописи не сообщают о них ничего, а во времена Михаила Кайсарова, составившего как бы полную инвентаризацию строений первых городов Приуралья (так называемые «Писцовые книги Михаила Кайсарова со товарищи 1623—1624 годов»), Кунгура еще просто не существовало. В писцовых книгах разных времен нет-нет да и проскользнет маленькое раскрытие тайны, как, например, «...а тайник тот совсем завалился...» или «...выведен тайник из-под той башни, да вельми худ и ветх...». Конечно, что проку от завалившегося тайного прохода к воде, тут и тайны делать нечего, а лучше копать новый покрепче, в более удобном месте — вот тогда снова тайна. Правда, писцовые книги тоже составлялись не для всех любопытных глаз и давали картину беспристрастную.

Собственно, Кунгурский кремль и не успел попасть в писцовые книги, ибо был нов, крепок, надежен и не требовал оценки затрат на ремонт. А в 1703 году фортификационными работами в Кунгуре занимался С.У. Ремезов, знаменитый строитель Тобольского кремля, и в его описаниях и на планах оборонительных линий нет никаких указаний и намеков на потаенные сооружения.

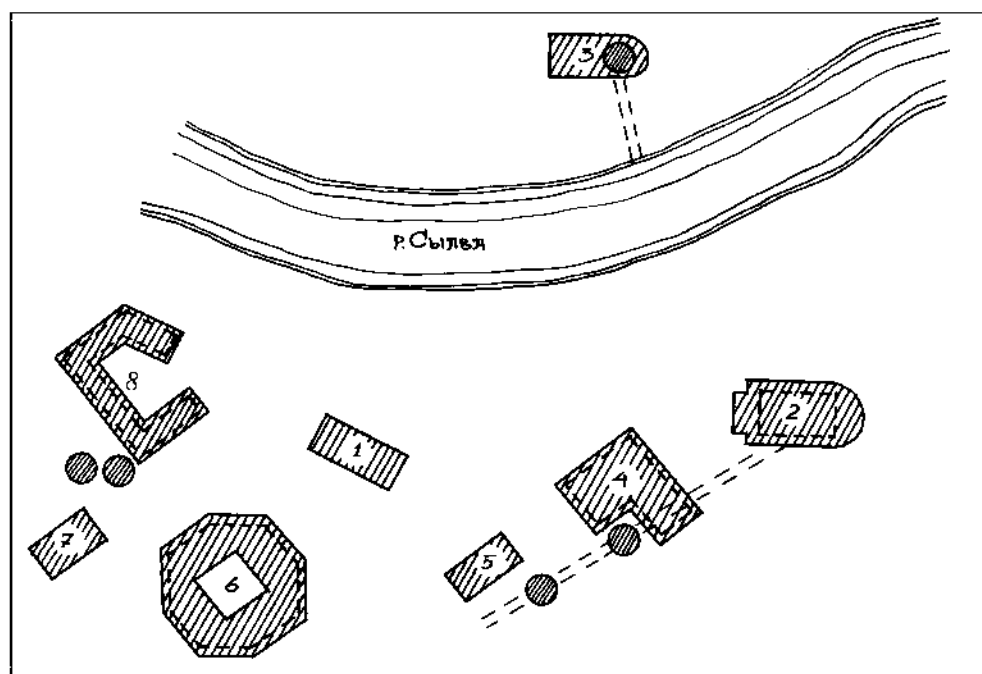
По-видимому, древние лазы Кунгурского кремля обвалились давным-давно и не оставили следов на поверхности. Но в пору каменного строительства, проходившего в беспокойные времена XVIII века (на кунгурских и близких к ним землях только до пугачевской грозы было 4 крупных волнения, захвативших в общей сложности период почти в 30 лет), наверняка строились более капитальные каменные подземные сооружения. Посмотрим, что говорят об этом находки, легенды и свидетельства очевидцев.

Кунгурцев постоянно удивляет, что неизменно каждую весну в районе улиц Го-

голя и Карла Маркса, сохранивших старую застройку, появляются провалы грунта. Противоречивы рассказы очевидцев: кто-то видел в этих провалах кладку, кто-то видел не кладку, а извилистые ходы-воронки, какие бывают в карстовых районах, кто-то считает, что в этом месте есть и то и другое.

Провалы уже неоднократно заваливали щебнем, укатывали асфальтом, но неизвестные дыры появлялись вновь, то на прежнем, укатанном месте, то рядом, особенно если весна выдавалась водообильной. Вблизи этого участка старого центра когда-то располагался монастырь. Не от него ли осталась такая памятка?

Бывшая Тихвинская церковь, сооруженная в 50-х годах XVIII столетия, стоит на высоком сылвенском берегу. В советское время в ней оборудовали городской кинотеатр «Октябрь». Прораб Кунгурского реставрационного участка И.П. Бурухин видел, как при строительстве нового административного здания недалеко от Тихвинской церкви рухнул куда-то вниз целый блок грунта, открывая подземный тоннель. Где-то здесь же, примерно на трассе этого тоннеля, под грузеной телегой однажды провалилась земля, увлекая в подземелье бьющуюся лошадь.

1 — воеводский дом — магистрат

2 — Тихвинская церковь

3 — Преображенская церковь

4 — бывший дом купца Дубинина
(ныне горисполком)

5 — административное здание

6 — гостинный двор

7 — здание бывшей городской управы

8 — старое купеческое здание

● — провалы, выходы подземных сооружений

--- — подземные ходы

□ — контуры подвалов

*Схема расположения подземных сооружений
в зоне старого центра Кунгура (реконструкция автора)*

Открытое подземелье было явно рукотворным, и на карст грешить не приходится. Факты, рассказанные реставратором, подтвердили сотрудники краеведческого музея. Музей располагается в воеводском доме. Так кунгурцы называли здание, официально числившееся под чужим именем — магистрат. Построен он был в середине XVIII века и, по-видимому, унаследовал в своем русском названии память горожан о когда-то стоявшей здесь самой настоящей воеводской резиденции. Место старое, приметное, по своему положению как бы обязанное концентрировать подземные тайны. Но, увы, поиски этих тайн не привели пока ни к чему. Даже в подвал своего здания сотрудники музея не могли попасть — будто бы и нет его. Магистрат без подвала? Без горы сундуков с отслужившими свое деловыми бумагами, без железных дверей с гремящими замками, что запирают отсеки с небогатой провинциальной казной, без решеток, за которыми держали привозимых на дознание колодников, наконец, без тайных подземных комнат, о которых упоминали, прикладывая палец к губам? Нет, без подвала магистрат не строился.

Скорее всего, подвал воеводского дома был замурован, а документов об этом событии не сохранилось. Может быть, в памяти старожилов и оставались какие-то сведения, но нет уже в живых многих из тех знаменитых когда-то краеведов, которыми славился Кунгур. И записей после них, как утверждают, не осталось. Ничего не записывающий краевед? Такого, конечно, не бывает. Ведь в самой сути своей краевед — это человек, ищущий крохи стародавних событий не для того, чтобы ими занимать уголки своей памяти и тешить самолюбие («я знаю, а вы — нет»), а чтобы любой ценой сохранить эти, иногда наиважнейшие в понимании событий прошлого крохи будущим поколениям. Записи должны быть. Их нужно найти.

Здание старой Преображенской церкви сейчас занято художественными мастерскими. Стоит оно в так называемой засыдвенской части на низком берегу, крепкое, ладное, с маковками куполов, действительно чем-то напоминающих головки попавшего мака на тонком стебельке-ножке. Хозяева старого здания не очень рачительны, и, мягко говоря, совсем не художественный беспорядок начинается уже с покосившегося и дырчатого забора, с груд мусора во дворе. Но все равно спасибо этим хозяевам — здание не щерится рванинами кирпичной кладки, не смотрит на свет белый черными проемами пустых окон. Здание работает, живет, а это важно для всякого памятника архитектуры. Нынешние хозяева Преображенской церкви оказались народом любопытным. Они обследовали доставшуюся им церковь, спустились в подвал. И здесь в подальней части их ждал сюрприз: в стене подвала, что сориентирована на Сылву, видна была кирпичная закладка, закрывающая какой-то проход. Нет, художники из мастерских не стали разбирать закладку — тут нужны специалисты, но, выйдя из подвала, прикинув положение возможного прохода и призвав к размышлениям фантазию, тут же решили: из Преображенской церкви шел подземный ход под рекой Сылвой точнехонько к Тихвинской церкви, что стоит напротив на высоком берегу. Действительно, строения оказались друг против друга, но вряд ли они были соединены под землей. И хотя нет ничего технически невозможного в прокладке хода под дном реки, в данном случае трудно верить в его реальность: просто не нужен был такой подземный ход. Но подземный ход все-таки был — он выходил из подальней подвала Преображенской церкви и обрывался у Сылвы. По нему можно было уйти от грозящей опасности к реке.

По старинным улицам Кунгура едут автобусы, везущие туристов к ледяной пещере, уникальному природному образованию. Она грандиозна. Ее известные человеку ходы и залы простираются на десятки километров. А сколько еще неизвестно! Может, какой-нибудь рукав выходит в недра под самим городом и в него спускается рукотворный тоннель, по которому весь город мог уйти в безопасную глубину и выйти потом в чащобах лесов и теснинах долин, спасая живое, мудрое, будущее.

ПЫСКОРСКИЙ ЛАБИРИНТ

Находка в Пысдорской горе. Подземный ход идет в глубину склона. Стеги обвала и обходной тоннель. Вертикальный колодец и его стег. Монастырский подземный лабиринт. Аналоги монастырских подземелий. Тайные подземные сооружения уральских раскольников. Почему появились тайники-скифы?

Горный техник Клоков был несколько удивлен приглашением в столь авторитетную, солидную и вместе с тем странную для его дела комиссию. Если бы разговор шел об обследовании обыкновенных горных выработок, добирающихся своими тоннелями до полезного ископаемого, то ему, как специалисту, нечего было бы удивляться и сомневаться. Но задачу перед ним поставили не совсем обычную: оказать помощь археологам и историкам в обследовании подземного хода, обнаруженного, как гласят документы, 27 апреля 1915 года в селе Пысдор Пермской губернии. О находке в Пермь сообщил кто-то из местных жителей. Но только через месяц на место выехали историк И.Я. Кривошеков и археолог П.С. Богословский. Бегло осмотрев то, что было доступно, и хорошо зная исторические особенности местности, ученые вернулись в Пермь, воодушевленные идеей немедленного продолжения поисковых работ. Пермская ученая архивная комиссия на своем заседании одобрила предложенный план, на удивление быстро нашлись и необходимые средства. Вот тогда-то и пригласили горного техника Клокова: предстояли не простые археологические раскопки, а расчистка подземного сооружения, его крепление, составление планов — словом, работа сродни горняцкой. Настроение Клокова сначала было такое: приглашают — значит, нужен, просят сделать — почему бы не сделать, но когда он услышал рассказ историков о древностях Перми Великой, об уже сделанных и возможных будущих находках, о глубинах пермской земли, таящих с незапамятных времен скрытые от глаз загадочные пустоты, то, пожалуй, по-настоящему загорелся предстоящим предприятием.

Клоков вспомнил, как однажды плыл пароходом по Каме. Погода стояла великолепная, и даже ему, повывавшему, слава богу, эту реку, камские дали показались необыкновенно красивыми. А известный столичный журналист, с которым Клоков познакомился на верхней палубе, был просто в восторге. В красноцветных глинах высокого камского берега то и дело чернели дыры пещер. Здесь они могли появиться, как подметил Клоков, только при вмешательстве человека. Заинтересовали пещеры и журналиста. Послали за лоцманом, человеком местным и, по мнению команды, всезнающим. Лоцман степенно рассказал, что знал, о камских пещерах, а журналист торопливо дословно записал: «Тут прежде разбойники жили, шибко гуляли по всей округе.

Погуляют, погуляют, пошлют за ними полтыщи поисков, а разбойные люди в нору — и сидят, хилятся, прячутся, значит. А потом опять выползут и давай шебаршить, разбойничать...»

В рассказах бывалых людей фигурировала женщина-атаман по имени Фелисата из Усолья. Ее удачливая шайка тоже обитала в одном из камских подземелий, увешанном, как говорила молва, коврами и обставленном дорогой утварью.

Село Пыскор прибилось к горе, под которой текла тут же недалеко впадающая в Каму веселая речка Верхняя Пыскорка. Ее часто называли по-старинному — Камгортка. Село тоже старинное. В то время, когда исследователи подземного хода приехали со своим снаряжением, в селе было еще много двухсотлетних изб — черных кряжистых построек из бревен чуть ли не в обхват.

Гора, заросшая травами, зелень которых иногда вдруг проявляла неясные очертания каких-то давным-давно разрушенных сооружений, была в свое время знаменитой. На ней стоял один из значительных и богатых в Перми Великой монастырей — Пыскорский. Трижды менял свое место монастырь. Основанный заботами первого из Строгановых — Аникой, как родовой, он находился сначала поблизости — на речке Нижняя Пыскорка, затем его перенесли в 1570 году на эту Пыскорскую гору, а в 1755 году еще куда-то вверх по Каме, сохранив название. Первые двести лет существования монастыря были связаны с деяниями Строгановых настолько тесно, что вооруженный вроде бы идеями христианского бессребрничества монастырь стал даже соперником династии промышленников в коммерческих делах.

Устье подземного хода, словно маленькая подковка, брошенная на зелень травы, чернело в склоне Пыскорской горы сразу за последними домами села. Несомненно, отверстие для маскировки было завалено еще в старину, но вот случился обвал свода устья, и ход обозначился.

Исследовательская группа приступила к работе в первый же день. Расчистили устье, сориентировали направление тоннеля — оказалось, что он идет в глубь горы почти строго с юга на север.

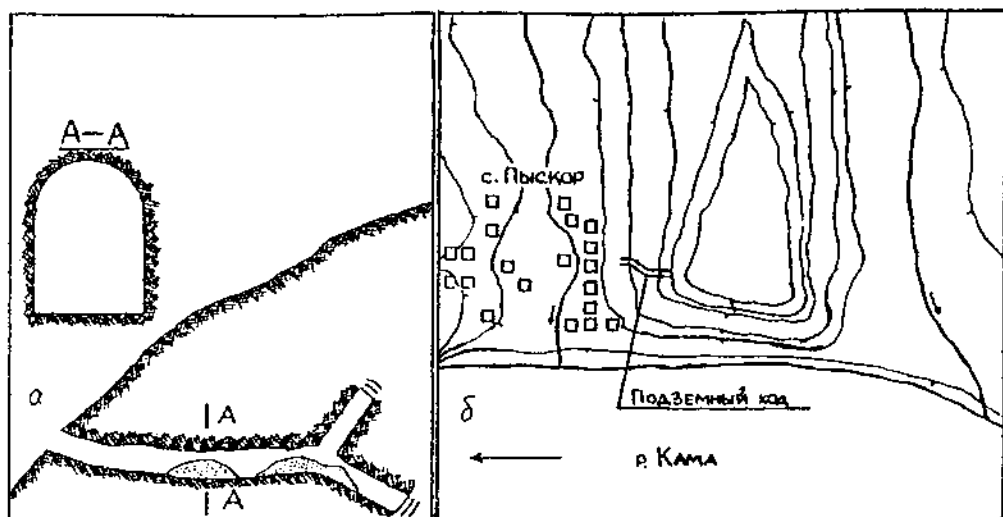
Входя в подземелье, Клоков придиричиво осмотрел потолок. Ни просядок, ни трещин он не обнаружил. Ход был прорыт в плотной глине, его потолок, остро закруглявшийся, напоминал чем-то стрельчатые, готические формы. Такой прием наверняка способствовал снятию давления глинистой толщи и сохранил в целости по крайней мере эти первые метры тоннеля — дальше была пока темнота. Высота подземного хода примерно соответствовала человеческому росту, а ширина составляла аршин (то есть чуть более 70 сантиметров).

Исследователи осторожно двинулись в глубину горы. Ход был сухой, фонари выхватывали кое-где пятна копоти на стенах и своде, на плотно утрамбованном полу валялись засохшие комочки глины. Чем дальше углублялась поисковая группа, тем больше попадалось участков, где ход становился ниже и уже. Правда, эти участки были короткими, и, пройдя 26 сажень (более 55 метров), исследователи наткнулись на обвал. Странным был этот обвал: в куче обвалившегося грунта почти не было глины, в которой проложен ход. Рабочие под руководством Клокова стали разбирать кучу, но она все время наполнялась сыпавшейся сверху землей. Наконец стало ясно, что никакого свода над этим местом не было. Здесь был верти-

кальный колодец, выходящий прямо на поверхность. Его завалили при каких-то обстоятельствах, может быть, во время ликвидации монастыря. Что делать? Сил и времени не хватит, чтобы сию минуту разобрать эту засыпку и расчистить колодец. Клоков принял решение: укрепить обвалившийся участок и попробовать обойти его справа короткой выработкой, чтобы выйти на продолжение хода за обвалом. Обходная выработка неожиданно встретила полость с полуистлевшей деревянной крепью. Это было не продолжение обследованного хода, а совсем другой ход, который шел с уклоном вниз и поворачивал направо, в самые недра горы... Правда, радость находки оказалась преждевременной: через 2 сажени (4 метра) исследователи вновь наткнулись на завал. На сей раз ход был засыпан мусором до самого свода. Сколько его, этого мусора? А сколько саженей тянется ход? Горный техник Клоков прикинул, какой объем грунта нужно вынуть в самом оптимальном случае. Ученые поняли, что ход с полусгнившей крепью в этот раз им не расчислить, и перенесли свои исследования на поверхность, чтобы попытаться отыскать возможные выходы из подземелья. Действительно, на поверхности была найдена заплывшая воронка на том месте, где находился вертикальный колодец.

Снесенный во время переноса монастыря в 1755 году главный собор, как позволило предположить обследование вскрытых фундаментов, имел, по-видимому, глубокие подвалы, особенно в подальтарной части. Из этих подвалов и шел подземный путь в лабиринт под горой.

Бесспорно, сухой вертикальный колодец служил и выходом в подземелье, и вентиляционным устройством. К нему как бы стекались подземные тоннели. Не исключено, что на территории был и еще один (а может быть, не один) такой же колодец.

а — разрез подземного хода

б — схема расположения хода на местности

Пыскорский подземный ход (по Г.А. Бординских)

Исследовательская группа представила свои соображения по проведению дальнейших работ Пермской ученой архивной комиссии. Началась было подготовка к новой, более оснащенной экспедиции, но события ближайших лет заслонили эту проблему, а потом она и вовсе позабылась.

Что же все-таки находится в глубинах Пыскорской горы? Наиболее вероятно — подземный монастырский лабиринт из тоннелей, подземных часовен, тайных келий, складов и прочих помещений.

Пыскорский монастырь долгое время существовал на самой границе русских земель с Ордой. Угроза нападения сибирских царьков висела над ним многие десятилетия, пожары угрожали деревянным строениям, лихие камские варнаки были не менее опасны, чем пожары и пельымские стрелы. Поэтому монахи и зарывались в землю, устраивая там помещения и для службы, и для жилья, и для быта. Вполне возможно, что начало подземному строительству в Пыскорской горе положили еще отшельники, скит которых, по преданию, обнаружил Аника Строганов, подыскивая место для будущего монастыря. А может быть, в начале начал это сделали чудские умельцы, устроившие в горе целое подземное поселение, монахи же только воспользовались плодами этого гигантского труда. В Пыскоре есть над чем задуматься...

Но вернемся к версии, что лабиринт появился благодаря труду жителей монастыря. Она наиболее вероятна, тем более что подобное встречается довольно часто. Конечно, классическим примером является подземный лабиринт, гигантское разновозрастное хитросплетение подземных галерей и помещений Киево-Печерской лавры. До сих пор там открывают новые ходы, кельи, некрополи. В работах участвуют историки, археологи, геологи, геофизики. Лабиринт вызывает мысль о подземных городах древности. Известен подземный монастырь, уходящий своими тоннелями в глубь Балдиной горы под Черниговом. Четыре просторных этажа подземелий вырублено в этой горе, а начало им было положено в X веке, еще до официального введения христианства на Руси.

С еще большим размахом велось подземное строительство в Дивногорских, Белогорском и других монастырях в бассейне рек Дона и Оскола. Эти подземные обитатели (имевшие, конечно, и наземные постройки) возникли в XVII веке. Например, Троице-Никольский холковский монастырь, располагавшийся при впадении реки Холок в Оскол, имел обширный подземный храм, к которому вел подземный ход с ответвлениями. Общая длина ходов составляла 125 метров. Более сложную подъемную структуру представлял шатрищенский Преображенский монастырь, открытый в недрах горы Шатрище на берегу Дона. Там тоже был храм, к нему вели коридоры, вырубленные в меловой породе. Причем для их прокладки использовались естественные карстовые полости, которые после придания им геометрической формы походили на камеры и кельи. Коридоры спускались и поднимались под разными углами с общим перепадом глубины до 45 метров. Длина всех подземных путей в этом комплексе составляла уже около 400 метров.

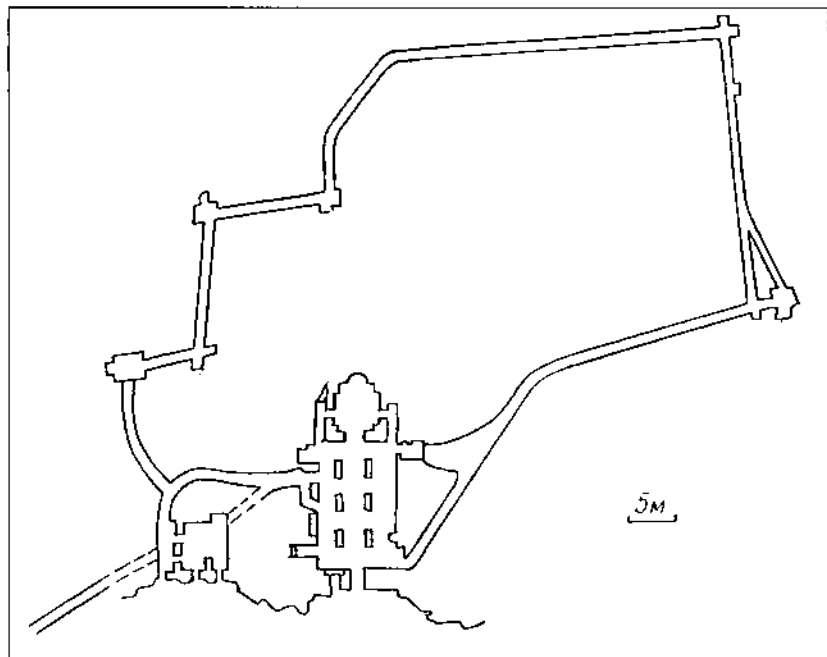
Дивногорские монастыри (название им дали два меловых массива на берегах Дона — Малые Дивы и Большие Дивы) тоже включают в свой лабиринт подземные храмы, высота которых до 5 метров, а длина и ширина составляют соответственно до 20 и 6—7 метров. Длина главных подземных ходов, огибающих храмы, доходит до 100 и более метров.

Интересен Белогорский монастырь на территории Воронежской области, также устроенный в меловых скалах над рекой Доном. Причем начали копать этот лабиринт в самом конце XVIII века, а основные работы развернулись после одобрения предприятия Александром I. К 1822 году длина ходов составляла уже более километра. Значит, подземное монастырское строительство протекало и в XIX веке при наличии определенных социально-исторических условий.

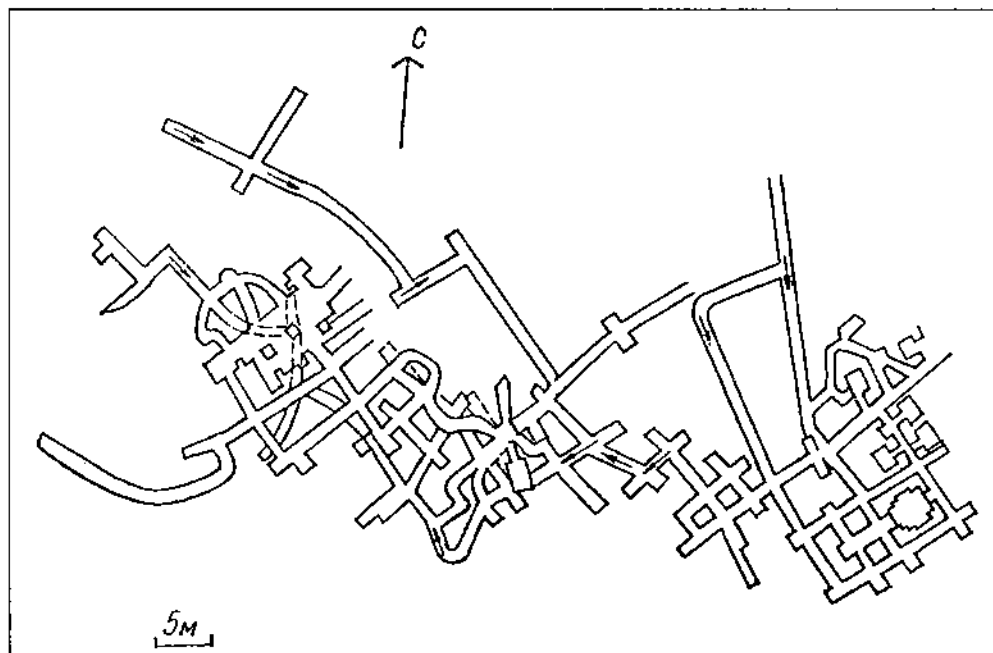
Для общего представления о структуре подземных монастырских объектов мы приводим их планы, полагая, что в том же Пыскоре могло быть нечто подобное, пусть даже в меньших масштабах.

К монастырским подземным тайнам примыкает та потаенная деятельность, которой занимались уральские раскольники, или, как позднее их называли, старообрядцы. Деятельность эта определялась сложностью жизни гонимого меньшинства, часто переходившей в жестокую борьбу за выживание. По всему Уралу были рассеяны потайные жилища и скиты, тайники, тайные школы и монастыри. Большой частью располагались они под землей. В городах и поселениях при заводах, где последователи церковного раскола составляли иногда значительную часть населения, устраивались тайные кельи и убежища в домах, где по внешнему виду и внутренней обстановке нельзя было никогда заподозрить сокрытое. Простой кухонный шкаф для посуды вдруг мог повернуться вокруг невидимой оси и открыть за собой внутрискрипный проход или лестничный спуск в подземелье. Но и в нем еще не сразу можно было увидеть закиданный хламом люк, через который по приставной лесенке спускались в другой этаж подземного обиталища. Вот уже здесь блеск древними ризами иконостас, в нишах за железными коваными створками лежали старопечатные книги, слабо, словно вполсилы, горели свечи. В подземной молельне собиралось по несколько десятков человек; шла служба; не боясь постороннего уха, собравшиеся пели молитвы. Из подземелья, где-нибудь за алтарем, выходил тоннель в сторону двора или огорода. Он мог быть двурукавным. Один рукав, короткий, подходил к колодцу, вертикаль которого вентилировала все подземелье, другой, длинный, уходил в глубину двора, к сараям и амбарам, а то и дальше, к колодцу в огороде или к глухому оврагу. Через этот рукав выбирались тайно те, кому несподручно было выходить обычным путем. Бывали конструкции и посложнее. Если, например, кроме молельни нужно было сделать и убежища для беглых единомышленников или преследуемых наставников.

Тайные жилища и скиты вне городов и поселков располагались в глухих, безлюдных местах, однако не настолько далеко от центров, чтобы затруднить сообщение. Кроме обитателей откровенных пустынников и отшельников, скиты редко выходили из границ примерно 20-километровой зоны в округе от населенного пункта. Пути к ним были строго засекречены и неведомы для непосвященных. На Урале, особенно в пределах главных хребтов, где залесенные кручи сменяются такими же залесенными распадками и логами, где скалистые останцы-шиханы вдруг сбегают в горные болота с островками, можно было долго хранить тайну. Подземные скиты и убежища обычно представляли вертикальный или наклонный колодезь-шахту, от которого отходили короткие галереи в 2—3 сравнительно небольших помещения — кельи. Вход маскировался. Если грунт был податливым, то устанавливали деревянную крепь. По недоступности, а следовательно, по пота-

План подземных ходов и помещений древнерусского пещерного монастыря в Малых Дивах (по В.И. Плужникову)

План подземных ходов и помещений древнерусского пещерного монастыря в Белогорье (по В.И. Плужникову)

нности славились скиты вблизи Черноисточинского завода, долго дававшие приют староверческому люду. Лев Расторгуев, екатеринбургский магнат и ярый приверженец раскола, в округе Каслинского завода основал даже два тайных монастыря: мужской — на берегу озера Сунгул, женский — на берегу озера Анбаш. Возможно, что их основные помещения находились под землей. Подземные скиты окружали Ревдинский, Сылвенский, Тымовский, Тисовский, Верхне-Тагильский, Кыштымский и многие другие старые заводы.

Борьба с раскольниками усилилась в первой четверти XIX столетия. Указом 1827 года им было запрещено строить скиты и именоваться пустынножителями и скитниками. Предпринимался розыск скитов, отряды солдат и заводских стражников разрушали и уничтожали тайные базы. Скитники сами бросали ставшие ненадежными обители, засыпая их входы, как бы сейчас сказали, консервировали. Потом следы подземных убежищ терялись навсегда. Вот почему так было мало находок нетронутых скитов или их следов.

Неужели староверы зарывались в землю только из страха перед светскими и церковными властями? Ведь, по свидетельствам современников, это были в большинстве своем необыкновенно твердые, упорные, бескомпромиссные люди, которые могли и жизнью пожертвовать в фанатичном порыве. Нет, по-видимому, не только страх толкал раскольников устраивать подземные обиталища, или, как называли их противники, гнездилища. Было и что-то другое.

Попробуем найти ответ в старой книге, рассказывающей о причинах появления раскольников на Урале, их понимании «истинной веры», их обычаях и о способах борьбы со старообрядцами. Книга эта так и называется — «Обозрение Пермского раскола, так называемого старообрядства, составленного А. П. Санкт-Петербург. 1863». А. П. — это видный церковный просветитель, борец и гонитель раскола, архимандрит Палладий, а в миру — Александр Пьянков.

Во-первых, подземное строительство староверов вызывала сама их религиозная идеология. Главный догмат гласил: спасение души может быть только в пустынях, то есть в удаленной от прочих людей среде, бессуетной и негласной. Этому вторила принятая как закон фраза, якобы сказанная когда-то гласом с небес: «Рабы мои истинные, православные христиане, можете потерпеть, а не можете, бегайте и убегайте в мои святые горы и вертепы, в расседины земные». «Расседины земные» — это и комментировать не надо. Сюда подпадает не только высеченное в земле природой, но и вырытое руками человеческими. А слово «вертеп» в старину трактовалось однозначно: пещера.

Во-вторых, подземной деятельности способствовали и некоторые обычаи и обряды, принятые в раскольнической среде. А именно: обязательно скрытно, тайно, секретно от всех прочих, без постороннего глаза исполнять службы и моления. Палладий — Пьянков пишет: «Есть обычай у староверов собираться ночью из религиозных и других побуждений. Эти собрания делаются очень скрытно, с большими предосторожностями. Расходятся с рассветом секретными путями...» Секретные пути. И здесь, пожалуй, нет двойного толкования.

В-третьих, трудоемкость подземных работ обуславливалась материальными возможностями: в недрах старообрядчества были богатейшие и влиятельные люди Урала. Мы уже говорили, что Лев Расторгуев устроил два тайных монастыря. Это

значит, дал деньги, высвободил от других работ, обеспечил прикрытие и тому подобное. Другие деятели Екатеринбургского раскольнического общества (так неофициально называлась община) — заводчики и золотопромышленники Рязановы, Казанцевы, Тарасовы, Зотовы, Харитоновы — оказывали движению всемерную поддержку. Среди активнейших подвижников раскола были управители Саранинского, Артинского, Сылвенского, Камбарского, Рождественского, Верхневинского, Каслинского, Кыштымского заводов. Палладий — Пьянков свидетельствует, что раскольники пробивались на все руководящие должности, от мастеров до приказчиков и конторских служащих. В Перми долгий период бургомистрами были богатые купцы-староверы Суслов и Соколов. При такой мощной поддержке можно было делать многое.

Немалую роль в устройстве подземных скитов и убежищ, «особенного жилья», сыграло подражание знаменитым Иргизским скитам, этому настоящему гнезду иерархов и наставников религиозного явления, слово которых было определяющим и решающим для их уральских последователей. Иргизские скиты находились в глухомани долины реки Большой Иргиз, впадающей в Волгу, и имели постоянную связь с Уралом.

К такому вот повороту привела нас темная подковка подземного хода на зелени Пыскорской горы, скрывающей таинственное монастырское жилье.

А может быть, у Пыскорского «хода» были и «предтечи» другого рода? Обратимся снова к труду соликамского историка Г.А. Бординских. Он дает сведения о результатах археологических раскопок, которые проводились в местах расположения поблизости древних крепостей, построенных еще до прихода в край русских поселенцев. В пределах Пянтежского городища известным уральским археологом В.А. Обориным был выявлен подземный водозаборный ход. Он представлял неглубокий ров, перекрытый жерлями с дерновым покрытием. Остатки подземного хода были найдены в 90-х годах прошлого века при раскопках Рождественского городища археологом А.М. Белавиным. Ход начинался на территории городища, полными ступенями в толще грунта спускался к реке Обве, где его выход скрывался в заросшем кустарником логу.

Начало водозаборного тоннеля обнаружено на Эсперовом городище. Подземное сооружение уходило к берегу Камы. По преданиям известно, что на месте столицы вогульского княжества Расим в этих же краях располагалось обширное подземелье, служившее укрытием населению во время осад и набегов.

Не простой оказалась пыскорская земля.

пермские Мюки

Есть ли подземелья в Перми? Легенды о подвигах управительского дота. Старинные горные выработки в недрах города. Карты рукотворных тоннелей. Находка странного тюка. Подвзятая котыпта и ходы из нсс. Тайник, сейф или канализация? Заводка старого храта.

Пермь разочаровала искателей подземелий. В ней не было того самого «гвоздя», вокруг которого нарастали бы легенды, рассказы, сообщения. Такого, каким, например, для Невьянска служит знаменитая башня, для Екатеринбургa — таинственный дом Харитоновa, для Соликамска — древний воеводский дом. Возникали, естественно, недоумения: может быть, наш поиск именно в Перми стал менее добросовестным, может быть, какая-то историческая загадка в жизни города, как непроницаемый колпак, прикрыла всякие события, связанные с подземным пространством?

В «Пермских губернских ведомостях», чутких к малейшим намекам на сенсации, за многие годы не появилось ни одного упоминания в краеведческих статьях и очерках о каких-либо пермских подземельях или их признаках. В то же время там регулярно печатались сообщения о подобных находках в Невьянске, Екатеринбургe, Соликамске, Усолье. А может, вообще не возникало интереса к недрам старого города, случайности же просто миновали его?

Удивляла скудость легенд, то есть свидетельств, когда истинное и выдуманное перемешано, полито красками сказки и фантазии, но все же содержит правду о главном. Например, подземелья участвуют в одной из пермских легенд, которая потом обросла добавлениями и покатила по всему Уралу. Это легенда об Иване Снеткове. Беллетристы использовали ее в полную силу и сделали легенду красивой, жуткой, романтической, назидательной. Нас может интересовать лишь суть. А она в следующем.

Страшные подвалы были под домом одного из управителей завода. В толстых стенах скрывались каменные мешки — узкие пространства, где человеку можно только стоять. В закоулках подвалов под их массивными сводами глохли любые звуки. Чем-то провинился перед управителем молодой красивый парень Иван Снетков (легенда называет имя и фамилию, может, и на самом деле был такой человек?). Посадили его в подвал, но каким-то образом, выломав решетку, Снетков бежал из подвала, прихватив с собой любовницу управителя. Тогда тот приказал схватить отца юноши и посадить его в подвал, да еще в каменный мешок, и «замазать в стену», то есть заложить мешок кирпичом, оставив небольшое отверстие для воздуха и пищи. И приказал объявить в округе: пока Снетков сам не явится, отец его будет сидеть (стоять) в каменном мешке. Вечером сын явился. Отца выпусти-

ли на свободу, на следующий день управитель вызвал его к себе и сообщил, что Снетков снова убежал, но он, управитель, зла больше не держит и прощает парня.

Правда открылась через несколько лет, когда один из управительских служек, не вытерпев посещавших его ночами кошмаров, публично покаялся, что вместе с двумя другими такими же негодьями по приказу «самого» замуровал Ивана Снеткова в каменном мешке заживо. Кто-то сообщил управителю о «предательстве» бывшего верного слуги, и когда представители властей нагрянули в дом (видно, не всех успел кушить управитель), то в указанном месте подвала никакого мешка не оказалось — сплошной кирпич. Принцип «доносчику первый кнут» тут же воплотился в наказание раскаявшемуся негодю, а управитель лично проследил, чтобы после кнотовья тот живым не встал. Легенда говорит, что от этого управителя пошел род богатых пермских промышленников.

Развивались ли события так, как трактует легенда, был ли на самом деле такой Иван Снетков — неизвестно. Но то, что в легенде фигурирует подземный объект, да такой, какие на самом деле существовали во многих уральских вотчинах заводчиков (Сысерть, Кыштым, Верхний Тагил), несомненно заинтересовывает как факт вполне достоверный. Если следовать легенде, то в городе можно обнаружить несколько домов, где могли бы быть такие глубокие и жуткие подвалы.

Интерес к подземному пространству Перми возник в авральном порядке и совсем не случайно. Правда, виноваты в этом оказались не подвалы и подземные ходы в черте исторического центра, а другие подземные объекты, оказавшиеся очень коварными. Остановимся подробнее на этом эпизоде в жизни города, чтобы показать важность и необходимость полного знания о том, что таит в себе городские недра.

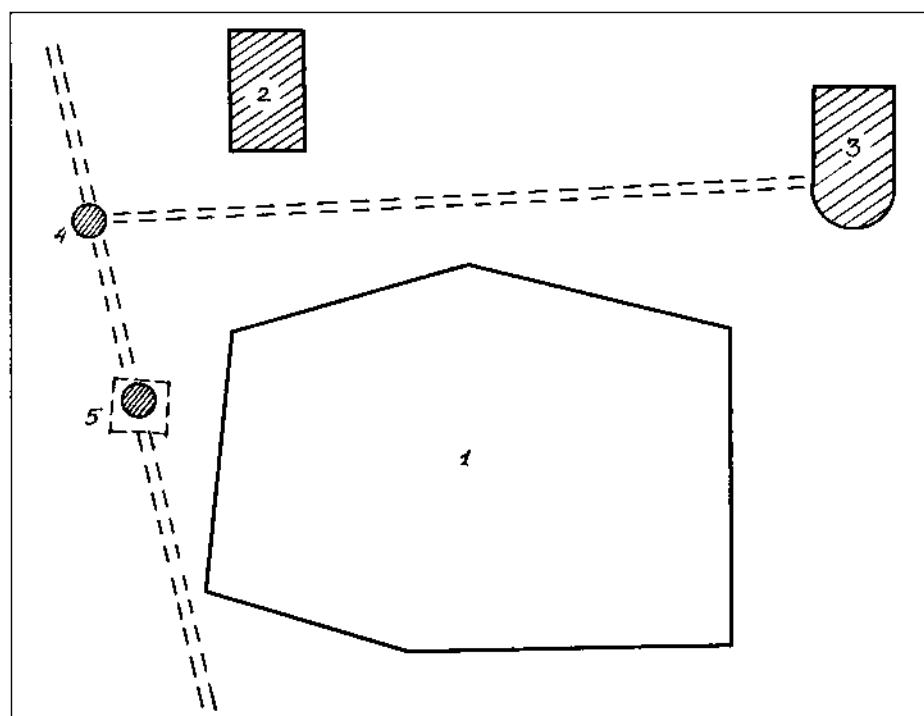
События развивались драматично. В самом начале 60-х годов прошлого столетия район Перми, называемый Городскими горками, стал интенсивно застраиваться многоэтажными жилыми домами. И вдруг некоторые из них, к счастью еще до заселения, стали покрываться стремительно растущими трещинами, проседать и обваливаться. Исследуя причины, специалисты вначале грешили на карстовые явления, то есть на притаившиеся в недрах полости естественного происхождения, которые возникают вследствие растворения известняков грунтовыми водами. Но очень скоро распознали истинного врага. Виновником оказались старинные горные выработки, не замеченные изыскателями, несмотря на то что они находились сравнительно неглубоко от поверхности земли. Когда-то тут добывали медистые песчаники как медную руду для окрестных заводов, а потом из-за скудости содержания в них металла выработки забросили.

Но как далеко простираются эти рукотворные тоннели, какую площадь охватывают, сколько этажей образуют, в каком находятся состоянии, наконец, один ли это рудник, нет ли поблизости других? Конечно, можно было бурить многочисленные скважины и получить нужный результат. Бездна скважин — бездна затрат. Поиск мог затянуться на неопределенный срок. Инженеры, казалось, стали в тупик перед проблемой. На помощь пришли... историки. Была организована группа, которую возглавил К.К. Демиховский. Главной целью их работы являлось составление карты расположения рудников и приисков в Перми и окрестностях. В тиши

архивов начался поистине гигантский труд по поискам, изучению и обработке исторического, статистического и картографического материала.

Оказывается, на территории современной Перми и в округе в XVIII и первой половине XIX века действовало около 780 (семисот восьмидесяти!) рудников. Большинство из них были в частных руках, что затрудняло маркшейдерский контроль и снижало точность документации. Это же приводило к большому количеству соседствующих разработок и их густоте на территории.

Карта рудников была составлена, на ней ясно выявились особо опасные по грунтовой обстановке зоны, локализовались старинные шахтные поля. Так, знание исторического материала помогло решить важную задачу и, возможно, предотвратить крайне неприятные явления. Кстати, в ходе поиска истории нашли любопытный документ, но совсем не древний — материал аэрофотосъемки 30-х годов XX века (она только тогда стала входить в практику) именно тех территорий, которыми интересовались строители. На картах аэрофотосъемки еще отчетливо выделялись все признаки горных выработок, стертые с поверхности в последующие три десятка лет.

- 1 — площадка Дома культуры завода им. Дзержинского
- 2 — дом бывшего пароходовладельца Любимова
- 3 — старая церковь (разобрана в XIX в. за ветхостью)
- 4 — выход кирпичного подземного свода
- 5 — вход в подземное сооружение

*Схема расположения подземных сооружений в одном из районов старой Перми
(реконструкция автора)*

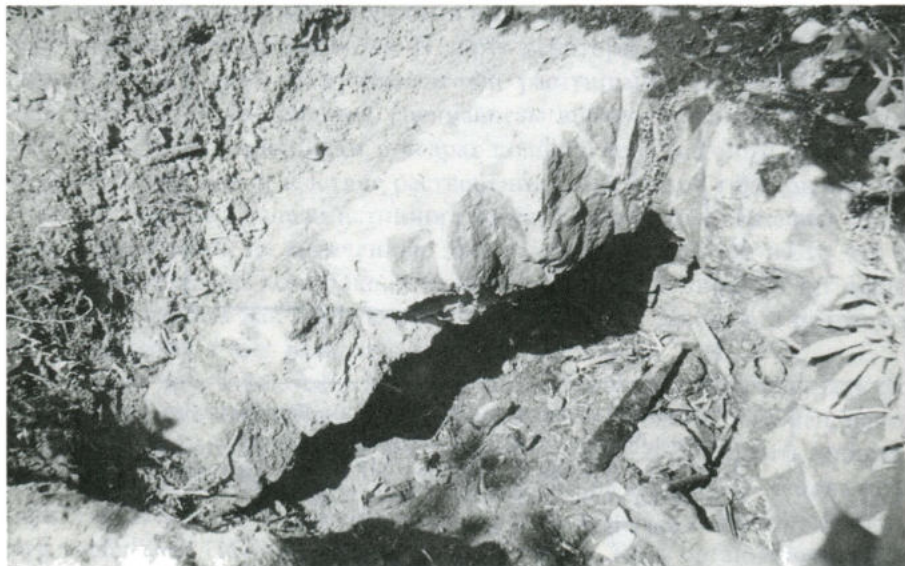

Может быть, именно события, связанные с горными выработками, усилили внимание к подземным объектам в Перми. И не столько, скажем, к подземным ходам и галереям, сколько к историческим грунтам старого города. В Перми была организована одна из первых в стране служб городской археологии, которая, как скорая помощь, немедленно прибывает к случайным раскопам и провалам и исследует то, что там вдруг открылось. Это, как говорится, в пожарном порядке. А вообще-то служба постоянно следит за современными стройками, за их котлованами, каналами, раскопами коммуникаций и прочим внедрением современности в грунт. Такая служба не прошла бы мимо подземных тайн.

19 мая 1973 года школьник Сергей Бояршинов пришел в Пермский областной краеведческий музей и сделал заявление о необычайной находке. Недалеко от дома, где он жил, обнаружено странное подземное сооружение. Обнаружено в квартале, ограниченном современными улицами Хохрякова, Орджоникидзе, Толмачева и Советской, который раньше был застроен старыми домами пермских обывателей, а теперь почти целиком занят Домом культуры завода имени Дзержинского и относящейся к нему площадью.

Сотрудники музея обследовали указанное место. После сноса старых домов образовался провал, открывший кирпичный свод. Провал вел в помещение в виде комнаты почти квадратной формы и площадью примерно двадцать метров. Обращали на себя внимание решетчатые двери в стенах этой комнаты. За дверями начинались рукава тоннелей, направление которых угадывалось примерно следующее: к реке Каме, к речке Данилихе и к участку, где когда-то стояла старинная деревянная церковь, снесенная из-за ветхости еще в XIX столетии.

В один из рукавов можно было попасть другим путем: здесь же на участке, в яме глубиной полметра, был обнаружен люк, закрытый тяжелой каменной плитой, вделанной в металлическую раму. К раме были прикреплены ролики, скользящие в

Выход подземного кирпичного свода

неглубоких пазах. Плиту на роликах, таким образом, можно было сдвинуть и открыть вертикальный лаз в рукав подземного хода. В этом же рукаве найдена дверь, перекрывавшая ход. Она располагается примерно в 4—5 метрах от подземной комнаты с решетками. Дверь сделана подобно крышке люка, тоже из каменной плиты в металлической раме. Ход представлял собой облицованный кирпичом сводчатый коридор высотой около полутора метров, шириной примерно восемьдесят сантиметров, с неглубокой канавкой в кирпичном полу.

Опрошенные старожилы вспомнили, что в 1937 году Камское речное пароходство на одном из пустырей, находившихся где-то на этом участке, собралось выстроить детский дом. Был даже заложен фундамент. Но произошло несколько случаев неравномерной осадки фундамента и обвалов его, как установили строители, в какие-то подземные полости. Строительство прекратили, материал кладки разобрали, а провалы засыпали мусором.

Что же это за сооружение с каменными дверями и люками? Судя по конструкции двери и люка, оно не могло быть сделано ранее XIX столетия, скорее — второй его половины. В XVIII веке применялись в основном кованые железные двери, не лишённые некоторых эстетических элементов: закруглений дверных рам, кованых фигурных накладок и т. д. Здесь же мы видим тесаный камень в прямоугольной строгой раме.

Можно предположить, что все сооружение — некая канализационная система. Ведь высота тоннелей не позволяет пройти человеку не сгибаясь (а это, кстати, одно из условий прокладки подземного хода), в полу сделана канавка — явно для сбора воды. Тогда зачем такая сложность конструкции, для чего плотно закрывающиеся каменные двери? Да и рядом нет и почти не было каких-либо больших и богатых владений, чтобы позволить такое дорогое устройство. Правда, недалеко стоял двухэтажный дом пароходовладельца Любимова. Ему было бы, наверное, под силу соорудить такую конструкцию, но зачем делать разветвление в трех направлениях вместо обычной сточной трубы и лотка?

Каким целям служило подземное помещение с решетками в дверных проемах, с толщиной прутьев в этих решетках не менее 2,5 сантиметра? Напрашивается мысль, что странное сооружение — подземное тайное хранилище ценностей, если не того же пароходовладельца Любимова, то, может быть, еще какого-то тогдашнего «олигарха».

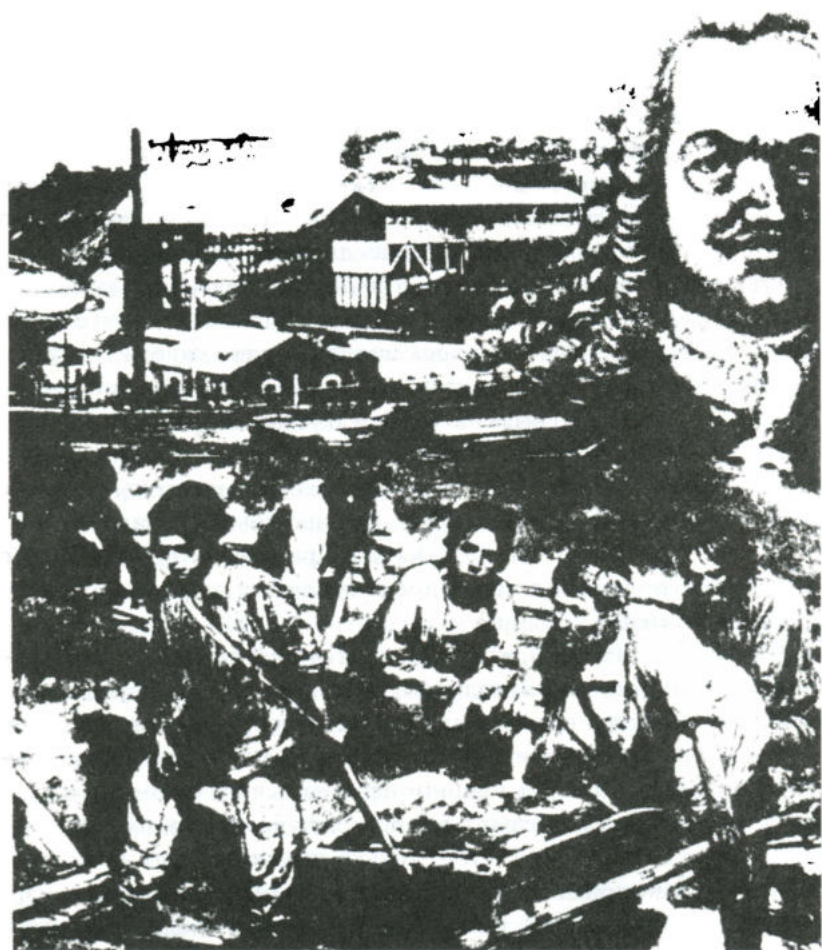
Наверное, естественно, что каждая книга вызывает отклики. Большой частью устные, но иногда люди, принявшие опубликованное близко, пишут письма и делятся своими впечатлениями, а порой продолжают тему, привлекая свой жизненный опыт.

После выхода первого издания этой книги пришло письмо от С.И. Михалевича, пермяка, видно очень заинтересованного историей своего города. Он писал, что подземные тайны старого уральского города связаны с Петропавловским собором — доминантой пермской истории. Под собором есть глубокие и обширные подвалы, в которых, по легенде, пребывали большие ценности, укрытые со времен российской смуты и разорения православия. Из этих подвалов выходили тоннели в городскую застройку и даже на территорию неподалеку расположенного завода (в прошлом — главные железнодорожные мастерские). Именно на этот ход наткнулись строители, оборудуя проходную предприятия.

Петропавловский собор был заложен в 1724 году, а освящен два года спустя. Он был сначала деревянным, сгорел в пожаре 1759 года вместе с начавшим строиться каменным храмом. Деревянный собор уже не восстанавливали, а продолжили строительство каменного храма, который и был освящен в 1764 году с приделом Во Имя Св. Екатерины. Полтора столетия строился и украшался Петропавловский собор, а «обезглавлен» был в одночасье с приходом большевистской власти. Но история исповедует свою правду, независимо от временщиков, — в 1991 году храм восстановили и снова начались службы.

При восстановлении храма не появилось новых сведений о его подземном пространстве, а может быть, реставраторы этим вопросом не интересовались. Городские археологи, не видя тревожащих грунт работ, тоже не обратили внимания. И все же верится, что Пермь подземная существует. Потаенные сооружения старого города на Каме еще привлекут к себе внимание, еще отыщутся в толщах городского грунта, послужат истории и современному строительству.

ПОДЗЕМНЫЕ ТАЙНЫ
ГОРНОЗАВОДСКОГО
УРАЛА

НЕВЬЯНСКОЕ ЧУДО

*Невьянская башня и тайны ее подземелий. Находки подземных сооружений. Вспомни-
вают старожилы. Затворенные выходы. Где они, легендарные подземелья? Буро-
вая скважина возмущается... в пустоту. Подземный тиновоголовник. Сохранили ли
подземелья. Тайнственный свод. Подземные ходы гайдедского дома. Завладка
старой тюрьмы. Забод-заповедник. Второе рожденье невьянского френотиса и
его подземных тайн.*

Есть у польского писателя-фантаста Станислава Лема замечательный рассказ «Терминус». Так называли робота из старого космического корабля, когда-то пережившего катастрофу и гибель экипажа. В уголках своей памяти он сохранил последнюю переключку разделенных бедой, гибнущих членов команды. Занятый делом в отремонтированном корабле, готовящемся к новому полету, Терминус нет-нет и начинает непроизвольно выстукивать азбукой Морзе переговоры когда-то живых людей. У навигатора Пиркса, взбудораженного информацией о последних минутах астронавтов, возникает, как он сам признается, «дикое желание вклиниться в разговор давно ушедших лет». И он это делает. И — жуть! — ему отвечают, к нему начинают через звякающие руки робота обращаться люди, которых давно нет в живых!

Я вспомнил этот рассказ, поднимаясь по ступеням внутрисстенного хода Невьянской башни. И, несмотря на то что где-то впереди, за поворотом лестницы, щелкал дверным замком «хозяин» башни Александр Иванович Саканцев, а со двора доносилось стучащее, шипящее и свистящее буйство производства, мне казалось, что под тяжелыми сводами слышатся голоса прошлого, что сквозь толстые, почти крепостные стены пробиваются какие-то человеческие звуки. Не знаю, может быть, это вызвано особой акустикой башни со множеством таинственных каналов, где любой звук, плутая и многократно отражаясь, так изменяется, что начинает походить на стоны и пришептывания.

Позже в книге В.И. Немировича-Данченко (брата известного театрального деятеля) «Кама и Урал», написанной в 70-х годах XIX века, я прочитал о подобном впечатлении автора, побывавшего тогда в знаменитой башне.

Каждый, кто оказывается внутри или хотя бы вблизи этого прекрасного, уникального и таинственного сооружения, невольно чувствует себя причастным к чему-то сокровенному, потаенному, до поры до времени неизвестному, но необыкновенно значительному. Будто массивные стены башни не покоятся на таком же массивном фундаменте из сланцевых глыб, а вырастают откуда-то из другого мира, из другого времени. И стоит только спуститься туда, вниз, под башню, — словно попадаешь в XVIII век, тебя окружают суровые, изработанные люди с горящими глазами, поротые, ломанные, истерзанные непосильной

работой. Вот прямо из стены растет пробившаяся сквозь кладку березка — как будто это они, затворники демидовских подземелий, через века подают нам знак.

С подвалами башни связаны легенды, рассказы беллетристов, фантастические домыслы и откровения, наконец, архивные изыскания и научные исследования последнего времени. Правда, иногда с этими подвалами отождествляли подземелья и подземные ходы, находимые и сравнительно далеко от башни. Что поделаешь, такова уж ее притягательная сила, такова уж ее слава как средоточия невянских тайн.

Конечно, башня не могла остаться в стороне от невянских подземных хитростей и играла в них важную роль.

О Невьянской башне написано много, но загадки ее, наземные и подземные, по-прежнему почти не разгаданы, несмотря на то, что в начале нынешнего XXI века и башня, и ее округа испытали поистине чудесные превращения, которые нельзя было предсказать.

Еще в начале XX столетия башня стояла одиноко на открытом пространстве старого завода, окруженная садовыми посадками. Правда, рядом, но не очень близко, был «сосед» — Спасо-Преображенский собор. Он не «утнетал» наклонное чудо своим величием. Наоборот, вместе они составляли превосходную архитектурную пару. Заводские корпуса и домны находились вдоль берега реки Нейвы, у плотины, не рядом с башней.

В 1915 году около наклонной громады появилась электростанция, в здании которой переплетались зубчатый русский стиль с модерном окон и простотой прагматичного промышленного зодчества. Здание все же связывалось общим впечатлением с башней. Хаос пришел позднее. В начале 30-х годов XX века был обезглавлен собор. Купол с барабаном, колокольня со шпилем и крестом были снесены до основания и превратились в груды битого кирпича, из которой торчали гнутые металлические тяги. То, что недавно было красавцем собором, стало заунывным зданием сборочного цеха. Руки разрушителей тянулись и к башне, да кто-то сказал (искренне или лукаво?), что башня — это память о замученных в ней пролетариях старого времени, что она и покосилась-то от слез и стонов народных... Башню оставили в покое. Зато всю территорию, ее окружавшую, застроили кирпично-бетонными уродцами, изрыгающими дым, пар, золу и невероятный шум. Редкие свободные площадки были завалены отходами производства, мусором и всем другим, что оказалось лишним в заводской жизни.

Башня была плотно обстроена с трех сторон, на одно плечо ее четырехугольного в плане объема — «четверика» — оперлась тяжелая транспортная эстакада, которая своим весом «оторвала» у башни угол, да так, что в раскрывшуюся трещину входил кулак. Башня медленно умирала. Шелушилась и отваливалась верхняя корочка, казалось бы, вечного «подпятого» кирпича, появились коварные трещины. Шпур, пробуренный с двух сторон стены почти двухметровой толщины, принесли очень неутешительную информацию: по 60 сантиметров с наружной и внутренней сторон — рыхлый кирпич, расслоение кладки, вездесущая влага...

Конечно, у людей сведущих и заинтересованных тревога за сохранность Невьянской наклонной башни и осознание ее уникальности как памятника архитекту-

ры и культуры появились давно. Может быть, этому способствовало первое научное исследование архитектурно-художественных особенностей сооружения, выполненное архитектором Р.П. Подольским еще в 1936 году и привлекшее интерес к уральскому феномену. Ставшая многолетней проблема сохранения башни и превращения ее в музей укладывается в пухлую папку переписки, решений и постановлений, собранных почти за пятьдесят лет. Сверхделовые письма и кричащие акты долго не могли продвинуть дело. Но вот свершилось чудо. Да, именно чудо, когда воля, заинтересованность, стремление на разных властных и общественных уровнях сошлись наконец в одну точку.

Но о чуде потом...

Само собой разумеется, что о подземных сооружениях старого демидовского завода нет никаких упоминаний в немногих сохранившихся документах. До нас дошла совсем малая их часть. По преступному распоряжению малограмотного чинуши в сороковые годы прошедшего века был сожжен весь архив демидовских времен, десятилетиями хранившийся в башне.

Возможно, в архиве и нашлись бы какие-то сведения о подземном хозяйстве Демидовых. Сейчас известно буквально несколько скупых строк. Вот так называемая «Книга мемориальная о заводском производстве» — своеобразная опись «движимого и недвижимого имущества» Невьянского завода, составленная в 1770 году приказчиком Григорием Махотиным. Перечисляя хозяйские строения, он отмечал: «...Под тою башнею полат, книзу складенных, 2». Далее аккуратный приказчик кратко характеризовал каждое из зданий, непременно упоминая о подвалах и погребках под ними. Так, под демидовским домом были подвалы, чуть севернее дома — погреба, под кладовой — подвалы, под сараем, что рядом с конюшней и каретником, — погреб, в деревянном рубленом амбаре — тоже подвалы. Конечно, нет и слова о подземных связях между всеми этими строениями, нет даже упоминания о функциональной принадлежности подземелий, разве что для хранения припасов. Приказчик берег тайны хозяев.

Совсем другого рода документальное свидетельство содержится в прошении Прокопия Меньшакова, одного из участников рабочих волнений на Невьянском заводе в 1824—1825 годах. Меньшаков, обличая деспотизм управляющего заводом Зыкина, писал: «...Засадил меня при заводе под строжайший караул в такую ужасную полатку под башню, что не только ночью, но и днем человеку быть одному опасно... В тюремном замке от нечистоты, сырости, холода, от того тяжкого воздуха всякий почти день умирают люди, и валяются тела оных без всякого призрения внутри замка по неделе, яко скоты изгибшие».

Прокопий Меньшаков своим отчаянием поведал нам о подвалах Невьянской башни. Вот и все документы, в которых пусть мимоходом, но говорится о подвалах и подземельях. Дальше нам придется посмотреть на них глазами очевидцев, бывших в той или иной мере свидетелями находок и раскрытия подземных демидовских хитростей.

Был ли в подземных ходах Т.У. Аткинсон, английский путешественник, живописец и архитектор, посетивший Невьянск в 1847 году? На основании каких-то сведений писал же он в своей книге-дневнике: «...Прежде когда-то башня эта служила тюрьмой для арестантов, и к ней были проложены ходы под землею». Ат-

кинсона встречали почетно, ему много рассказывали и показывали, может быть, и удостоили чести приоткрыть завесу над подземельями.

Примерно в это же время случился провал над подземным ходом, ведущим к демидовскому дому. По более позднему свидетельству невьянского священника Н.А. Словцова, в этот провал спускались любопытные, но далеко пройти по ходу не удалось, так как его закрывали кованые железные двери с висящими замками.

Количество подземных находок всегда связывается с размахом строительных работ. Случайные провалы редки: Демидовы строили на века, материалов не жалели. Во второй половине XIX века в черте старого завода строительство почти не велось, кроме временных деревянных построек типа сараев. Да и то, если сравнивать старые фотографии завода, сделанные в разные годы, видишь, что территория больше расчищалась от ветхих деревянных построек, чем застраивалась.

И вдруг! Надо же случиться такой беде. В 1890 году гигантский пожар практически уничтожил не только завод, но и город. «Горело так, — говорили очевидцы, — что земля проваливалась». Действительно, на территории старого завода образовались провалы. Один из них вскрыл подземное помещение, в котором были найдены плавильные горны. Из подземной плавильни шел подземный ход к башне. Видимо, сообщение об этой находке попало в уральские газеты, что дало возможность В.И. Доброхотову, составлявшему в 1917 году справочную книгу «Урал Северный, Средний и Южный», привести впечатления очевидцев.

Однажды автору этой книги довелось видеть следы того пожара. На одной из улиц старого Невьянска копали глубокую траншею. На глубине 1,5—2 метра ковш экскаватора вскрыл примерно полуметровый пласт угля и обгоревших остатков дерева.

Пожар 1890 года — это один из периодов находок подземных исторических сооружений в Невьянке. Второй период приурочен к строительству электростанции в 1915 году и реконструкции старого завода в 1920—1924 годах. Здание станции приткнулось к башне с северо-запада, перерезав фундаментами ее подземные связи в этом направлении. Старики рассказывали, что во время строительства рабочие наткнулись на тоннель между башней и демидовским домом, но как будто бы в контур фундаментов станции попала совсем небольшая его часть и он, избежав разрушения, целехонький ушел дальше к демидовским хоромам.

Во время реконструкции 1920—1924 годов на территории старого завода прокладывались разного рода коммуникации. Вот тогда траншеями зачастую и вскрывались подземные демидовские пути. Уроженец Невьянска В.В. Владимиров, принимавший участие в этих работах, видел открытый ход между башней и зданиями демидовского дома и заводской конторы.

Старожил помнит и другого рода подземные сооружения — каналы, облицованные гранитными плитами и прикрытые сверху такими же тесаными глыбами. Что это, ливневая канализация? Но почему она на глубине двух метров? А может быть, вентиляционные каналы, где-то подходящие к трубе?

В.В. Владимиров на своем простеньком чертеже показал направление обнаруженных ходов. Конечно, генеральное направление — к господскому дому и конторе, затем к старому медному цеху, а еще к заводскому собору, построенному на месте первой деревянной церкви. Все это идет от башни, из ее подвалов, кото-

рые, как считает старожил, располагаются на восточной стороне башни, но не под ней.

Находки подземелий в те годы настолько взбудоражили людей, что В.В. Владимиров и несколько его сослуживцев образовали группу для поисков легендарных подвалов, достали и приготовили к работе паровой насос для откачки воды из затопленных помещений.

Что-то помешало выполнению этих планов. Но дух поиска в Невьянске остался. Краеведы ищут малейшую возможность исследовать демидовские подземелья. В начале 1930-х годов невянский старожил А.И. Горбунов спустился в подвалы демидовской резиденции. Он прошел через три подземных помещения, через полусасыпанные двери и по узкому ходу попал в палату, где, похоже, до него еще никто не был. Там он увидел две плавильные печи, полусгнившие деревянные нары, длинную цепь с наручниками, протертую сквозь стенные массивные кольца, человеческий скелет, две глиняные чашки и двухпудовую железную гирию с надписью «2П». Из этого помещения, видимо, был ход еще куда-то дальше, но его закрывала железная дверь с тяжелым замком.

Так описывал свое подземное приключение А.И. Горбунов, рассказывая о нем В.Г. Федорову — автору книжки о Невьянской башне.

Увиденное Горбуновым подземелье находилось примерно в 50 метрах от демидовского дома по направлению к башне. Значит, строительство электростанции в 1915 году не нарушило лабиринты, значит, стоит спуститься в подвалы господского дома, и... вот тебе дорога в подвалы башни и в другие закоулки подземного Невьянска.

Так примерно представляется, когда по хрупкой лесенке спускаешься в черную дыру подвала, над которой установлен вороток с тяжелой бадьей. «Хранитель» башни, в то время реставратор ее знаменитых часов А.И. Саканцев и сотрудник местной газеты «Звезда» Л.М. Мамонов на свой страх и риск взялись очистить старинные подвалы и, может быть, дать им вторую жизнь. С помощью двух воротовщиков-пенсионеров, бывших старателей, они выгребли из подвалов десять самосвалов грязи, хлама и мусора. И пробились в третий отсек, самый интересный, куда двери пока еще наполовину засыпаны. В этом третьем отсеке видны три или четыре закладки — замурованные кирпичом выходы и проходы. За одной из этих кирпичных стенок и побывал, видимо, А.И. Горбунов.

Куда ведут остальные замурованные пути? Может быть, именно здесь ключ ко всему подземному хозяйству старого Невьянского завода?

Энтузиасты уже было расчистили подвалы, для дальнейшей работы им требовалась немедленная и эффективная помощь, но дело с помощью затянулось. Прошла снежная зима, потом водообильная весна, за ней дождливое лето — и некогда сухие подвалы залила верховодка. И по сей день в черную дыру видно зеркало подвальной воды. Отодвинулась разгадка демидовских тайн.

Перед глазами надолго остаются эти мрачные подземные помещения со сводами, поднимающимися на четырехметровую высоту, с плотной кладкой из большеразмерного кирпича, с чугунными дверными проемами, с решетками из прутьев толщиной в руку. Остается еще впечатление отрешенности и такой явственной сопричастности к событиям прошлого, словно спускался не в подвалы по лесенке, а летел в историю на машине времени.

Третий период подземных находок — близкие нам 60-е годы. На территории старого завода шло строительство, отрывались глубокие траншеи под фундаменты, прокладывались новые коммуникации. Башня была охвачена, словно футляром, зланием городской котельной.

К сожалению, именно в этот период произошли и самые большие потери. Была снесена так называемая единовременная церковь, спутница суровой невянской истории, перестроено до неузнаваемости здание старой конторы, снесена заводская часовня постройки XVIII века. Домны, гордость уральской и отечественной металлургии, начало начал уральского горнозаводского дела, один из первых камней в фундаменте промышленной архитектуры планеты, домны не просто потеряли облик, они разгорожены на хозяйственные клетушки и каптерки. В самом конце 80-х годов XX века сотрудники Уральской архитектурно-художественной академии обследовали состояние стен и фундаментов невянских домен. Структура кирпичной кладки стен просвечивалась методом сейсмоинтроскопии, что позволило «увидеть» внутреннее состояние. Оказалось, что стены буквально насыщены всякими пустотами, закладками бывших технологических отверстий, металлическими тяжами. А вот прочность кирпичной кладки стен была вполне достаточной, чтобы домны не только стояли еще века, но и могли быть реставрированы как действующие объекты будущего музейного комплекса.

Кроме домен осталась плотина, уникальное гидротехническое сооружение. Правда, ее подновили, отреставрировали, оставили старые фрагменты, чтобы... через 20 лет водрузить над ее сливом нелепое здание насосной станции, полностью искажающее не только вид старинного сооружения, но и всей ландшафтно-исторической зоны.

Снесено... Перестроено... Искажено... Печальный реестр убытия из действительности. Но, может быть, что-то найдено, ведь худа без добра не бывает?

Да, находки были. В подвале теперь уже исчезнувшей котельной, так трогательно «обнимавшей» старую башню, — лес железобетонных колонн. Чтобы их поставить, надо глубоко врыться в грунт. Строители, в основном коренные невянцы, догадывались, что в этом месте их может ожидать сюрприз, копали осторожно и не ошиблись.

Есть ход! Облицованный старым большегабаритным кирпичом, с красивой красивой дугой такого же кирпичного свода, он словно убежал от башни к зданию старой конторы. На дне подземного хода был толстый слой ила, от которого поднимался удушливый запах, — видимо, в тоннель когда-то попадали сточные воды.

У здания старой конторы (того, что вытерпело перестройку) был найден колодец. Первооткрыватели не имели инструмента, чтобы измерить его глубину, не говоря уже о том, чтобы спуститься туда и осмотреть, но, бросая камень в черный зев колодца, отмечали, что летит он необычно долго. Колодец мешал работе, и его тотчас засыпали.

Примерно на полдороге между башней и единовременной церковью, располагавшейся уже за пределами старого завода, при установке оборудования вскрыли кирпичный свод очень плотной кладки. Когда его разрушили (не ставить же на непонятной кладке станки), то обнаружили сухой подземный ход. По нему можно было идти, не сгибаясь и не задевая боками стенки. Этот лаз, вероятно, в старину

выходил прямо в городскую застройку. Недалеко от этого места просматривается большой провал. В яму от провала постоянно сыпали металлическую стружку, и, когда она наполнялась, провала не было видно. Время от времени стружку собирали, и тогда можно было видеть оплывшее проседание почвы, очень похожее на рухнувший свод подземного помещения.

В 1962 году изыскатели бурили скважины на территории старого завода, изучая свойства грунтов для нового строительства. И вдруг буровой инструмент провалился, не встретив обычного сопротивления породы. Вырезав колонку кирпичной кладки на известковом растворе, бур крутился потом метра два в пустоте, вернее, в воде, заполнявшей эту пустоту, а затем снова вгрызся в кирпич.

Действительно, изыскательская скважина случайно воткнулась в подземный ход на участке между башней и старыми домнами, вблизи которых когда-то находилась демидовская медная фабрика. Свод сооружения располагался на глубине трех метров от поверхности под насыпной толщей металлургического шлака и щебня. Это дает основание думать, что траншея для хода могла быть пройдена открытым способом, потом был выложен тоннель, а уж затем все засыпали шлаком и щебнем. Ход имел высоту около двух метров, его полом служила кирпичная кладка. Вода стояла там под самым сводом, и попытки откачать ее кончились неудачно — где-то, видимо, имелась связь с прудом.

Главное в понимании невянских тайн — это не отдельные находки подземных сооружений и их фрагментов, а то, в какую систему укладываются эти находки, как можно реконструировать глубинный лабиринт, не имея его описания и планов, но сопоставляя накопленный за много лет фактический материал, свидетельства очевидцев и факты истории завода.

Пожалуй, первую реконструкцию системы дал в начале прошлого века В.И. Немирович-Данченко. Очень дотошный и удачливый журналист, он иногда грешил излишней увлеченностью, но в очерках о Невьянке его увлеченность не мешала правдивости. Будучи в Невьянке, он собрал значительный материал о подземельях из рассказов людей, которым были доступны невянские тайны, а может быть, видел какие-то тогда еще утраченные архивные документы.

Так или иначе, он писал в своей книге «Кама и Урал»: «... На восточной стороне этой громады (башни. — В.С.) Демидов построил лабораторию, вырыл подземелье высотой в рост человека, однако показалось мало — рядом устроил другие, и тут в вечном мраке, скупо озаряемом светом лампад и огнями плавленен, начались таинства отделения серебра от меди. Потом и этого ему показалось мало, скрытными, подземными ходами он соединил мастерские со своим домом, из-под башни продлил черную жилу к домне, от домны — под то место, где стоит нынешняя полиция, тут он устроил тоже «химическое дело» какое-то... Затем эту артерию повернул назад и закончил вновь выходом к себе».

По описанию получается, что подземный демидовский путь представлял замкнутую систему: башня — доменный цех — старое здание, где потом находилась полиция, — демидовский дом — башня. Где-то между башней и господским домом располагались тайные мастерские, то есть, возможно, функционировала целая цепочка связанных между собой подземелий.

Невьянец В.В. Владимиров дает такую схему: башня — демидовский дом (или старая контора) — старые заводские цехи. Если соединить цехи с домом-конторой, то получается замкнутый треугольник. Правда, по свидетельству В.В. Владимирова, от башни было еще ответвление под большой заводской собор, построенный в начале XIX века на месте демидовской церкви. Трудно сказать, могла ли сохраниться подземная связь башни с демидовской церковью и наследовал ли собор эту связь, но в подвалах собора, когда он был производственным зданием, находили какие-то загадочные двери и лазы.

Еще одна реконструкция системы невьянских подземелий появилась сравнительно недавно. Кандидат геолого-минералогических наук Станислав Адольфович Лясик занялся очень интересным делом: он поставил цель установить, была ли плавка благородных металлов на демидовском заводе, где она велась и не служила ли башня со всей своей сложной системой внутренних каналов своеобразной вентиляционной трубой. Ученый определил содержание благородных металлов в саже башенных дымоходов, содержание металлов-примесей в часовых колоколах, провел большой анализ архивных данных об алтайском и уральском сырье для демидовских заводов.

Вывод получался один: Демидов выплавлял серебро в Невьянке из богатых этим металлом медных руд. Делать ему это приходилось тайно: добыча и плавка благородных металлов частным лицам в то время была строжайше запрещена. Производство серебра могло уйти только под землю (вспомним плавильные печи и горны, найденные в подземельях!).

С.А. Лясик дает такую систему подземных связей: башня — старая заводская контора — медная фабрика. Эта система в наибольшей степени отвечает технологической организации скрытого получения благородных металлов из медных алтайских концентратов.

Но не слишком ли сужена система, не слишком ли она подчиняется только технологической задаче? Ведь многие находки подземных сооружений никак в нее не укладываются. С другой стороны, все приведенные выше реконструкции имеют примерно одну основу. Как это все увязать? Как проследить подземные связи старинных сооружений, коль входы потеряны?

Новый виток исследований невьянских подземелий начался применением принципиально новых методов и средств.

В 1950-х годах в Италии возник большой спрос на античные вещи, и банды грабителей могил (их у нас называют «черными археологами») ринулись на места древних некрополей. Влекомые каким-то чутьем, а может быть, и рассказами местных жителей, щедро оплаченными, мародеры без труда находили древние захоронения, вскрывали их среди бела дня. Им нужны были драгоценные этрусские вазы, керамика, золотые изделия. Остальное, а именно на этом остальном иногда и работает археология, грабителей мало интересовало. Но это остальное вместе с разграбленной могилой почти всегда необратимо разрушалось.

Что делать? Ученые не поспевали за грабителями, а нужно было опережать их. Но как узнать, где находится древнее захоронение и тем более цело ли оно? Да еще узнать быстро и за считанные дни обследовать большую территорию. Вот здесь на помощь и пришла геофизика.

Дело в том, что грунт всегда обладает определенными физическими свойствами. Если толща однородна по строению и составу, то и свойства ее будут более или менее однородными. Скажем, грунт может обладать вполне определенным электросопротивлением или магнитными свойствами, даже сколь угодно слабыми. Грунт имеет свою плотность и упругие свойства, свою способность пропускать электромагнитные излучения и отдавать тепло. Наконец, в грунте есть химические соединения, влага, газы. Распределение свойств обуславливает и весьма определенный характер физических полей в грунте: электрических, магнитных, сейсмоакустических, тепловых, геохимических и других. И вдруг в этот относительный порядок вторгается неоднородность, объект с совершенно другими свойствами. Естественно, что он нарушит порядок, нарушит общий строй, но именно тем самым и выявит, обнаружит себя. Физические поля искажутся, отмечая чуждое тело аномалиями, то есть не свойственными данному полю в данных условиях нарушениями. Геофизики чуткими приборами улавливают эти нарушения прямо на поверхности земли, не вторгаясь вглубь.

Этрусские захоронения представляют собой в большинстве случаев полый сводчатый склеп. Пустота склепа обладает очень высоким, если не бесконечным, электросопротивлением, а окружающий грунт имеет вполне «конечное» электросопротивление. Значит, на фоне грунта пустое пространство склепа выделится по электрическим свойствам. Этим и воспользовались итальянские геофизики Леричи и Корабелли. Они быстро и с большим успехом обследовали значительные территории древних некрополей и опередили грабителей, передав по пятам идущим археологам перспективные участки для вскрытия захоронений. Сколько было спасено археологических ценностей для науки!

А если применить геофизические методы для выявления подземных сооружений? Ведь ничто этому не противоречит и не препятствует. Например, подземный ход — это же всегда чужак в окружающем грунте. Цельный или даже частично обвалившийся, он будет выделяться, скажем, по электросопротивлению. Высоким электросопротивлением выделится пустой ход, а пониженным — залитый водой или затянутый илом. Кирпичная облицовка хода может дать магнитную аномалию — ведь кирпич обладает магнитными свойствами, пусть слабыми, как глина, из которой он сделан. Нечего и говорить, что пустота хода имеет совсем иную плотность, чем окружающий грунт. Значит, приборы над земной полостью отметят недостаток плотности. Словом, подземелья — это геофизические объекты.

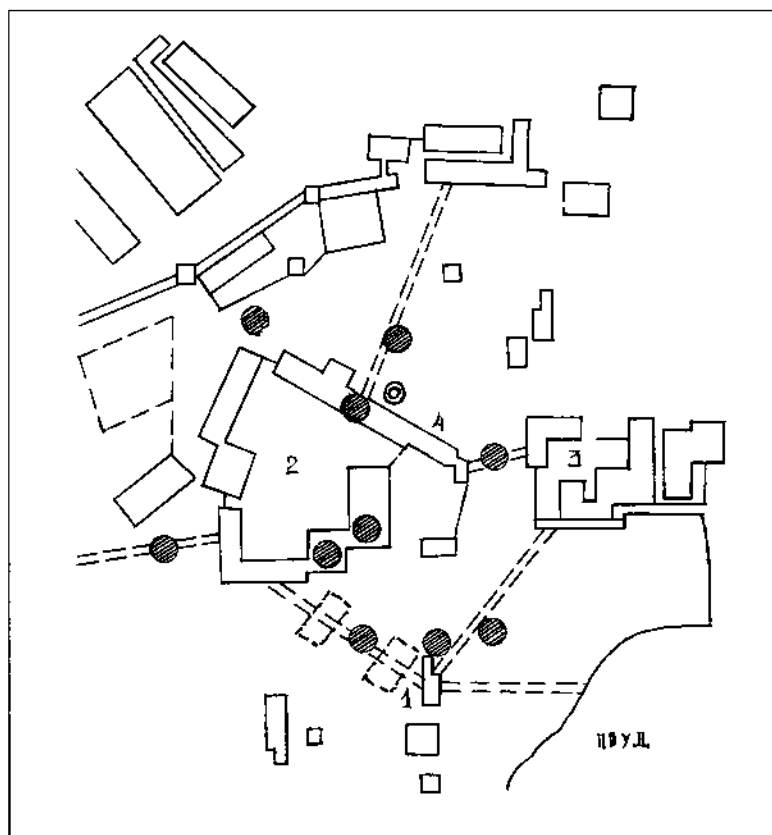
Арсеналом таких предпосылок и, конечно, приборами и оборудованием вооружилась экспедиция Свердловского архитектурного института, направляясь в Невьянск. Предстояло провести геофизические исследования на основных направлениях наметившейся системы невянских подземелий, проследить подземные связи между старыми сооружениями, а также выявить новые перспективные участки, ранее в учет не бравшиеся, но по находкам представляющие интерес.

Геофизики сразу столкнулись с рядом проблем. Во-первых, большая часть территории покрыта асфальтом, который нужно было пробивать шпурами, чтобы электродами добраться до грунта. Во-вторых, бесчисленные подземные коммуникации из бетона, железобетона, металла. В конце концов, не в них как таковых беда, а в том, что точных планов их расположения нет. В-третьих, многие старые сооружения оставили после себя фундаменты. Планы же фундаментов не сохранились.

Все это настораживало: простых ситуаций не жди, будут и ложные аномалии, будет головоломная неоднозначность.

С первого же дня работы выявился еще один враг, сразу выбивший из строя магнитометрический метод. Им оказались сильные магнитные помехи — магнитометры пришлось сложить обратно в ящики: на фоне помех нечего было и думать о выделении слабых аномалий от кирпичной кладки.

Осталась верная электрметрия, или, как геофизики по-старому ее называют, электроразведка. Вначале, чтобы иметь материалы для сравнения, получили в некотором роде эталонные аномалии электрического поля над известными подземными сооружениями. Такими сооружениями стали подвалы демидовского дома.

⊗ — находки подземных ходов (провалы, выходы и т.п.)

--- — подземные ходы

⊙ — «сухой» колодец

--- — тайные подвалы

1 — Невьянская башня

2 — дом Демидова

3 — «медное» производство

4 — здание демидовской заводской конторы

Схема расположения подземных ходов в г. Невьянске на плане 1850 г. (по данным автора)

Затем электроразведочная установка стала методично прощупывать грунт... Что же дала геофизика для разгадки тайны невянских подземелий?

Прежде всего, подтвердились ранее высказываемые предположения о треугольной схеме подземных ходов, связывающих башню, господский дом (плюс контора!) и медное производство демидовского завода. Но треугольник оказался лишь составной частью многоугольника, в вершинах которого находятся подвалы существующих и уже давно снесенных сооружений.

На территории между башней и «медным производством» получены аномалии, возможно связанные с подземным ходом, обнаруженным изыскателями в 1962 году. В нескольких местах прослежен подземный путь между башней и доменным цехом. Здесь же, кстати, геофизическими методами был выявлен старинный водопровод, подававший воду из пруда к домам.

Любопытная ситуация обнаружилась в пространстве между старой конторой и тем участком, где располагалось «медное производство». Здесь на двух параллельных исследовательских профилях найдены аномалии, местоположение которых хорошо накладывается на направление подземного хода. Уже потом, в процессе проверки, было установлено, что старинный ход именно здесь и проходит, часть его давным-давно используют, проложив в его отрезке современные коммуникации. И стоит спуститься в обычный смотровой люк, чтобы этот фрагмент увидеть.

И еще несколько потерянных подвалов с подземными выходами из них были обнаружены геофизиками. Большой интерес представляют подземные ходы, направляющиеся за территорию старого завода, в Невьянск. Не везде удачно прошла проверка аномалий. Ведь думалось, что стоит только пробурить скважину или пройти шурф, как сразу откроется искомое подземелье. У старой конторы это удалось, а в большинстве случаев тайна опять поморочила головы исследователям. В действие вступил еще один враг геофизиков, а теперь уже и археологов — вода. Шурфы и каналы не успевали углубиться на два метра, как в них выступала грунтовая вода, а при дальнейшем углублении она совсем заливала выработку. Воду нужно откачивать, шурфы крепить, значит, нужны новые силы, новые средства. Терять поистине проще, чем находить...

А что же башня? Неужели она осталась в стороне от геофизических троп, неужели ее знаменитые подвалы не заинтересовали геофизиков? Нет, башня и в этом поиске была главным элементом. С одной, незастроенной, стороны сохранилась небольшая площадка, позволявшая прощупать здесь грунт. По счастливой случайности эта сторона оказалась восточной, а многие свидетельства связывали знаменитые подвалы именно с восточной стороной. Совершенно ясно, что искать подвалы непосредственно под сооружением не имело смысла — при таком массивном объеме башня не могла бы устоять, если бы в ее пределах имелась еще достаточно обширная пустота. В лучшем случае из-под башни мог быть ход в эти самые подвалы.

На крохотной площадке у восточной стены башни геофизики обнаружили аномалии. Но башня зло подшутила над исследователями: канава более двухметровой глубины, открытая вдоль всей восточной стены, наткнулась на... большую грудку каменистых глыб, из каких сложен фундамент башни. Поисковую канаву сразу затопила грунтовая вода. Возможно, развал этих самых глыб, когда-то оставшихся от

кладки фундамента, находясь в обводненном грунте из плотно слежавшегося доменного шлака, и вызвал геофизические аномалии, так похожие на аномалии пустот.

Вместе с разочарованием башня вдруг неожиданно-негаданно преподнесла подарок. На старинных изображениях северного фасада башни виден маленький прямоугольник дверного проема под самыми ступенями крыльца. Крыльцо в дошедшем до нас виде и его массивные перила сделаны сравнительно недавно, в начале XX века. По каким-то причинам ступени крыльца разобрали. И вот тут-то под прочной кладкой лестницы обнаружился свод помещения из старого демидовского кирпича, доверху засыпанного землей и мусором. На большеразмерных старинных кирпичах виднелись немудреные клейма мастеров: отпечатки ладоней и щепотей, крестообразные линии.

Одно крыло свода опиралось на кирпичную кладку арочного проема первого этажа башни в северо-восточном направлении, то есть в сторону господского дома. Стальной щуп в этом месте свободно углубился на четыре метра. Расчистка свода показала, что он после кладки был залит известковым раствором, по которому положен выравнивающий кирпичный слой. Так строили в демидовское время. Энтузиасты во главе с А.И. Саканцевым пробовали расчистить подземелье, но вручную это оказалось не под силу.

Обнаруженный подземный объект, может, был и не тем самым подвалом, где Демидов занимался своей тайной металлургией, но вполне вероятно, что он оказался бы своеобразным входом в некое подземное «приложение» к Невьянской башне.

Подвал Демидовского дома в г. Невьянске

Закладка выхода в подземный ход из подвалов Демидовского дома в г. Невьянске

Вот теперь самое время рассказать о чуде. Речь пойдет не о редкостной находке и не о романтическом путешествии по открывшимся вдруг демидовским подземельям. Случилось гораздо большее. Это событие нельзя было даже представить в самом сказочном сне, в самой невероятной фантазии. Этого просто никогда не должно было случиться. Если, конечно, оставаться в правилах того недавнего прошлого, в котором всегда считали, что любая стройка — это на века. Времена изменились, и наше мышление, увы, за ними не поспевало. Поэтому и не верилось. И все-таки произошло. Областное правительство приняло решение очистить пространство вокруг башни, чтобы организовать наконец-то Невьянский историко-архитектурный музей на базе старого завода, чтобы Невьянская башня выглядела бы так же величественно, как ее пизанская сестра, и чтобы как можно больше людей посетили незабвенное уральское местечко с уникальным творением предков.

Площадку вокруг старой башни стали интенсивно расчищать. Слово «расчищать», пожалуй, здесь не очень точно характеризует то, что делалось. Разрушались до основания мощные железобетонные корпуса и эстакады (те, что «обнимали» башню), убирались рельсы подъездных путей, сносились ставшие капитальными и «вечными» временки. Пространство вокруг стало напоминать благостные изображения на фотографиях конца XIX столетия. Одновременно были начаты реставрационные работы на остатках Спасо-Преображенского храма, превращенного когда-то в цех готовой продукции.

Потребовалась и помощь геофизиков. Когда площадка вблизи башни чуть освободилась от невероятных гор строительного мусора, понадобились исследования грунтов, чтобы определить рельеф разных слоев естественного и техногенного происхождения, глубины их залегания, минеральный состав и, что греха таить, возможные полости. В задачу геофизических работ входило также и определение глубины заложения бутовых фундаментов на свайных основаниях.

В результате исследований, подкрепленных впоследствии буровыми работами, выявлено следующее. Толща грунтов, которые образуют территорию вокруг башни, располагается на коренных известняках — на глубине 15—20 метров от современной дневной поверхности. На известняках лежит слой суглинков, которые являлись первоначально историческим поверхностным слоем территории. На суглинках — слой насыпного техногенного грунта, состоящего из доменного шлака, щебня, почвенно-растительного материала, строительных остатков. Толщина этого слоя составляет в среднем 5 метров, однако есть участки, где она достигает 8 метров. Установлен очень интересный факт: рельеф известняков и суглинков понижается по направлению к площадке, занятой башней. То есть получается, что башня строилась в углублении, своеобразном овраге или котловане-яме. Весьма вероятно, что это связано с карстовыми явлениями в известняках или с наличием тектонического разлома в коренных породах.

На основании результатов работ, проводившихся ранее, и работ 2000 года может быть представлена следующая версия истории и обстоятельств не только строительства Невьянской башни, но и появления подземных сооружений на территории Невьянского завода.

Башня задумана Демидовыми как часть общего ансамбля с «господским каменным домом», для чего был выбран наиболее выгодный по расположению участок территории: близость к пруду, обзор плотины и заводских построек, удобный выезд со стороны дорог в Невьянск из других городов.

Идея единого ансамбля перекликается с решениями русского теремного строительства, когда основному дому-дворцу неизбежно сопутствовали башни-повалуши, то есть высотные объемы сравнительно небольшой площади сечения. Так, дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском имел несколько повалуш. В хоромах Строгановых в Сольвычегодске было три башни-повалуши, самая большая из которых достигала 43 метров и имела несколько ярусов со смотровой площадкой на самом верхнем. Также форма дворцов-резиденций была распространена в России XVI—XVII веков. Демидовы могли «подсмотреть» строгановские хоромы по пути в Невьянскую вотчину и принять как аналог для строительства своего дома уже с учетом архитектурных новшеств и веяний, сопровождавших петровское время.

Строительство началось с башни. Во избежание выемки большого объема грунта было выбрано уже заглубленное в суглинках место (либо естественный лог или овраг, либо технологический карьер, грунт из которого пошел на отсыпку дамбы плотины), ибо, как свидетельствует документ, приведенный в трудах уральского историка А.Г. Козлова, «...глубоких ям копать вас никогда не допустят».

В связи с невысокой плотностью суглинков и значительной мощностью их слоя для устройства фундамента башни был выбран свайный вариант. Сваи набива-

лись по всему периметру выбранного углубления, затем на них укладывались плахи из стойких древесных пород (скорее всего, использовалась лиственница). С опорой на эти плахи осуществлялась кладка бутовой части фундамента. По-видимому, глубина забивки свай не была равномерной, что случается и в современном свайном строительстве. Возможно также, что выбранное углубление затрагивало не только слой суглинков, но и могло в какой-то мере иметь продолжение в рельефе коренных известняков. Это в свою очередь привело к «зависанию» свай в суглинках.

При увеличении нагрузки от бутовой кладки фундамента, а затем и кирпичной кладки стен по мере нарастания слоев кирпича, возможно, произошла первая просадка сооружения с юго-западной стороны, обозначившая некоторый наклон на юго-запад. Этот сравнительно небольшой наклон устранили с помощью клинообразных слоев кирпичной кладки, что впоследствии принимали за элемент, провоцирующий специально наклон башни на северо-запад. Затем состояние стабилизировалось, и строительство четвериковой (в сечении — четырехугольник) части башни было продолжено.

Увеличение дальнейшей нагрузки от возрастающего объема четверика привело к просадке свайного основания с северо-западной стороны, что и вызвало наклон, сохранившийся до наших дней. Вероятно, строительство башни на некоторое время приостанавливалось (не это ли объясняет размытость даты строительства с 1725 по 1731 г.?). Остановка, а может быть не одна, косвенно подтверждается результатами магнитометрических исследований кладки стен башни по всей высоте четверика.

Магнитные свойства отличаются по высоте четверика, в целом уменьшаясь в направлении от нижней его части к верхней, а также по высоте отдельных блоков и поясов кладки. В кирпиче, использовавшемся для стен Невьянской башни, присутствует высокое содержание магнетита. При обжиге магнетит вблизи поверхности оплавляется, создавая «корочку», которая придает кирпичу повышенную влагостойкость и прочность. Кирпич «подпаянный», то есть особым образом уплотненный, с магнетитом, обладает повышенными магнитными свойствами, а также повышенной прочностью. Так, исследованиями прочности кирпичной кладки, выполненными методами сейсмоакустической интроскопии, установлено, что с высотой четверика прочность кладки уменьшается. При возведении четверика периодически использовали кирпич разного качества из разных партий, производство которых могло осуществляться в разное время и разными изготовителями. Возможно, что по мере строительства четверика направленно применялся более легкий и менее плотный кирпич. Кстати, кирпич, из которого сложен восьмериковый объем (в сечении — восьмиугольник), существенно отличается по свойствам от кирпича четверика. Он слабомагнитен и содержит малое количество магнетита.

Восьмериковый объем башни строили уже после полной стабилизации наклона четверика по прошествии некоторого времени, необходимого для наблюдений за динамикой наклона. На территории Невьянского завода есть участок, откуда (и только там!) можно видеть, как восьмериком башни пытались уравновесить наклон четверика, словно загибая восьмериковую часть в сторону, противополож-

ную наклон, смещая тем самым центр тяжести башни в более устойчивое положение. Получилась этакая «сарделька». Такое состояние восьмерика — еще одно доказательство, и весьма достоверное, того, что Невьянскую башню не строили специально наклонной.

Наклонившийся при строительстве четверик решил судьбу общего Демидовского ансамбля — хозяева не рискнули еще что-либо строить на этом участке. Торжественные и парадные хоромы, готовые затмить строгановские новыми архитектурными изысками, не состоялись. Господский каменный дом остался на удалении от берега, там, где находился первоначальный деревянный, то есть в безопасности от коварных грунтов. Ансамбль «разорвался» на две самостоятельные части, и это обстоятельство дает, возможно, разгадку еще одного невянского феномена — подземного лабиринта в недрах территории старого завода.

Ансамбль должен быть единым не только в наземной, но и в подземной части. Глубокие и обширные подвалы дома (они существуют в настоящее время, но затоплены уже много лет) должны были соединяться с башней. Так устроено и у Строгановых в Сольвычегодске — лабиринт подвальных помещений для хозяйственных нужд.

Разделение башни и дома на земле не должно порвать их связь под землей — вот где, на наш взгляд, начало подземным «хитростям» Демидовых на территории их Невьянской вотчины. К башне из дома-резиденции был проложен подземный ход, о котором свидетельствуют многочисленные очевидцы, видевшие его и побывавшие в нем в период реконструкции старого завода 20-х годов XX века. Архитектор В.А. Матвеев, автор диссертации «Архитектура Урала XVIII века», изучавший в 40-х годах XX века Невьянскую башню, упоминает о засыпанном подземном ходе от башни до подвального этажа господского дома. Упоминает он и о другой ситуации: «...Производственные земляные работы по строительству завода в 1944 году вскрыли ряд заваленных подземных ходов вблизи башни».

Подземный ход от господского дома к башне попадал между ними в подвалы каменных амбаров. Об этом свидетельствует документ из рукописи «История рода Демидовых», составленной во второй половине XIX века: «...Из-под башни проведены ходы к каменному зданию близ господского дома, к реке Нейве, к доменной печи и в господские хоромы. Назад лет тому 75 (то есть в начале XIX века. — В.С.) сделался провал в подземном ходе, иду-

Закладка проема в подвале Демидовского дома в г. Невьянске

Невьянские подземелья. Чугунное обрамление двери

щем в господский дом, и желающие пройти по нему были остановлены железными дверями, запертыми огромными висячими замками».

Рассмотрение вопроса о системе подземных сооружений на старом Невьянском заводе неизбежно связано с проблемой существования подвалов непосредственно в башне, тех, о которых повествуют многочисленные легенды, рассказы старожилов и очевидцев.

Современные представления о состоянии башни не дают оснований считать, что непосредственно под башней, прошедшей сложные динамические конструктивные коллизии, могли быть устроены пустотные объемы. Определение «под башней», скорее всего, относится к характеристике местоположения «вблизи башни», но не в ее контуре. Вспомним уже знакомую нам находку в 1980 году, сделанную А.И. Саканцевым — свод из старого демидовского кирпича, принадлежащий полностью засыпанному подземному сооружению, основная часть которого уходила под стену котельной. В период 2000—2001 годов, когда велась расчистка пространства вокруг башни и демонтировались здания, в том числе котельная, были обнаружены остатки этого подземного сооружения, которое могло быть тем знаменитым подвалом (или вереницей подвалов) «под башней», а в самой башне находился только колодеобразный спуск с люком.

И все подземные находки, и геофизические данные говорили о том, что подземные ходы не замыкаются в пределах территории старого завода, что существуют связи со зданиями городской застройки.

Есть в Невьянске очень старый дом. Говорят, что он современник первых Демидовых и принадлежал купцу Дождеву. Участок усадьбы Дождева спускался к

пруду, точнее к берегу залива, на противоположной стороне которого находился старый завод. Под домом обширные подвалы. Ремонт пола в одной из комнат первого этажа позволил в них заглянуть. Нет, не спуститься, не пройти, а только заглянуть, так как подвальные помещения со сводами и стенами старинной кладки были наполовину затоплены сточными водами.

Рабочие в резиновых охотничьих сапогах далеко проходили по тоннелям и переходам. Лабиринт подземелий выходил на территорию двора (там где-то даже проваливался в него трактор), имел выход в маленькую наземную постройку (сделана из большеразмерного демидовского кирпича), ныне используемую для хозяйственных нужд, и шел как будто дальше к берегу пруда.

Интересно, что когда существовал залив (теперь он большей частью завален землей для устройства набережной и сквера), то с лодки в тихую погоду можно было видеть на дне странное сооружение — что-то вроде кирпичного тоннеля. Направление тоннеля было в сторону завода, в сторону башни. Дождевский дом соединялся под землей с соседними такими же старыми домами. Эту связь обнаружили геофизики.

На невьянской улице имени Карла Маркса много старинных купеческих особняков с большими дворовыми постройками из камня и кирпича — делали-то на века. В 1971 году во дворе одного из таких особняков произошел провал. Желающие могли спуститься в глубокий большой подвал сложной конфигурации, в стенах которого было несколько замураванных дверных проемов.

Старожилы рассказывают об одном интересном подземном пути между двумя зданиями, проходившем под улицей. Спустившись в подвал одного из зданий, человек оказывался в подземном ходе, а немного пройдя по нему, ступал на железную плиту, которую можно было поднять за собой наподобие подъемного моста, какие сооружали у ворот старых крепостей. Плита поднималась с помощью железной цепи и блока, закрывая, словно дверь, ход и открывая под собой глубокий колодец. Представьте, что в полутьме за вами гонится преследователь, не знакомый с таким устройством, — послышится только всплеск... Может быть, и в демидовских ходах были такие ловушки.

Северная окраина Невьянска носит неофициальное название Быньговского поселка. Там испокон веков селились старообрядцы, там они имели свою церковь, там же, как говорит упорная молва, рыли и устраивали под землей сводчатые помещения, тянули потаенные ходы. Словом, не поселок был, а сплошная подземная тайна.

Где-то в этом краю сейчас еще стоит дом Ефрема Потехина, по рассказам, чело века необыкновенно сурового, мрачного, недоступного, из тех упорных и упрямых в своих понятиях кержаков, что курева и вина не переносят, пить из своей посуды не дадут. Так характеризовала Ефрема Потехина О.С. Хайдукова, которая с 1920 года стала его дальней родственницей и один раз довольно продолжительное время жила в его доме. Зная о наших изысканиях, Ольга Сергеевна в большом и подробном письме описала быт и нравы семьи Потехина, рассказала и о подземной тайне дома.

Потехин в свое время был старостой старообрядческой общины. В огороде его дома стояло старинное сооружение: дом не дом, флигель не флигель. Одноэтаж-

ное, сделанное из демидовского кирпича, с толщиной стен до полутора метров, со сводчатыми потолками и почему-то чугунной внутренней дверью, оно чаще называлось молельней. Возможно, что когда-то в демидовские или более поздние времена здание действительно служило тайной раскольничьей молельней. А поэтому из него и был подземный выход куда-то в глухую сторону селитьбы.

Тайну подземного хода Потехин получил по наследству и очень оберегал ее, но близкие знали про ход и не очень скрывали его существование. В двадцатые годы об этом слышали многие, так как, по рассказам, именно в нем местные большевики нашли ценности старообрядческих церквей, спрятанные старостой или его единомышленниками.

Стояло в огороде это старинное и по-своему красивое здание. В то время в нем никто не жил, были разобраны полы, мусором наполовину засыпан вход куда-то вниз, под дом. Ветер скрипел распахнутой дверью. Нам показалось, что доживает молельня-загадка свой век. И стало жаль — ведь она ровесница Невьянска и ценна этим, даже если и давно утратила свои подземные секреты. Однако наши жалостливые чувства оказались преждевременными. Совсем недавно стало известно, что «дом в огороде» снова приведен в порядок и в нем вроде бы поселилась семья. Что ж, это обнадеживает — кто-то хотя бы будет присматривать за сохранностью таинственного обиталища.

А вот еще одно из старых зданий Невьянска. В нем располагалась городская гостиница «Нейва». Здание массивное, и стены толстенные, прямо-таки крепостные. Но что это? От проезжающей автомашины дом начинает вибрировать, подрагивать, как-то гулко гудеть, словно под ним сделан большой резонатор. Подвал...

— Да что вы, нет у нас никакого подвала, — убеждала администратор, — разве вот этот...

И показывала, поднимая сколоченную из досок крышку, подполье глубиной... в полметра.

Еще один старинный дом утратил свою подземную тайну, и людская память не задержала ее.

У старого Невьянска большое будущее. Изменится облик города на Нейве, но надо ли, чтобы он изменился до неузнаваемости, чтобы пропал хрупкий мостик, перекинутый в историю? Ведь что ни говори, а Невьянск делали не только Демидовы и Дождевы, но и большей частью оставшиеся в неизвестности невянянские жители, предприимчивые трудяги и мастера своего дела. Во имя их памяти и для ныне живущих потомков просто необходимо сохранить архитектурно-историческую зону старого Невьянска, сохранить старый завод со всеми его наземными и подземными сооружениями. И не только сохранить, но и превратить его в завод-заповедник, где каждый экспонат — действующий, куда можно прийти и посмотреть весь цикл старой технологии: от выплавки металла в старых домнах до получения готового изделия-сувенира. Кстати, эта идея уже не столь фантастична, как может показаться. Начинает жить архитектурно-исторический музей-заповедник. Сделаны первые шаги, очень существенные. А в головах энтузиастов музейного дела уже созрела мысль об организации на территории старого завода первого в России, а может быть и в мире, музея, который мог бы называться «Подземные тайны Демидовых». С тоннелями, подвалами, колодцами. С обстановкой плавильни благородных металлов. И еще со многим захватывающим дух...

ТАГИЛЬСКІЕ ТАЙНИКИ

Архитектурная старина Нижнего Тагила. Геофизические исследования у господского дома. Демидовская подземная тюрьма. Галерея направлена к плотине. Геофизические аномалии у плотины. Тоннель из старинных особняков. Тайны школьного участка. Тайники старообрядческой часовни.

Обследуя историческую застройку Нижнего Тагила, собирая сведения о старинных сооружениях, скрытых в подземном пространстве города, участники научной студенческой экспедиции «Терра-80» увидели тревожащий беспорядок: многим старинным и памятным архитектурным объектам грозит разрушение. Ребята говорили: «Господский дом на Тагильской улице уже заколочен, у старого здания бывшего заводууправления разместилась мощная новостройка, рядом с тем же господским домом снесен подчистую старинный особняк — свидетель демидовского времени...» Если это все так, то нужно торопиться, чтобы успеть зафиксировать состояние возможных подземных сооружений вблизи пока еще целых зданий и на неразрытой территории. Ведь известно, что в соответствии с планом развития Нижнего Тагила должна начаться активная работа по организации исторической зоны и детальному изучению памятников архитектуры. Но нередко случается так, что подобная работа планируется, а предмета изучения уже нет... Словом, беспокойство было оправданным.

Господский дом на Тагильской... Он в то время, как говорится, «являл печальную картину». Грязные, исцарапанные стены, свисающие куски штукатурки, карниз, готовый обрушиться, разваленные печи, лестница с выбитыми наполовину балясинами перил. Не верится, что в этих стенах жила сказочная красавица Аврора Карловна Шернваль-Демидова, великолепный портрет которой кисти Карла Брюллова украшает экспозицию Нижнетагильского краеведческого музея. Одно обстоятельство было утешительным и несколько снимало тревогу: освобожденный от жильцов дом круглосуточно охранялся, терпеливо ожидая часа полной реставрации. Здание было взято под опеку и защиту Нижнетагильским металлургическим комбинатом. Если бы везде шефство над памятниками архитектуры, то есть над памятью предшествующих поколений, брали крупные предприятия, — те, что определяют жизнь, пульс, облик и существо города! На Урале ведь всегда соединялись вместе две сущности в одну: город-завод.

...Тяжелые тучи вываливаются из-за отвала Высокогорки и тут же разряжаются частым дождем. Дождь уже в который раз сгоняет нас с измерительного профиля. Влага покрывает все пленкой и каплями, батареи садятся. И все-таки мы улучаем момент, когда тучи ненадолго редеют. Электроды снова втыкаются в землю, провода растягиваются длинными косами, а щелчки тумблеров на приборах двигают стрел-

ки по исчерченным шкалам. Идет измерение электросопротивления грунта на разных глубинах, поиск аномальных величин этого параметра, которые, как правило, связаны с какой-нибудь неоднородностью в грунте. Первый профиль — линия, вдоль которой в равноудаленных друг от друга точках производятся наблюдения, — проходит параллельно главному фасаду. Пусто. Здесь под землей нет объектов, возмущающих электрическое поле. Второй профиль по своему положению интересней: он отсекает господский дом от территории старого завода. Вспоминается, что там, ближе к заводу, у так называемого Горбатого моста, было странное сооружение в виде арочного входа не то в тоннель, не то в подвал. Сторож пустого господского дома убежденно говорит, что арочный вход — это начало подземной галереи между заводом и господской резиденцией. Далековато. Больше квартала. Приборы и здесь бесстрастно засвидетельствовали отсутствие подземных выходов из дома, но, показав, что не дремлют, весьма исправно отметили теплотрассу. Легенда о связи завода и господского дома оказалась несостоятельной. Остается проверить грунт в пределах домового двора. Он сравнительно невелик, был, видимо, когда-то вымощен каменными плитами, уютен и тих. Кирпичное здание бывших служб и конюшен отделяет двор от обширного пространства, где, похоже, располагались сад, оранжереи, огород. Сейчас здесь просто запустение, и мощные стебли лопухов укоренились, кажется, навечно.

Третья линия измерительных точек разделила дом и службы и прошла почти по центру двора. Здесь нас поджидала неожиданность. Почти весь профиль был пройден, когда в колонке одинаковых цифр появились сбои, предвещающая аномалию. Но движение по профилю остановилось — свободное пространство кончилось, дальше возвышалась шлакоблочная стена большого гаража. Пришлось довольствоваться аномальным хвостиком. При тщательном обследовании участка полость сама себя выдала небольшим провалом грунта, в котором зияла темная дыра-пролом в кирпичном своде.

А теперь заглянем в отчет экспедиции «Терра-80». Ее участники досконально осмотрели все закоулки господского дома, служб, двора и бывшего сада, опросили старожилов, краеведов, ознакомились с документацией. Вот что выяснилось.

Под господским домом есть обширные подвалы. Когда-то подвал был, видимо, единым для всего здания, но давным-давно (а это подтверждается старинным кирпичом разгораживающей стенки) его разделили на две половины, ныне имеющие отдельный вход. Но обмеры подвала приводили к мысли, что в нем есть еще одно наглухо отгороженное от других помещение. В цоколе внешней стены здания, обращенной во внутренний двор, обнаружилась чуть заметная дуга сводчатого светового колодца. Именно там, где предполагалось замурованное помещение. А было ли оно замурованным? Не строилось ли сразу так, чтобы выход был только один — через люк наверх, в апартаменты хозяев?

В жилых помещениях первого этажа следов люка не нашли, да это и объяснимо — ведь полы много раз перестилались и люк могли замуровать. Но таинственное помещение удивительным образом привязывалось к другим скрытым сооружениям господского дома.

Находки ведь, как всегда, неожиданны. Неожиданно образовалась и эта яма в глубине двора, когда расчищали площадку для гаража. В провал полезли маль-

чишки. Они сразу попали в выложенное кирпичом помещение, из которого выходил небольшой коридор, закрытый железной дверью. Дверь поддавалась, когда на нее налегли всей мальчишеской компанией. Открылся вход в еще одно сводчатое подземелье. Стало страшновато, но, подбадривая друг друга, ребята обследовали и его. В одной из стен обнаружили еще железную дверь. Ее удалось открыть, и опять узкий проход привел в помещение, уже третье по счету. Все было, как в сказке об Аладдине и волшебной лампе, только здесь отсутствовали сказочные сокровища. В третьем отсеке тоже нашлась запертая дверь. Но открыть ее не удалось: железные шарниры прикипели ржавчиной, тяжелый засов напрочь спаялся с накладкой. Нужны были инструменты, чтобы открыть эту загадочную дверь. Ребята наверняка вернулись бы к этой двери, но взрослые жильцы решили немедленно зашпатель провал. Подземный лабиринт демидовского времени оказался снова недоступным.

Подземный лабиринт... Видимо, именно такое сооружение существует в тагильской вотчине Демидовых. Там же, во дворе дома, но ближе к входу с улицы, как-то устанавливали столбы для сушки белья. Уже готовые столбы вдруг разом стали проваливаться в землю: под столбами оказалось еще одно ответвление, похожее на тоннель из замурованной части подвала господского дома.

Можно утверждать, что существовала подземная полость, в которую когда-то действительно вел вход из подвала дома через коридор длиной 5—6 метров. Многосекционная полость была обширной — приборы зафиксировали ее вблизи дальней стенки гаража, а мальчишки залезли через пролом, который образовался где-то под гаражом. Совсем не исключено, что из этого подземного помещения можно было попасть в подвалы служб. Подземный лабиринт в таком случае очень напоминал подкову. Его помещения как бы перетекали одно в другое через узкие проходы и коридоры. Как мы видели, внешних выходов из подземелья не обнаружено. Правда, осталась неисследованная часть усадьбы, граничащая с бывшим садом. Не очень вероятной показалась возможность подземного выхода в сторону сада. И все же одна находка заинтересовала исследователей: в бывшем саду обнаружили колодец. Его вертикаль уходила в землю, спуститься туда без специального снаряжения оказалось сложным делом. Трудно сказать, была ли когда-то вода в этом колодце: подобные сооружения часто включались в общую систему подземелий, выполняя роль вентиляционного канала. Не скрывается ли в темноте колодца устье глубинного хода?

Нижний Тагил был второй после Невьянска вотчиной Демидовых. Правда, сам Акинфий Демидов всегда жил в Невьянске и лишь наездами бывал на своих тагильских заводах. По его завещанию «демидовская империя» разделилась между тремя сыновьями. Тагильские заводы достались Никите Акинфиевичу, который наследовал отцовский ум, хватку и жесткость. Пожалуй, это последний из Демидовых, кто лично управлял заводами, вникая во все дела, и, обосновавшись в Нижнем Тагиле, способствовал развитию города и заводов.

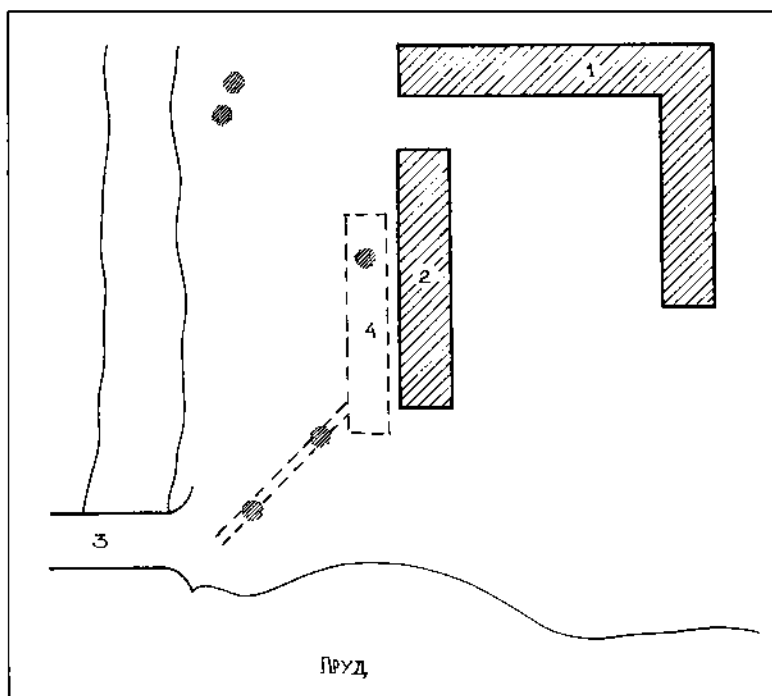
Здесь не было, как в Невьянске, внешне мрачных сооружений под стать крепостным. В архитектуру нижнетагильских строений уже властно вторглись изящные стили конца XVIII века. И если в Невьянске все заводские и гражданские здания дошли до нас в малоизмененном виде, то в Тагиле они не один раз перестраива-

лись и тот окончательный вид, что мы сейчас наблюдаем, приобрели в начале XIX века, навсегда оставшись в прекрасном букете классицизма. Среди них и монументальный комплекс главного заводского управления.

Здание представляет в плане букву «Г». Вертикальная палочка буквы — это современное здание городской администрации, а горизонтальная — краеведческий музей. Такой план являет некую архитектурную незаконченность, которую и решили «исправить» современные нам архитекторы. Появился проект, превращающий букву «Г» в букву «П», то есть к существующему зданию должно было прирасти еще одно крыло.

Проект стал воплощаться в жизнь, и очень скоро на площадке закипела работа — экскаваторы стали выгребать землю для фундамента. Тут и произошло открытие.

Небольшой участок земли, видимо, от сотрясения осыпался, и проступила дыра, обрамленная кирпичной кладкой. Студенты-архитекторы подоспели вовремя. Они

- 1 — старое заводоуправление
- 2 — современное административное здание
- 3 — плотина
- 4 — подземное помещение демидовской тюрьмы

- — провалы с признаками подземных сооружений
- — подземный ход

Схема расположения старинных подземных сооружений в зоне старого центра г. Нижнего Тагила (по данным автора)

немного расчистили образовавшийся вход и проникли внутрь. В полумраке выступили приглаженные грани камней, из которых выложены стены. Над ними нависал крестовый свод: те же большеразмерные демидовские кирпичи, известковый раствор, что не разрушается, даже если раскрошивается кладка. В центре свода — громадный крюк. Так и представляешь, как через него перекидывалась толстая веревка или цепь, другим концом намертво охватившая связанные руки узника.

Узника? Да, исследователи попали в подземелье, где когда-то находилась демидовская тюрьма. По всем признакам подземелье появилось в первой половине XVIII столетия, то есть во времена строительства завода. Из тюрьмы, по преданиям, выходила подземная галерея к плотине, а сам застенок был соединен с заводоуправлением.

В одной из стен обнаруженного помещения чернел дверной проем в другую комнату. Двери не было, но дверная рама хорошо сохранилась. Сделанная из чугуна, она удивительно походила на дверные обрамления демидовских сооружений в Невьянске. В этом втором помещении, полузасыпанном землей, просматривался также дверной проем. Куда он вел? К сожалению, без специального оборудования, каким обычно пользуются спелеологи, обследовать детально второй отсек темницы не удалось.

Много позднее, узнав о проведенных в Нижнем Тагиле исследованиях, екатеринбургский краевед, в прошлом архитектор Н. Кузнецов прислал фотографию фрагмента демидовской тюрьмы. Снимок сделан в начале пятидесятых годов, когда сооружение еще было целым. Располагаясь под землей, на уклоне к плотине, оно одной стороной выходило в подпорную стенку и становилось видимым. Впрочем, видеть можно было только кладку верхней части и окна с решетками из очень толстых прутьев. Каждый прут — это призма сечением 5х5 сантиметров из кованого металла. Точно такие же решетки были в затопленном ныне подвале демидовского дома в Невьянске. Подоконники и верхние перемычки над окном сделаны из чугунных плит толщиной около 2 сантиметров. Даже тюрьмой трудно назвать это сооружение — скорее, это подземный бастион, рассчитанный на многолетнюю осаду. Положение некоторых помещений демидовской тюрьмы теперь можно лишь угадывать по наличию в кладке подпорной стенки остатков металлических тяг, державших своды подземелий.

Подземный застенок был связан с заводоуправлением, на что намекает факт провала грунта вблизи торца здания рядом с подпорной стенкой. Провал открыл фрагмент кирпичной кладки свода. К тому же подвалы тагильского заводоуправления имели нижний этаж — туда вела винтовая лестница, опорный столб которой можно видеть и сейчас, если пройти в помещение столовой городской администрации. Очень странно уходит этот столб в стену, подтверждая тем самым замуровку какого-то объема.

О том, что к плотине от тюрьмы шла галерея, свидетельствовала давнишняя находка: на участке между плотиной и подпорной стенкой был вскрыт самый настоящий подземный ход со сводом из кирпича. Почему к плотине? Затопить при нужде управленческие подвалы, а заодно и тюрьму? Вряд ли, ибо местность плавно спускается к плотине, а не наоборот. Возможно, ход имел какое-то технологи-

ческое назначение. Служил, скажем, для осмотра подземного состояния плотины, для своевременного определения течи и т. д. Может быть, и совсем мрачным целям служил этот ход, как, например, один из найденных в Кыштыме, где посредством такого сооружения, выходящего к пруду, избавлялись от жертв.

До того, как приступить к изучению подземного пространства с помощью современных инженерных методов в этой части исторической зоны Нижнего Тагила, мы составили схему местоположения зафиксированных находок, прибавили сюда все сколько-нибудь правдоподобные рассказы «видевших» и «слышавших».

Две задачи показались важными, а потому требующими решения: обнаружить подземные выходы из демидовской тюрьмы и оценить масштабы ее нераскрытых помещений.

На этот раз погода благоволила нам. Установились жаркие сухие дни. Приборы чувствовали себя прекрасно, а нас донимало пекло от асфальта близкой дороги, от камней подпорной стенки. Тяжелые грузовики, нагруженно поднимаясь от плотины, буквально душили выхлопами. И лишь изредка легкий ветерок с пруда делал условия нашей работы более или менее сносными. Электроды с трудом входили в уже основательно подсохшую почву. Первый измерительный профиль прошел вдоль всей подпорной стенки и сразу принес любопытные данные. В самом его начале, поблизости от торца здания старого заводоуправления, отмечена аномалия электрического поля, характерная для подземной полости. По-видимому, эта полость представляет сливной канал большого диаметра, выходивший когда-то к реке. У самого обрыва дважды происходили провалы грунта, вскрывавшие, по описаниям очевидцев, каменную кладку.

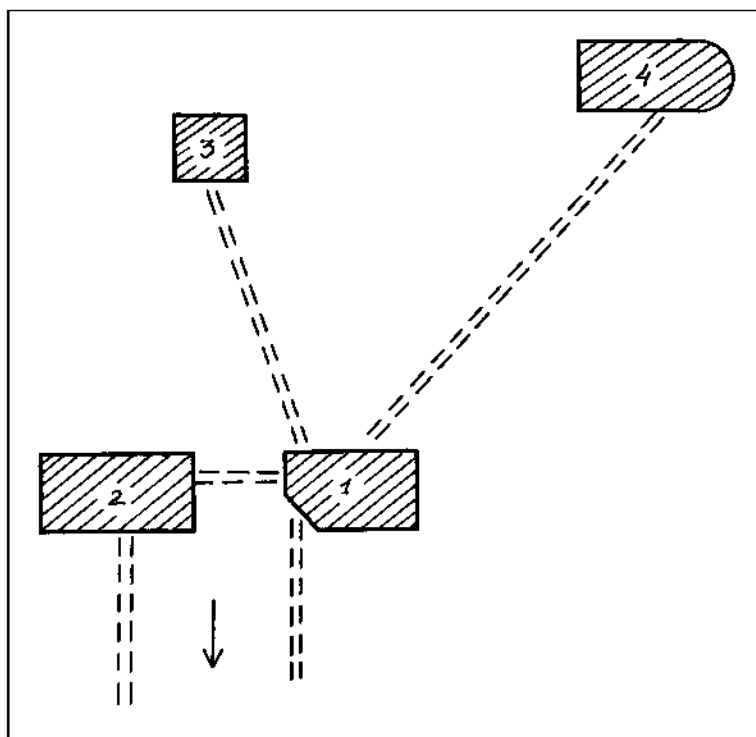
Аномальное возмущение электрического поля отметилось также на том участке профиля, который подходит к плотине. Форма и интенсивность аномалий дают основание считать, что мы имеем дело с подземной полостью, напоминающей галерею. Что же, та самая легендарная галерея? С большой вероятностью можно ответить утвердительно.

Следующую серию наблюдений мы провели прямо на подпорной стенке, ступая по сводам страшной тюрьмы, таящимся в глубине грунта. Приборы фиксируют резкие скачки электросопротивления. Это немудрено, ведь там, внизу, мощная по размерам и близкая к поверхности полость. Когда все результаты выстраиваются на бумаге в виде графиков, то становится очевидным, что мы получили три сложные аномалии и они хорошо отражают отсеки подземной тюрьмы: первый, куда спускались ребята из экспедиции «Терра-80», второй, полусасыпанный, куда проникнуть не удалось, но он просматривался, и, наконец, третий, ранее неизвестный, в который вел увиденный исследователями проем из второго отсека. Есть в результатах основание полагать, что к этому третьему отсеку примыкает еще одно небольшое помещение. Что-то вроде каменного мешка.

Новое крыло здания городской администрации сравнительно мало затронуло помещения подземной демидовской тюрьмы. Небольшие утраты вполне восстановимы. Являясь сооружением начала XVIII века, свидетелем, может быть, самых интересных, «бунтарских» страниц уральской истории, демидовский застенок не должен исчезнуть в небытие.

Тагильские тайники сосредоточивались не только на тех территориях исторического центра, о которых рассказывалось выше. Интересным узлом с подземными тайнами является в Нижнем Тагиле место, где находятся здания нынешнего кинотеатра «Искра», Дома культуры школьников и так называемого дома Уткина — старинного особняка, построенного богатым тагильским купцом.

По многим свидетельствам, подземные коридоры связывают эти здания и имеют выходы на другие городские сооружения: во время ремонта дома Уткина прораб И.Я. Миллер стал свидетелем провала грунта, вскрывшего искусственную полость наподобие коридора, а работник кинотеатра Л.А. Погарченко рассказала о тоннеле из подвала здания в сторону пруда.

- 1 — дом Уткина
- 2 — здание, занимаемое кинотеатром «Искра»
- 3 — здание, занимаемое Домом культуры школьников
- 4 — старинная церковь (не сохранилась)

- — направление к городскому пруду
- — подземные ходы

Схема расположения подземных сооружений в центральном районе старого г. Нижнего Тагила (реконструкция автора)

Этот тоннель можно наблюдать и сейчас. Сводчатый ход каменной кладки, кое-где обшитый досками. Высота такова, что, согнувшись, можно по нему двигаться (видимо, пол хода покрыт толстым слоем мусора или затвердевшего ила). Сначала ход узок, не более метра в ширину, но через десяток-другой метров он вдруг расширяется, образуя небольшое помещение с левой стороны и глубокую нишу с правой. Далее тоннель вновь сужается и пропадает во тьме — туда нужно идти в сопровождении опытных пещеролазов-спелеологов.

Л.А. Погарченко упоминает о коридоре между кинотеатром и зданием Дома культуры школьников, но самой ей там быть не приходилось. А другой свидетель, работник Нижнетагильской автоинспекции Н.И. Еремин, пытался однажды пройти по этому пути, но его остановила вода.

Ныне дверь, ведущая в этот ход из подвалов здания кинотеатра «Искра», наглухо заколочена. Дом Уткина соседствует с кинотеатром, и из него также идет тоннель к пруду, правда, в самом своем начале он завален строительным мусором и землей. Проследить его никому не удалось. Зато есть свидетельства о ходах от дома Уткина к Дому культуры школьников.

Словом, «узел» в самом деле оказывается интересным, особенно если еще учесть, что на ближайшей улице Ломоносова тоже находили потайные сооружения. Например, при реконструкции здания, где помещается городское управление милиции, обнаружили подземелье с кирпичной облицовкой. В том же районе еще один провал был связан со старым безводным колодцем, о котором раньше никто не ведал.

Наконец, еще один загадочный объект привлек внимание тагильчан... Когда-то в этом здании располагалась женская гимназия, потом долгое время — тагильская школа № 1. В кабинете директора время от времени на стене появлялось странное пятно, словно кто-то с другой стороны старательно лил воду на штукатурку. В самый жаркий день от мокрого пятна веяло холодом и сыростью. Что только ни делали ремонтники, чтобы пятно исчезло: отбивали и скоблили штукатурку, забеливали и закрашивали стену, винили кровельщиков в плохом качестве крыши. Искали фантастические протечки. Потом кто-то догадался разобрать кладку под штукатуркой. Тонкая кирпичная кладка скрывала за собой... прямехонький внутрискристенный вход в подземелье.

Конечно, никто не стал в ту пору исследовать тайник — его снова заложили кирпичом и покрыли штукатуркой. Таинственное пятно больше не появлялось, но загадка осталась. И, может быть, загадка была связана с другой находкой.

Это случилось тут же, на пришкольном участке, во время летних хозяйственных работ. Недалеко от здания школы обвалился грунт. Заглядывавшие в черную дыру дивились необычайной глубине полости (более 5 метров) и кирпичной кладке, уходившей вглубь. А там, дальше, полость была залита водой. Не сюда ли, в конечном счете, вел внутрискристенный ход?

Подземные лабиринты в Нижнем Тагиле могли остаться от церквей, старообрядческих часовен и моленных домов. Многие из них были снесены еще в дореволюционное время, даже места оказались забытыми, а подземные секреты остались. Нет-нет да и проваливался над ними грунт, выявлял совершенно непонятную систему подземных переходов и помещений. В истории остались некоторые

свидетельства о наличии таких сооружений. И.Я. Кривошеков в «Словаре Верхотурского уезда Пермской губернии», изданном в 1910 году, приводит сведения, взятые из церковных летописей. Вот что он пишет: «...При Петре Первом в Тагиле жил старообрядческий священник Иов, он вел жизнь подвижника и совершал в устроенной им часовне богослужения по старым книгам... В 1745 году часовня Иова была расширена старообрядцем Рябовым, но эта часовня сгорела и взамен ее в 1781 г. выстроена еще более обширная, и в ней были устроены тайники».

Я привел эту цитату из «Словаря» Кривошекова, в первом издании книги, будучи уверен в точности того, что она декларировала — такова вера в печатное слово и непогрешимость автора. Но... вездесущее и всезнающее племя краеведов! Давно известно, что они иногда знают больше маститых и признанных.

Получил я отклик от известного тагильского краеведа, исследователя старообрядчества Сергея Викторовича Ганьжи, в котором он попенял мне на доверчивость и уточнил: «Часовня Иова в Нижнем Тагиле была построена, а не расширена старообрядцем Рябининым Андреем Ивановичем в 1745 году, затем сгорела и вновь была построена в 1781 году... Кто же это такой Рябинин? Церковная летопись называет его принадлежащим к княжеской семье тех Хованских, которые в большинстве были казнены в 1682 году за участие в стрелецком бунте. Рябинин взял эту фамилию конспирации ради, жил в тагильских лесах, вероятно, на «Веселых горах», где много рябины...»

Часовня стала носить имя Свято-Троицкой. С ней связаны эпизоды борьбы старообрядцев против указа Николая I превратить все раскольничьи храмы в православные. Осада продолжалась долгое время, даже вызвала приезд губернатора Огарева из Перми. Солдаты ничего не могли сделать с раскольниками, тогда один заводской приказчик придумал: в нижние разбитые окна часовни засунули пожарные рукава и стали качать воду. Несколько часов насосы нагнетали ее в сравнительно небольшое помещение храма, и только тогда часть раскольников стала покидать свою крепость, других вытащили ворвавшиеся солдаты. В одном из донесений начальника воинской команды, когда-то найденном в архиве, последние минуты осады описаны прямо-таки в легендарной форме. Будто бы солдаты штурмовали часовню под мощное пение церковных отщепенцев. Ворвавшись в здание, усмирители не нашли никого: ушли раскольники неведомыми путями, растаяли, как пламя оставленных ими догоревших свечей.

Не будем анализировать легендарное донесение, хотя в нем явный отголосок каких-то подземных загадок старой часовни. Но возникают вопросы. Первый из них: как могли так долго держаться раскольники в своей невольной крепости без еды и питья? Точно известна дата последнего штурма — 12 мая 1840 года. А начало осады? Называют 1839 год, когда был отдан приказ о превращении раскольничьей церкви в православную. Что же, несколько месяцев борьбы? Если и так, то все равно осада была долгой. Многодневные увещания в ответ на упорные заявления: «Умрем в часовне, не выйдем», потом приезд губернатора. А ведь до него известие должно было идти не один день, да и сам губернатор не сорвался в путь, скажем, через час после получения депеши. Потом он ехал из Перми и вряд ли гнал лошадей, как императорский фельдъегерь. Словом, дело одной неделей не обошлось. Значит, осажденные имели связь с внешним миром. Какую? Только под землей.

Второй вопрос: почему понадобилось нагнетать воду много часов? Ведь несколько рукавов, диаметр которых не менее 4—5 дюймов, при непрерывной подаче воды могли затопить часовню значительно быстрее. Видимо, вода сначала стекла в подземные помещения и проходы. И, только заполнив их, стала подниматься в часовню. Тайный путь во внешний мир был отрезан, ничего не оставалось, как сдаться. Конечно, еще до затопления все могли уйти из часовни тайными путями. Но тогда это было бы бегство, противоречащее принародной клятве: «Умрем в часовне, не выйдем». Старообрядцы были крепкими духом людьми.

Сергей Викторович Ганьжа, в подробностях описывающий всю историю со штурмом часовни (мы эти подробности опустили), дает ответ на вопрос о подземельях часовни, приводя выдержку из той же церковной летописи о тайниках в часовне Святого Иова: «...В этих потайниках в случае опасности преспокойно укрывались беглые попы... Потайники эти устроены под сводами дома внизу: так, на боковой западной стороне дома снаружи находилась железная дверь, ведущая в подвал, назначенный как бы для хранения общественного имущества. Подвал этот, устроенный под каменными сводами, составляющими основание здания, состоит из трех камер, соединенных дверями и имеющих небольшие окна. Пол в этих камерах каменный. В третьей камере к капитальной стене искусно прикреплен фальшивый шкаф, представляющийся стоящим на полу, состоящий из трех полочек и не имеющий даже створок... На этом и основан расчет — отклонить подозрение насчет потайника, существующего за шкафом, который очень искусно скрывает дверь или чугунную раму, в которую вставлена стена...»

В Нижнем Тагиле продолжается долгая и кропотливая работа по приведению в порядок исторического центра города, изучению и сохранению памятников архитектуры, увековечиванию того хрупкого пласта памяти, который держит тяжелый фундамент истории. И как важно, заботясь о том, что стоит на земной поверхности, не забыть, не пропустить, не разрушить бездумно то не всегда заметное, немного таинственное и загадочное, что находится в подземном пространстве старого уральского города. Ведь оно порой может рассказать больше, чем самый подробный документ.

САЛДИНСКИЕ ПОДЗЕМНЫЕ ЭТАЖИ

Чудо отца Михаила. Краеведы рассказывают о подзетельях. Система подзетельных галерей и коридоров. Тайны церковноприходской школы. Тоннель под рекой? Спецопови в подвалах усадьбы управляющего. Геофизический десант. Дети подзетельей. Что скрывает зетля городского храма?

«Чудо», которое однажды произошло в Верхней Салде, таким же чудесным образом повторялось потом много раз.

А дело было так. Приходят верующие к храму Во Имя Св. Иоанна Богослова, всяк норовит пораньше. Собирается толпа и ждет, когда откроют двери. Двери у собора железные, кованые, с тяжелыми засовами и замками — тут даже нечистой силе открыть не под силу. Идет пономарь, гремит ключами, снимает замки, разводит тяжеленные створки. Устремляются верующие в храм и... цепенеют от неожиданности: свет и лампы горят, а перед алтарем стоит в полном облачении батюшка Михаил и дожидается паству. Чудо!

Конечно, бывалые прихожане посмеиваются в кулаки да бороды, а кое-кто давно знает разгадку секрета. Иногда «чудо», начавшись утром, продолжалось вечером. Ждут верующие выхода отца Михаила из храма, чтобы получить благословение, а выходит пономарь и начинает деловито запирать церковь на все замки и засовы.

— Что же это ты, — хочется крикнуть какому-нибудь нетерпеливому, — ведь батюшку ненароком закроешь!

А батюшки не то что самого, но и духу его давно в храме нет. Отец Михаил уже сидит дома и пьет чай с земляничным вареньем.

Сотворить такое «чудо» помогали подземные ходы, что буравят землю в старой части города и уже давно привлекают внимание. Не салдинские священники придумали этот способ дивить свою паству. В европейских городах, крепостях, рыцарских замках, в древнерусских городах, поселениях, монастырях неизменно прокладывался к собору подземный ход, а иногда и не один. Церковники активно участвовали в жизни городов и использовали для себя любую ситуацию, так что салдинские священнослужители не были оригинальными — они пользовались старыми демидовскими норами.

Демидовский завод в Верхней Салде начал действовать в 1778 году. Всего несколько лет назад огненной бурей безжалостно бушевал, а потом так же безжалостно был подавлен пугачевский бунт. И, кажется, рассеяна грозная буря, нашедшая отзвук во всех уголках Каменного Пояса, но вихри ее, разлетевшись далеко, не смирились, а только притихли, и стоит подуть свежему ветру, как они могут вновь обрести силу и объединиться в новый ураган.

На строительство завода народ собрался отовсюду. Управители понимали, что среди этих хмурых, подчас забытых и сломанных людей

есть не только сочувствующие пугачевцам, но и такие, кто радостно встречал разбойника и самозванного «царя» Петра Федоровича.

Вот, наверное, одна из главных причин, подтолкнувших хозяев завода к прокладке скрытых переходов и устройству тайников. Этой версии придерживаются и верхнесалдинские краеведы. Стоит упомянуть, что в Нижней Салде, где пуск завода и образование поселка приурочены к 1760 году, подземное строительство было куда как меньше выражено.

В Верхнюю Салду меня привело однажды письмо от местного краеведа В.И. Козлова. В нем были и волнение открывателя, и наблюдательность специалиста, и тревога гражданина.

Виктор Иванович сообщал: под Верхней Салдой, под ее домами и строениями, по рассказам старожилов, по его личным наблюдениям и кое-каким другим свидетельствам, есть целая система галерей и коридоров. Эта система проложена под историческим центром в старой части города. Ходы соединяют старый завод, здание бывшей церковноприходской школы (там была когда-то первая, демидовских времен, церковь), дом управляющего заводом, здание волостной управы, особняки священников. Есть как будто бы ответвление в другую часть города, проходящее под рекой туда, где находится салдинская школа № 6.

Может быть, последнее выглядит несколько фантастичным, хотя в принципе возможным, а вот на пяточке старого центра очевидцы наблюдали удивительные вещи. В.И. Козлов разыскал пятнадцать жителей Верхней Салды, кто своими глазами видел эти сооружения, ходил по галереям и коридорам, спускался в темень провалов. И не только разыскал, но и собрал однажды всех вместе в отделе культуры Верхнесалдинского горисполкома, по-нынешнему — городской администрации.

Тихо крутятся магнитофонные катушки. Неторопливо разговаривают участники встречи, вспоминают, уточняют детали, дают оценку виденному. Разные это люди и по возрасту, и по профессии, и по служебному положению. Да и свидетельства их разделены временем: один вспоминал, что довелось видеть аж в 1909 году, а другой — семь десятилетий спустя. Но когда все это собирается вместе, когда совпадают детали, то убеждаешься, что лабиринты Верхней Салды — не легенда, а реальность.

О чем говорили свидетели событий?

С.Т. Скоропуп был свидетелем строительства гаража во дворе старинного особняка, принадлежавшего в далеком прошлом отцу Михаилу, ныне отданного под трансгентство и автостанцию. Вынимая очередную порцию грунта из траншеи под фундамент, ковш экскаватора задел кирпичную кладку. От ударов в ней образовался пролом. Лопатой очистили находку от земли — походило на стенку из кирпича. Стенка под землей? Простукали — за стенкой гудела пустота. Пролом расширили и попали в подземный ход. Тоннель был выложен большеразмерным демидовским кирпичом, свод тоже кирпичный, цилиндрический, массивный. Пол выстлан гранитными плитами. Размеры коридора типичны для сооружений этого типа: ширина полтора метра, высота около двух метров.

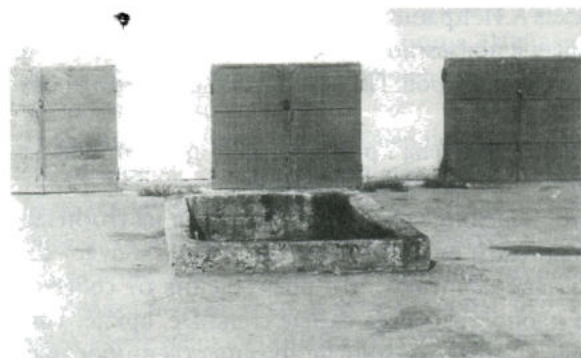
Но главное ожидало следопытов впереди — через несколько метров ход разветвлялся на три рукава. Один уходил влево, к когда-то стоявшему на взгорке собору Иоанна Богослова (снесен в годы бесцерковья), второй направлялся прямо в сторо-

Вход в подземелье старой демидовской церкви

ну волостной управы и дома второго церковнослужителя — отца Алексея, а третий устремлялся направо — к зданию некогда существовавшей церковноприходской школы. Выбрали путь прямо, но вскоре его перегородила кирпичная стенка сравнительно недавней кладки, датируемой примерно началом XX века. Эта закладка вызвала у верхнесалдинских краеведов предположение, что она появилась неспроста. Не были ли за ней скрыты церковные и иные ценности, таинственно исчезнувшие в годы гражданской войны?

В том же дворе, где строился гараж, есть яма, появившаяся давным-давно. Края ее даже забетонированы. Долгое время она использовалась как приемник воды, стекающей от мойки машин, и поглощала эту воду в невероятных количествах. Однажды яму вычистили от ила и грязи и увидели, что она была обыкновенным провалом сводчатого хода. Устроен он точно так же, как и тот, что вскрыли у гаража, возможно, был его частью. Направление этого коридора угадывалось однозначно: от дома священника к дому управляющего.

*Современная выгребная яма —
вход в старинный подземный лабиринт*

А.Ф. Оносов учился в 1936 году в школе, что находилась в здании церковноприходской. Однажды с мальчишками проник в глухой отсек подвала. В центре этого тесного отсека они обнаружили лаз, спустившись в который попали в тоннель. То ли этот ход направлялся в сторону собора Иоанна Богослова, то ли к дому отца Михаила, но так или иначе ребята прошли по нему более ста метров, истратив коро-

бок спичек. О подземном путешествии узнали другие ученики, и экспедиции любознательных, позабыв об уроках, одна за другой ходили в таинственную темноту тоннеля, пока дирекция школы не воспрепятствовала этим посещениям.

В.И. Козлов 14 мая 1979 года, руководя группой энтузиастов, обследовал подвал бывшей церковноприходской школы, здание которой за несколько лет до этого сгорело. Краевед пишет: «Разобрав кирпичную кладку в проеме двери (подвала. — В.С.) с восточной стороны, мы вошли в комнату размером пять на шесть метров, высотой в рост человека. В противоположной стене находился узкий проход в полметра шириной... Это был потайной ход в подвал. В левой части подвала открылось большое помещение с гладкими стенами и вбитыми на уровне вешаемых икон и лампад коваными гвоздями. Судя по всему, это помещение использовалось как молельня. Затем мы сняли пол с двойным настилом и обнаружили глухой бункер с кирпичными стенами размером три на четыре метра, весьма загадочного назначения. Слева был еще такой же бункер, а в центре находился лаз в подземный ход (о котором говорил А.Ф. Оносов. — В.С.). На уровне пола в лазе находился лед...»

Поисковая группа В.И. Козлова не смогла пробиться туда, слишком большим оказался объем расчистных работ.

Л.Ф. Сухоросов еще в 1909 году, работая истопником в соборе Иоанна Богослова, хранил дрова в подвале. Знал, что из подвала идет ход к усадьбе отца Михаила, видел дверь, закрывающую этот коридор...

А.И. Крашенинникова в 30-е годы девчонкой вместе со сверстниками ходила по тоннелю, который начинался за рекой (из здания, что занимала в то время школа № 6), вел под плотину и как будто выходил на другой берег, направляясь далее к старому центру Верхней Салды. По тоннелю ребята проходили более ста метров. Свод нависал низко, может быть, из-за мусора и земли, отложившихся на полу. Шли с факелами, временами было страшно, так как попадались человеческие черепа и кости. В самом начале коридор преграждала железная дверь, которая, правда, сравнительно легко открывалась. После двери начинался крутой спуск с лестничными ступенями. А.И. Крашенинникова приводит и такой факт: в 1978 году в этот тоннель снова попали дети. Они прошли его целиком, даже якобы под рекой, и вылезли на другом берегу в старом центре.

О.Л. Сметанин подтверждает рассказ А.И. Крашенинниковой. Он учился в школе № 6 до войны и тоже не один раз бывал в подземном ходе. Ход этот, сначала очень узкий, расширялся затем до полутора-двух метров. По нему удавалось пройти около пятидесяти метров.

Так что же, действительно существует тоннель, проходящий под рекой? Неужели может оправдаться версия об уральских подводных ходах?

Поразмыслим на эту тему. Можно, конечно, сразу настроить себя на сомнение: мало ли что пригрезится человеку в детском возрасте. Именно в этом и будет слабость нашей позиции — психологи давно считают, что впечатления от событий, полученные в сознательном детстве и юности, всегда самые сильные, яркие, запоминающиеся до мельчайших деталей. К тому же многие путешественники говорят о виденном примерно одно и то же, приводят сходные описания устройства хода и его отдельных деталей (двери, ступени, уклон пола и т. д.).

Что можно сказать о сооружении, имея несколько идентичных описаний? Здание бывшей школы № 6 — старинное, раньше входило в ансамбль заводских административных построек. Наблюдавшийся очевидцами тоннель от него идет к плотине — это уже знакомая нам картина. Своды низкие — не канал ли это для сточных вод? На уральских заводах известны технологические каналы, отводившие стоки от некоторых производств и сбрасывавшие излишки воды, и водоводы, направлявшие воду к технологическим узлам. Это коммуникации сравнительно ограниченной длины, приуроченные только к территории непосредственного производства. Городской канализации в населенных пунктах Урала практически не было вплоть до 20-х годов XX века. Да и впоследствии стоки отводились по трубам, а не по выложенному из кирпича коллектору. Наконец, если это коллектор, то зачем в нем делать лестничные спуски? Значит, все-таки ход?

С Виктором Ивановичем Козловым мы спускаемся в подвал здания городской типографии. Когда-то оно тоже входило в комплекс усадьбы управляющего заводом. Интересное и, пожалуй, самое таинственное место. Во дворе усадьбы и на окружающей территории часто бывали провалы грунта. В подвале цилиндрические кирпичные своды, покрытые современной штукатуркой. Форма подвала в плане довольно сложная, напоминающая изгибы и колена самого настоящего лабиринта. Сначала мы поворачиваем раза два налево, потом столько же направо. В последнем отсеке видна стенка современной кирпичной кладки. Стенка не цельная, кирпичи лежат друг на друге в шахматном порядке, оставляя отверстия. Так сделано, видимо, для вентиляции. Свет фонарика, направленный в одно из отверстий, позволяет увидеть за закладкой уходящий куда-то узкий проход.

Летом 1980 года на территории двора типографии была проложена траншея, которая вскрыла кирпичную кладку из большеразмерного старого кирпича демидовского образца на прочном известковом растворе. А что там, глубже?

Рассказывают, что такие монолиты кладки были видны и в других таинственных воронках, куда проваливались трактора и экскаваторы, а заботливые прорабы торопились засыпать в зияющие дыры самосвалы щебенки. Несколько лет назад был отмечен провал на участке между домом управляющего и половским домом — вот еще одно звено лабиринта.

Мы выходим из подвала, поднимаемся по узкому проходу туда, где светится проем открытого люка. Если проход заложить, то получится неглубокое подполье для хранения припасов. Так, наверное, и делали, чтобы покончить с тайнами. Сразу вспоминается невьянская гостиница «Нейва» — вибрирующее и гудящее старинное здание, скрывающее под мелким подпольем таинственную бездну подвала с дверями «в никуда».

В 1982 году спелеологи Свердловского архитектурного института проникли в узкий проход за решетчатой закладкой в подвале типографии. Задача у них была, казалась, простая — осмотреть подвал, составить его план, а самое главное, обследовать ту его часть, которая находится у фасадной стены здания, — нет ли там входа в подземный тоннель, ведущий, по рассказам, к старому заводу.

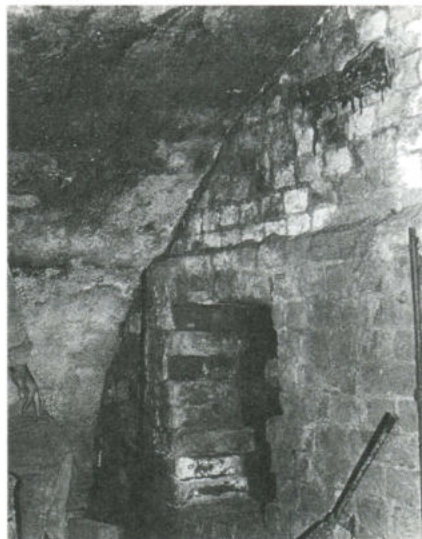
Ребята надевают свои комбинезоны, берут каски с фонарями, рукавицы, веревки (а вдруг неожиданный спуск!). Работницы типографии помогают, приносят откуда-то длинный лом с круглой ручкой на тупом конце. Он может пригодиться для разборки закладок. Глаза у ребят веселые: их ждут романтические неожиданности

и приключения. Спуск в люк, крутая лестница, потом тот самый S-образный проход, где мы прошли с В.И. Козловым. Впереди дверной проем, закрытый «дырчатой» кладкой с расположением кирпичей в шахматном порядке, который мы видели раньше. Ребята где-то здесь же находят лаз, минуют «дырчатую» кладку и исчезают за стеной. Там приходится, раскапывая, расширять щель. В нее, протискиваясь, уползают. Чуть слышны их голоса, доносятся удары молотка. Появляются через полчаса. Рассказывают, что, несмотря на все ухищрения, удалось обследовать не более четверти площади подвала. Везде капитальные перегородки, закладки, засыпки. В отсек, выходящий к фасадной части здания, спелеологи не попали... вышли в одном из лазов к какому-то дверному проему с «кулаками» от навесов. За проемом, где угадывалось пространство, все было засыпано землей с остатками кирпичей.

Пока спелеологи работали в подземельях типографии, мы с коллегой и помощником геофизиком Михаилом Юрьевичем слушали рассказы типографских работниц о Верхней Салде и ее тайнах. Одна из работниц поведала, что прежде типография была в том доме, где когда-то жил отец Алексей, а впоследствии размещались прокуратура и суд. На первом этаже стояли типографские станки, и в закутке, который ныне занял буфет для славных деятелей районной юстиции, в полу был люк («западня» — так выразилась по-уральски наша рассказчица). В этот люк-западню молодые ребята залезали чуть ли не каждый день и проходили куда-то под площадь, где стоял некогда собор Иоанна Богослова.

Подземелье заводской конторы

Подвал дома управляющего заводом

После рассказа мы с коллегой переглянулись и... резво побежали в прокуратуру. Разыскали буфет. Буфетчица удивлена. Она уже лет пятнадцать здесь работает и слыхом не слыхала ни о люке, ни о подземном ходе.

— Да ведь много людей по нему ходили! — чуть не закричали мы.

Она молча выходит из-за буфетной стойки, показывает нам все углы и закоулки своего хозяйства — нет никакого люка. Возвращаемся в типографию. И тут-то работницы все вместе вспоминают, что еще при них пол перекладывался, а тот самый люк находился прямо против нынешнего буфетного прилавка, где стоят два стола для посетителей. Толстые и широкие половые доски скрывают под собой, может

быть, одно из реальнейших доказательств существования подземелий в центре замечательного уральского городка. Так и хотелось схватить пилу, лом, топор или еще что-нибудь поострее и потяжелее да и... Стоп, стоп, с прокуратурой и судом не шутят... Стоит верить, что когда-нибудь, в более благоприятные для истории времена, сюда еще вернемся.

Дождавшись, когда спелеологи снимут свою амуницию, мы поехали за реку, к зданию школы № 6, откуда по легенде якобы шел подземный ход под рекой к центру городка.

Вид строения посеял некоторые сомнения. Здание было деревянным, из толстых бревен, старых, но не более чем столетней давности. Мы же надеялись увидеть объем из демидовского кирпича капитальной кладки, по возрасту сопоставимой со временем основания завода. Возможно, на месте этого деревянного одноэтажного здания с пустыми провалами разбитых окон в средней части было что-то другое. Два противоположных конца здания заселены. Там живут семьи строительных рабочих, видимо приезжих. Спрашивать о чем-либо не у кого, кроме ватаги детей. Мы их сразу окрестили детьми подземелья. По сравнению с только что виденными в Доме пионеров аккуратненькими мальчиками и девочками в чистеньких рубашках и красных галстуках эти дети нам показались явлением из другого мира или другой эпохи.

Сейчас, после перехода границы столетий и наступления странной неустойчивой жизни в стране, кажется, что мы стали свидетелями какого-то видения, словно нам тогда позволено было заглянуть в эпоху, отстоящую по времени на двадцать с лишним лет. В наши дни уже не так шокирует вид беспризорных грязных детей, ночующих в подземельях теплограсс. Их уже тысячи. Сколько их было тогда, неизвестно. Но здесь, на краю уральского городка, мы их видели, общались с ними, они даже нам помогали. Все дети лет десяти-двенадцати, шустрые, крикливые. Мальчишка в грязном школьном пиджаке не по размеру, надетом на голое тело, из рукавов едва видны пальцы цвета плодородного чернозема. У другого нахальные рыжие глаза, под ними тяжелые мешки — явный признак нездоровья. Все его зовут Выло. Но мальчик неожиданно вежлив и сразу предлагает свою помощь. Еще один, давно не мытый и нестриженный, по кличке Куцара, томится в жару в клеенчатой, застегнутой на все пуговицы куртке. А вот бритоголовый блондин с белесыми ресницами, одетый в разные рваные одежды не по размеру, носит кличку Опарыш. Девочки. Они кажутся взрослее мальчишек, но более раскованные и развязные.

Все дети с живым интересом наблюдали за нашей работой, спрашивали, подсказывали. Эх, если бы их отдать в хорошие добрые руки! Или поздно?

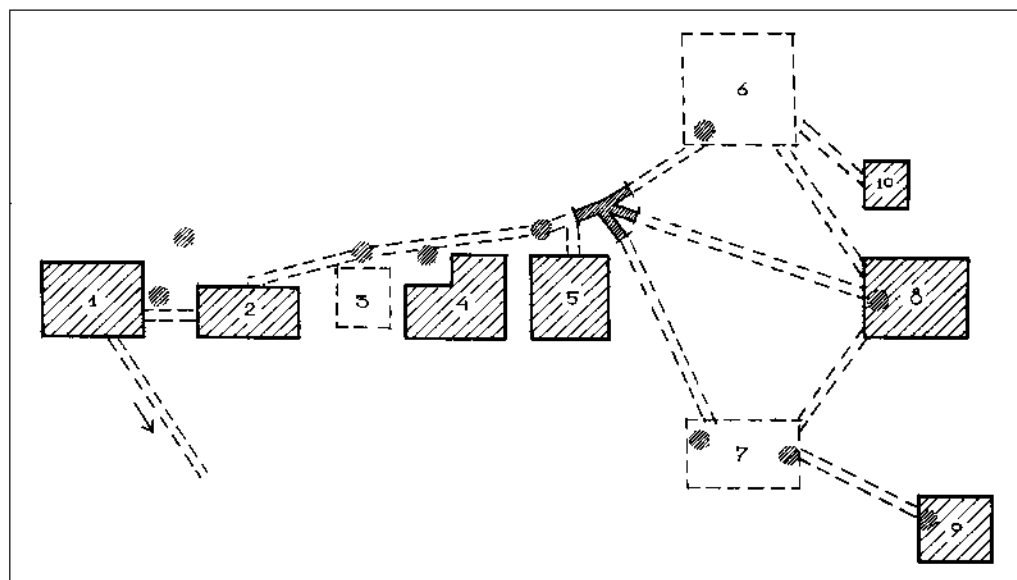
Выло уже лазил в какое-то подземелье, рассказывает о большой «комнате», выложенной камнем. Показывает «яму-дыру», полузаваленную мусором с торчащим из нее коленом. Спелеологи один за другим исчезают в этой «дыре». Докладывают оттуда: подземное помещение, перекрытие бревенчатое, изрядно сгнившее, остатки лестницы, стены сложены из массивных каменных блоков, помещение наполовину засыпано шлаком. Пробовали раскапывать — появляется вода. Никаких выходов из подземелья нет.

Вездесущие пацаны не могли ничего сообщить о других подземных сооружениях в их округе. Невозможно себе представить, что очевидцы путешествий под рекой приняли обыкновенный погреб за длинный подземный тоннель.

Нашлись новые свидетели и участники подземных путешествий, правда, в других местах. Среди них оказался и директор верхнесалдинской школы № 9 Н.В. Сорокин. Школа эта тоже старинной постройки, расположена прямо в старом центре и как бы примыкает к четырехугольнику, в углах которого дом священника, волостная управа, бывшая церковноприходская школа и снесенный главный собор Иоанна Богослова. В ходе был найден пулемет времен гражданской войны. Вполне возможно, что в подземных этажах Верхней Салды скрывались участники большевистского сопротивления после прихода белогвардейцев.

Известный уральский историк, доктор исторических наук, профессор Анатолий Григорьевич Козлов рассказал, что когда-то в середине 50-х годов, во время работы в секции участников гражданской войны на Урале, собиравшейся при областном краеведческом музее, он слышал от ветеранов такой факт: во многих (!) уральских городах и поселках во время недолгого правления на Урале белых так называемые красные партизаны скрывались под землей. Оказывается, в давние време-

- 1 — дом управляющего
- 2 — заводская контора
- 3 — снесенное жилое здание
- 4 — современное административное здание
- 5 — бывший дом отца Михаила
- 6 — Собор Иоанна Богослова (не сохранился)
- 7 — руины старой демидовской церкви, позднее церковноприходской школы
- 8 — волостное правление
- 9 — старое заводское здание (ныне школа № 9)
- 10 — хозяйственное здание

- — вскрытое разветвление ходов
- — провалы, замурованные и открытые ходы
- — подземные ходы
- — направление к старому металлургическому заводу

Схема расположения подземных ходов в зоне старого центра г. Верхней Салды (по данным автора)

г. Верхняя Салда. Церковь Иоанна Богослова (снесена в 1930-ые гг.)

на обычные колодцы копались особыми артелями из хорошо знающих свое дело специалистов. Копая новый колодец, они старались соединить его с уже действующим колодцем переходом выше уровня воды. Эту тайну хранили в своем кругу. Ею-то и воспользовались партизаны в трудное время. Спускаясь в колодец, они уходили в эти переходы и там хоронились от белых.

Но рассказы и свидетельства очевидцев, пусть даже многочисленные, могут являться лишь основанием к последующим кропотливым исследованиям подземелий. Попытка в какой-то мере подтвердить рассказы очевидцев и установить хотя бы в нескольких указанных ими точках наличие подземных ходов в толще грунта была сделана в 1982 году с помощью инженерно-геофизических методов. Скажем прямо, не было того мощного комплекса оборудования, которое не оставляет места для неоднозначности результатов. Была разведка, своеобразный геофизический десант, и успех его мог зависеть от случая. И близкие задачи походили на десантные: отсечь измерительными профилями, по направлению которых прощупывался грунт, основных «виновников» и «держателей» подземных тайн: дом управляющего, старый завод, особняки священников, участки снесенного собора и церковноприходской школы, а также здания школы № 9. Словом, почти все главные сооружения старого центра Верхней Салды. Чуткие электроразведочные приборы заговорили языком своих индикаторов, цифры потекли в счетное устройство, через каждый метр точка к точке стали появляться характеристики электрического поля, которое там, под поверхностью земли, на разных глубинах, собирает информацию о структуре и строении грунта. И вот у здания нынешней типографии

обозначилась первая аномалия, которую можно было подозревать в причастности к пустоте. Но если в нескольких метрах от фасада здания обнаружена пустота, то она может оказаться тем самым подземным тоннелем, что должен уходить к старому заводу! Аномалия располагается прямо против того места, где из-под фундамента торчит толстенный пенёк давным-давно спиленной березы, наверняка ровесницы дома. Кстати, трассы подземных ходов иногда обсаживали деревьями (как и плотины), чтобы корневая система не позволяла образовываться провалам, цепко держа грунт над сводом, а иногда и сам кирпичный свод. Может статься, что береза обеспечивала сохранность участка выхода из подвала.

Двумя электроразведочными аномалиями отмечены подземные выходы из когда-то существовавшей церковноприходской школы. Как и говорили очевидцы, один направлялся в сторону дома управляющего и усадьбы отца Михаила и далее, по-видимому, к снесенному собору. Вторая аномалия на двух разведочных параллельных друг другу профилях отметилась на участке, где, по рассказам свидетелей, проходит подземный ход между школой № 9 и бывшей церковноприходской, дала интересные результаты. Состояние грунта исследовалось здесь на четырех глубинах от 2 до 10 метров, так что пропустить полость или подобную неоднородность в грунте было невозможно. Либо она есть, либо ее нет. Сначала четыре графика, характеризующие состояние на всех глубинах, являли однородную картину — невозмутимость слоев грунта. И вдруг ровный строй графиков резко нарушился. Словно лыжники с горки, они дружно скатились вниз, потом неведомая сила электрического поля подбросила их вверх, заставила прыгать, как тарантас на кочках. А дальше... Дальше все улеглось, и пошел ровный строй. Это аномальное поведение поля, конечно, не было случайным — оно запечатлеvalo определенную линию между двумя зданиями. Разметили параллельный профиль, чтобы «подсечь» на другом участке возможное направление подземного хода, существование которого уже не выглядело гипотетичным. На этом профиле произошло то же: зафиксирована аномалия подобного характера. Теперь можно было утверждать, что там, под нами, в грунте пролегал искомый подземный ход. Есть, правда, предположение, что ход частично заполнен водой.

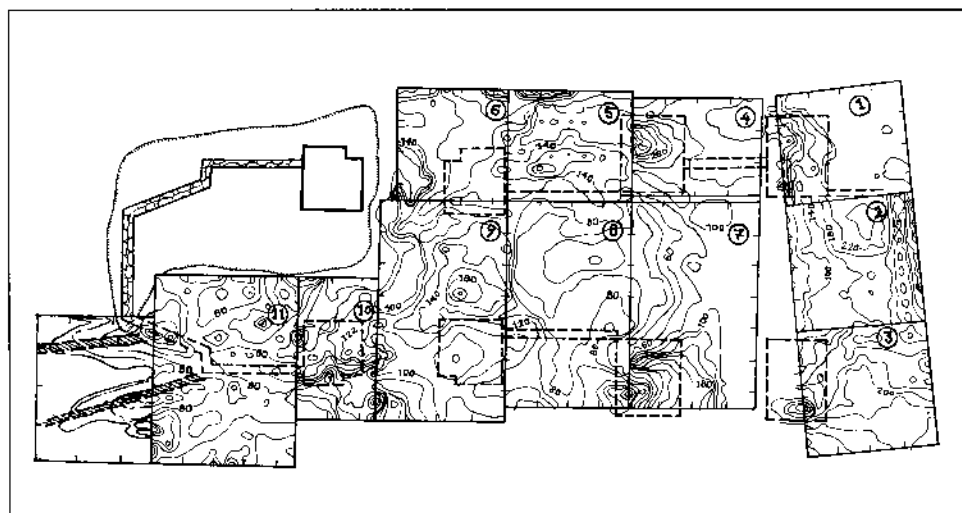
Нашлись новые свидетели. Оказывается, многие ребята из школы № 9 постоянно ходили по этому ходу в подвалы бывшей церковноприходской школы. Особенно участились посещения в связи с тем, что в подвале этом жила собака со щенятами. Вот и ходили ее кормить. С факелами. Эти факелы и решили судьбу здания церковноприходской школы. Вспыхнул пожар, а на складе в то время находились фляги и банки с краской. Они взрывались от огня так, что пожарные разбегались, думая, что детонируют боеприпасы времен гражданской войны. Ход закрыли, залив его устье бетоном в здании школы. После этого в подвалы здания стала поступать вода, бороться с которой было невозможно. Видимо, сработали какие-то законы гидродинамики и сухой до этого тоннель, ставший герметичным, спровоцировал иное распределение водных потоков и течей.

Третью аномалию ждали между домом отца Алексея (ныне прокуратура и суд) и участком расположения снесенного собора. Она должна была выявить тот самый ход, который направлялся от люка в полу помещения типографии, куда потом въехал буфет. Профиль разбили, но условия заземления электродов были совершенно неприемлемыми — камень, слои асфальта, щебенка, чуть прикрытая почвой. Элек-

троды не втыкались в этот грунт, требовались шпурсы... и время для подготовки площадки. Решили перенести эти исследования на более поздний период. Этот перенос имел перспективы. Отдел культуры тогдашнего горисполкома был заинтересован в разгадках тайн истории города, его поддерживал отдел образования, находились энтузиасты. Уже был составлен план работ, подробный и обстоятельный, искали средства.

Ведь ясно, что десантные исследования не дают полной картины, оставляют лазейки для сомнений. Поэтому необходимы детальные, всеобъемлющие, комплексные работы на всей площади старого центра, подкрепленные не только энтузиазмом и желанием исполнителей, но и надежной поддержкой заинтересованных организаций. Поддержка виделась реальной. Но вскоре началось то, что продолжается по сей день и называется как-то обтекаемо — переходный период. Переход куда-то, висячий шатающийся мост, жизнь на котором говорит: «Какие вам исторические тайны, какие вам историко-культурные вехи, какое вам воспитание в духе малой родины? Денег, милые, на честно заработанную зарплату не хватает...»

Рухнули планы, испарились мечтания. Но не бывает худа без добра в любые времена. Добро пришло с другой стороны. Местные священники, активные молодые люди, возбудили вопрос о восстановлении храма Во Имя Св. Иоанна Богослова. Их и примкнувших к ним верующих поддержала епархия. Настойчивая просьба

- вскрытые конструкции Собора
- погребенные в грунте конструкции, обнаруженные геофизическими методами
- изолинии электросопротивления
- направление подземных ходов от алтаря Собора

Результаты геофизических работ методом срединного градиента на территории снесенного Собора Иоанна Богослова (г. Верхняя Салда)

достучалась до местной городской администрации: восстановление храма восприняли как важнейшее дело, а активные батюшки добились немедленного переноса с участка собора мемориала павшим на Великой Отечественной войне. Это было смелое требование. И так же смело оно было выполнено. Встали вопросы, а что там, под бывшим мемориалом, сохранились ли фундаменты церковного строения, если да, то в каком состоянии?

Вышли на нашу группу, чтобы, не производя объемных и дорогих работ по выемке грунта, определить с помощью приборов местоположение фундаментов, их сохранность, глубину заложения и многое другое.

Так мы через пятнадцать лет снова появились в Верхней Салде, правда, по другому случаю, но втайне очень надеялись повозиться с подземными сооружениями.

На участке бывшего собора был использован метод, позволявший наблюдать распределение электрического поля на отдельных планшетах, которые, состыковываясь, давали общую картину. Поставленные задачи были решены, все, что связано с фундаментами храма, определилось. И кое-что еще. Это «кое-что» проявилось на одном «лишнем» планшете, который расположился у апсидной части собора. На нем обозначился «язычок» распределения изолиний электрического поля, несущий прямую информацию о подземном ходе, направлявшемся из-под апсидной части к дому отца Алексея. Так, через много лет, по случаю удалось снова заглянуть в подземные этажи уральского городка.

Салдинские подземные лабиринты — реликт бурного горнозаводского времени, они загадочны, ибо помнят, а возможно, скрывают следы событий, о которых мало кто знает. Как и во многих уральских городах, они являются архитектурно-историческим памятником, отражая сложные архитектурно-пространственные, исторические и социальные связи.

ВЕРХНЕТАГИЛЬСКИЙ «ПАУЧОК»

Легенды о верхнетагильских ходах. Таинственный ход управляющего. Подземные ходы разных направлений. Отсеки погвала. Столбы проваливаются в пустоту. Деревянный сруб под землей. Геофизическое «око» смотрит в подземелье.

Люди, приезжающие на Урал впервые, дивятся тому, как много у нас парных городов. Если есть, скажем, Верхняя Салда, то, стало быть, есть и Нижняя. Если есть Нижние Серги, где-то отыщутся и Верхние. Все дело в реках: где на них ставили плотины для заводов. Так, у Нижнего Тагила есть брат — Тагил Верхний. Повезло ему в истории меньше, хотя появился он раньше Нижнего и домны задул раньше. И место у него горное, веселое и приветливое. Недаром оно приглянулось Демидовым, построившим здесь Верхнетагильский завод, чугуноплавильный и железоделательный.. Так не оставлены ли ими в Верхнем Тагиле подземные следы, как в других своих вотчинах?

Может быть, наконец-то повезет и что-то отыщется в архивах? Увы, по свидетельству члена Пермской архивной комиссии Л. Воеводина, интересовавшегося Верхним Тагилом еще в конце XIX века, «...письменности по истории этого завода не сохранилось. Пожар, бывший в шестидесятых годах (XIX века. — В.С.), когда сгорела даже сама заводская плотина, уничтожил контору, а с ней вместе и архив». Остатки старого архива и те документы, что накопились позднее, к сожалению, были тоже утрачены.

Остается еще одно средство — живая память людей. Все старожилы говорят о легенде про подземный ход на Теплую гору, высотку, господствующую над окрестностями. Но сомнения в обоснованности легенды возникают сразу.

Какой же гигантский объем работ надо было выполнить, чтобы пробить наклонный тоннель в твердых породах, оборудовав его прямо-таки бесчисленными лестничными подъемами и спусками, а потом вывести в самой высокой точке горы на обозрение всем и вся. Рассыпается легенда, как песочный дворец, высушенный солнцем. Но она на удивление упорна. Значит, что-то все-таки тут есть. Тот же Л. Воеводин чуть приоткрывает завесу. Называя Верхний Тагил «признаваемым центром уральского раскола», он пишет: «Так называемая гора «стариковых могил» видна из дома заводского управителя. По слухам, и в наше время там имеются скиты и для поклонения могилам приходят далекие странники...» Гора «стариковых могил» — это Теплая гора. Историки говорят о старообрядческих скитах именно на ней. Раскольничьи скиты на Урале бывали двух типов. Первый — избушка или две-три в лесной глухомани, чаще на острове, затерянном среди топкого болота. Второй — подземелье, довольно разветвленное, из двух-

трех и более соединенных между собой отсеков с общим входом колодезного типа. Конечно, поблизости от поселка постараются предпочесть подземный вариант. Л. Воеводич мимоходом отмечал в своих исследованиях: «Как любопытный памятник старины представляет управительский дом и собственно его подземная часть с разными тайниками».

Итак, подземные скиты на горе, подземелья с тайниками под горой. Легенда, связав их вместе с длинным тоннелем, пренебрегла всеми конструктивными сложностями.

Дом с тайниками...

Верхнетагильский журналист Е.П. Арапова в одной из публикаций приоткрыла историю господского дома. Первая архивная весточка представляла некий набросок В.И. де Геннина, который он сделал к «описанию партикулярных заводов» в 1735 году. Дом, по-видимому, представлял собой одноэтажное деревянное сооружение и построен был еще Демидовыми, потом продавшими завод и все к нему относящееся Савве Собакину (Яковлеву). То, что дом строили Демидовы, позволяет считать, что без капитальных подземных помещений обойтись не могло. В описи 1767 года есть упоминание о доме. В это время в права владения заводом вступил Собакин. Можно уверенно говорить о том, что на месте одноэтажного дома (с подвалами?) был поставлен двухэтажный каменный, сохранившийся в целом до наших дней. Такие признаки, как архитектура фасадов, внутренняя планировка, общая планировка участка, говорят о том, что господский дом в данном виде появился на границе XVIII—XIX веков. Пережив многое, стал бесхозным после 1910 года, когда закрыли завод. Потом в нем последовательно размещались школа, спичечная фабрика, родильное отделение, поликлиника, больничные ясли, жилые квартиры...

Если посмотреть на план местности, то сразу видно, как цепко этот дом держит свое окружение, являясь центром нехитрой композиции. В его глубокий подвал ведет лестница из нескольких широких ступенек. Едва мы минуем последнюю ступеньку, натываемся на трубу. Нам уверенно говорят, что труба служила для вентиляции того самого легендарного хода на Теплую гору. Не будем пока разочаровывать наших сопровождающих и пойдем дальше. В подвале нас ждут два помещения с цилиндрическими сводами: вход в одно из них сохранил чугунную дверную раму с литыми фигурными обводами в углах. Вспоминаются очень похожие рамы в невьянских строениях демидовского времени, будто бы делала и то и другое одна рука. Над рамой частая решетка из чугунных прутьев, закрывающая узкое отверстие, обеспечивающее вентиляцию. Недалеко от входа есть кирпичная закладка в стене, скрывающая дверной проем. Говорят, что за этой закладкой был тоннель в сторону другого старинного заводского здания. В сводчатом помещении, прямо напротив входа с чугунной рамой, видна еще одна заложённая дверь — здесь начало подземного хода к плотине. Подземная связь с плотиной, как и в Нижнем Тагиле, нужна была для разных целей, главная из которых контроль за состоянием основного сооружения — завода. Вдоль одной стены череда странных ниш, такая же ниша в торце помещения. Там же, в торце, еще одна вентиляционная труба. Не слишком ли много вентиляционных устройств для одного подземелья? А если ниже есть еще этаж? А если за заложёнными дверями — многометровой длины галереи? Глядя на ниши, представляешь, что задняя стенка их — это более поздняя

замуровка, за которой пустота каменного мешка. И может быть, когда-то каждую такую псевдонишу закрывала решетка.

Местный житель Бороздин не только расчистил эти подвалы, но из второго сводчатого помещения через железную дверь в торце его проник в третью часть подвала, уже выходящую из контуров самого дома. Вот в этом-то третьем помещении ниши в стенах в самом деле похожи на каменные мешки. В некоторых следопыт нашел ножные кандалы и рассыпанные звенья цепей.

Бороздин догадывался, что третье помещение не замыкает подземный лабиринт, и не ошибся. Он нашел дверь из него. Куда? Этого узнать не удалось, так как при попытке открыть дверь за ней что-то ухнуло, посыпалась земля. Любопытство исследователя отступило перед опасностью. Можно предполагать, что обвалилась часть свода или стены следующего, уже четвертого, тайника. Интересно, что под домом управляющего были отсеки, не связанные с основным подвалом. Так, в одной из комнат сохранился люк, открыв который можно спуститься в помещение площадью примерно два на два метра. Кладка его стен старинная, пол присыпан землей так, словно старались скрыть выход из отсека еще куда-то.

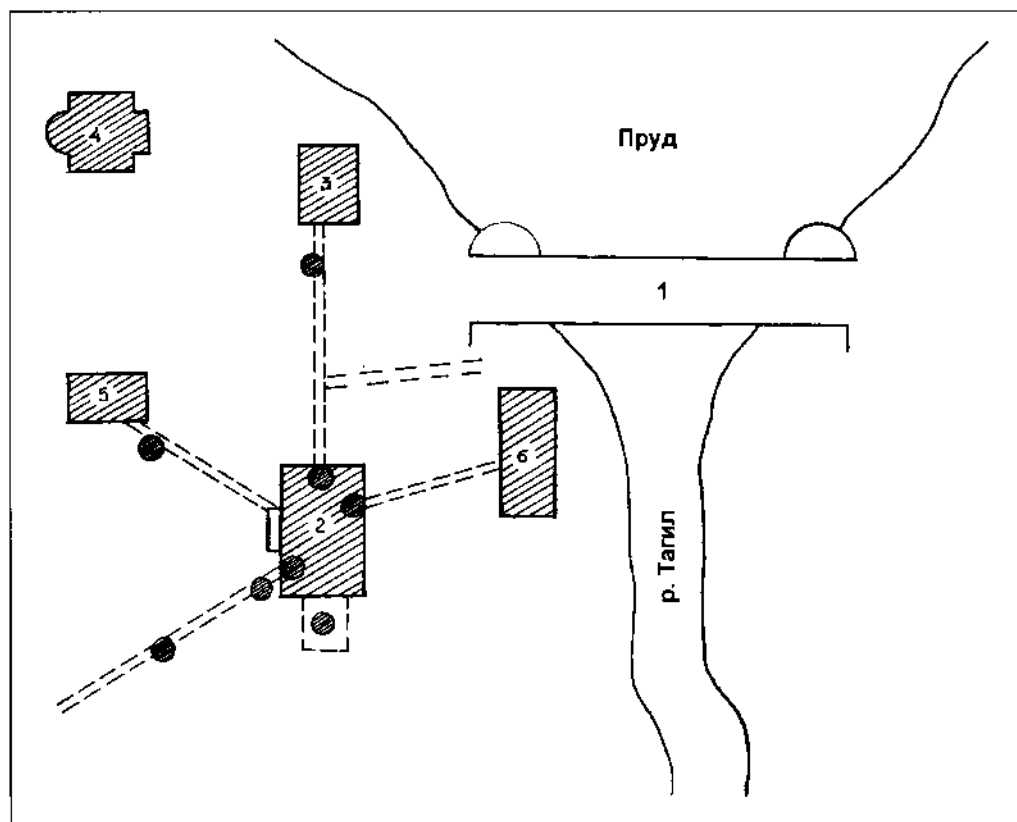
Другой люк прямо в подвале находил Владимир Алексеевич Глинских. В начале 30-х годов он, спустившись в отверстие люка, попал в отрезок подземного хода, прошел десяток метров и увидел глухую замуровку. Люк находился вблизи западной стены управительского дома, ориентированной в сторону доменной фабрики старого завода. Если находка Глинских представляла действительно часть подземного хода (а вполне возможно, что это был и тупиковый отсек), то связь господского дома с заводом становилась реальностью. После Бороздина в подвале дома копались многие, пытаясь найти незамурованные выходы. По-видимому, это было в том четвертом отсеке, куда Бороздин не смог проникнуть. За стенкой оказался сплошной земляной завал, оставивший у самого потолка около полуметра пустого пространства.

Исследование подвала дома с тайниками дает основание предполагать, что от дома в разных направлениях могли отходить подземные тоннели. Нет ли их следов вблизи здания? Оказывается, есть. Вот предполагаемое направление хода к старинному заводскому зданию, занимаемому ныне почтой. В 30-е годы его пересекла трасса электроснабжения. Для столбов копали ямы глубиной около полутора метров. Когда в одну из ям ставили столб, под его тяжестью грунт осел, и появилась пустота. Техногенная пустота, то есть обусловленная действиями человека. На противоположной, северной стороне дома часто фиксировались провалы грунта, причем в открывающихся полостях и воронках виднелась не кирпичная, а деревянная облицовка из толстенных плах.

В одном из провалов на глубине двух с половиной метров вдруг открылась совсем необычная конструкция: нечто вроде треугольного в сечении сруба из бревен. Сруб этот уходил глубже, но подступившая вода не дала возможности продолжить поиск. Действительно, странное сооружение: ведь трехсторонних колодцев для воды не бывает. Вентиляционное устройство? Фундамент какого-то большого сооружения или машины? Но почему тогда его верхний край оказался на такой большой глубине? А если все-таки это отдушина подземного хода, направлявшегося к хозяйственным постройкам или к участку, где когда-то производился обжиг руды?!

Николай Иванович Рябов, бывший в то время директором местного музея, хорошо помнит место провала, сам принимал участие в раскопках, добился, чтобы необычный колодец прикрыли досками до лучших времен, когда случай поможет достать оборудование для откачки воды, — ведь любой энтузиаст подземного поиска располагает обычно только лопатой. Н.И. Рябов с группой любителей краеведческих загадок пробовал перехватить подземный ход, проложенный под восточной стеной бывшего управительского дома (внутри подвала на этом направлении видели закладку). На глубине одного метра в раскоп стали проникать через грунт удушающие запахи: подземная полость (а как в нее верится!) стала, видимо, аккумулятором канализационных стоков.

- 1 — плотина
- 2 — дом управляющего
- 3 — заводское здание (ныне почта)
- 4 — бывшая единоверческая церковь Ильи Пророка
- 5 — хозяйственное здание
- 6 — доменная фабрика старого завода

- провалы грунта, заложенные дверные проемы в подвалах и т.п.
- контур подвальной части
- подземные ходы

Схема расположения подземных ходов в зоне старого центра г. Верхнего Тагила (по данным автора)

Е.П. Арапова приводит интересный факт. Один из жителей Верхнего Тагила рассказал, что в 1960-е годы в городе побывала какая-то экспедиция, участники которой якобы прошли по подземному коридору от господского дома в направлении руин старого завода. И там был выход на поверхность в виде люка, прикрытого толстой каменной плитой. Свидетель, в то время подросток, и его друзья пытались проникнуть под плиту, но это им не удалось.

Встреча исследовательской группы Уральской государственной архитектурно-художественной академии с верхнетагильскими тайнами произошла в 1992 году. Инициатором был тот же неугомонный Н.И. Рябов. В то время практически невозможно было организовать исследование каких-то там подземелий — кому это нужно в эпоху потрясений. Но директор музея придумал, как соединить позарез необходимое с романтически познавательным.

Дело в том, что «позарез необходимое» — это крайняя нужда Верхне-Тагильской ГРЭС проверить техническое состояние плотины пруда, которая по предположениям стала «пропускать» воду, из-за чего уровень водоема постоянно понижался. А без водоема электростанция существовать бы не могла.

Договорились, что исследователи с помощью неразрушающих геофизических методов попробуют установить причины утечки воды, а попутно (благо участок господского дома расположен вблизи плотины) займутся исследованием подземелий. Основная задача оказалась с инженерной точки зрения очень интересной. Было проведено полное «просвечивание» тела плотины до самой ее подошвы.

Плотина блестяще выдержала «экзамен». Тело ее оказалось надежным, а фильтрация воды незначительной. В чем тогда дело? Если плотина не виновата, то искать «виновного» нужно в другом месте. Начался поиск.

Верхний Тагил расположен таким образом, что южную окраину его центральной зоны и часть восточной омывает пруд. После плотины река Тагил сначала течет на север, а затем делает крутой изгиб в западном направлении. И получается, что центральная зона города находится как бы «в плену» у пруда и реки.

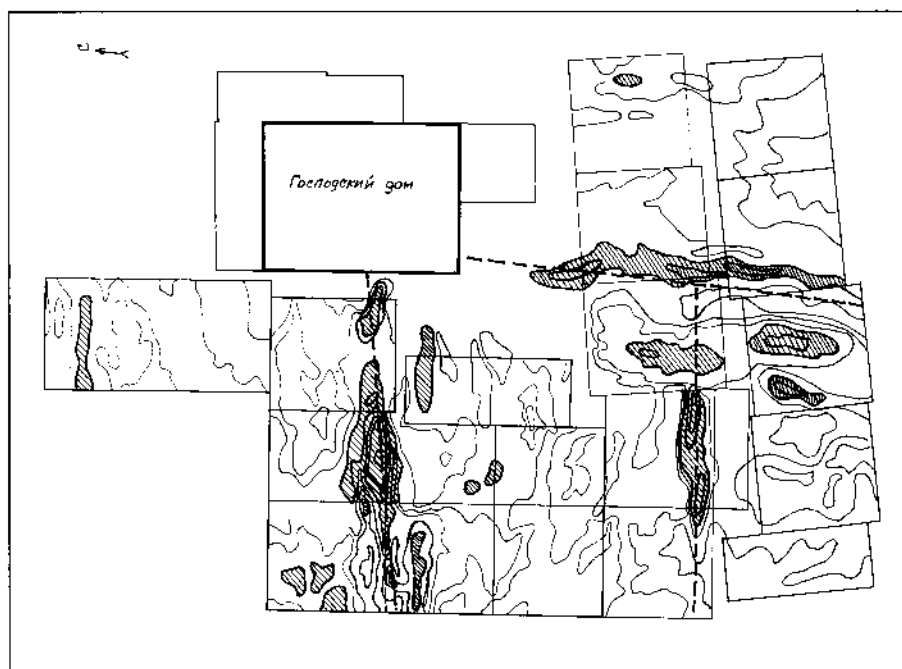
Основание этой зоны сложено из известняков, а известняк — порода коварная, может образовывать пустоты, так называемые карстовые полости, которые связаны друг с другом через трещины и другие каналы. Не в этом ли причина утечек?

Исследовательские профили наблюдений прошли вдоль улиц, имеющих широкое направление, параллельных линии берега пруда. В результате получили картину, которая однозначно говорила о том, что там, в глубине грунта, тесно от карстовых полостей, заполненных водой. Подтверждение дал анализ колебаний уровня воды в колодцах по всему направлению от южной до северной окраин. Все сходилось на одном: прудовая вода утекала через карстовую толщу туда, где долина и русло реки делали поворот на запад. Это так называемая зона разгрузки вод.

Нашлось время и для подземелий. Господский дом опоясали измерительные планшеты. Уже на стадии измерений стало ясно: тут что-то есть. А после того, как результаты полевых наблюдений были обработаны по особой программе и полученные данные выстроены в виде карты изолиний, то есть линий, соединяющих одинаковые значения измеренного параметра, была получена удивительная картина.

Пусть она сколь угодно схематична, но видно, что зафиксированы два направленных ходов от господского дома: одно на запад, туда, где располагалось здание доменного цеха старого завода, второе — в сторону здания заводской конторы с ответвлениями к плотине. Это хорошо просматривается на прилагаемой карте аномалий. А теперь вернемся к уже высказанной мысли, что господский дом, как важная местная доминанта, крепко держал свое архитектурно-градостроительное окружение из различных заводских сооружений. Похоже, будто вокруг командного пункта управления разместились боевые единицы. Так выглядит обстановка на старых планах. Если на таком плане контуры дома соотнести с точками, обозначающими таинственные провалы грунта, данные свидетельств очевидцев и размышлений местных краеведов и, наконец, результаты геофизических поисков, то получится, что господский дом цепко держит вокруг себя и подземные сооружения, подобно паучку, распластавшемуся на паутине.

Заканчивается наша экскурсия в подземные этажи Верхнего Тагила. Заканчивается не потому, что мы прикоснулись ко всему потаенному в этом городе. Просто здесь еще много неоткрытого, пока поддерживаемого только легендами и преданиями. Верхнетагильская земля ждет археологов, историков, архитекторов.

- — изолинии электросопротивления
- — оси подземных ходов

*г. Верхний Тагил. Господский дом.
Геоэлектрометрическая съемка*

ПОДЗЕМНАЯ ИНТРИГА КУШВЫ

На тройке с бибенцати в... подзастатье? Пробаты, воронки, просядки. Архивы о себе не заявляют. Милиционеры в подзастных ходах. Подзастные лабиринты готта кудка Пашаковл. Ходы, в которых тужно заблудитесь. «Сртыковцы» истопызуют бур и аквапанв. Лезенда о конокраде Федорове. Собор не отдаст свои подзастыя. Зладзка дерсвятной дубери. Что скажет вряжуище?

После выхода первого издания книги «Тайны уральских подземелий» я вдруг получил объемистую бандероль из уральского городка Кушвы. Послание не сопровождалось письмом или запиской. Просто в бандероль вложили несколько номеров местной газеты «Кушвинский рабочий», в которых была опубликована статья «О чем молчит почивший собор?». Из короткого предисловия к самой первой публикации можно было понять, что кушвинские энтузиасты, объединенные стремлением разгадать тайны истории своей малой родины, обратились к исследованиям подземных сооружений старого заводского местечка. Автор опубликованного материала А. Шевченко представил читателям не просто очередную статью, а дал очень живой, образный и в то же время документальный рассказ, который в основе своей содержит наряду с легендами и реальные факты.

Где бы и когда бы ни заходила речь о городских подземельях, почти всегда повествование начинается с легенды, очень фантастичной и красочной. Находился богатый и сумасбродный человек, обычно купец или фабрикант, который, то ли после кутежей, то ли спасаясь от грабителей, обязательно на тройке залетает в один ему только ведомый тоннель и исчезает в своем поместье.

Кушва не избежала искушения легендой. Жил там купец Никитин. Разгульный такой торговец. Как случится престольный праздник, берет тройку и ну гонять по улицам, наливая встречному-поперечному из трехлитровой четверти. Нагоняется, наездится — и вдруг мгновенно пропадает. А он, оказывается, вместе с лошадьми тайком въезжает в подземелье, которое ведет в его дом — известное каждому кушвинцу здание из красного кирпича. Байка не была бы завершенной, если бы не говорила о дальнейших событиях. А они выглядели так: купец, только что носившийся по улицам в расхристанном виде, вдруг появляется перед гостями выбритым, чистеньким, приодетым, словом, этаким комильфо. История подземных страстей купца Никитина завершилась для него, согласно легенде, парадоксально. Якобы взявшие власть большевики со своим лозунгом «отнять и поделить» вознамерились воспользоваться богатством купца. Умный купчина не стал дожидаться неизменных репрессий и сам повел «гостей» в подземелье, где у него был тайник с драгоценностями. Место тайника он показал, а сопровождавшие быстро вскрыли его. Тайник оказался пустым,

а купец, то ли притворяясь, то ли на самом деле, упал, хватаясь за сердце. Разочарованные экспроприаторы отпустили бедолагу на все четыре стороны, а молва объяснила все просто: купец драгоценности перепрятал сам и сумел талантливо сыграть сцену перед опустошенным тайником.

Кушва. Судьба города — это судьба завода. Когда говорится о Кушве, невозможно не соединить это название с горой Благодать, и, наоборот, всякое воспоминание о «железном природном колоссе» связано с Кушвой, с Кушвинским металлургическим заводом. «Железное чудо» было открыто вогулом Степаном Чумпиным в 1735 году, о чем доложили горному начальнику Василию Никитичу Татищеву, который и принял решение о строительстве завода. Первая домна стала действовать в 1739 году и «питалась» рудой горы Благодать. Быстро развивался город-завод. В 1801 году он стал административным центром казенного Гороблагодатского горного округа. К началу XX века в Кушве было 2264 строения, из них 43 каменных, действовали 5 храмов, 5 школ и гимназия, больница, библиотека и, как водится, трактиры в количестве 20. В это же время стала выплавляться высококачественная кушвинская сталь, проекты дальнейшего развития завода рисовали большие перспективы для тех десяти тысяч жителей, что населяли город-завод. В дальнейшем Кушва сохраняла и приумножала свой потенциал, полученный в давнее историческое время.

А в недрах Кушвы «дремали» подземные сооружения, реальность существования которых все более и более подтверждалась поисками и находками энтузиастов. По рассказам старожилов, никитинский дом скрывал некий подземный центр, из которого расходились пути под землей к соседним сооружениям. Или же этот дом (и это скорее всего) был включен в какой-то подземный лабиринт, охватывавший центральную часть города, соединявший сооружения старого завода, здания вблизи его и выходявший к пруду. На этой территории что-то всегда происходило, чуть приоткрывая тайну. В рассказах фигурировали здания, где ныне расположены службы заводоуправления, городского отдела милиции, военкомата, горздравотдела и других учреждений.

Вот уже далекие 60-е годы. От заводоуправления к военкомату по давним-давно протоптанной дорожке шла не ожидавшая беды местная жительница, как ходила здесь, наверное, не одну сотню раз. И вдруг грунт под ней провалился, обнажая глубокое подземелье, засыпая ее, упавшую в тартарары, землей и обломками кирпича. Спасти женщину не удалось. Прибывшие пожарные (они часто в прошлом выполняли функции эмчэсовцев) увидели обложенные кирпичом стены подземного хода. Несколько самосвалов щебенки высыпали в воронку, навсегда «сберегая» объект от исследования.

На что уж предсказуемо было все во дворе заводоуправления, а надо же! Вдруг резко, в один миг, осела земля, и из провала вылезли бревна сруба колодца или вентиляционной шахты, когда-то обновлявшей воздух подземелья. Снова прибыли самосвалы и сбросили свой груз в появившийся таинственный провал. Старожилы говорят, что для засыпки провала понадобилось более 15 машин щебня.

Кушвинские «разгадыватели» тайн из экспедиции «Ермак» загорелись поисками подземелий в родном городе. Кстати, название экспедиции пришло «из-под земли» — по задаче первых исследовательских работ и раскопок на старом мед-

ном руднике сопки Ермака. Идея исследования подземелий Кушвы, до этого столь необычная и даже немного фантастичная, захватила поисковиков. Они вышли на одного из обладателей информации, уже пожилого человека, профессионального литейщика, а позже партийного организатора Степана Яковлевича Лазукова. Не по долгу службы и общественной работы этот человек в одиночку собирал сведения о подземельях Кушвы, пытался сам спускаться в таинственные проходы, а однажды, посплав письмо в областной краеведческий музей, вызвал приезд археологов.

Он долго водил гостей по известным ему «объектам». Спускались в старые подвалы, где в кладке стен выделялись замурованные двери и проходы. Археологи удивлялись и обещали свою помощь. Но потом, как мы на этих страницах не раз отмечали, изменилось время и повому бытию стало не до археологических исследований.

Как говорят участники экспедиции «Ермак», С.Я. Лазуков очень живо откликнулся на их программу и «понравился своей верой в то, что искал». Так же, как археологов из «области», Лазуков провел ребят-ермаковцев по всем интересным точкам, подробно рассказал о доме Никитина и его подземельях, дал новые сведения о неведомой двери в подвале дома купца Панкова и обмолвился о подземном ходе между когда-то существовавшим Свято-Троицким собором и домом настоятеля. Это последнее точь-в-точь соответствовало традиции многих уральских городов, подтверждалось фактами и сомнений не вызывало. Но легенда всегда шла по одной линии: прихожане только-только видели батюшку на крыльце его дома, и вдруг он оказывается в соборе, а по улице, понятно, не проходил...

«Ермаковцы» начали свои поиски с того, с чего начинают профессиональные ученые — с поисков архивных документов. Так положено. Надо знать, что оставило после себя прошлое. В каталоге одного из заводских архивов встретилось упоминание о имевшемся чертеже какой-то потайной ямы, но самого чертежа среди документов не оказалось.

Как эта ситуация напоминает многочисленные разочарования, постигшие исследователей подземелий в других уральских городах: Верхней Салде, Верхотурье, Сысерти. Там тоже значились в библиотеках и архивах кем-то составленные чертежи, рисунки, схемы подземелий с описаниями и заметками. Значились! Да вдруг вот так и пропали...

Был выбран другой путь: стали искать очевидцев и свидетелей подземных явлений. Поиск вывел «ермаковцев» на бывшего начальника кушвинской милиции Анатолия Павловича Малыхина. Уж кто-кто, а милиция прежде знала все. Кто, как не участковые, был в курсе всех событий и происшествий в своем околотке? С ними делились увиденным, их звали оценить ситуацию и помочь, в них верили, как в первых своих защитников. Старый милиционер Малыхин рассказал (по газетному тексту):

«Когда ломали конюшни во дворе старого здания милиции, что стояло на улице Первомайской, чтобы освободить место для постройки гаража, наши ребята нашли на полу упавшую от ветхости дубовую дверь. За ней была дыра и деревянная лестница, ведущая куда-то под землю. Загорелись любопытством: что там? Нашлись смельчаки, натянули противогазы (воздух тяжелый) и осторожно спустились вниз.

Там оказался подземный ход с бревенчатыми стенами. Он шел откуда-то снизу, от завода, продолжался под милицией, затем пересекал улицу Первомайскую в направлении магазина «Уцененные товары» (так в ту пору, в 1988 году, называлась эта торговая точка, занимавшая здание старой постройки. — В.С.). Ход перегораживала деревянная, оббитая железом дверь, которая поддалась под нажимом с сильным скрипом. Где-то под самой улицей ход закрывал обвал.

Позднее, когда мы асфальтировали двор, в подземелье провалился дорожный каток, и подземный ход пришлось засыпать...»

Один из активных участников экспедиции «Ермак» Виктор Захаров фиксировал дальнейшие поиски подземелий в своих заметках. Вместе со своим товарищем Владимиром Белоусовым он решил попасть в тот подземный ход, о котором рассказывал Малыхин. Но не с милицейского двора, где ход был засыпан, а из других зданий, о которых упоминал бывший милиционер. Отправились в упомянутый магазин «Уцененные товары», где им показали в полу отверстие, прикрытое люком. Под ним был глубокий сырой подвал. Спустились до дна, цепляясь за выступы стен, так как лестницу, видимо, давно разобрали. На дне увидели венцы деревянного сруба прямоугольного сечения. Сруб уходил вниз и там, на глубине, был завален грунтом. Поисковики предположили, что найденный сруб представлял часть подземного хода от здания милиции. Приняли решение проникнуть в подземелье из подвала дома купца Пашкова, где в одной из стен очерчивалась заложённая шлакоблоками дверь. Вот строки из записки Виктора Захарова:

«Нужно было вытащить несколько шлакоблоков. Здоровяк Володя ударил несколько раз ломом, но только высек искры. Я притащил кувалду (болотка — с мою голову!), и вскоре только куски камня полетели. Наконец, проникли внутрь. Дорогу закрывает завал из когда-то обрушившейся земли».

Как всегда, кое-что помогли прояснить очевидцы событий, связанных с неожиданными провалами. Охранник А.В. Васильев, наблюдавший за работой поисковиков, вспомнил, что во дворе дома Пашкова однажды провалился грузовой мотороллер «Муравей». И даже помог найти водителя этого агрегата, который подтвердил факт, расписав свое состояние, когда задние колеса мотороллера стали уходить в «дыру».

Событие показалось необычайным настолько, что вызвали... милицию. Милицейский майор с противогазом смело полез в провал, но быстро выскочил обратно — нечем дышать! И предложил немедленно завалить провал. Отыскался человек, который заваливал «дыру» щебенкой. Он рассказал, что после того, как провал несколько проветрился, туда снова спускались люди. Их впечатление однозначно: «Ходы там везде, без веревки и заблудиться можно...»

Для поисков таинственных пустот местный умелец смастерил «ермаковцам» бур с победитовым наконечником. Дело пошло веселее.

Вот еще один отрывок из записок Захарова.

«Бурить начали в том квадрате, где провалился мотороллер. Скрежеща и трясясь, бур стал пробивать верхний каменистый слой земли. Затем злобное рычание его стихло, и он пошел, как в масло. Пустота!... С аквалангами в этих запутанных подземельях мы замучились — баллоны застревали в узких щелях. Потом дал нам комнатные кислородные приборы командир горноспасательного взвода Ольховиков.

И снова лезем в лабиринт подземелий, слушаем жутковатый треск балок и стоек. И нас везле останавливает обрушившаяся в давние времена кровля...»

Привлекала территория завода. С большой достоверностью можно было предполагать, что подземные тоннели идут и туда. Бурили участки около заводоуправления и соседнее место, у здания, которое занимала раньше городская аптека — где-то здесь, на тропе, провалилась земля под местной жительницей. Опять же «подоспели» очевидцы, которые подтвердили, что провал произошел под окнами диспетчерской заводоуправления. И в провале видели сруб. Как мы уже знаем, яму засыпали щебенкой, но прошло немного времени, и щебенка словно куда-то «утекла». Только тогда провал засыпали капитально да еще залили бетоном.

Здесь же, у заводоуправления, под фундаментом здания прощупывалась «дыра». Когда ее расширили, то обнаружили сруб колодца, из которого выходила галерея. Она была залита водой до потолка. Длинной жердью удалось «прикинуть» ее размеры в сечении. Шириной она оказалась около двух метров. Но интересным показало направление галереи — к «погибшему» собору...

Продолжение поисков привело еще к одной купчинской усадьбе — подворью купца Федорова. Богатый был купчина, любил золото и коней. Недаром в старину говорили, что страсть к коням сильнее страсти к вину и женщинам. Может быть, это и преувеличение, но не такое уж большое. Купеческая страсть не знала границ, а потому Федоров не только не гнушался кражей четвероногих красавцев там, где они были плохо привязаны, но даже держал профессиональных конокрадов, готовых ублажить прихоть купца. Это присказка. А сказка, то есть легенда, была такой.

Пригонят Гришка да Ванька краденых коней, отрываясь от жестокой погони, к воротам Федоровского дома, а их уже ждут. Ворота открывают, а украденных коней ставят посреди двора на песчаную площадку. Площадка опускалась вниз, обнажая прямоугольную яму с подземным выходом. В этот ход лошадей и уводили на «выстойку». А в то время погони, прихватив с собой для закона разбуженного пристава, начинала ломиться в ворота. Преследователей впускали. Пошарят они, пошарят, а лошадей-то не видно. Так ни с чем и уходят. Конокрады стоят почтительно да на метелки поглядывают, которыми они перед этим песочек подметали, чтобы швы между краями ямы и крышкой скрыть, и следы копыт, конечно. Купчина, понятно, тоже ухмыляется и руками разводит. Такой вот был этот Федоров.

Уже в советские времена во дворе федоровского дома копали яму под туалет и наткнулись на бревенчатую выкладку. А под ней была пустота. Прикинув, определили, что это часть подземного хода к зданию, занятому военкоматом. Но и там, у самого военкомата, однажды просела земля. Да так глубоко, что сомнений не оставалось: есть ход к федоровскому дому.

И все же чувство незавершенности тянуло к лабиринту вблизи дома купца Пашкова. Хотелось попасть туда снова и исследовать все ответвления и рукава. Что-то удастся. Тишина подземелья, с потолка свисает изморозь, обломки бревен, узкие проходки, расширяющиеся в большое пространство, по стенам которого прыгают светлые круги от фонарей, угрожающе нависает прогнувшаяся дугой балка. Из этого помещения через выпиленный в перегородке лаз поисковики прошли в длинный коридор, уходящий под дом Пашкова. Но снова разочарование: проход закрывал обвал. Направление хода указывало на собор. И это вносило некоторую определенность в постижение подземной системы.

Что же там, у собора? Есть какие-то углубления в грунте, похожие на провалы. Углы плит. Может, это крышки люков? За одну такую плиту взялись участники экспедиции. Копали долго, пока не вывернули на свет божий мраморную плиту... надгробную. По надписи поняли, что здесь была могила протоиерея Свято-Троицкого собора. Еще поняли, что попали на территорию давным-давно заброшенного кладбища.

Собор притягивал. Сейчас на его месте пустота. Но ведь подвалы-то никуда не делись! Пусть они засыпаны обломками и грунтом, а если их откопать, по крайней мере, так, чтобы найти следы выходов в городские подземелья? Ведь в собор ведут подземные ходы! Проблема обозначилась. Подходы к ней снова начались с «прослушивания» очевидцев и свидетелей. О тайнах старого собора мало что знал действующий священник Кушвинской Михаило-Архангельской церкви отец Владимир, но он поддержал настроение «ермаковцев» и пообещал помочь. Хотя бы хорошим советом, ибо был знаком с церковной архитектурой, по канонам которой в каждом храме должно быть подземелье-подвал.

Рассказы других начинались с бесовщины. Якобы, когда собор был еще целым, но до нитки разграбленным и поруганным, в нем одно время размещалась столовая. Работница этой столовой рассказывала, что приходилось иногда работать ночами, подготавливая продукты на утро. Так вот, ночами снизу из подвалов слышались голоса, пение и какой-то шум. Такое происходило каждую ночь. Работницы боялись, требовали присутствия сторожа. Сторож приходил, но через несколько ночей не выдерживал и уходил с работы...

«Ермаковцы» в бесовщину не верили и продолжали собирать сведения о Свято-Троицком соборе. Нашли кое-какие старые фотографии, документальные данные в архивах отсутствовали (видно, большевики особенно яростно боролись с церковными архивами), а свидетелей, помнивших старый собор, почти не осталось в живых. Получалось большое «белое» пятно. Что уже там говорить о подземельях!

Свято-Троицкий собор был жемчужиной уральской культовой архитектуры. Он вобрал в себя черты знаменитого «походяшинского» стиля, характерного для строгановских мест в Приуралье и для многих храмов Верхотурской округи. Мощный цоколь (вот признак больших и глубоких подвалов), вход с портиком на четырех колоннах, трехъярусная колокольня и такое же трехъярусное завершение центральной части. Причем ярусы как бы тянутся вверх, «вытягивая» всю конструкцию. Это и делало здание стройным и высоким. Храм был притягательной точкой для окружающей застройки, что также намекает на его роль возможного подземного центра некоего городского лабиринта.

Скудность сведений о соборе не остановила «ермаковцев». Во-первых, подытожили все сделанное в виде составленного плана подземных сооружений на территории городской застройки. Нанесенные на план точки провалов позволили сделать прогноз на возможное наличие новых находок. Ну, например, один предполагаемый подземный ход обозначил себя и на плане, и в рассказах очевидцев. Этот ход направлялся от улицы Первомайской в сторону собора. Во-вторых, снова взяли в руки любившегося помощника — электробур, но быстро поняли, что он не дотянется до искомого объекта на подъемистом участке. Договорились с владельцами другого, более совершенного и производительного механизма, «ямобура».

Первую скважину бурили в самом центре площадки снесенного собора. Вскоре бур заскрежетал, нагкнувшись на твердую субстанцию — то ли плотную каменную кладку, то ли на ее фрагменты. В другом месте бур довольно мягко ушел на глубину, не встретив препятствий. В третьем — снова некая твердь заставила бур скользить, будто он попал на какую-то наклонную поверхность. Да к тому же в этой последней скважине была вода. Словом, ситуация, близкая к неудаче. Известно, что при так называемых «снесениях» культовых сооружений с подземной их частью особенно не возились. Разобрав частично стены и другие податливые наземные конструкции иногда до фундамента, ломали своды подвала, а его пространство забивали строительными остатками, непригодными для дальнейшего использования. Такое, например, было обнаружено исследованиями на месте Богоявленского кафедрального собора в Екатеринбурге.

Поисковики еще раз пригляделись к участку, где располагался Свято-Троицкий собор. Нашли едва заметную впадину, место которой «укладывалось» на трассу предполагаемого хода. Технику взяли попроще — ломы и лопаты. Стали копать. Сначала попадался сплошь бытовой мусор, потом фрагменты металлической ограды, куски лепных украшений. Потом... лом провалился в пустоту. Углубили раскоп. Вскоре на его дне обнажились остатки бревен. Может быть, нужно было еще одно усилие, чтобы проникнуть туда, под бревна. Но раскоп стала заливать вода. Откуда на пригорке вода? Да очень просто. Горки на Урале почти все «водоточащие» — трещинная влага сочится в виде родничков. По этому поводу еще один екатеринбургский пример — водообильность знаменитой Вознесенской горки, давшей начало из своих родников многочисленным речушкам, ныне «закованным» в трубы и отведенным в канализационную сеть городской застройки.

«Ермаковцы» спустились ниже своего раскопа по направлению предполагаемого хода. И здесь снова применили «ямобур». Его наконечник легко прошел полустигившие бревна и завертелся в пустоте. В скважину спустили фонари: так и есть — пустота! Спустились по склону еще ниже, к улице Первомайской. На этой улице располагалось здание бывшей церковноприходской школы (ныне — обычная школа). Было известно, что под зданием находились подвалы, и довольно обширные. Поисковики протянули невидимую нить подземного хода по точкам своих исследований, и выходило — тоннель должен войти в подвал этой школы.

Вообще про это подземелье знали давно. Все, кто там работал, видели небольшую деревянную дверь и несколько ступенек спуска к ней. Были смельчаки из педагогов, кто побывал за дверью, а потом рассказывал про подземные чудеса. Конечно, как бывает всегда, хозяйственники дверь в стене замуровали, закрыв прочной каменной кладкой. Странно стали выглядеть те несколько ступенек, уходящих... в стену.

Поисковикам разрешили пробурить закладку, чтобы убедиться в наличии за ней двери в подземелье. Бур прошел сантиметров сорок по закладке и уперся во что-то твердое и не поддающееся дальнейшему бурению.

На этом приходится пока завершить рассказ об исследованиях подземелий Кушвы. Погибший собор так до сих пор и «молчит». Но хочется верить, что в будущем энтузиасты смогут-таки его «разговорить».

СКЛОНЫ ГОР, ГДЕ ДРЕМАЮТ ТАЙНЫ...

Горы, горки, горюшки. «Местное сердце Урала». Подземный тоннель. Подземелья и сокровища храта. Турчаниновский ход с коподянами. Был ли тоннель в плотине? Подземные тайны заводской конторы. Тайны «схроня» полевских усадьб. Что скрыто под ризницами Вознесенского собора? Визуальная карточка старой Девы. Подбала господского зота. Подземные ходы ведут в недра горы Цгольной.

На Урале, особенно в той горной его части, где кипело горнозаводское дело, поселения располагались вокруг заводов. Места будущих производств выбирались тщательно, с учетом географических и геоморфологических особенностей. Заводу непременно был нужен пруд — энергетическое сердце. Пруд держала плотина, «поставить» которую было большим искусством. А выбрать для нее место сродни точнейшим техническим расчетам. Недаром при выборе места екатеринбургского завода Татищев и Бурцев трижды ломали головы над тем, где же все-таки запрудить тогда еще полноводную Исеть. Плотину старались сделать так, чтобы она либо целиком попадала в междугорье, либо, по крайней мере, одним своим краем врезалась в горку или обрывистый берег. Так или иначе, но какая-нибудь горка оказывалась рядом. Вот она-то и доминировала в будущем поселении заводских людей. Лисья гора в Нижнем Тагиле, Вознесенская горка в Екатеринбурге, Осиновая в Верхних Сергах, Весеновка в Сысерти. И во многих других городах-заводах. Главная гора Полевского — Думная. Название впечатляющее, словно призывает задуматься, прежде чем что-то сказать или сделать. Известный путешественник и ученый П.С. Паллас, немало удивленный таким названием, нашел объяснение: «Названа по причине бывшего на оной сходбища для соглашения между собою взбунтовавшихся во время заложения сего завода работников». Среди местного населения ходила легенда, что на горе Думной в свое время предводитель разбойников Емельян Пугачев сидел и думал: напасть ему на полевской завод или нет. Додумался не нападать. По современным представлениям, рабочие уральских заводов не очень-то поддерживали самозванца. Бунтовщики от Полевского ушли на Сысерть, где им здорово досталось от екатеринбургских ополченцев.

Любимая гора полевчан стала основой знаменитых повествований великого уральского сказочника П.П. Бажова. На горе Думной стояла караульная избушка «дедушки Слышко» — так прозвали старого полевского рабочего В.А. Хмелинина, рассказы которого дали импульс к созданию «Малахитовой шкатулки».

Исследователь уральской топонимики А.К. Матвеев подтверждает, что название горы указывает на место, где происходили какие-то собрания-советы. Кроме этого в своих трудах он приводит факт, что на-

звание это для Урала не уникальное: гора Думная есть близ города Кушвы, а по реке Какве одно из мест называется Думным Увалом.

Думная в Полевском — «пристанище» подземных тайн. И мы попробуем в этом убедиться, но сначала несколько слов о том, как появился на склонах этой горы замечательный уральский городок Полевской, когда-то прозывавшийся «медным сердцем Урала».

В одном архивном документе есть интересное свидетельство: «Руда гумешевская за Чусовой-рекой, прииск Сергея Бабина, Козьмы Сулеева в 1702 году, и она руда пробована и по пробе явилась добрая...» Это было только начало, правда, о настоящем начале говорить трудно, так как оно относится к тем незапамятным временам, когда в округе жили племена древних рудознатцев и металлургов — «чуди белоглазой». После находки Бабина и Сулеева были обнаружены и другие месторождения меди, в том числе и известное Полевское, которое стало разрабатываться с 1718 года. Руда этой «кладовой» поступала на Уктусский и Екатеринбургский заводы. Скоро это стало невыгодным, и в 1724—1725 годах начал строиться Полевской медеплавильный завод. Первую плавку меди в печах завода получили в 1727 году. Прирост новых запасов меди в течение длительного периода был ограничен, поэтому созрело решение, как бы сейчас сказали, о «допрофилировании» производства. И построили доменную печь для выплавки чугуна. Случилось это в 1732—1734 годах. Так и текли рядом «медные» и «чугунные» реки в заводской жизни.

Развивался завод, разрастался поселок при нем, появились свои тайны. В том числе и подземные. Одни разгадывались, так как были связаны с рудничной деятельностью, другие в логику рудничного дела не умещались и оставались недоступными.

Наверное, самые первые подземные сооружения Полевского возникли еще во время постройки крепости, границы которой были оснащены крепким тыном на валу, рогатками, бастионами по углам и в некоторых местах, наиболее уязвимых при обороне. Крепость имела ворота с южной стороны — Полдневские, а также с северной, от которых уходили дороги в Гумешки и Кособродскую крепость. Со стороны пруда укрепление ограждала плотина, а река Полевая протекала по всей территории, разделяя поселение на две части, одна из которых называлась «Горная сторона» — там поднимался крутой берег, переходивший вдалеке в гору Думную. В черте крепости были завод, дом управителя, «дома мастеровых и прочих жителей», церковь. Всего же в поселении насчитывалось 167 строений. Конечно, крепость не могла быть без «тайников» — подземных выходов за огражденную территорию. Это было незыблемое правило постройки всех укреплений. Сейчас, по прошествии почти трехсот лет, трудно без специальных археологических работ достоверно указать, где находились «тайники». Можно только теоретически, используя старинный опыт, «вычислить» возможные участки их расположения. Правда, полевичане, раскапывая грунт или наблюдая провалы, находили нечто похожее на устройство старых «тайников»: деревянные срубы, толстые плахи, служившие перекрытиями, и т. п. Фиксируя факт, никто не делал попыток изучить найденное или привлечь профессиональные силы.

Родина сказочных чудес «Малахитовой шкатулки» не могла обойтись без легенд о подземельях. Большой частью поверья связаны с горой Думной. Впрочем, это

сейчас она Думная. А были времена, когда полевчане называли свою главную гору и Караульной, и Плешивой, и Вознесенской, и Барабой. До сей поры звучит ласковое: Думенка, Думешка, матушка Думная. О тоннелях, ведущих в глубину массива горы, слухи ходили с древности, обрастая все новыми и новыми деталями.

Вот легенда о тайном подземном ходе от горы Думной до горы Азов. Кстати, Азов-гора — одна из мистических вершин Урала, имеющая в своих глубинах большие полости. По этому подземному пути якобы можно было скакать на конях. Туда убегали от преследования разбойники и беглые каторжане. В подземелье свозились невиданные сокровища, для овладения которыми нужно было знать особые слова-ключи, чтобы снять заклятие.

Не обошли легенды о подземельях горы Думной и «связанной» с ней Азов-горы и важную уральскую тему, породившую были и небылицы, — пугачевский бунт. Всегда упоминался отряд бунтовщиков, которым командовал Белобородов. Белобородовцы будто бы знали о подземной дороге и где-то между двумя горами спрятали в подземелье семь сундуков, битком набитых слитками золота и серебра. А клад этот, как и подземелье, заговорили тайными словами.

Слухи о входе в подземный тоннель на горе Думной не утихали никогда. Представлялся этот вход в виде пещеры, которую располагали то на самой вершине (современный вариант — под памятником жертвам Гражданской войны, под которым якобы была шахта, а в ней-то и захоронили погибших), то у подножия реки Полевой, но вход этот впоследствии завалили доменным шлаком.

По другим рассказам, вход в тоннель был под домом, принадлежавшим первому коменданту Полевской крепости Бекетову. В советские годы дом этот разобрали, а полость под домом засыпали. Из старины идут сведения о таком варианте подземной связи заводского поселения с Думной горой. Вблизи здания конторы Полевского медеплавильного завода находился шахтный спуск в штольню, которая уходила под Думную гору. В этой штольне якобы добывали медную руду, а потом она служила местом укрытия полевчан во время башкирских набегов, довольно частых в ранние периоды работы завода.

Всплеск интереса к тайнам тоннелей и подвалов произошел в начале 1920-х годов, когда полевчане прознали, что стал цениться обычный для них малахит. Бросились искать складированный минерал, находили во всяком виде: в громадных глыбах, кусках, в россыпи. Растащили сокрытое, да не очень понадобилось: много ли нужно на ювелирные поделки. Так потом бросили это дело, а собранным малахитом делали забутовки, как бросовым камнем.

И еще одна легенда. Жил в Полевском старик Зюзов, в прошлом приемщик золота, что накапывали старатели. Говорят, он фиксировал все подземное на бумаге, что видел, что слышал, а потом дополнял сведениями какие-то старинные карты, на которых были обозначены подземные штольни медного рудника горы Думной.

Но не одними только легендами жив человек. Жив он романтикой, увлеченностью, стремлением быть всегда в поиске. И причем в поиске не только нового, но и старого, скрытого за семью печатями. Такой человек мне встретился. Именно здесь, в краю «Малахитовой шкатулки». Без степеней и званий, простой рабочий, не отмеченный особым здоровьем, иногда не без труда сводящий концы с концами. Но

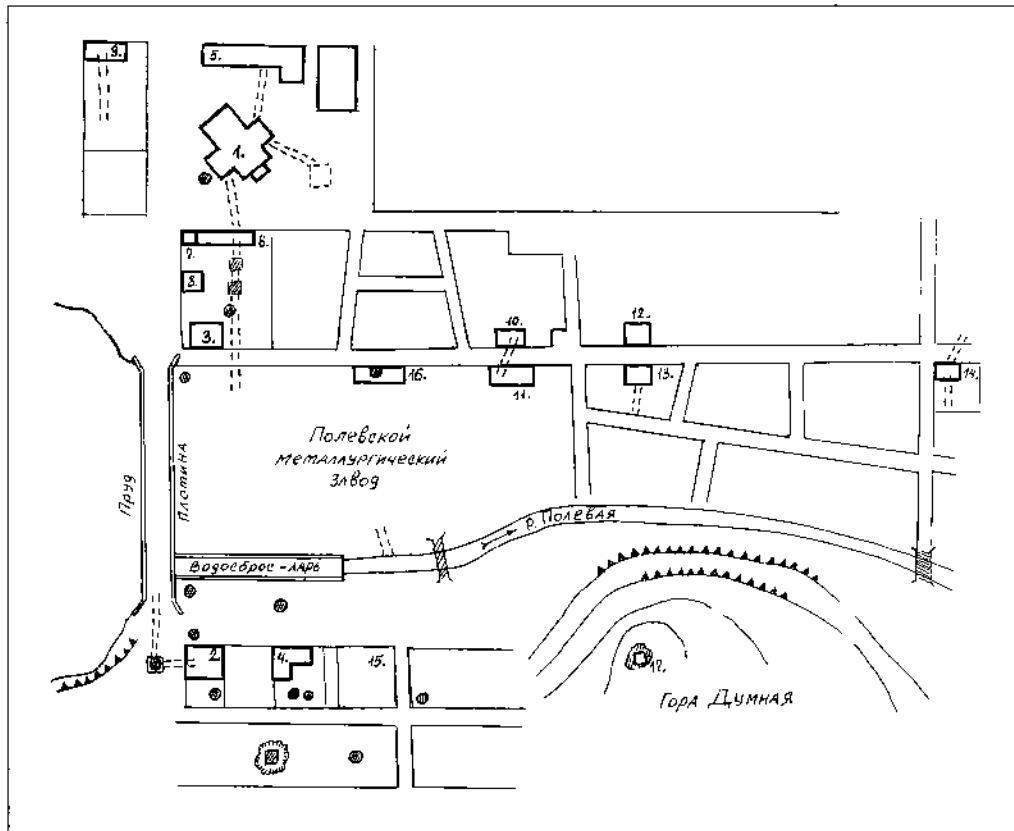
он богат душой, силен нашим уральским духом, он знает все о Полевском крае, пишет сказы — колоритные по языку и сюжету произведения, «бажовинки», как называли их в литературно-краеведческом издании «Уральская старина». Нет, не «под Бажова», а следуя традициям великого мастера. Но самое главное, этот человек бесконечно увлечен краеведением, сложными зигзагами поисковых дел и разгадкой тех тайн, что оставило нам далекое прошлое. Он, кажется, все обошел в Полевском и окрестностях, все посмотрел и потрогал, все облазил. Да, именно облазил, так как одним из немногих полевчан побывал в подземельях этого уральского города. И не просто побывал, но попытался изучить и обдумать все увиденное. Зовут его Владимир Николаевич Суренков.

Тайнами Полевского он увлечен с детства. Еще ребенком предпринял опасное путешествие в подземный мир города. Потом в рассказе «В провале под Думенкой», опубликованном в «Уральской старине», он подробно описал свои впечатления и ощущения на грани реальной опасности. Вот строчки, завершающие этот текст: «Такое отчаяние, такой ужас с меня свалился, не передать этого. Выкарабкался на свет Божий... И, глядя на звездный мир, я плакал слезами счастья и умиления, что я жив. И дал зарок себе, что больше никогда никуда не полезу. Как хорошо быть живым! Как хорошо слышать голоса! Как хорошо пахнут гнилые осины! Черт подери меня, так уж устроен человек, но прошло время... и я вновь влип в историю...»

В.Н. Суренков собрал большой материал по подземельям Полевского, сам участвовал в исследованиях, раскопках, опросил многих очевидцев. Картина подземной системы города во многом отражает результаты его работ. Какие же они, подземелья Полевского? Как отражают время, что несут из глубины веков?

Если внимательно посмотреть на схему наблюдавшихся подземных сооружений, то можно сразу определить, что группируются они в черте первоначального города-завода и по своему положению и принадлежности относятся к трем основным видам, что, впрочем, характерно для уральских городов. Как мы уже отмечали, во-первых, это подземелья и подземные связи культовых сооружений и их территорий; во-вторых, подземные полости на площадках заводских построек; в-третьих — подземелья купеческих усадеб, не всегда выходящие за контуры владения.

Культовым сооружением в старом Полевском является храм Во Имя Святых Петра и Павла — чудом сохранившаяся церковь, прошедшая все «круги»: склад, кузница, механическая мастерская, наконец, автовокзал с туалетом в алтарной части. Когда-то это был известный и богатый храм. В здании обширные и глубокие подвалы. По сей день проседает грунт у входа в южный придел, а именно из него, по многим свидетельствам, шел подземный ход в сторону господского дома и далее — на территорию завода. С северо-запада от храма располагалось церковное здание (его называют сейчас «Весовая», может быть потому, что у храма была базарная площадь), к которому был проложен подземный проход из подвала северного придела. Из этого же подвала подземная связь протягивалась к полости, которая странно называлась «известковой комнатой». Скорее всего, это был объем, в котором гасилась известь для строительства. Известь выгребали, а полость осталась. Для тайных целей к ней проложили ход. Можно предположить и другое. В православ-

- 1 — храм во Имя Святых Петра и Павла
- 2 — заводоуправление
- 3 — дом Турчаниновых
- 4 — Дом пионеров
- 5 — церковное здание
- 6 — дом священника Дергачева
- 7 — часовня
- 8 — здание школы
- 9 — дом купца Мотова
- 10 — купеческий дом
- 11 — купеческий дом
- 12 — дом купца Вяткина
- 13 — дом купца Барышева
- 14 — дом церковного старосты Зубова
- 15 — территория бывшего гостиного двора «Татищевский двор»
- 16 — заводское здание
- 17 — часовня на горе Думной

- — провалы, спуски
- — колодцы, шахты

Схема расположения подземных сооружений в г. Полевском

ном обряде всегда запрещалось просто так выплескивать или куда-либо сливать воду из купелей после крещения. Дозволялось только предать ее земле. Устраивались крытые ямы или оборудованные полости, в которые проводился специальный канал, а возможно, и своеобразный ход.

О подземельях старого храма вспомнили в суровую годину, когда прошел небеспочвенный слух, что все церковные ценности будут реквизированы новой властью. В.Н. Суренков передает рассказ старого полевчанина, краеведа А.Н. Медведева, который оказался посвященным в тайну, потому что у истоков ее были его ближайшие родственники. А дело было так. Пока раскручивался маховик антирелигиозной кампании, группа самых стойких прихожан решила действовать и спасти церковные ценности, а заодно и колокола.

Их было семеро: четверо — родственники краеведа А.Н. Медведева, трое — родственники купца Мотова. Дали строгую клятву не обмолвиться никому, даже женам. Просто спрятать церковные реликвии в подвалах — найдут без труда. Значит, нужно еще и зарыть в землю так, чтобы следов не было видно. Копали только ночами, землю носили корзинами... под купол. Да, только там, куда никто не заглядывает, можно временно складировать вынутый из схрона грунт, чтобы потом снова его спустить и засыпать открытую полость. Убирали мельчайшие следы своей работы, мыли полы, выметали пыль.

С колоколами, конечно, действовать совсем уж скрытно вряд ли удавалось. Можно только предположить, что объемные колокола спрятали в той самой «известковой комнате» и засыпали полость капитально. Во всяком случае, больше ее никто не видел и не находил. А свидетельства остались.

Искали церковные сокровища? Непременно. Спихватились через некоторое время. Нагрязнили реквизиторы — а в храме пусто. Староста развел руками: дескать, растащили клейменные, никакого сладу с ними, Ваше... не знаю, как величать... Оставили до других времен. Но не все поверили. Жил в Полевском такой человек, по фамилии Валов, ярый «революционер», не умевший ни читать, ни писать, но всегда с наганом. Мог без разбора застрелить возражающего ему, что и сделал с известным на всю округу фотографом прямо на крыльце заводоуправления. «Человек с наганом» в поисках сокровищ фанатично исследовал каждый кирпич, каждый шов, каждую щель в стенах и потолках храма. И был весьма огорчен своей неудачей. Позже прикарманил целую коллекцию бронзовых предметов, сработанных «чудью белоглазой» и найденных полевскими ребятишками на Азов-горе.

О сокровищах в подземельях храма власти вспомнили в начале 1930-х годов, когда позарез нужны были средства на индустриализацию, а в способах их получения не стеснялись. Тогда-то за бесценнок были проданы полотна великих мастеров из Эрмитажа. Арестовали всех, кто мог бы хотя бы краем уха слышать о потаенном месте. Допрашивали, трясли. Кто не знал — тому сказать нечего, кто ведал — стойко молчал. Не вытрясли.

Уже во времена перестройки, когда храм из автовокзала вновь стал Домом Бога, я предлагал заинтересованным лицам провести поиск. Нет, не ценностей церковного обихода, а хотя бы «потерянных» под землей колоколов. Применить для этих целей опробованные на подобных объектах геофизические методы. Полость, да еще с массой металла, была бы выявлена наверняка. Отклика, увы, не было.

Как мы уже знаем, основной подземный ход от храма Святых Петра и Павла устремлялся к территории завода. Но вначале он попадал в границы усадьбы священника отца Иоанна Дергачева и не миновал подвала дома, к которому была пристроена часовня. Отец Иоанн, кроме своих прямых обязанностей, занимался краеведением, составлением родословных полеводчан. Он заполнил 33 тетради результатами своих поисков. Тетради оказались впоследствии в архиве, а потом таинственным образом исчезли.

В саду усадьбы священника ход обозначался двумя колодцами. Возможно, в этой части тоннель позднее использовался для прокладки кабелей. Далее ход шел по владениям Турчанинова, дом которого выходил фасадом на Главную улицу, а следовательно, на заводскую территорию. Здесь тоже были два колодца: один обложен камнем, другой — бревенчатый. Опять же на трассе подземного хода. Никто не знает, что там в глубине. Где-то течет вода — может быть, фильтруется прудовая влага. Ведь после реконструкции плотины в 1960-х годах уровень воды в пруду значительно поднялся.

В.Н. Суренков обследовал подвалы дома Турчанинова. По его отчету получается, что подвалы обширны, пол залит водой, есть участки нестыковки кладки стен — будто какие-то замуровки, в стенах есть проемы неизвестного назначения, в центре — непонятная круглая конструкция с проемами, похожая на массивную печь. Владимир Николаевич предположил, что это печь-плавильня для драгоценных металлов и что заводчик Турчанинов тайком плавил золото и чеканил монету, как, по преданиям, делал это Акинфий Демидов в своей Невьянской вотчине. Романтично, но, скорее всего, печь служила для подачи теплого воздуха в апартаменты.

Есть основание предполагать, что из дома Турчанинова загадочный тоннель уходил на территорию завода. Однако прямых доказательств пока нет, потому что нет соответствующих находок. Наш полеводской исследователь-краевед считает, что от дома Турчанинова тоннель проходил в недрах плотины до самого заводоуправления. Это было бы очень заманчивым решением, но... По порядку рассуждений. В плотине по обе стороны сливного ларя есть (во всяком случае — были) дверцы, открывающие якобы проходы в тело плотины. За восточной дверью действительно был виден проход, очень тянуло холодом. В конце прохода — снова какие-то двери. Этот отрезок вполне мог тянуться до подвалов заводоуправления. Западная дверь, видимо, вела в никуда, так как о том, что было за ней, в свидетельствах не упоминалось. На участках стыка тела плотины с породами берега в нижнем бьефе когда-то были смотровые колодцы. От них осталось что-то вроде полузасыпанных провалов. А вот в самом поверхностном слое грунта плотины в неглубокой траншее могли быть уложены кабели. Здесь должны были находиться свои смотровые колодцы с тяжелыми металлическими люками. Туда, вероятно, и попадали любопытствующие.

Во времена первых уральских заводов плотины старались делать без каких-либо полостей — иначе их могло разрушить и смыть. Это в современных гидротехнических сооружениях устраивают смотровой тоннель для наблюдений за поведением конструкции, состоянием бетона, степенью фильтрации и т. п. В давние времена беспокойство вызывали сопряжение насыпного тела плотины с коренными породами берегов. На этих участках можно было ожидать и фильтрации воды, и

(не дай Бог!) подвижки в этих самых коренных породах, и действия сезонных условий. Здесь устраивались «смотрины». Сюда подводили тоннели, чтобы вести наблюдения «в естестве». Подобное решение наблюдалось в Верхнем Тагиле, где к плотине подходил подземный ход от дома управителя. Не исключено, что в Полевском от заводоуправления к сопряжению также подходил смотровой тоннель.

На самой территории старого Полевского металлургического завода (в советское время — машиностроительного) было мало находок подземных сооружений прошлого. Заводчане находки у себя «в доме» не жалуют: одна морока, неудобство и неприятности. Лучше быстро засыпать, заделать, навечно залить бетоном. Известен подземный канал, по которому вода с территории стекает в реку Полевую. Канал этот находится ниже водосливного ларя. Есть непонятный провал вблизи заводского здания, выходящего на Главную улицу. И еще — обшитый деревом ход от одного из помещений на складской территории завода. А напротив, через Главную улицу, тоже вскрылся подобный ход, перекрытый деревянными плахами. Мы еще вернемся к этим находкам.

Все управление заводом издавна располагалось на Горной стороне, вблизи плотины. Там были резиденция В.Н. Татищева, коменданта крепости Леонтия Бекетова, гостинный двор. Там всю «орудовала» история: что-то сохранялось, что-то утрачивалось, что-то переделывалось и строилось вновь. Где-то под землей, глубоко и не очень, ветвились горные выработки, технологические и романтические подземные связи. Насыщенность пустотой, если можно так сказать, давала о себе знать постоянно. Ну, скажем, стоит себе тополь, высокий, с толстым стволом, и вдруг земля под ним разверзается и исполин проваливается в тартарары. Земля осыпается в воронку, а из нее торчит только макушка дерева.

Горная сторона. Дом пионеров и школьников. В этом здании чего только не было: горисполком, горком партии, Дворец культуры, мужская школа. Вновь дадим слово нашему полевскому единомышленнику В.Н. Суренкову: «В пионерском возрасте ходил заниматься во всевозможные кружки Дома пионеров. Однажды старшие ребята пригласили в подземное путешествие. Согласился, еще бы! Они оторвали доски под лестницей веранды, и там, за этой дощатой стеной, оказалась большая железная дверь. Висячий замок на ней вскрыли и попали в помещение с кирпичными стенами. В его дальнем углу проглядывала еще дверь, маленькая. Помещение напоминало свод русской печи. Так как фонарик был один на всех, то договорились на каждом повороте или ответвлении оставлять по дежурному. Меня оставили у этой маленькой двери. Должен был откликаться на голоса. Откликался. Но скоро голоса ушедших вперед слышались все тише и тише, а потом совсем стихло. Стало страшновато. Пахло сыростью и намокшим кирпичом. Ребят я дождался. Вернулись и сказали, что нашли еще одну дверь куда-то. Но открыть ее не смогли».

Однажды бульдозер чистил и ровнял дорогу как раз напротив Дворца пионеров. Видно, нож машины глубже, чем надо, врезался в грунт у самой обочины и вытащил на свет Божий толстенные листовенничные плахи. Под плахами чернело отверстие сухого колодца. Он был достаточно глубок. Вскоре колодец засыпали, как это у нас водится, не дождавшись освидетельствования.

А теперь вспомним, что на северной границе территории завода с той и другой стороны Главной улицы были обнаружены подземные сооружения, перекрытые

толстыми плахами. И в том, и в этом случае речь идет об участках, расположенных почти на оборонительных линиях старой Полевской крепости. Не привет ли старины? Можно только строить догадки...

Здесь, на Горной стороне, подчас происходили странные явления. Когда-то в 1930-е годы, как рассказывает одна из «потерпевших», ночью затрясло дом так, что печь просела и покрылась трещинами. Жители выбежали на улицу и, понятно, долго не могли успокоиться. Потом несколько дней наблюдали за строением, но больше ничего не происходило. Вернулись в дом. Возможно, странного в этом событии было немного, скажем легкое землетрясение, что и на Урале нет-нет да и бывает. Легкое, а эффект усилили подземные лабиринты — ведь недра потеряли изначальную плотность.

Здания в этой округе связаны между собой подземными переходами. Этому есть свидетельства. В.Н. Суренков встречался с потомственной жительницей Полевского Софьей Владимировной Бажовой-Птухиной. Она рассказывала, что отец водил ее по подземельям, пользуясь огромной связкой ключей. Несколько часов (!) ходили по многоэтажным кирпичным, каменным и деревянным подземным сооружениям. Было холодно и жутко. А вышли они на самом берегу реки Полевой, недалеко от того места, где был дом коменданта крепости Бекетова. Выход этот вскоре затерялся, то ли обрушился, то ли завалили мусором.

Заводоуправление. В этом здании размещалось управление рудником и заводом и даже был спуск в шахту. На здании памятная доска свидетельствовала, что завод построен думным дьяком Винусом в 1702 году.

Таинственный колодец, выложенный старым плотным кирпичом, обнаружился неожиданно. Ускорили его находку связисты, которые с южной стороны заводоуправления стали ставить столб для своих проводов. Что-то подкопали, что-то само обвалилось. В яме наткнулись на мраморные плиты, раздолбили их отбойным молотком. Часть обломков вытащили, часть рухнула в открывшийся зев колодца. Стало ясно, что столб здесь не поставит. Поэтому рабочие присыпали отверстие и отбыли.

В.Н. Суренков появился у таинственного колодца, когда устье его стало совсем незаметным. Вот его рассказ о новом подземном приключении: «Завал раскапывал долго. Заполнишь ведро, вылезешь, вытянешь ведро за веревку, землю и камни — в отвал, и снова вниз. Постепенно расчистил на высоту роста. Тут-то и открылся боковой тоннель. Нет, пожалуй, тоннельчик — только пролезть. Направлялся ход к зданию заводоуправления. Лаз узкий, только впритирку на боку можно двигаться. Окружившие меня любопытные мальчишки предлагают свои услуги «первопроходцев», но я попросил их принести веревочку, которую я возьму с собой в лаз и в случае чего буду дергать — значит, беда, зовите взрослых. Так и полез. На полу лежал толстый слой известковой пыли, а в швах кирпичной кладки и на самих кирпичах виднелся зеленый налет. Попались остатки кованой железной решетки, будто кто-то распиливал ее на кусочки. Ползу дальше и вдруг... поворот. Миную его, и снова поворот, но в другую сторону. Извив хода, или змеиный след. Что это? Ловушка? Застрясть в ней — пара пустяков. Этакая загазулина. Прополз. Далее стали попадаться кости. Вот оно как! Стали мерещиться скелеты и всякая чертовщина. Еще немного, и ткнулся головой в капитальную стену. Все. Похоже, что стена со-

временной кладки. Прикинул, сколько метров прополз. Оказалось — больше десятка. Потом на поверхности уточнил: до стены старого здания — пять метров, дальше еще примерно восемь. Пора выбираться. Набрал за пазуху костей (отнесу знакомому судмедэксперту, проверим, человека или нет). Дополз ногами вперед до загогулины и... застрял. Ни туда, ни сюда. Сердце готово выскочить через горло. Затих, лежу. Успокоился, вытянул руку за голову. Чувствую: можно дальше пятиться, сантиметр за сантиметром. Так и миновал загогулину. А там недалеко до входа. Выбрался, словом. Наутро побежал с костями к специалисту. Определилось, что кости бараньи, «скелетная» романтика рухнула...»

Куда же попал наш исследователь? Думается, что сравнительно узкий канал был вентиляционным ответвлением сложной системы

подземных сооружений под зданием заводоуправления, где, как мы помним, находился один из спусков в шахту, устье которой располагалось за постройками Горной стороны. Если бы удалось сухой колодец, перекрытый мраморными плитами, расчистить до самого дна, то, возможно, открылся бы вход в самый настоящий тоннель, идущий из подвалов заводоуправления. Такие решения были: над пешеходным тоннелем проходил вентиляционный. Он часто обнаруживался провалами сверху и принимался очевидцами за технологический канал, как говорится, «без последствий». Можно предположить, что сухой колодец, выполненный с использованием плотной кирпичной кладки, служил неким распределительным узлом, своеобразным поворотным пунктом, откуда могли начинаться другие подземные проходы. В данной ситуации реальным мог оказаться только ход к участку стыка плотины с коренными породами берега, то есть к смотровому сооружению.

В богатых усадьбах уральских городов весьма часто имелись тайные подземные «схроны». То ли была необходимость защитить себя и свое добро (богатства хранили при себе), то ли боязнь каких-то потрясений, вроде «пугашевщины», то ли это отголоски старообрядческих традиций, а может, просто устроили отдельные владельцы то, что на молодежном сленге называется «навороты». Не исключается и совсем простая причина: на дворе непогодь, слякоть или мороз, а ты ходишь по всяким делам и надобностям в относительно теплых переходах под своей территорией.

Вскрытый спуск в подземный ход в г. Полевском

В Полевском тоже не без этого. У купца Вяткина, что на Главной улице, были, говорят, обширные подвалы под домом. Выходы из них еще не проявились, но вполне вероятны. Напротив Вяткина — усадьба с домом, лавкой и кабаком другого именитого владельца, купца Барышева. Там был обнаружен подземный ход к постройкам служб.

Вблизи храма Во Имя Святых Петра и Павла находилось подворье купца Мотова, который, будучи фанатично верующим человеком, участвовал в делах храма и был причастен к сокрытию его сокровищ. В усадьбе Мотова имелся подземный лабиринт, о котором среди полеван ходили слухи. К разговорам прибавлялась версия, что от дома Мотова шел подземный ход к церковному зданию, именовавшемуся впоследствии «Весовой». Эта версия и заинтересовала гэлэушников, пытавшихся найти сокровища в 1930-х годах. Мотова несколько раз арестовывали, допрашивали с пристрастием, дом обыскивали, но ход не обнаружили. Видно, его просто не было. В эпоху всеобщих репрессий 1937—1938 годов о церковных ценностях вспомнили вновь. Тем более что в «Весовой» произошел пожар. Люди «с холодной головой и горячим сердцем» в поджоге обвинили бывшего купца, якобы тот по подземному ходу (которого, как установили сами чекисты, не было) прокрался к «Весовой» и поджег здание. Мотова и многих его родственников арестовали, и больше их никто не видел.

Если от плотины пройти несколько кварталов по Главной улице, то на ее пересечении с так называемой «Дорогой на Белую глину» можно увидеть дом с запущенным садом. Это усадьба церковного старосты Зубова. В.Н. Суренков обследовал строение, вернее, то, что под ним находилось: два подземных хода, один из которых вел в дальний угол сада, а другой на Главную улицу, к колодцу на ее обочине. Проникнуть в этот ход можно было через дверцу под лестницей на второй этаж. Как утверждает исследователь, высота хода составляла рост человека, и он сам побывал в нем.

Прошло некоторое время. Дом Зубова стал бесхозным, в него поочередно вселялись разные арендаторы, и всяк производил перепланировки и ремонты. Так что теперь попасть в подземелье дома Зубова весьма непросто.

Главная улица продолжается и после того квартала, где стоит дом Зубова, и упирается, как было положено в советское время, в памятник вождю мирового пролетариата, за которым то ли парк, то ли сквер, словом, некая заросшая пустошь. А когда-то на этом месте стоял роскошный собор Во Имя Вознесения Господня. Тут же шумела базарная площадь, приютившая вблизи себя еще одно пристанище Бога — часовню.

Те, кто помнил храм Вознесения Господня, всегда упоминали о его подземной части, о глубоких и ветвившихся подземельях. И к этому воспоминанию присовокупляли ссылку на сокровища храма. Иногда становится непонятным: почему, говоря о культовых зданиях, непременно их насыщают некими баснословными ценностями? Конечно, там была богатая утварь, старинные иконы, блещущая золотом лепнина и резьба, но уж мешков с червонцами точно нет. Но вот полевской знаток историк и краевед А.И. Медведев пояснил В.Н. Суренкову: «В каждом Божьем храме хранится некий запас драгоценностей на полное его восстановление в случае пожара или разрушения по другим причинам, а иначе откуда взять...»

Как бы то ни было, алчные властедержатели не раз подчистую грабили церковное имущество. Последний раз это сделали большевики, реквизируя ценности, расстреливая священнослужителей, разрушая храмы.

Храм Вознесения Господня обшаривали много раз, но байки о сокровищах продолжали бытовать даже после того, как заведующий Полевским горфинотделом (!) Габрусевич подписал приказ взорвать здание. Это было исполнено в 1931 году. Конечно, ретивого финотдельца кто-то подставил, командовали другие, более компетентные. У них было оправдание: дескать, в подвалах хранилось оружие и боеприпасы для свержения власти. Храм рухнул в подземелья, унося с собой свои тайны. Но не затихла молва о сокровищах. В 1943 году группа полевчан пожелала обратиться в правительство страны с предложением разрешить разборку завалов на месте взорванного храма, обеспечить проникновение в его подземелья, чтобы найти сокровища (!) и отдать их государству на борьбу с фашизмом. В Полевском горисполкоме отговорили патриотов от этой затеи, показавшейся очень авантюрной.

Полевские подземелья, вобравшие дух чудских горных выработок, подземных сооружений первых уральских крепостей-заводов, беспокойной истории горнозаводского края, по-прежнему будоражат умы и сердца ревностных исследователей и хранителей старины.

И последнее слово за ними.

Полюбуемся еще раз древней Думенной-Думешкой и потом отправимся к другой горной держательнице подземных тайн, которая называется совсем по-деловому и даже сурово: гора Угольная — главная вершина старинного уральского города Ревды. Полевской и Ревду сближают... общие металлы: железо и медь. А еще — подземные тайны, непременно связанные с заводской сутью.

Город-завод Ревда лежит в котловине гор Угольной, Вознесенской и Сороковской. Между крутыми склонами легла плотина, перегородившая реку Ревду, приток Чусовой. Левый берег реки у плотины — это гора Угольная, а под горой ниже плотины раскинулась территория завода. По склону поднимались последовательно производственные здания, дальше — дом заводоладельцев, чуть выше — дом заводоуправления и постройки хозяйственных служб, а на самом верху горы стоял величественный храм с куполами и колоннадой портиков.

В 1724 году Никита Демидов получил дозволительный указ Берг-коллегии на постройку железодельного завода на реке Ревде вблизи ее впадения в реку Чусовую. В окрестностях этого места была найдена магнитная железная руда. Металлургический завод строился в 1731—1734 годах Акинфием, сыном Никиты Демидова. Завод пустили 1 сентября 1734 года. Этот день и стал днем рождения Ревды.

Как и во многих уральских заводских поселениях, сначала воздвигалась крепость. Своим тыном она охватывала территорию завода и прилегающие жилые постройки. Одна из стен крепости проходила по вершине Угольной горы. Сейчас на горе лишь редкие посадки тополей, а когда-то она была лесистой. Лес пошел на пужды строительства завода и для работы печей. Почему она Угольная? Дело в том, что на горе селились углежогги, там же они производили древесный уголь — топливо для металлургического производства. Леса вблизи многих уральских заводов сведены вскоре после пуска предприятий. А углежогги Ревды, которых насчитыва-

лось до тысячи человек, видимо, поставляли уголь и на другие демидовские предприятия.

После смерти Акинфия Демидова Ревдинский завод отошел к его сыну Григорию. Наследники Акинфия, особенно Порфирий и Григорий, предпочитали жить в столицах и на свою уральскую родину навещались нечасто. Тем не менее Григорий возвел в Ревде огромный дом в три этажа с мезонином и боковой башенкой-лестницей. Чуть поодаль выстроили хозяйственное строение, предназначенное, кроме всего прочего, и для «лабораторных» плавок металла. Позднее у самого склона горы Угольной появился дом заводоуправителя — деревянный, с мезонином и обширными подвалами. Подземные помещения были и под Демидовским господским домом. Эти три здания располагались на площадке под горой близко друг от друга и, по всей вероятности, имели подземные связи. Демидовский господский дом своим главным фасадом выходил на территорию завода. Над всем «демидовским гнездом» на вершине горы Угольной величественно возвышался собор, построенный в стиле строгого классицизма с большим центральным куполом и колоннадами портиков.

Ветры революционного вандализма ворвались и в этот обустроенный уральский уголок. Чудом уцелел дом заводоуправителя (ведь могли просто сжечь!), от хозяйственного здания с «лабораторией» остался лишь фундамент. Демидовский

господский дом потерял почти все: уничтожены мезонин и башенка-лестница, а весь первый этаж со сводчатыми помещениями (и подвал под ним) был внутри и снаружи засыпан грунтом. Так стал он двухэтажным и невзрачным. А собор попросту уничтожили, взорвав и разобрав по кирпичику. В середине девяностых годов прошлого столетия на месте собора выложили фундамент для нового храма (по виду фундамента и размерам здания в плане это будет жалкое подобие существовавшего), да вот так эти фундаменты и стоят.

В последние годы ушедшего XX столетия энтузиасты стали раскапывать и расчищать помещение засыпанного первого этажа Демидовского господского дома и подвалы дома заводоуправителя. Открылись сводчатые помещения с таинственными закладками, странными тупиками, с устрой-

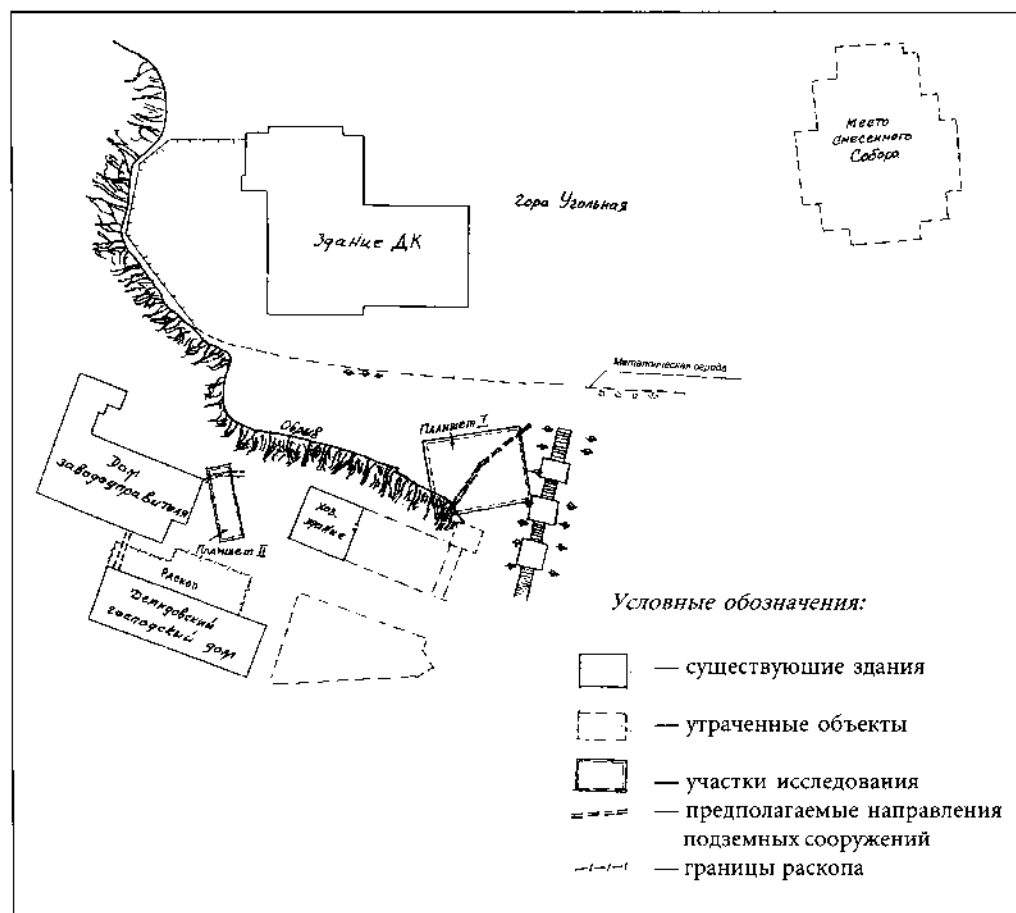

г. Ревда. Демидовский господский дом, плотина завода, собор на Угольной горе (начало XX в.)

ствами, напоминающими плавильные горны, и прочими пока не поддающимися-ся разгадке проявлениями строительной мысли.

Даже беглый осмотр подвалов, а также анализ застройки территории и всего опыта демидовского мироустройства позволили предположить, что в подземном пространстве этого участка «заводского двора» есть рукотворные полости. Участок сильно изменился, поэтому без применения геофизических методов вряд ли можно обнаружить присутствие подземных объектов.

Трудно было найти подходящие для исследования площадки на тех местах, по которым могут пролетать подземные ходы. Внутренний двор был вскрыт большим раскопом, в глубине которого виднелись стены и металлические затяжки первого засыпанного этажа. Часть двора покрыта асфальтом и бетонными плитами. И все это на самых интересных участках. Тем не менее удалось выявить две площадки: одна — между домом заводоуправителя и хозяйственным зданием, другая — на пути возможного хода от «демидовского гнезда» к собору.

г. Ревда. Схема предполагаемых подземных сооружений
(по результатам применения геофизических методов исследования)

Результаты исследования дают возможность считать, что подземные коммуникации, связывавшие основные сооружения, существовали и выявляются в настоящее время. Так, из подвала дома заводууправителя выходила подземная галерея по направлению к хозяйственному зданию и шла вдоль обрыва восточного склона горы Угольной. От хозяйственного здания в той его части, которая в настоящее время утрачена, шел подземный ход к собору. На трассу этого хода попадает некое подземное сооружение, подобное погребу, о находке которого свидетельствовали очевидцы.

Демидовский господский дом был связан подземной связью с домом заводууправителя. Ее признаки были обнаружены в процессе проводившихся раскопок. Конечно, господский дом имел связи под землей и с другими строениями «гнезда», но их пока не представляется возможным обнаружить из-за сложной поверхностной обстановки на перспективных для поиска участках.

Угольная гора вошла в территорию недавно созданного «Демидовского центра» города Ревды. Во Дворце культуры открыт музей, который имеет не только краеведческую направленность, но очень серьезно занимается генеалогическими вопросами и создал соответствующие коллекции.

ПОДЗЕМНЫЕ СТРАСТИ ПО-КАМЕНСКИ. И НЕ ТОЛЬКО...

Найдутся ли подзетелья каменской крепости? Каменск — отец российских пещер. Череп с дыркой в подвалах собора. Из монастыря за водой... пог зетпей. Находка сводов на пинии подзетного хода. Подзетелья Преображенского монастыря. Чувствительный зверь в темноту. Связаны ли пог зетпей монастырь и главный собор города? Режевской свод. Путь пог зетпей от «Графина» к школе. Красноуральские псевдотайны и карты. Серовские катакомбы совершенности.

Если сопоставить все факты обнаружения подземных исторических сооружений в уральских городах, явно выделяется группа так называемых казенных, то есть государственных, заводов, на территории которых нет каких-либо таинственных подземелий. Просто есть сооружения чисто технологического назначения: подвалы со складами сырья, транспортные галереи, водоводы и тому подобное. Мы уже отмечали, что на частных заводах, к примеру в демидовских вотчинах, есть сооружения для тайных подземных связей и прочих дел, знать о которых было дано избранным. Хотя и здесь чисто технологические устройства иногда использовались и для секретных действий разного характера. Старые уральские заводы, как частные, так и казенные, имели когда-то укрепления в виде защитных стен, тынов, рвов, а под ними — подземные выходы и вылазы. Следы их давно потерялись. Не остались они и в людской памяти. Только редкий случай находки приоткрывал оборонный секрет. О подземельях на территориях частных заводов было известно многим, а легенды о них укоренялись прочно и неизменно передавались из поколения в поколение. А вот на казенных заводах такие легенды не появлялись. Были свидетельства о церковных подземельях, о купеческих ходах и переходах, но заводская территория не давала повода говорить о каких-то тайнах своего подземного мира.

Так было и в Каменске. Вернее, на Каменском заводе, или, по-современному и совсем точно, в замечательном городе Каменске-Уральском. История его возникновения связана (вот откуда могли бы пойти рассказы о подземных тайнах!) с монастырскими инициативами и началась в 1682 году, когда на берегах реки Каменки, она же Железенка, вблизи монастырских земель была найдена железная руда. Важность находки оценили сразу. Игумен Успенской Исетской пустыни Исаак тотчас обратился к царю Федору Алексеевичу с просьбой о пожаловании этого участка монастырю, так как «лежит она в пуге, а им кроме этой руды железа про монастырский обиход взять и купить негде». В июне того же 1682 года указом царя «речка Железенка с приисками руды в разных местах и близлежащие пустопорожные земли с

угодьями и лесами» были отданы монастырю для хозяйствования. Монахи хозяйствовали дельно. Организовали на рудном месте поселение, поставили домну, стали плавить железо. Как отмечали документы, по прошествии десяти лет здесь имелись «кузница с наковальней, клещами, мехами, да домница — плавят железо в ней две печки с кричными клещами».

Монастырь рассчитывал утвердиться здесь навсегда, но в стране настало петровское время, которое нацелилось на создание государственного промышленного производства. По указу Петра на месте монастырских кузниц и печей в 1700 году состоялась закладка казенного чугуноплавильного завода, первого на Урале государственного металлургического предприятия. Первый чугун был получен через год с небольшим и пошел на изготовление пушек и ядер. И сто с лишним лет Каменский завод снабжал русскую армию артиллерийским вооружением. И не только армию. Мой давнишний московский товарищ Андрей Кириллович Станюкович, кандидат физико-математических наук и доктор исторических наук, участвовал в экспедиции на Командорские острова, которая вела поиск последней стоянки командора Витуса Беринга. На месте стоянки была выполнена магнитометрическая съемка. По ее результатам выявили интенсивную аномалию, проверка которой дала неожиданный результат: в береговом песке были обнаружены пушки с корабля Беринга. Уже из Москвы, получив результаты анализов, исследователь сообщил мне, что пушки-то наши, каменские.

Каменский завод по тогдашним временам находился в «зоне риска», то есть существовала реальная опасность нападения воинственной башкирской вольницы. Поэтому завод стал еще и крепостью. По документам можно представить, как выглядело это. Прямоугольный в плане деревянный острог с восемью башнями и тремя воротами, внутри которого располагались церковь, заводская контора, командирский дом, склады для припасов, школа, жилые дома «мастеровых, приказных и прочих при заводе служителей». За пределами острога находились посады, где жили мастеровые, работные люди, ремесленники, торговцы. Острог, посады и завод были окружены рвом, земляным валом, рогатинами. Сведения об оборонительных подземных сооружениях в описаниях нет, как это, например, сделано в так называемых «Писцовых книгах Кайсарова» XVII века, где наряду с фиксированием основных элементов укреплений русских крепостей и их состояния обязательно упоминались и тайники: водозаборные, проходные и т. п. За всю историю Каменского завода и города не отмечено случаев обнаружения подобных подземных «хитростей». Похоже, что каменцев долго не беспокоили сообщения из городского подземного пространства, разве что туманные легенды о подземельях самого старого церковного здания — Свято-Троицкого собора. И вдруг! При расчистке подвала этого самого собора, возвращенного в начале перестроечного времени церкви, найдено нечто страшное. Когда была разобрана закладка из бутовых камней и кирпича, то за ней обнаружили груду человеческих останков. Черепа и кости примерно 30 человек. Причем костяки принадлежали и взрослым, и детям. Насторожило, что в черепах видны отверстия, похожие на пулевые — такие получаются при выстреле в голову с очень близкого расстояния. Что бы это значило? Следы страшных 30-х годов прошлого столетия? Исполнение закладки и возраст кирпичей свидетельствовали, что дело было именно в те самые 1930-е.

Возбуждено уголовное расследование. Предварительные судебно-криминалистические экспертизы показали, что отверстия в черепах похожи на огнестрельные, но, возможно, сделаны неким четырехгранным орудием (штык?). Следы такого орудия имеются и на ребрах. Предполагалось продолжить следствие, но со временем реакция на находку поутихла. Да к тому же появились другие версии, например такая: был факт перезахоронения останков из могил, подлежащих сносу, а отверстия в черепах — это естественное разрушение полуистлевших костей.

Это событие подогрело интерес к каменским подземельям. Сразу появились свидетели, очевидцы и исследователи каменской истории — все они в разное время что-то видели, о чем-то слышали, что-то читали в документах. Все это обобщила журналист Инга Абель в материале, опубликованном в газете «Каменский рабочий». Как всегда, начало положили почти фантастические свидетельства. Вроде тех, например, что из Преображенского монастыря вели километровые ходы в окрестные пещеры (в том числе и в знаменитые Смоленские), что в подземельях бывал сам Ермак Тимофеевич, что во время суровой гражданской междуусобицы там скрывался от красных А.В. Колчак.

Краеоведам были известны более реальные сведения. Многие факты неожиданных провалов грунта на территории старого города объясняются наличием старинных горных выработок, но не исключается, что в каменской карстовой зоне таким образом напоминают о себе естественные полости и пустоты. Может быть, отсюда пошли легенды о многокилометровых подземных ходах, прежде всего — монастырских. Видимо, прочно укоренилось представление, что именно монастырь не может обойтись без подземных тайн, особенно романтического характера. Но в основе могла быть чистая прагматика. Каменский краевед В.И. Ермаков пришел к выводу о существовании сквозного хода карстового происхождения от Преображенского монастыря к известному когда-то в Каменске Барабино-Калушенскому ключу, откуда брали воду. В 1940-х годах этот путь еще существовал. И сам ключ функционировал до 70—80-х годов прошлого века, пока Каменск-Уральский электромеханический завод, на территории которого оказался источник, не ликвидировал водонесущий грот, соорудив на этом месте какой-то новый цех. Ключ взяли в трубу и отвели его воду в реку Каменку.

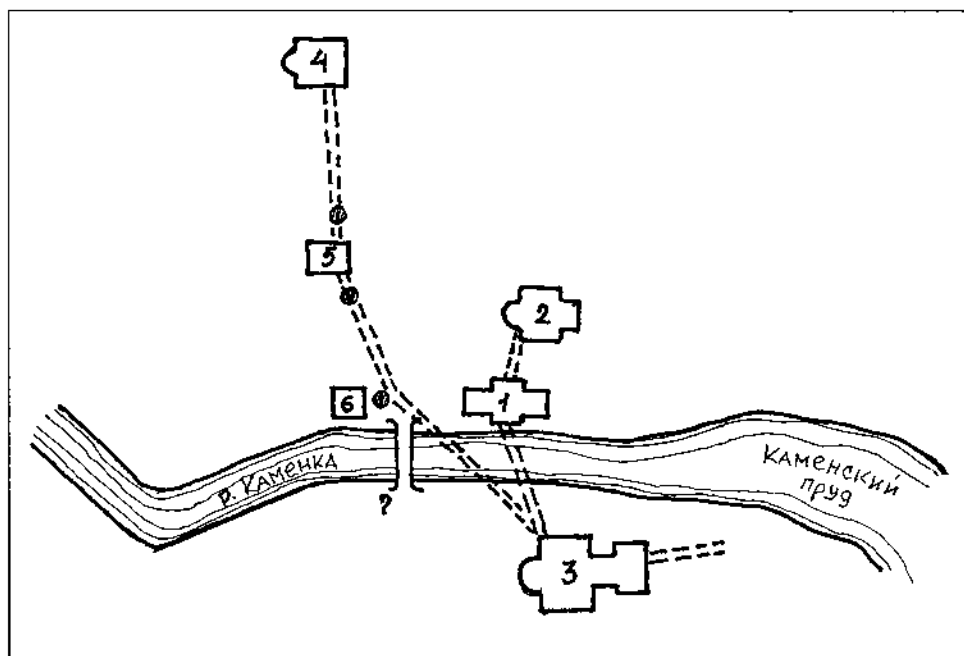
Там же, на территории электромеханического завода, образовался провал грунта, и очевидцы наблюдали выложенный кирпичом свод высотой около 2,5 метров — свод подземного хода. Его быстро закрыли, так как предприятие было режимным в то время.

Автор публикации приводит также сведения о другом подземном пути: от Преображенского монастыря к Покровской церкви, оговариваясь, что в сведениях большая доля слухов, но ссылаясь на свидетельства одного из строителей здания на пересечении улиц Ленина и Революционной (потом в здании находилась парикмахерская). Углубляясь в грунт, строители наткнулись на подземный свод сооружения, которое одним рукавом устремлялось в сторону реки Каменки, а другим — к Покровской церкви. Высота свода составляла не менее двух метров, а выложен он был старинным кирпичом. Попробовали пройти по подземелью. Даже удалось преодолеть около 100 метров, как говорили участники этого путешествия. А потом наткнулись на современную кладку закрывающей проход стены. На линию воз-

можной подземной связи между монастырем и Покровской церковью в районе площади 25 лет Октября показали подвалы дома виноторговца.

Автор рассказывает о своем участии в исследовании подземелий Преображенского монастыря, где уже давненько разместились склады городского управления ГО и ЧС. При простукивании подвала на одном из участков примыкания пола к стене отчетливо обозначалась пустота. Кроме того, показалось, что стена в этом месте как бы обрывалась. Сняли штукатурку и увидели небольшое углубление с арочным элементом. Очень походило на то, что здесь был заложен проем. Убрали слой цементного покрытия пола, потом слой щебня толщиной до 40 сантиметров. Под щебнем снова обнаружился цементный пласт, а под ним засыпка строительным мусором из битого кирпича, почвенного слоя, деревянных остатков. Лом свободно углублялся в это месиво, которое, скорее всего, насыпали впопыхах, заваливая лестничный спуск под стену.

Участники этих исследований откапывать искомое далее не стали, имея в виду то обстоятельство, что здание будет непременно передано церкви и новые хозяева своими силами проникнут в тайну.

- 1 — заводууправление (ныне краеведческий музей)
- 2 — Свято-Троицкий собор
- 3 — Преображенский монастырь
- 4 — Покровская церковь
- 5 — здание
- 6 — «винные склады»
- 7 — пешеходный мост

● — находки подземных сооружений
 - - - - - — направления подземных ходов

*Схема предполагаемых подземных ходов
 в центре г. Каменска-Уральского*

Наличие скрытых подземелий в сооружениях Преображенского монастыря подтверждается воспоминаниями каменского старожила Н.Н. Дегтярева, который побывал в том самом подвале, будучи первоклассником. Это произошло в период закрытия монастыря, то есть в 20-е годы прошлого века. Запомнились массивные колонны — нижняя часть тех колонн, которые держали все сооружение, стены из тесаного камня и кирпича. Ребят пугали лежащие человеческие скелеты, другой неожиданностью было обилие крашенных пасхальных яиц. Кстати сказать, освященные пасхальные яйца могут очень долго храниться, их содержимое усыхает, но не гниет.

Подростки постарше нашли массивную чугунную дверь, за которой в кромешную темноту уходили ступеньки. Ни фонарей, ни свечей под рукой не оказалось, поэтому поход в темноту отложили. Но он так и не состоялся: приехала милиция с двумя грузовиками, наполненными строительным мусором, рабочие перетаскали его в подвал и, видимо, насыпали в указанное место. Здание закрыли на замок, который потом постоянно сбивали искатели чужого добра.

В газетной статье упоминается подземный ход из Преображенского монастыря к Свято-Троицкому собору через подвалы старой заводской конторы, здание которой сейчас занимает местный краеведческий музей. Сегодняшних очевидцев каких-либо проявлений этой связи нет. Есть очень неясные и глухие толкования, относящиеся к концу XIX — началу XX века. Это слухи без фактов. Без находок.

Даже беглый взгляд на ситуацию показывает, что в Каменске-Уральском подземные «сюжеты» могут быть прописаны в старом центре и более всего они тяготеют к церковным зданиям, как это встречается везде в России. Ведь церковные, монастырские постройки составляли прочный оплот в лихие годы. А на Урале и лихо не переводилось, и жизнь населения не была простой.

Остаются надежды, что пытливые умы из тех, кто дорожит историей своего города, кто готов к романтике поиска и умеет переживать неудачи, серьезно возьмутся за раскрытие подземных тайн уникального уральского города, бывшего когда-то «пушечным сердцем» России.

Из разных уральских городов приходили письма. Их слали и именитые краеведы, и те, кто просто столкнулся с находками или легендами о подземельях. Высылали тексты с рисунками и схемами, вырезки своих публикаций в местных газетах. Иногда делились планами поисков подземных объектов.

Вот город Реж. Расположен он не на «хребте», а уже в Зауралье. Но это горный город, основу которому положил уральский заводчик Савва Яковлев (Собакин), построив в 1773 году чугуноплавильный и железоделательный завод на берегу одноименной реки у подножия горы Орловой. В XIX столетии завод быстро и хорошо оснастился технически, давал железо высокого качества (листовой металл режевцев был отмечен на одной из Всемирных Парижских выставок), впервые в доменном производстве применил каменный уголь (благо, рядом осваивалось Егоршинское месторождение), а потом, много позднее, стал одним из центров никелевой промышленности. Город рос. У него была типичная заводская градостроительная структура: пруд, плотина, территория цехов, заводская контора, дом управляющего, собор. Можно предполагать, что и без подземных сооружений не обошлось. Вот об этом и была публикация в местной газете. Говорилось, что при реставраци-

онных работах здания старой заводской конторы, в котором разместился краеведческий музей, были проведены археологические раскопки. В результате вскрыты своды подземного хода из большеразмерного кирпича, что давало возможность датировать сооружение XVIII веком. Яковлевское наследство?

Или взять старый городок Верхнейвинск. Сейчас его называют поселком городского типа. А ведь был город-завод, основанный и построенный Прокопием Демидовым, купленный позднее тем же Саввой Яковлевым. Письмо-воспоминание пришло от Василия Иосифовича Калугина, верхнейвинца, жившего впоследствии в Невьянске. Василий Иосифович хорошо знал центр завода, а самое главное, будучи школьником, живо интересовался подземной романтикой. Мальчиком он подружился со сторожем-истопником школы, уже старым человеком, хорошо помнившим многое из верхнейвинской старины. Сторож часто рассказывал ему про интересные случаи. Как, например, нашел он под зданием школы (а это здание — почти ровесник периода основания завода) три глубоких сухих колодца. Спускаться в них побоялся. Вокруг колодцев были разбросаны... старинные книги в кожаных переплетах. Были среди них и церковные. Сам собой возник вопрос: а не перенес ли их кто-то сюда по подземному пути, спасая при разгроме церкви и заводской конторы во времена пролетарской диктатуры? Очень могло быть. Тем более что и здание церкви, и заводская контора с народным названием «Графин» располагались неподалеку от школы. «Графином» контору прозвали давно. Есть легенда, по которой владельцу завода представили проект управительского гнезда, но проект хозяину не понравился. А чтобы не вызывать разногласий и дальнейших обсуждений, он вытащил графин для хранения питейного зелья и убедительно стукнул им, ставя на стол. «Вот такую контору и стройте», — прибавил хозяин. В самом деле, круглое здание с часовой башенкой напоминает графин с горлышком.

Мой корреспондент В.И. Калугин нарисовал схему расположения возможных подземных ходов в Верхнейвинске, связав сухие колодцы в подвалах школы с подземельями церкви и заводской конторы и протянув от конторы ход на территорию завода. Могло быть и так. Вполне укладывается в общую по городам-заводам схему.

Сместимся с горного Урала в сторону Приуралья. Там тоже испокон веков стоит «нашенский» уральский город Красноуфимск, когда-то юго-западный форпост горнозаводского края. Испокон веков — это с 1735 года, когда В.Н. Татищев получил донесение о том, что найдено подходящее место для постройки крепости в «урочище Красный Яр». А крепость была крайне необходима для защиты уральских промышленных гнезд от набегов башкир и других кочевников. Крепость построили. Настоящую крепость — с башнями, бастионами, рвами, пушками. Назвали ее Красноуфимской, и в этом названии соединились «Красный Яр» и «река Уфа». Красноуфимская крепость как военный объект сыграла свою роль в сдерживании орд, вооруженных стрелами и луками, но отряды самозванного «Петра Федоровича», имевшие огнестрельное оружие, при движении на Казань крепость захватили. После подавления бунта она стала терять свое оборонное значение, превращаясь в гражданский объект, и в 1781 году получила статус уездного города Красноуфимска. В нем не было горнозаводского производства, не было больших ярма-

рочных торгов, его не посетила «золотая лихорадка». Красноуфимск развивался как центр земледелия, ремесел, промышленности, обрабатывающей продукцию сельского хозяйства.

Остались ли от крепости какие-нибудь тайники, подземные вылазы и прочие атрибуты оборонительной технологии? Сведений об этом нет. Как нет следов изучения (или хотя бы фиксации) отдельных намеков о существовании подземелий в соборе Во Имя Св. Александра Невского. Не интересует эта тема краеведов? Возможно. Правда, была надежда что-то узнать из непомерно расхваленной местными общественниками книги краеведа Р.А. Рындины «Красноуфимские тайны». Но тщетно. В книге нет того обстоятельного рассказа о полновесной многогранной истории края и города. Зато есть восхваление «побед» советского строя в районе, одностороннее и необъективное разглагольствование о кузнецах этой «победы» (это в 2000 году, когда обилие открывшихся документов говорит об истинном положении вещей!). Словом, получилась не краеведческая книга, а некий краткий курс истории организации, которая бесславно канула в лету. Жаль, что любители и ревнители истории края не получили достойного издания.

Может быть, гипотетическое отсутствие подземных исторических сооружений в старом Красноуфимске связано с тем, что их находкам не придается значения по сравнению с наличием большого количества карстовых проявлений в округе. И всякий провал приписывается карсту. Тем более что подземные ходы далеко не всегда облицовывались камнем или кирпичом и могли вполне сойти за карстовые промоины и пещерные лазы.

А вот сообщение иного рода. Незнававшийся человек из города Серова (бывшего Надеждинска) написал следующее: «Быть может, это связано с каким-то сокрытием, но у нас в городе Серове есть подземные ходы. Вы описываете в своей книге какие-то метры, а здесь — километры. Приезжайте, встретитесь с людьми, которые о них могут рассказать. Несколько ходов (или колодцев) я знаю сам. Мне случайно повезло. Я видел в 1965 году у связистов некие начертания. Примерную схему могу изобразить...»

Схема была нарисована на обратной стороне письма, и даны некоторые пояснения. Что же видно на зарисовке? А вот что. С территории металлургического завода якобы отходили два рукава: один — к электроподстанции, другой — к расположенному неподалеку 80-квартирному жилому дому. От этого дома снова протянуты два хода к участку когда-то стоявшей, но взорванной церкви. От церкви идут опять два хода: к тракторной базе и к старой городской больнице. От больницы видна трасса хода на территорию, называемую «Крутой лог». Вот такая разветвленная схема подземных связей.

Самое первое толкование — не может быть! Город Серов-Надеждинск начал формироваться с 1894 года, когда был заложен сталерельсовый завод для поставки рельсов на строительство транссибирской магистрали. В этот период уже ни заводчики, ни купцы, ни церковные деятели не увлекались тайными подземными сооружениями. Просто не было объективных внешних и внутренних причин. Это одно. Второе — написавший мне житель Серова упомянул о километрах подземных путей и о связистах, имевших какой-то план их расположения. Так, может быть, речь идет о кабельных каналах, имеющих, кстати, смотровые колодцы? Но мой кор-

респондент на схеме сделал пометку: «В 1974 году случайно был открыт один люк, на некоторой глубине колодца стал виден ход арочного типа, стены его были выложены бутовым камнем, а пол — бетонный. Высота хода составляла около двух метров». После этого становится ясно, что версия кабельных колодцев не проходит. Бетонные полы ходов — это нечто близкое к современности. Если сооружения не имеют отношения к старине, то остается версия принадлежности ходов к системе гражданской обороны, непременно оборудованной линиями связи. Поэтому связисты и имели схему ходов.

В этом случае становится понятным соединение под землей таких разных объектов, построенных в обозримое время и, видимо, связанных с каким-то общим подземным убежищем. Наверное, есть в таком предположении фантастическая черточка, но иначе совсем не найти объяснения.

Был период нашей истории, когда угроза ракетно-ядерного нападения выглядела весьма реальной, и на ответственных промышленных предприятиях и подчиненных им объектах строились подземные защитные сооружения. Миновало? Дай-то Бог.

А через десятилетия историки и краеведы будут ломать головы и снаряжать под землю экспедиции энтузиастов, чтобы разгадать новые подземные тайны.

СУКСУНСКАЯ ОБМАНКА

Письмо из Суксуна. Найдено перекрестие подземных ходов? Специалисты рассказывают провал. Сводки без тайн. Подвалы обычного цеха. Карстовые подземелья Суксуна. Дот Каленского

Эта маленькая экспедиция в Суксун не имела много времени на подготовку, но готовилась, тем не менее, тщательно. Основу ее снаряжения составляло спелеологическое оборудование: большие бухты выдавших виды веревок, хитрые карабины, блоки, крючья, связки стальных штырей, что вбивают в едва заметные трещины и щели, молотки на длинных ручках и, конечно, каски с фонарями и аккумуляторами. Все это, да еще специальные комбинезоны и сапоги, было уложено в ставшие большими и тутими рюкзаки. С таким снаряжением впору штурмовать глубочайшие полости планеты, а не то что... А что, в конечном счете, предстоит штурмовать ребятам, студентам-архитекторам и, по счастливому совпадению, любителям-спелеологам Андрею Бобылеву, Евгению Томилову, Антону Таксису, толком мало кто представлял. Знали, что в письме, пришедшем в Свердловский архитектурный институт из одного из старинных уральских городов-заводов, сообщалось: «...У нас в Суксуне в 1980 году обнаружилось перекрестие подземных ходов...» Письмо подписал заместитель главного технолога Суксунского завода Анатолий Николаевич Рогожников.

Многое из сообщенного в письме заинтересовало. Во-первых, перекрестие. Значит, большой самостоятельный сводчатый объем, который служит разводкой ходов, — такое встречается не часто. Во-вторых, указанные на эскизе расстояния от перекрестия до окружающих зданий, куда, по предположению, идут ходы, весьма значительны: 40, 100, 150 метров. Следовательно, можно надеяться на капитально сделанные тоннели и их хорошую сохранность. В-третьих, завод-то принадлежал когда-то Демидовым. Вспомнилось говоренное не раз стариками: где Демидовы были — ищи потаенные подземелья. Вспомнилось и другое — многолетние исследования подземных загадок Невьянска, Нижнего Тагила и прочих демидовских гнезд. А загадки, чуть приоткрывшись, еще во многом остаются загадками.

А.Н. Рогожников показал провал. Под деревянным щитом, который должен был прикрывать дыру, оказалось всего лишь чуть заметное углубление: провал засыпан мусором и прошлогодней листвой.

Суксунский завод — детище XVIII века. В сорока метрах от раскопа вверх по склону целым и невредимым стоит здание демидовской конторы того времени. В углах видны кованые стопоры металлических тяг, накрепко держащих каркас и перекрытия. Такие стопоры с такими же фигурными прокладками держат стены Невьянской башни.

При расчистке стали попадаться обломки кирпича и известкового раствора, куски мохнатого дерна, коричневатый суглинок и, наконец, целые кирпичи и кирпичные блоки рухнувшего свода. Кирпичи были большегабаритные, старинные, тяжелые и крепкие. Устанавливаются границы первоначального провала. Ясно, что объем рухнувшего материала значительный и копать придется глубоко. Кирпичи, земля, снова кирпичи, и... лопата проваливается в пустоту.

Нет, она не провалилась, как, скажем, падает предмет в пустой колодец — гулко стуча по стенкам, с легким звоном металла, с глухим буханьем о дно. Черенок на треть остался торчать из темной щели. Убрав несколько кирпичей, в отверстие влез по пояс Андрей Бобылев. По его мнению, эта маленькая пустота образовалась у крутого плеча сохранившейся части свода, не засыпанного материалом обвала. Свод уходил глубже. Сделали расчистку с противоположной стороны — та же картина: пауза пустоты и уходящий в глубину свод.

А наверху, у края провала, собирались любопытные. Среди них и местные краеведы, прознавшие о работах на перекрестии. Разговоры шли вокруг того, как лезли смельчаки в провал сразу после обрушения свода и что там видели. Кто-то рассказывает о впечатлениях своего деда, якобы побывавшего в этом подземелье и прошедшего многометровое расстояние. Вспоминались рассказы о том, что последний владелец завода — крупный промышленник Каменский — появлялся на территории завода неожиданно для управляющей братии, будто бы проходя подземным ходом из своего дома-замка. Наверное, эти рассказы — отголосок известной версии о подземных хождениях Акинфия Демидова в своей невьянской вотчине.

Спелеологи определили в провале границы неповрежденного свода, вскрыли в трех направлениях паузу-пустоты. На четвертом направлении, в сторону старой конторы, такой пустоты не было: свод здесь терял обычную кривизну и переходил в вертикальную стенку. В стенке никакого отверстия, никакого перехода в свод отходящего тоннеля не угадывалось.

Объем обвалившегося материала все еще был огромен. Уборка его вручную затянулась бы надолго — ведь вместе с землей нужно выворачивать остатки кирпичной кладки, которая кое-где хорошо разбиралась на кирпичи, а порой представляла спаянные известью крупные монолиты. Помогли заводчане. Надо сказать, что с самого начала руководство завода проявило интерес к нашим работам в провале, обеспечило инструментами, а затем, видя, что разборка завала заходит в тупик, предложило использовать маленький экскаватор. Разгадку тайны провала нужно довести до конца, ничего не оставляя на потом, ибо «потом» может быстрехонько превратиться в «никогда».

Края ямы стали угрожающе осыпаться, когда в них сверху уперлись опоры лапы экскаватора. Но экскаваторщика, видимо человека опытного, это не смутило. Зубья ковша скрежещут по обломкам, машина дрожит, вытаскивая очередную порцию грунта. Вот под одной из пауз свода уже не видно обломков и хорошо различается плотная плитняковая кладка. Экскаватор очищает другую паузу — снова плитняковая стенка. Постепенно становится ясным, что это просто фундамент стоявшего здесь когда-то дома демидовского времени, может быть, одного из первых сооружений Суксуна. А обвалившийся кирпичный свод, породивший неожиданную загадку, это свод когда-то хорошо и крепко сделанного подвала, таившего пус-

тоту без малого две с половиной сотни лет. Мои спелеологи приуныли: ведь как хотелось войти вслед за лучом фонарика в безвестное демидовское подземелье, проползти сквозь узкие щели завалов, проникнуть в таинственные помещения, закрытые до поры коваными дверями, увидеть на гранях тяжелых большеразмерных кирпичей отпечатки щепотей и ладоней безымянных мастеров. Увы! Суксунская загадка обернулась обманкой. Обескуражены были и наши хозяева — суксунские краеведы. Может быть, поэтому здесь же, у раскопанного подвала, стихийно возникла беседа, похожая на митинг, в которой мы больше слушали. Говорили же краеведы. Они живо рассказывали и нам, и друг другу о десятках других подземных загадок старинного заводского поселения, словно хотели сгладить результаты неудачного поиска, ни в коем случае не преуменьшить известность Суксуна как хранителя подземных тайн. Поведали драматическую историю о том, как совсем недавно, несколько лет назад, под высоким северным берегом пруда, на котором высится церковь, вдруг открылась воронка. В эту воронку устремилась из пруда вода, пропадая в толще горы. Пруд катастрофически таял, угрожая исчезнуть совсем. Правда, в километре от старого завода вниз по реке пропавшая вода, пройдя по неведомым подземным каналам и полостям, вдруг снова изливалась на поверхность. Был объявлен аврал. Воронку долго бутили щебнем, мусором, даже металлической заводской стружкой.

Здесьняя края — типичный карстовый район с многочисленными естественными полостями и провалами, что сродни знаменитой Кунгурской пещере. Видимо, в недрах высокого берега под церковь есть большие пустоты. Краеведы рассказывают о том, что горка гудит под проезжающим транспортом. Предполагают, что церковные подвалы связаны с этими естественными полостями. Любители кладоискательских историй помещают в эти пустоты церковные сокровища, якобы спрятанные в годы революционной смуты.

Какие-то слухи о суксунских подземельях связываются с домом последних заводчиков, богатых пермских пароходовладельцев братьев Каменских. Отделанный в стиле модерн, дом отдельными деталями напоминал маленький средневековый замок. Большая круглая башня с крутой конической крышей, цокольный этаж из тесаного, ладно пригнанного камня, мраморная лестница, спускавшаяся со второго этажа к плещущемуся пруду, глухая каменная ограда, богатейший сад и строгие аллеи из темных вековых елей — таким было это чудо последних владельцев завода.

*г. Суксун. Дом Каменского.
Вход в подземелье*

О внутренней роскоши дома ходили легенды. Жена одного из Каменских считалась способной художницей, училась у Рериха, а страсть к картинам старых мастеров и значительные средства позволили собрать прекрасную коллекцию, по которой дом заводчиков называли малым суксунским Эрмитажем.

В доме Каменских был глубокий подвал с обилием разных помещений и переходов — как в самом настоящем средневековом замке. Сейчас он закрыт, дверные проемы и переходы заложены кирпичом. У северной стены, выходящей к пруду, краеведы показали полузаваленное сводчатое отверстие. Спелеологи оживились, полезли было в этот лаз, но быстро вернулись. Что-то наподобие подземного хода шло метра два вдоль стены, а потом поворачивало к пруду и, к сожалению, сходило на нет до полного сближения свода с полом. Может быть, когда-то существовавшее сооружение засыпали, а может, так и было задумано при строительстве — что-то вроде декоративного, заглубленного в землю помещения для садового инвентаря. Надо учесть, что дом Каменских был построен на рубеже XIX—XX столетий, когда всякая надобность в тайных подземных связях почти отпала.

Не обнаружила суксунских подземелий наша экспедиция. Пожалуй, правильнее сказать: в тот раз не обнаружила. Не верится, чтобы в такой демидовской вотчине, с населением, состоявшим в прошлом из значительного числа старообрядцев, не было бы подземных тайн. Словно в подтверждение сомнений, из Суксуна пришло сообщение от местного краеведа Юрия Васильевича Матвеева. Он писал: «...Недавно услышал рассказ одного механизатора-мелиоратора, как тот нашел в лесу рукотворный подземный тоннель. Назначение его и история возникновения не определены. Видимо, есть свидетели, знающие о его существовании. Правда, этот факт пока мною не проверен...»

СЫСЕРТСКИЕ ЗАГАДКИ

Сысертский «тонкисир». Подзетелья турчаниновского дома. Тайны скрытых тоннелей. Трудозольник подзетельных связей. Дневник Смиа Старкова. Нуходки пионеров и дзтдоготовцев. Ходы облицованы гранитом. Геохризический поиск в исторической центре. Слесполози терпят неудачу. Котиперсанты и подзетелья. Подзетельные трудозольники уральских городов-заводов.

Из Сысерти уходили последние белогвардейские части. Увозили все самое ценное: заводскую кассу, дорогие вещи из господского дома. Стали грузить на подводы тяжелые ящики с коллекционным фарфором — старинные севрские и саксонские сервизы, прекрасные образцы первого русского завода — виноградовские вазы, гарднеровские блюда, уникальные наборы с портретами героев войны 1812 года. Выходило, чтобы довезти все в целости, нужно много упряжек. Либо везти фарфор, либо бросать пушки. Прапорщик, командовавший погрузкой, остановился в нерешительности: времени было совсем мало, красные шли по пятам. Доложили командиру. Тот колебался, но потом приказал ящики с фарфором оставить.

— Спрятать бы, ваше благородие, — шепнул кто-то рядом.

«Действительно, почему бы не спрятать? Вышибем голытьбу, забрем. Спрятать надежнее, найти человека, который знает тайники», — размышлял командир.

Разыскали и привели старика, что всю жизнь около хозяев вертелся и знал тайны немалые. Старик был опытный. Он подошел поближе и, покосившись на окружающих офицеров, проговорил полусшепотом, что места ему ведомы, что все это в двух шагах отсюда, места надежные, но он крест целовал за сохранение тайны и, как быть, не знает.

Полковой поп, человек пронизательный, тут же припер бывшего служку словами: «На лице твоём вижу душегубство, говори, все грехи прежние отпущу, час такой настал...»

Старик выложил, что было ему известно о тайных, никому не ведомых местах. И уже уверенно громко добавил, что его высокоблагородие господин Мокроносов, управляющий сысертскими заводами, в 1914 году, как случилось волнение, использовал подземный ход для собственного спасения. А все по его, старика, указке...

До сего дня не найден драгоценный фарфор из турчаниновских коллекций, скрытый где-то в лабиринте сысертских подземелий.

Старинный уральский город, издавна имевший славу мощного промышленного узла. Сысертскими заводами владели две фамилии: сначала Турчаниновы, потом Соломирские. Огромны были их владения. Заводская дача, по территории равная государству Люксембург, тысячи человек работали на пяти заводах, сорока железных и восьми золотых рудниках, на многочисленных приисках. Добывали здесь кро-

ме железа, меди и золота еще тальк, малахит, огнеупорную глину, известь, мрамор, драгоценные камни.

Постройки в Сысерти более чем двухсотлетнего возраста. Есть предположение, что в строительстве и отделке здешних барских домов участвовали итальянские мастера. Заводчики Турчаниновы и Соломирские, подолгу живя в Сысерти, стремились сделать здесь уютный для себя уголок, этакий маленький «монплеизир», блеснуть своей просвещенностью. В Сысерти была, как предполагают, едва ли не лучшая по тем временам техническая библиотека России, работала школа для способных рабочих людей, где изучали чертежное дело, премудрости плавки и обработки металлов.

Господский дом и собор расписывали известные художники. В доме имелась коллекция дорогих картин, фарфора. В комнатах стояла удивительная мебель русских и западноевропейских мастеров. Бюро из карельской березы было единственным в мире экземпляром, совершеннейшим по мастерству исполнения.

Участвуя в подготовке празднования 200-летия Екатеринбурга, известный антиквар Д.Н. Плешков добился передачи бюро в распоряжение юбилейного комитета. В доме Турчаниновых квартировала военная часть. Стоило больших трудов, чтобы даже с помощью областных распоряжений получить драгоценное бюро из казармы и привезти его на выставку. После демонстрации бюро было передано краснеческому музею, где сохраняется и поныне.

В оранжерее заводчиков (ее громко называли ботаническим садом) нежились диковинные растения. Цветы из оранжереи хозяева иногда дарили своей челяди на свадьбы, крестины и другие праздники — кто знает, может быть, и сейчас потомки этих диковинок стоят где-нибудь в горшках на окнах старых сысертских домов. На берегу пруда был устроен зверинец, в который завезли, как свидетельствуют документы, «множество заморских зверей».

И в первые годы существования завода и поселения, когда часты были нападения башкирской вольницы, и позднее, во времена пугачевского бунта, когда пушки войска «Петра Федоровича» обстреливали завод с господствующей высоты, у хозяев естественно возникали тревожные мысли о тайных убежищах и скрытых путях побега. Возможно, эти мысли особенно укрепились после рабочих волнений в начале XIX века. Так или иначе, видимо, когда-то было принято решение о строительстве потаенных подземелий.

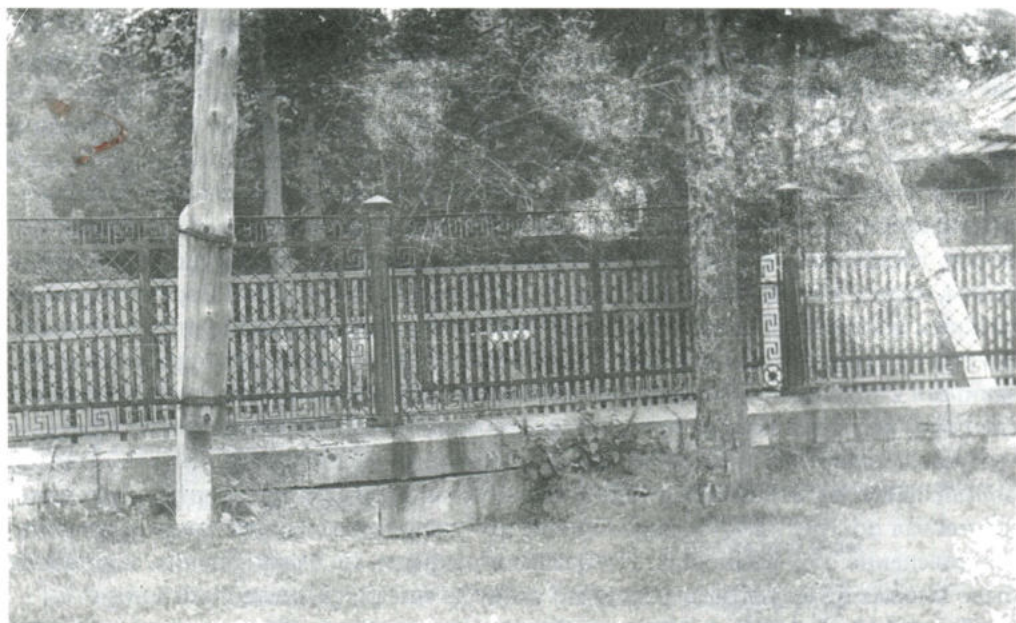
Предания из давня говорят, что под господским турчаниновским домом, построенным в 1769 году, был подвал. Глубокий, сложенный из камня и кирпича, он тянулся широким коридором на всю длину дома. Стены подвала имели толщину не менее метра, глушили любой звук. Мрачно было в сводчатом коридоре, но еще более жутко, наверное, выглядели боковые ответвления и камеры. Большинство камер располагалось вдоль северной стены сводчатого подвала. В них вели узкие проходы, которые при надобности замуровывались, сохраняя тайну содержимого. В стены камер вделаны массивные чугунные кольца.

Вот в эти-то камеры и попадали исчезнувшие для всех бесследно люди, числившиеся «в бегах». Тут было глухо, темно, и если сухо, то только до поры. Пруд рядом, а затопить подвал и камеры — дело куда как скорое. Тогда буквально концы в воду. В подвал существовал спуск из верхних этажей и был вход со двора.

Интересная деталь: где-то в пределах дома высокими стенами был выгорожен небольшой участок, посреди которого... росло дерево. Да, самое настоящее дерево. Причуда хозяев? Нет, огороженное пространство, куда был вход из господских помещений, служило, видимо, устройством для вентиляции подземелий, а может быть, и еще одним входом в них.

Из подвала шел подземный ход к зданию храма Во Имя Святых Симеона и Анны. Это был красивый, величавый собор. Когда в 30-е годы прошлого века его стали закрывать, то произошли нештучные волнения в Сысерти. Народ не давал снимать колокола и убирать из храма иконы. И по-своему одержал победу: колокола еще долго оставались на колокольне. Постепенно, отлавливая наиболее активных протестующих, власти сломили сопротивление и не только убрали колокола, но и разобрали непокорную колокольню. Храм надолго превратили в местный кинотеатр. Только в 90-е годы прошлого века здание возвратили церкви. Если поменять местами слова в известной поговорке, то можно сказать и так: нет добра без худа. Совсем недавно трудные и кропотливые восстановительные работы прервались неожиданным событием: вся центральная часть храма выгорела с обрушением перекрытия.

Еще в бытность его кинотеатром было много разговоров о подземном этаже здания, о каких-то таинственных закладках дверных проемов, о могилах, в которых можно найти останки, усыпанные драгоценностями. Вероятно, в подземельях собора бывали охочие до неожиданного богатства люди, называемые сейчас почему-то не грабителями, а «черными археологами». Не слишком ли благородная для них оценка?

Просадка цоцоля ограды Симеона-Аннинского собора над подземным ходом в алтарную часть

*Заложенный вход в цоколе
Симеоно-Аннинского собора*

Собор, имевший стены более метра толщиной и узкие окна, похожие на бойницы, служил надежной защитой от стрел, ружей и даже пушек. Наверняка его строили с расчетом использовать при надобности как маленькую крепость: в старых русских городах церковные здания часто служили последним оплотом защитников.

Протянулся подземный ход и от дома управляющего заводами (до последнего времени в нем размещался детский сад) к собору. К нему же потом прорыли тоннель от здания заводской конторы.

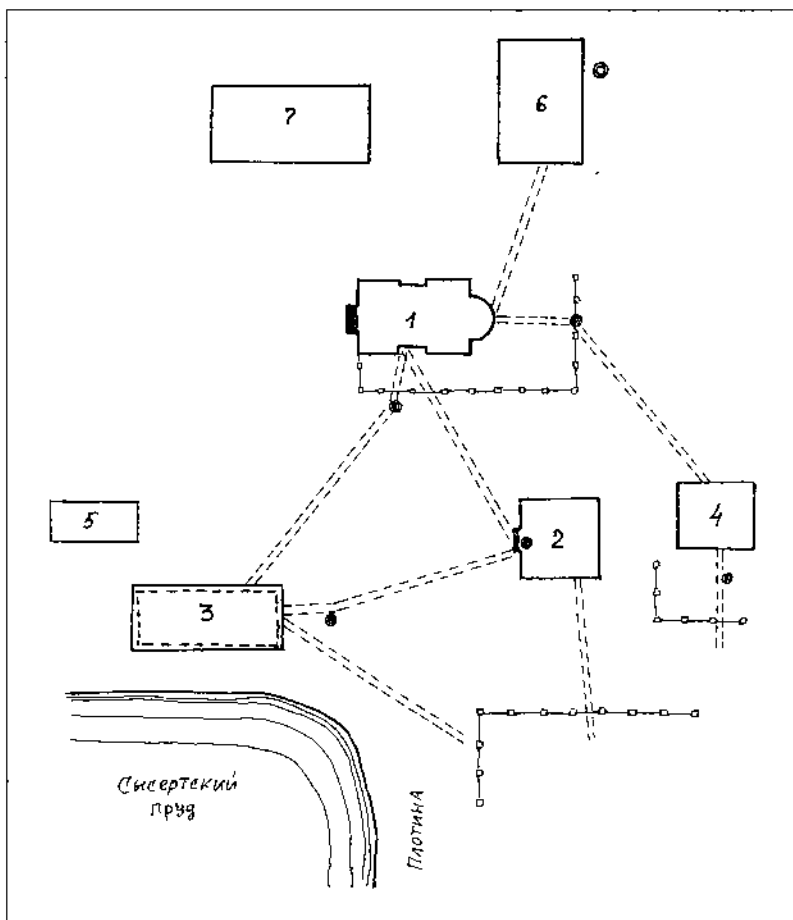
Подземные пути соединили и господский дом с заводской конторой, куда ход шел прямо с территории завода. С какой целью его проложили? Остальные связи как-то еще можно объяснить, но

связь с территорией завода обычно трактуется как желание заводчика наблюдать за приказчиком и работными, неожиданно появляясь на рабочих местах. Это мнение пошло от невянских легенд о Демидовых, будто бы видевших и слышавших все, что делалось в каждом закоулке их владений.

Но, например, краевед Владислав Григорьевич Непомнящий высказывает две версии. По одной из них, подземный ход на завод связывал контору с помещением гранильной фабрики. А могло ли быть тайной гранильное дело в Сысерти во времена Турчаниновых? В XVIII веке существовал строгий запрет на самочинную разработку и выплавку драгоценных металлов. Это было только государственной привилегией. На поиски и обработку драгоценных камней такого запрета не было — каждый хозяин на принадлежащей ему земле мог этим заниматься свободно. Конечно, государство стремилось, чтобы все, что связано с ювелирно-гранильным делом, сосредоточивалось в его руках. И не случайно Екатерина II поручила одному из своих доверенных лиц, тогдашнему президенту Академии художеств и главе комиссии от строений домов и садов И.И. Бецкому, руководить всеми работами, связанными с поисками и обработкой камня. Это его стараниями была организована специальная экспедиция на Урал, которой предписывалось «разведывание и сыск...», «разрезка, шлифовка, полировка камня...». Крупный ученый XVIII века П.С. Паллас, более сорока лет отдавший русской науке, останавливался в Сысерти, когда путешествовал по Уралу в 1770 году. Судя по его дневникам, ему показывали гранильное заведение Турчаниновых. Показывали открыто, не таясь. Значит, вообще не было никакого смысла делать из этого тайну да еще рыть подземный ход.

По второй версии В. А. Непомнящего, подземный путь соединял контору и так называемую караульную избу, располагавшуюся на заводской территории. Это предположение более правдоподобно. В самом деле, из караульной избы совершенно

скрытно могла быть вызвана охрана. И в контору, и в господский дом. С другой стороны, случись что-то неожиданное, грозящее господам и конторским чиновникам, те могли найти защиту в караульной избе. Не так ли поступил управляющий Мокроносов в 1914 году, убегая, правда, с территории завода?

- 1 — Симоно-Аннинский собор
- 2 — заводская контора
- 3 — руины дома Турчаниновых-Соломирских
- 4 — дом управляющего заводом
- 5 — хозяйственное здание
- 6 — 1-й детский дом (школа-коммуна)
- 7 — мастерские детского дома

- «сухой» колодец
- провалы, выходы подземных сооружений
- подземные ходы
- заборы, ограды

*Схема расположения подземных ходов
в зоне старого центра г. Сысерти (по данным автора)*

Такая вот треугольная система подземелий и связывающих их галерей (с «веточками» ходов на заводскую территорию и к дому управляющего) существовала в Сысерти во времена Турчаниновых и Соломирских. Легенда говорит о том, что для строительства подземных сооружений был приглашен некий англичанин. Он сделал свое дело, получил большую сумму денег, но заводчики взяли с него слово немедленно вернуться на свою родину и забыть обо всем, что он тут делал.

С подлинными строителями сысертских подземных хитростей, а ими были в основном беглые, бесправные люди «в розыске», поддавшиеся на щедрые посулы, скорее всего, поступили проще: замуровали где-то в тех же подземельях.

Хранят свои мрачные тайны сысертские лабиринты. А есть ли реалии, свидетельствующие о наличии этих сооружений?

О жутких тайнах подземелий сысертские жители говорить боялись, ими мало кто интересовался, ключи к их секретам были у доверенных лиц. Правда, в народном творчестве появлялись песни и сказания о муках узников страшных подвалов.

Интерес к подземным тайнам Сысерти возник в двадцатые годы, сразу после окончания Гражданской войны. И не по поводу спрятанного фарфора. Началась пропаганда побед советской власти, поиск героев революционных событий, в том числе и среди тех, кто был недоволен порядками в прежние века. В эти списки частенько попадали отъявленные разбойники и головорезы, не имевшие понятия о социальной подоплеке разного рода недовольств и не подозревавшие, какими «борцами за народное счастье» они, оказывается, были.

Группа комсомольцев во главе с Сашей Старковым нашла вход в подземелье. Они спустились в него, прошли подземным ходом, побывали в страшных камерах. В застенках нашли останки, как они посчитали, безвестного народного героя. Рядом валялись проржавевшие цепи. Ребята вели коллективный дневник о своих поисках и организовали общественное чтение в городской библиотеке.

Этот дневник комсомольцы передали в библиотеку на хранение, но Саша Старков взял его на некоторое время, чтобы дополнить данными о новых изысканиях. Неизвестно, сделал он это или нет. Вскоре началась Великая Отечественная война. По сведениям краеведа Федора Федоровича Васильева, Саша погиб на фронте, дневник комсомольцев потерялся. А вдруг все-таки отыщется какая-нибудь тоненькая ниточка, за которую чуть потянуть, и появятся новые факты, а потом, глядишь, и приведет поиск к заветному дневнику?

Мой добровольный помощник, сысертский юноша Олег Камаев, решил установить, кто такой был Саша Старков, где жил, остался ли кто-нибудь из семьи на старом месте. В военкоматовских архивах Олег нашел двух Александров Старковых: Александра Васильевича, что погиб в 1943-м, и Александра Ивановича, что пал на поле сражения в 1945-м. Александр Васильевич в Сысерти проживал по улице Орджоникидзе. На этом месте вместо снесенного старого давно построен другой дом, трехэтажный. Жильцы, естественно, ничего не слышали о Саше Старкове. Александр Иванович жил на улице Энгельса. Адрес из архива оказался неверным: в указанном доме жило много поколений одной семьи, но не Старковых. Председатель уличного комитета показала списки всех жителей улицы — среди них Старковых не было. Итак, с дневником полная неудача. В местном музее, куда рано или

поздно стекаются исторические документы разного уровня, есть сведения о подземных ходах и даже фотографии провалов и закладок, но нет ничего похожего на дневниковые записи первых исследователей подземной Сысерти.

А вот что свидетельствуют те, кто хотя бы однажды оказывался очевидцем событий, связанных с подземельями исторического центра Сысерти.

Совхозная паспортистка Вершинина вспоминает, как подростком в 30-е годы была в пионерском лагере, что располагался в самой Сысерти. Однажды шумную ребячью компанию привели на экскурсию в старый господский дом, уже изрядно обветшавший. В одной из комнат под мусором ребята нашли загадочный люк. Попытались поднять, но силенок не хватило, да и пора было уходить.

Только о люке и говорили в последующие дни. Однажды к девочкам прибежал Костя, был в отряде такой отчаянный парень. Он предложил во время тихого часа незаметно удрать из лагеря и все же узнать, что под люком, вдруг тот самый подземный ход, о котором рассказывали на днях местные детдомовские ребята. Уговаривать никого не нужно было.

Люк подняли с большим трудом. Открылся вертикальный колодец с ветхой приставной лестницей. Спустились. Дальше шел ход со стенами, выложенными кирпичом. Подземный путь вел к церкви. Влево отходил второй коридор. Жуткая тишина, слабый свет фонаря, запах плесени и сырости... У развилки остановились, стали спорить, куда идти. Говорили так запальчиво и громко, что сверху стала сыпаться земля. Ребята напугались и вернулись обратно. Костя потом рассказывал, что они с мальчишками прошли по подземному рукаву до конца. Ход вел к собору и заканчивался крутыми ступенями вверх, к кованой двери, которую открыть ребята не смогли.

Уже в советское время люди, спускавшиеся в подвал дома, отмечали его сложную конфигурацию, со множеством лабиринтов и сравнительно узких каналов. Каналы выполняли роль системы вентиляции. Что вентилировать? Более глубокие помещения? Подземные ходы?

Дом Турчаниновых–Соломирских сгорел в пятидесятых годах прошлого века. Подвал был завален остатками стен и мусором. Теперь только чуть заметная линия фундамента да фрагмент западной части позволяют проследить границы старого дома.

В 1961 году вблизи развалин со стороны пруда образовался провал грунта. Обнажились кирпичные стены. Один из очевидцев, обвязавшись веревкой, спустился в зияющую дыру, прошел боковым ходом несколько метров и вернулся.

Со стороны северной стены дома, той, что образовывала главный фасад, был колодец (сейчас он засыпан землей и мусором). Его когда-то вскрыли при земляных работах, и, по словам рабочих, открылся ход, облицованный гранитом, сухой, чистый. Он был направлен в сторону собора. Примерно на этом же направлении, но вблизи церковной ограды при земляных работах у землекопа провалился лом. Рабочие испугались обвала и прекратили работы.

Сысертский краевед В.М. Колегов рассказывал, что, будучи мальчишкой, видел в подвале собора дверь в «никуда». Водопроводчики и сантехники часто отмечали, что при авариях содержимое труб куда-то исчезает самым не постижимым образом. Между зданием конторы и собором строители теплотрассы наткнулись так-

же на облицованный гранитом канал. Краеведы приводили свидетельства, что в фундаменте старой конторы, под ее крыльцом, был заложен дверной проем. Опять дверь в «никуда»?

Участники научной студенческой экспедиции подробно исследовали в Сысерти состояние сохранившихся сооружений и окружающей их поверхности. Выяснилось, что в основании ограды собора уложены тесаные массивные блоки в виде трехслойной каменной кладки. В одном месте, напротив алтарной части, нижние слои кладки опустились вниз, увлекаемые провалом грунта. Подобная осадка кирпичной кладки замечена и со стороны завода в основании ограды бывшего дома управляющего.

Треугольник подземелий начинал «обрастать» подземными «отростками»: ход на территорию завода из конторы, связь с конторой дома управляющего. Что еще? В письмо из Кыштыма была вложена схема центра Сысерти со знакомыми очертаниями собора, Турчаниновского дома, заводской конторы. Прислал схему с подробным описанием разных обстоятельств Вениамин Федорович Крюков. Его, уроженца Кыштыма, потерявшего родителей в раннем возрасте, определили в Сысертский дошкольный детский дом. Произошло это событие в 1926 году, а в следующем году посчитали, что ребенок подрос, и перевели в так называемую школу-коммуна, располагавшуюся в здании по соседству. Детский дом занимал три здания. Когда-то они принадлежали приходским учреждениям Симеоно-Аннинского собора. Северная часть церковной ограды выходила на улицу Коммунаров (так называлась она в 20-е годы прошлого века). На противоположной стороне улицы можно увидеть здания, в которых размещались школа-коммуна и мастерские. В.Ф. Крюков вспоминает, что в школе-коммуне воспитывались пятеро детей Балдиных. Старший из них, Валентин, был заводилой и атаманом. Видимо, его влекла романтика загадочного и неизвестного, что присуще детям, но одних она потом толкает в спорт, в искусство, в науку, а других — в бандитские шайки. Все детдомовцы знали, что Валентин много времени проводит в подземных «путешествиях» и водит в подземелья взрослых парней, которые частенько возвращаются оттуда с оружием. Иногда слухи об оружии доходили до милиции, и brave блюстители порядка делали неожиданные обыски. Владельцам всего стреляющего и колющего, найденного в подземельях, хватало времени спрятать трофеи в глубоком сухом колодце, что находился во дворе дома. Кстати, наш очевидец сам спулся в этот колодец, сложенный из плитчатых каменных глыб.

«Подземные путешественники» ходили далеко. Однажды из подвалов своего дома они попали в подвалы собора и даже в здание заводской конторы, оттуда принесли кипы... деловых бумаг и чистых листков. На следующий день унесенное уже искала милиция. Конечно, первым делом она заглянула в детдом. Бумаги нашли. Тогдашний начальник Сысертской милиции Денисов сурово поговорил с «налетчиками», но, видимо, хорошо понимал обездоленность и сиротство юных посягателей на канцелярское имущество. Пронесло.

Первый раз ребята взяли с собой В.Ф. Крюкова в подземелье Турчаниновского дома. Это было для него настоящим испытанием. Прошли подвал со всеми его лабиринтами. В одной из боковых ячеек нашли два человеческих скелета. Бог знает, с какого времени они здесь находились. Стало жутковато...

И треугольники ходов, и его «веточки», и наличие сухих колодцев говорят о целой подземной системе, которая, как мы уже знаем, существовала во многих уральских горах.

Реальность подземного сысертского треугольника (господский дом — собор — контора) подкрепляется данными, полученными с помощью современных методов исследования.

Заманчивее всего было проследить подземные стороны треугольника от одного наземного строения к другому. Место высокое, подпора грунтовых вод ожидать трудно. Даже если и затянуло полости кое-где илом за прошедшие десятилетия, то все равно не до верхушки, где должна сохраниться пустота. В направлении подземной связи между домом Турчанинова и Симеоно-Аннинским храмом в 1975 году были организованы наблюдения по трем измерительным профилям, которые должны пересечь предполагаемый ход. В результате совершенно ясно выявился подземный ход, причем хорошо угадывались начало и конец этого сооружения. Начинался он почти от середины здания резиденции сысертских заводчиков и подходил к юго-западному углу собора, то есть туда, где был вход в здание храма и в его подвал.

На других сторонах треугольника были получены примерно такие же результаты, подтверждающие наличие легендарных подземных связей. Не успели геофизики прощупать своими приборами только тот участок, где должен проходить подземный коридор от старой конторы на заводскую территорию: не дала зарядившая надолго осенняя непогода. Мы тогда подумали, что, может быть, это и хорошо, что осталось здесь еще что-то неизведанное. Значит, все равно до него когда-то доберутся исследователи. Тогда без новых открытий не обойтись. На такой ноте должно было бы завершиться дело о «сысертском треугольнике». Но так не бывает. Случай и человеческая неумность в стремлении искать и познавать новое делали свое дело.

В 1989 году я получил известие от замечательного уральского фотографа Владислава Михайловича Ветлугина о необыкновенной находке в «сысертском треугольнике». Между собором и тем, что осталось от Турчаниновского дома, сейчас располагается детская игровая площадка с качелями, каруселями и прочими развлекательными устройствами. Так вот, бурили скважину для опоры какой-то новой аттракционной установки, и на глубине полутора метров буровой снаряд провалился в пустоту. Нашли новое место для установки. А когда прикинули, оказалось, что скважина точнехонько попадает на линию зафиксированного геофизиками подземного хода от Турчаниновского дома к собору.

Разговорились с директором детской площадки. Человек молодой, он мало что знал о подземельях на вверенной ему территории и очень удивлялся всему услышанному. А через год позвонил и сообщил, что примерно там же, на линии хода, просел грунт. Сообщение воодушевило. Решили попытаться напрямую проникнуть в ход, раскопав место просадки. Надежда Николаевна Тагильцева, историк и краевед, к сожалению, уже ушедшая от нас, собрала команду спелеологов, самых настоящих, уже облазивших все известные пещеры Урала. Ребята взяли с собой оборудование. Быстро раскопали просевший участок, который, видимо, когда-то использовался под свалку, вытащили невероятное количество хлама. Скоро показалось небольшое черное отверстие полости. Спелеологи оживились, стали

надевать на себя «системы» — комплект брезентовых ремней с металлическими кольцами, прищепками, карабинами. Один осторожно спустился в раскопанную свалку, другие держали прочную веревку, прикрепленную к его «системе», — любое неожиданное падение не грозило неприятностями смельчаку. Расширили темное отверстие — оказалась сравнительно небольшая полость (возможно, «свалочного» происхождения), на дне которой был плотный, слежавшийся слой земли. Ловкий спелеолог, перевязанный ремнями, снял этот слой. Под ним обозначилась неровная поверхность камня. Плита? Ведь сысертский краевед В.М. Колегов, вроде бы видевший фрагмент подземного хода, свидетельствовал, что он представлял собой две вертикально поставленные каменные плиты, перекрытые третьей. Может быть, обнаружилась та самая третья плита? Это не исключено. Но спелеологи, не увидев прямого хода в тартарары, долбить камень и обкапывать его не решились. Да и сделать это без техники было бы не просто. А как объяснить видимую просадку? Скорее всего, на этом месте от прежних земляных работ осталась выемка, которую деловито заполнили отходами. Потом в этой свалке что-то сгнило, разрушилось, уплотнилось — вот и просадка.

А загадка будоражила умы. И оказывается, это интересно не только краеведам и историкам. Года через три после «спелеологического» события меня нашли два человека. Они пришли, деловые и решительные, с большой порцией задора. Представились коренными жителями Сысерти, организовавшими на паях фирму, которая занималась многими делами, в том числе делала сувениры из керамики. Один из них мне сразу подарили. Это был портрет П.П. Бажова на небольшой глазурованной пластинке. Из дальнейшего разговора выходило, что коммерсанты очень хотели бы расширить свой бизнес и организовать туристские маршруты по Сысерти и окрестностям. И гвоздем этой затеи должны стать подземелья. Да, туристам было бы интересно пройти по замшелым галереям, где на цепях висят скелеты, разложены орудия пыток, а из ниш выглядывают восковые фигуры страшного вида. Такое настолько пощекочет нервы, что впечатлений надолго хватит. И отбоя от туристов не будет, а это, сами понимаете, денежки... Так вот задача: в конце концов обозначить четко подземную систему, найти входы и выходы, обустроить ее для посещений. Фирма дает не только «добро», но и необходимые средства.

Голова, можно сказать, закружилась. «Нужно немедленно соглашаться», — говорил внутренний голос, а мечта подстегивала реальность. Я отчетливо представлял, что все сделанное раньше — это просто наскок на проблему, этакое поверхностное прощупывание, что делает врач пальцами с телом пациента прежде, чем отправить его на рентген или ультразвук.

Вырисовывалась схема действий. Фирмачи попросили подготовить программу и прочую исходную документацию. Нет нужды рассказывать про энтузиазм и воодушевление, с которыми наша исследовательская группа принялась готовить материалы. Представлялось, что нежданный случай поможет сделать настоящий прорыв в деле изучения исторических подземных сооружений и их современного использования.

За короткий срок были подготовлены разметки измерительных планшетов на всей территории «треугольника» и его ответвлений, выбрана методика исследований с помощью двух способов разной физической природы, рассчитаны сроки. И, конечно, продумана до деталей схема вскрытия возможных входов.

Мы были готовы. А коммерсанты что-то замолчали. Позднее мы узнали, что компаньоны поссорились, потом, как водится, стали делить имущество, в конце концов фирма лопнула, и все идеи тоже...

Нет, подземелья не хотят сдаваться. Они, как заговоренные древние клады, просто так не раскрываются и не объявляются.

И все-таки судьба каждой проблемы многогранна. Повезло или нет, но мы снова оказались в Сысерти, чтобы выполнить исследовательские работы в непосредственной близости от «сысертского треугольника». По плану научно-исследовательских работ института «УралНИИпроект» нам было предложено выполнить обследование технического состояния плотины Сысертского пруда с применением неразрушающих геофизических методов. В программе предусматривались работы только на плотине и в ее сопряжениях с коренным берегом. Именно вблизи участка северного сопряжения и располагается треугольник подземелий. Поэтому измерительные линии мы протягивали таким образом, чтобы если не пересечь треугольник, то хотя бы «дотянуться» до него и попробовать решить еще один вопрос: имел ли Турчаниновский дом подземную связь с плотинной? Например, так, как это было в Верхнем Тагиле или в Полевском. А может быть, эта связь уходила на территорию завода?

Исследования были проведены, получены уникальные результаты, которые вошли в обобщенные сведения еще по пяти уральским плотинам и дали четкие суждения о степени гидротехнической опасности при дальнейшей эксплуатации «нашего» объекта. Но это относилось к решению основной задачи, а попутно получился ответ на вопрос о плотинном ходе. Да, был такой ход. И, скорее всего, он затоплен водами пруда. Так появилась еще одна «веточка» у «сысертского треугольника». Не исключено, что «плотинный» ход продолжался за гребень плотины и соединялся с тем ходом, который связывал старую контору и заводскую территорию.

С тех пор прошло уже более пяти лет. Молчат сысертские подземелья, не дают пока новых фактов для размышления. Время идет. Какие еще сюрпризы преподнесет оно?

Подземные треугольники на старых уральских заводах не были редкостью. Мы уже знаем о скрытых технологических сооружениях Добрянского завода, упущенного под воду Камского моря. Треугольник подземных связей характерен также для города-завода Лысьвы. Основанная в последней четверти XVIII столетия, Лысьва удивительно напоминает и историей, и структурой, и всем укладом жизни Сысерть, Верхнюю Салду, Нижнюю Салду, Кушву, Старую Утку... Хранителем подземных тайн здесь называют Павла Поликарповича Метелева, старейшего работника городского отдела водопровода и канализации. Такая уж у него всю жизнь была работа, чтобы знать, что делается в недрах Лысьвы. Загадочный тоннель был найден им в 1935 году во время земляных работ на территории старого лысьвенского центра. Угол нынешних улиц Кирова и Коммунаров занимал массивный особняк. Кому он принадлежал — купцу, местному попу или еще какому лицу, — стерлось из памяти. Вход в тоннель был обнаружен во дворе особняка и представлял из себя люк с неглубоким вертикальным колодцем. Далее шел наклонный лестничный спуск примерно в восемь ступенек. После этого наблюдатель попадал в выложенный кирпичом сводчатый ход, по всей длине которого располагались небольшие

Тоннель в плотине

боковые ответвления — камеры, служившие, возможно, складскими помещениями. П.П. Метелев прикинул направление хода — впереди был только один объект, куда мог этот ход стремиться, — заводская церковь. Вместе с П.П. Метелевым обследовать ход вызвался начальник городского отдела милиции А.В. Шубин. Они прошли по тоннелю немногим более десяти метров — становилось трудно дышать из-за недостатка кислорода. Потом, уже на поверхности, исследователи убедились, что не дошли до церкви 15—18 метров. Договорились продолжить обследование. Однако задуманное осуществить не удалось: вскоре, в том же 1935 году, в соответствии с планом развития Лысьвы была произведена перепланировка центра, в результате чего и старинный особняк, и заводскую церковь снесли. Пропал и подземный ход, оставшись только в памяти очевидцев. Позднее при земляных работах были обнаружены фрагменты сводчатой галереи — подземной связи между церковью и территорией старого завода. Треугольник замкнулся.

КЫШТЫМ ПОТАЕННЫЙ

Ловово Кыштымского Зверя. Детидовское подзетное наследство. Подзетный ход выходит... к Блинят. Пыточная соединяется с прудот. Дети исследуют подзетность. Архисопови и архитекторы планируют исследование подзетного Кыштыма.

Случилось неслыханное: судили людей, у которых разве что только силы небесные не были в подчинении. Лица их были утрюмы и тоскливы. Не от того, конечно, что давила тяжесть преступлений: они не считали, что запятнали себя преступлениями. Подумаешь, сотня-другая каких-то там людишек, которых и людишками не назовешь!

А ведь как было! Одного заводчика и золотопромышленника сам Александр I Благословенный под руку до дверей довел, убаженный его речами о богатстве уральском и обещаниями живота не щадить. А другой купец и золотопромышленник, молодой да ловкий, хлопал по тугим карманам, покупал всех снизу доверху, и не то что там, в Екатеринбурге, а в самом Петербурге, у царя под боком. Да что царь! Вот они-то у себя, на Камне, настоящими царями были, ну-ка, кто супротив? Но звучат в зале слова приговора: «Григория Федотова сына Зотова и Петра Яковлева сына Харитоновца сослать в Кексгольм навечно...» Ладно, хоть так. Все же не петля и не каторга. Спасибо, старые приятели помогли.

Над головой Григория Федотовича Зотова шпагу не ломали — не положено: ведь он, в прошлом крепостной владельца Верх-Исетских заводов Яковлева, сделал карьеру от кричного мастера до управляющего заводами. Знаков различия и наград его тоже не лишали: награждал он сам себя баснословными доходами, а отличался невероятной жестокостью.

От природы деловой и расторопный, управляющий Зотов кнутовья не жалел. Заводы стали давать прибыль, управляющий получил вольную и стал думать о своем «деле». И дело появилось: женил своего сына Александра на дочери Льва Ивановича Расторгуева, владельца многих заводов, купленных в свое время у Демидовых и у обанкротившихся заводчиков. В поле зрения Зотова попали Кыштымский и Каслинский заводы да золотые прииски в тех же краях. Вначале управляющий, затем совладелец, Зотов после смерти Расторгуева становится полновластным хозяином кыштымского края.

В Кыштыме от Демидовых остался дом. Деревянный, двухэтажный, с большими службами и пристроями, которые потом именовались сараями. Что ж, может быть, и впрямь были неказисты и неприметны демидовские постройки в Кыштыме: знаменитые заводчики в этих местах жить не собирались. Но странное дело: Лев Расторгуев, сломав в свое время старый демидовский дом и построив на его месте рос-

кошный особняк, совсем не тронул службы. Не тронул он и старое демидовское строение, которое называли лабазом. Оставил башни: одна жметя к пруду и держит стену-ограду, другая — с противоположной стороны впаялась в стену старого завода.

Расторгуевский особняк получился красивым. Конечно, это не тот дворец, что построен в Екатеринбурге на высоте, господствующей над городом. Видимо, не удалось всеильному заводчику заполучить в Кыштым того же архитектора, но Белый дом, как его называли потом, получился весьма приличным. Что-то есть в нем от дворца в Екатеринбурге, что-то от архитектуры домов Рязанова и даже от дома горного начальника. Портики с высокими стройными колоннами величественного коринфского ордера, лепной карниз, западающий под кровлю, красивый вход, динамичная разбитость фасада. Белый дом сейчас портят поздние пристройки, не украшает и демидовский «сарай». Нетрудно представить, как боролся архитектор за слом всех этих пристроек, но Расторгуев был неумолим: он знал, видимо, что под демидовскими строениями были подземные тайники. Новый хозяин завода не только сохранил и привел их в порядок, но и добавил свои, а его родич Зотов завершил подземную эпопею Кыштыма.

Спустимся в подвал Белого дома. Замуровывали его несколько раз. Но в одном месте кладка была сделана наспех, на сухую, и камни почти свободно разбирались. За кладкой — проход метра два шириной. После прохода открывался подвал — мрачное темное помещение, стены которого облицованы кирпичом. В стенах — странные ниши. Но что это? Пол подвала понижается, а сам подвал становится похож на широкий подземный ход... И снова ниши в стенах. На земляном полу — явно поздняя подсыпка — вросший в землю обрубок мощного ствола с железным кольцом, намертво вделанным в дерево. Здесь же инструменты, горняцкие каелки, ветхое тряпье, кости. Далее опять понижение, вниз куда-то уходят ступени.

Стоп! Дальше путь завален землей. Видно, что массивные стены уходят вглубь, в одной из них чуть проглядывает закладка бокового ответвления. Направление этой галереи весьма примечательное — к Кыштымскому пруду, а ответвление удачно ложится на линию Белый дом — башня.

Любители приключений попадали в подвалы под демидовскими «сараями», но там все было засыпано землей. В стенах, свободных от засыпки, виднелись закладки боковых ходов. Один из ходов вел в другую башню, где когда-то находился заводской склад лакокрасочных материалов. Под ней до сих пор сохранились глубокие подвалы.

Кыштымские башни в сравнение не идут со своей невьянской сестрой. Построены они были, по-видимому, при Демидовых. Наверху, под самым шатром, идет ступенчатый карниз с орнаментом, характерным для невьянских построек, а на нем, будто сбегают вниз, повисли ступенчатые сосульки.

Подземные тайны Белого дома вели к подземным тайнам башен. Что же делалось в подземельях Кыштыма?

Делалось страшное. Наверное, не было чудовищнее застенков, чем застенки кыштымских лабиринтов. Тяжелое бревно с ввернутым кольцом — одно из немногих сохранившихся орудий пыток. Людей здесь пытали, мучили и убивали с жесточенностью и методичностью машины, чтобы сломить непокорных. На од-

ном из приисков даже существовало специальное кладбище якобы «для скоропостижно умерших».

Расторгуев запустил эту мельницу смерти, а Григорий Зотов раскрутил ее на полную мощь. Недаром Зотов оставил по себе такую же жуткую память в веках, как небезызвестная Салтычиха. За Зотовым укрепилось прозвище Кыштымский Зверь.

«Зверь» орудовал в своем подземном логове. В глубоком подвале Белого дома (как знать, может быть, двухэтажном) жертвы сидели на цепях, дожидаясь своей участи. В кряжистой башне у пруда в подвалах с мощными цилиндрическими сводами была главная пыточная. Отсюда живыми не выходили, а мертвых, зашитых в рогожные кули, бросали в люк. По особому желобу скользили страшные рогожные кули в воду.

Когда особый ревизор министра финансов граф Строганов приехал в 1827 году расследовать злодеяния Зотова и его прислужников, то он приказал первым делом спустить пруд. Это было смелое решение, ведь энергией пруда кормился весь завод. Но Строганов настоял, пруд спустили и на илистом дне нашли много человеческих костячков и еще целых рогожных кулей. Кыштымский Зверь был приперт к стене. Вряд ли о рабочих, живых и загубленных Зотовым, думали царские реви-

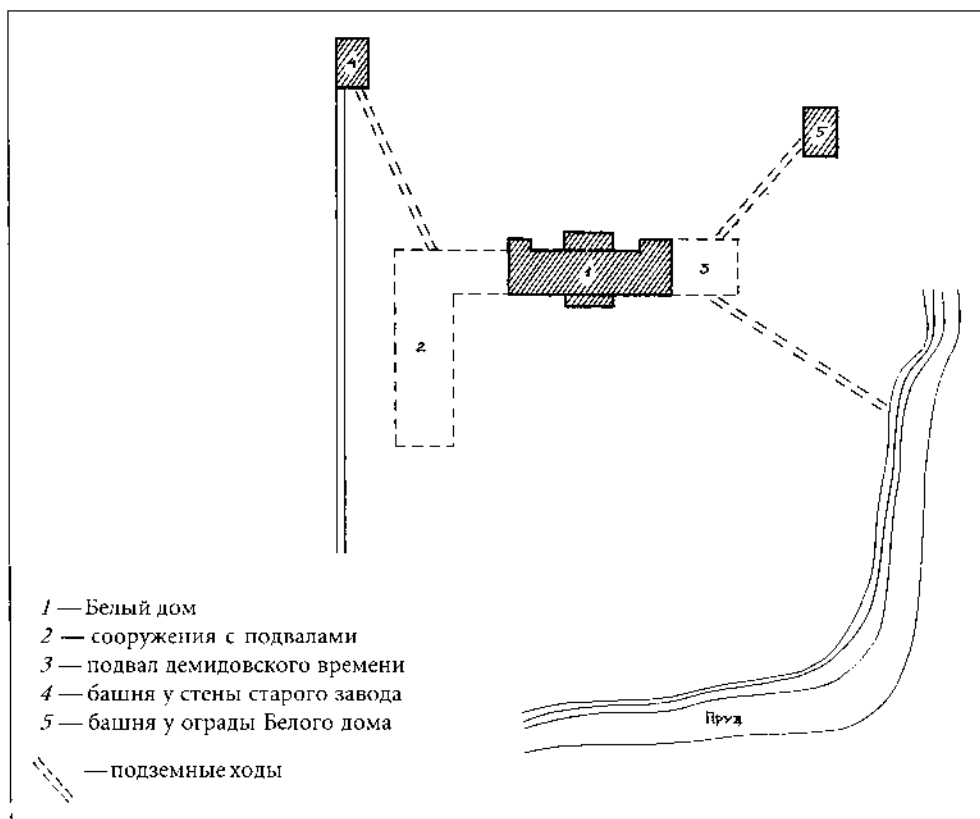

Схема расположения подземных ходов
в зоне старого Кыштыма (реконструкция автора)

зоры. Еще не смолк гул пугачевских пушек, а совсем недавно, всего два года тому назад, стояли полки на Сенатской площади. В числе многих преобразований декабристы хотели уничтожить крепостное рабство. Расправившись с декабристами, царь хотел в то же время прослыть добрым, «отцом отечества». Тут под руку попались изуверы, которыми можно было пожертвовать и дать путь молве о некой справедливости.

Позорна слава кровопийцы и душегуба. Поэтому после суда над Зотовым и Харитоновым появилась легенда, к созданию которой приложили руку подручные убийц. Что-де судили заводчиков за то, что в тайных подвалах (и показывали на подвалы демидовских «сараяв») завел Зотов чеканку фальшивой монеты и держал там взаперти и на цепях опытных фальшивомонетчиков, из коих кто-то возьми да и умри. Так ведь и поделом ему, мошеннику. Вот тут, мол, царь не стерпел и наслал ревизоров.

Кыштымцы нет-нет да натываются на старинные подземные сооружения в своем городе. Во дворе одного из жилых домов послевоенной постройки случился провал. Как это почти всегда бывает, яму стали засыпать мусором, бросать туда бытовые отходы. Дети из этого двора заинтересовались необычным провалом и, по-своему исследовав его, обнаружили, что провал случился над подземным ходом. Ход этот выложен массивной кладкой из красного кирпича, имеет цилиндрический свод. Высота хода в рост человека. Ребята прошли по ходу более десяти метров, до завала. Но завал их не остановил, рыхлая земля хорошо поддавалась, и юные следопыты раскопали еще восемь метров хода.

Любопытно, что ход имел направление к тому демидовскому строению, которое называли лабазом и на месте которого теперь сооружен городской узел связи. Подземный ход вскоре засыпали. Так закрылась одна из непрочитанных страниц истории Кыштыма.

В последние годы забрезжили перспективы в изучении подземелий Кыштыма. Ими заинтересовались археологи из Челябинского краеведческого музея. Специалисты уже проникли в некоторые подземные сооружения на территории старого завода и дали анализ увиденному. Предполагается продолжение этих исследований в ближайшее время. Появился интерес к подвалам Белого дома у сотрудников Челябинского научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры. Архитекторы этого учреждения проводят работы по изучению и реставрации кыштымского архитектурного феномена и предполагают, что без знания его подземной части не обойтись. Все это радует, потому что только компетентные специалисты могут по следам первооткрывателей дать полную и объективную картину того, что может привлечь внимание людей или до поры до времени скрыто.

ЕКАТЕРИНБУРГ ПОДЗЕМНЫЙ

Тайна порохового погреба. Подземные лабиринты дворца Растворцева. Пустоты под парком. Геофизика и биогеокация. Подземные пути с Вознесенской горки. Подземелье «Рязановского анклава». Подземные ходы екатеринбургских усадеб. Таинственный колодец на карсгратальной площади. Чистота и подземелья. Куда ходили под землей из собора? Тайны Архирейской улицы. Монастырские подземелья. «Городок» подземных тайн. В подвалах старого завода. Карта подземного Екатеринбурга — это реально?

Каждый город-долгожитель, насчитывающий не одну сотню лет своей непростой жизни, не бывает двухмерным, то есть раскинутым по поверхности занимаемой площади. Как правило, он имеет третье измерение, уходящее в глубины грунта. И в этих глубинах вследствие разных обстоятельств и причин находятся подземные сооружения: погреба, подвалы, подземные хранилища, ходы и галереи, культовые помещения, транспортные коммуникации и многое другое в виде пустот и полостей, придуманных и сделанных человеком. Сооружения, служащие общим целям, например, метрополитен с его тоннелями, обычно никто и никогда не скрывает и не делает из него тайн, может быть, за редким исключением для каких-нибудь «спецтоннелей» или «спецметро», как в российской столице. В других крупных городах нашей страны с долгим историческим прошлым нет такой «второй подземной Москвы», но подземные тайны есть. Бывает, что подземелья действительно «потаенны» с самого момента замысла, а иногда делаются без всяких тайн, но в неумолимом ходе истории они забываются, исчезают из памяти и становятся чем-то таинственным и загадочным.

Наш Екатеринбург не исключение. Недра города горного, пережившего взлеты и умиротворения, лихорадки и крахи, борьбу религиозных течений, накопление богатств и их распыление, грабеж и отъем, стали вместилищем подземных тайн.

В музее истории архитектуры и промышленной техники Урала, что принадлежит Уральской государственной архитектурно-художественной академии, есть очень интересный макет. По старинным чертежам, рисункам, гравюрам студенты и преподаватели воссоздали самый первый облик Екатеринбурга. Таким выглядел город после завершения строительства, таким его задумывал Василий Татищев. Глядя на макет, на обилие скрупулезно учтенных и любовно сделанных деталей, мелочей, штрихов, сразу видишь два главных элемента: центральное ядро города — завод и правильный четырехугольник крепостных валов вокруг всего поселения. Да, именно в ту пору и появился этот новый градостроительный тип человеческого обитания: завод-крепость. В идее такого сочетания был высокий смысл: крепость за-

щищает не просто жизнь, но труд, работу, преумножение государственной пользы. Интересно, что и завод был построен по всем правилам тогдашнего горнозаводского дела (а кое в чем и установил свои, новые правила), и крепость отвечала всем требованиям фортификации: бастионы, валы, рвы, крытые боевые ходы, частокол на валах, рогатки. На макете нет и намека на существование каких-либо подземных оборонных сооружений. Не воспользовались макетчики таким приемом, что часто делается в музейных экспозициях: чтобы увидеть на макете подземную часть, вместо поверхности земли используют врезку из стекла — и тогда все незримое становится зримым. А может быть, потому и не воспользовались, что самого предмета, то есть подземных сооружений, не было? Или сочли ненужным, второстепенным? Обратимся тогда к первоисточникам — планам, рисункам, описаниям. Вот один из первых планов завода-крепости. В правом нижнем углу на картуше в виде развернутого свитка написано: «Сей план Екатеринбургской чертил шихтmeister Мих. Кутузов при Екатер. 1726-го года апреля 8 дня». Никаких тайных выходов из крепости не обозначено. И не могло быть обозначено, так как это всегда тайна для всех и откровение только для посвященных. Но принцип один: если поселение является крепостью, то устройство тайных выходов считалось таким же обязательным, как сейчас наличие огнетушителя в помещении с пожарным риском. Никаких свидетельств не оставлено и не высказано о том, что когда-нибудь при земляных работах (а их на территории, которую занимала старая крепость, было много в последующие времена) встречены остатки тайников и других секретных фортификационных сооружений. Просто они были сделаны с использованием дерева, как и все крепостные элементы крепости-завода (тын, рогатки и т. п.), примерно через 30—40 лет после постройки благополучно разрушились. На местах их прокладки образовались провалы, которые засыпаны при расширении селитьбы. И в памяти горожан ничего не осталось. А если тайники все-таки были, то где?

По опыту подобного крепостного строительства с учетом географических и геологических соображений можно предполагать, что тайник выходил, минуя вал и тын, где-то между Московскими (западными) воротами и северо-западным бастионом, между современными проспектом Ленина и улицей Антона Валека. Южнее ворот прокладка тайника была бы проблематична: вдоль крепостного тына текла река Околенка по заболоченным участкам. Под восточной линией укреплений благоприятное место для тайника могло быть на южном склоне Генеральской (Вознесенской) горки между нынешним проспектом Ленина и улицей Первомайской. Наконец, ситуация способствовала появлению тайника вблизи северо-западного бастиона, между ним и северным полубастионом. Здесь, за крепостными сооружениями, впоследствии стала развиваться Ссылная слобода. Надо отметить, что тайник у Московских ворот и этот, только что упомянутый, располагались бы в той части крепости, где находились дома управления заводом, офицеров, священников, а восточный тайник выходил бы из пространства Ассessorской слободы, где селились чиновники разных рангов.

Несколько лет назад на участке, который занимал когда-то северо-западный бастион, при строительстве жилого элитного дома (стык современных улиц Антона Валека и Урицкого) в грунтах был вскрыт подвал с кирпичным сводом. Вероятно,

им пользовались жители снесенных домов, но специалисты, приехавшие освидетельствовать находку, определили, что система кладки, пропорции, тип кирпича дают основание определить возраст сооружения — XVIII век. А ведь бастион существовал, по крайней мере, до 60—70-х годов того века. Не подземную ли восточку мы получили из старого Екатеринбурга? К сожалению, подземное сооружение уничтожили, оборудуя углубленную автостоянку для построенного дома. Никто не подумал, что можно сохранить старое и одновременно построить новое.

Рассуждение о тайниках Екатеринбургского завода-крепости всего лишь гипотеза, но гипотезы имеют право на существование, а иногда при стечении обстоятельств могут и подтвердиться. Тем более что в Екатеринбурге довольно успешно работает городская археологическая служба.

Однако вернемся к первым планам города. Задерживает внимание экспликация плана 1726 года, то есть перечень обозначений. Под цифрой 48 значится пороховой погреб. Где же он? Ага, вот маленький прямоугольничек внутри северного полубастиона, примыкающего к левому берегу пруда. Пороховые погреба и в более ранние эпохи, и во времена основания Екатеринбурга устраивались одинаково: подземная часть в виде сводчатого, выложенного камнем или кирпичом помещения и наземная в виде деревянного или каменного одноэтажного здания, сооруженного над самим погребом. На другом плане Екатеринбургского завода-крепости, сделанном в 1729 году, внутри того же северного полубастиона опять знакомый прямоугольник. И снова указано, что это пороховой погреб. Рядом с бастионом, почти на самом берегу пруда, изображен еще один прямоугольник, поменьше, но обозначения у него нет. Что же, вторая часть погреба? На реконструкции общего вида центра Екатеринбурга 1730 года, выполненной Н.Б. Баклановым в 1935 году, прямо в бастионе фигурирует одноэтажное здание. И на рисунке И. Ушакова, изобразившего завод-крепость в 1734 году, в очертаниях полубастиона угадывается какое-то сооружение.

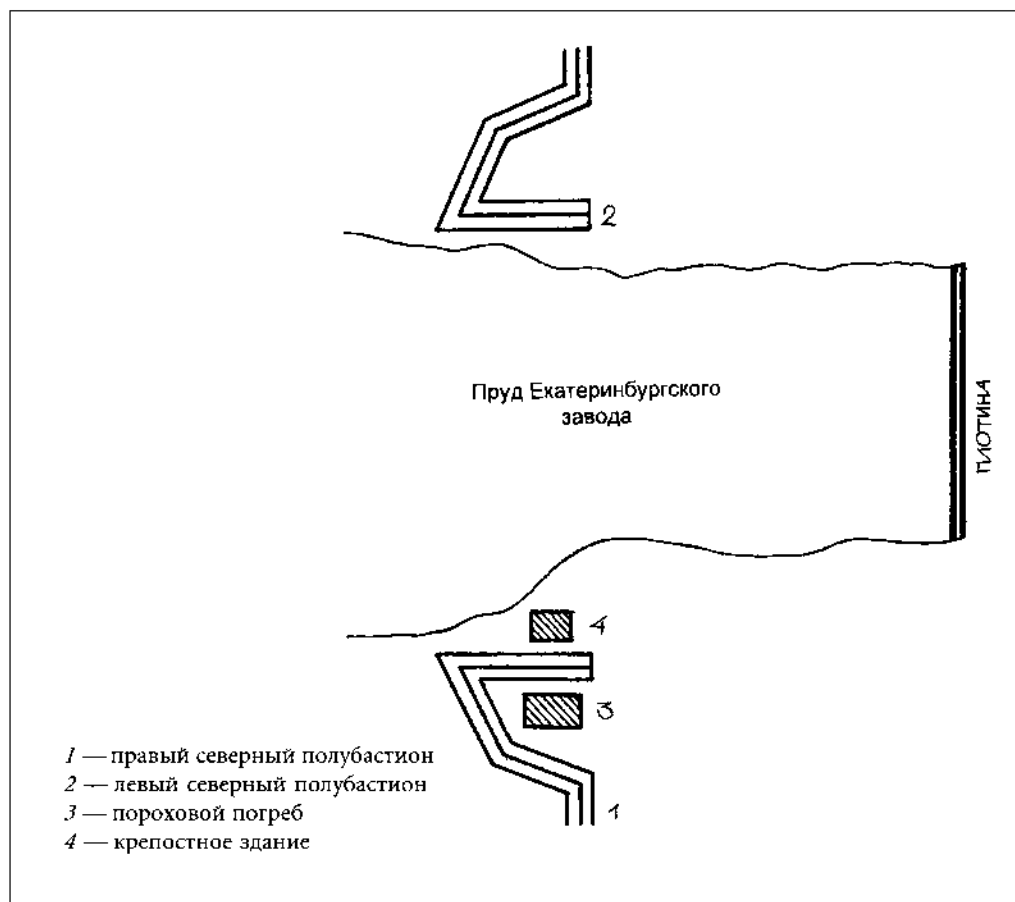
На генеральном плане 1743 года очертания крепости изменились, но в пределах правого северного полубастиона снова видим знакомый прямоугольник порохового погреба. В документах по истории города можно найти интересное свидетельство: наземная часть порохового погреба стала каменной в 1747 году. В дальнейшем документальные следы этого подземного сооружения пропадают. На плане 1785 года погреб уже не показан, хотя северная крепостная линия еще сохранилась, правда, полубастион превратился в бастион и несколько сместился от береговой линии. А что стало с пороховым погребом, этим, пожалуй, первым и достаточно значительным подземным сооружением Екатеринбургской крепости-завода? Разобрали, засыпали, снесли, уничтожили? Так же, как и бастион, менавший будущему городу?

Где же был на местности этот северный полубастион вместе с погребом? Очертания городского пруда сравнительно мало изменились за время его существования, особенно в той части, что подходит к плотине. Все крупные изгибы берега повторила гранитная облицовка. Пожалуй, главное изменение — это полное исчезновение залива-устья реки Мельковки. Пройдем по правому берегу пруда от плотины. Через 200—250 метров линия берега круто поворачивает на запад, образуя мысок. На этом мыске стоит памятник архитектуры начала XIX века — быв-

ший дом горного начальника, занимаемый сейчас больницей. По старым планам видно, что где-то здесь, на изгибе береговой линии, и находился правый северный полубастион.

На левом берегу также есть перелом, и приходится он примерно на тот участок, где к пруду подходит современная улица Первомайская. У этого перелома стоял левый северный полубастион. На планах завода-крепости оба северных полубастиона точнехонько приходились один против другого. Разделял их только пруд. Известно, что северная линия укреплений шла вдоль улицы Первомайской, особенно это видно по плану 1743 года, где эта улица уже сформировалась. Глядя на план, можно обнаружить, что ось линии укреплений даже совпадала с осью будущей улицы. Если сейчас встать на ось улицы и проследить ее направление за пруд, то она точно упрется в центр портика дома горного начальника. Так было задумано зодчим в то время, когда уже не было никаких признаков старой крепости и дом владыки уральского края строился как бы на пустом месте.

Фрагмент Екатеринбургской крепости

Итак, ось линии укреплений прошла по оси здания. Если бы оно было построено на 70—80 лет раньше, то попало бы прямо во внутреннее пространство полубастиона. Но дом горного начальника был возведен в первой четверти XIX столетия по проекту выдающегося уральского архитектора Михаила Павловича Малахова. Сейчас здание это, несмотря на периодические ремонты, обветшало, подверглось многим переделкам. Поэтому было принято решение о реставрации этого памятника архитектуры, реставрации незамедлительной и полной. Исследования технического состояния здания проводили специалисты Уральской архитектурно-художественной академии. Они «просветили» ультразвуком конструкции, чтобы оценить их прочность, с помощью тепловизора просмотрели стены — нет ли в них коварных трещин, полостей и других дефектов. И, конечно, спустились в подвал.

В современном виде подвал состоит из двух совершенно разных по форме отсеков, в которые попадаешь через длинный коридор. Слева от коридора вход в почти квадратное помещение, перекрытое кирпичным купольным сводом, а справа — большое вытянутое помещение с высоким цилиндрическим сводом из кирпича. Когда-то сюда был спуск прямо с первого этажа, но при переделках он был заложен. На старых планах дома, найденных в Государственном архиве Свердловской области, обозначен еще один отсек. Он расположен ближе к современному входу в подвал. Но уже на плане 1915 года показано, что дверь в него заложена кирпичной стенкой. Изучение подвала дома горного начальника, начавшееся с чисто практической целью — оценить его техническое состояние, вдруг привело к мысли: «А не мог ли быть отсек с купольным сводом тем самым пороховым погребом старой Екатеринбургской крепости? Не включил ли его архитектор М.П. Малахов в контур своего здания, чтобы использовать подземное сооружение в иной роли?» Если так, то в этом помещении подвала мы видим не только самое старое подземное сооружение Екатеринбурга, но и вообще одно из первых капитальных сооружений, оставшихся от периода основания города-завода.

Что же поддерживает такое предположение? Во-первых, местоположение дома, примерно совпадающее с местом полубастиона и порохового погреба. Во-вторых, форма помещения с купольным сводом, которая часто использовалась в складах «зеленых припасов». В-третьих, устойчивое впечатление какой-то случайности, прилепленности этого отсека к остальной части подвала. А что же противоречит предположению? Купольный отсек подвала сложен из кирпича, применявшегося в начале XIX столетия. Пороховой же погреб наверняка должен быть сделан из большего размера кирпича. Такого, какой пошел на строительство, например, Невьянской башни и других известных сооружений этого времени. Правда, могло случиться, что к началу строительства дома горного начальника пороховой погреб давно завалился и, восстанавливая его, использовали новый кирпич. И все же сюда необходимо добавить еще одно обстоятельство — точную привязку местоположения порохового погреба. Для этого измерили на плане, составленном Михаилом Кутузовым в 1726 году, сначала расстояние от береговой линии до центра того самого прямоугольника под номером 48, что соответствовал пороховому погребу, а потом расстояние до него же от плотины. Положение плотины и береговой линии практически не менялось. Когда полученные расстояния перевели из саженей в метры и отложили от тех же точек на современном плане, то точка пересече-

ния получилась прямо под домом горного начальника, однако не там, где расположен странный отсек с купольным сводом, а в месте, где давным-давно кирпичной стенкой заложено другое помещение подвала, на сегодняшний день пока неизвестное. Именно под этой частью здания может находиться бывший пороховой погреб Екатеринбургской крепости.

Вполне допустимо, что план Михаила Кутузова содержал какие-то ошибки. Скажем, отмеряя сто пятьдесят саженей (более трехсот метров), екатеринбургский топограф мог ошибиться на сажень-две в ту или другую сторону. Но при расстоянии 20 саженей ошибиться на целых 5—6 саженей невозможно. Значит, по этой координате, то есть по расстоянию от берега до погреба, отсек с купольным сводом не отождествляется с хранилищем пороха и зарядов. Остается одно: старинный погреб, первое подземное сооружение Екатеринбурга, располагался под той частью здания, которая выходит по сей день в дворовое пространство и раньше долгое время служила неотапливаемой верандой, там, где на планах конца XIX века и 1915 года показано замурованное помещение.

Но не старый пороховой погреб вызвал лавину всяких историй о таинственных подземельях и тайниках. Этому способствовала начавшаяся золотопромышленная эпоха в истории города. Эпоха, когда в небольшом уральском городе стали устраивать свои родовые гнезда всемогущие заправилы «золотого дела». Среди малоэтажной захолустной застройки вдруг стали подниматься дворцы, роскошные особняки, окруженные вычурными оградами, отстраивались собственные церкви. Целые кварталы принадлежали расселившимся представителям какой-нибудь одной фамилии.

Особенно много слухов крутилось вокруг таинственных дел семьи золотопромышленников Расторгуевых — Харитоновых.

В старом Екатеринбурге долго пустовало место на высокой горке. Место приглянулось Расторгуеву, купцу, торговцу «пьяным» товаром.

Архитекторы и историки давно пытаются разгадать, кто же был автором дома-дворца, кого поставил Расторгуев руководить постройкой. В архитектуре дома специалисты находят много элементов западноевропейской архитектуры эпохи классицизма. С одной стороны, предполагалось участие нескольких архитекторов в постройке дома, с другой — очень уж ладно все соединено вместе, вроде одна мысль господствовала над всем ансамблем.

Пока не нашлись документы, которые могли бы подсказать, кто был причастен к постройке дома-дворца. То ходили легенды о человеке-невидимке, о Железной маске, о бессрочном каторжнике, у которого было отнято даже имя. То указывали на французского зодчего, участника Великой французской революции, то на русского зодчего, попавшего в государственные преступники, то на безмерно талантливого уральского самоучку, сгинувшего в застенках.

Совсем недавно обнаружены неоспоримые доказательства того, что автором Дворца Расторгуевых—Харитоновых был итальянский архитектор Томмазо Адамини, живший в России в конце XVIII — начале XIX века и создавший архитектурные шедевры в Воронеже, Липецке и Тамбове. Он также автор одного из памятников на Бородинском поле.

Итак, на горке, на тогдашней окраине Екатеринбурга, появился роскошный дво-

рец. Строился он двенадцать лет (с 1796 по 1808 год), а вместе со службами и устройством сада и того больше — почти восемнадцать. Долго? Да, долго. Казалось, в рабочей силе недостатка не было, в материалах тоже — все щедро оплачивало дешево доставшееся уральское золото.

А не потому ли долго, что, кроме видимого глазу, строилось невидимое: подвалы, переходы, подземные тайники? Все эти сооружения нужно было облицевать кирпичом и камнем, обеспечить водонепроницаемость, сделать лестницы, двери, запоры...

Откуда могла появиться мысль об устройстве тайников у хозяина дома?

Лев Иванович Расторгуев, купец первой гильдии, виноторговец, перебрался на Урал из Вольска. Вольск — город, в котором были известны исторические подземные сооружения. Купив Кыштымский завод, Расторгуев мог увидеть демидовские лабиринты, приспособленные под тюрьмы и застенки. Наконец, Расторгуев был истовым старообрядцем, представителем официально гонимой веры. Старообрядцы, спасаясь от преследований, устраивали подземные убежища, скиты и молельни. Например, долго функционировал подземный раскольничий скит в невероятно глухом месте Среднего Урала — вблизи горы Шунут. Там в твердых породах был вырыт вертикальный колодец-лаз с боковыми ответвлениями в кельи. Расторгуеву, теперь уже заводчику, нужно было надежно прятать свое второе лицо.

Худая слава о доме пошла еще при жизни первого хозяина. Дом жил тихой, скрытой жизнью, где-то в глубинных казематах глохли крики «супротивцев», по подземным путям в тайные молельни приходили наставники уральского старообрядчества, теми же путями они выходили в глухие дальние углы сада и, никем не видимые, растекались по темным грязным улицам Екатеринбурга.

После появления в доме Расторгуевского зятя Петра Яковлевича Харитонова, богатого купца и золотопромышленника, тихая внешне жизнь дома кончилась. Зять любил шумные кутежи, безобразия и необыкновенные развлечения, стоившие иногда жизни кому-нибудь из слуг. День и ночь играла музыка, шла крупная картежная игра, пьяные ватаги гостей мыли шампанским лошадей.

Харитонов не очень и скрывал худую славу казематов дома. Человек он был жестокий, необузданного нрава. Чего-чего, а взыскать копейку умел. Поэтому и сдружился крепко с новоявленным своим родственником — Григорием Зотовым, Кыштымским Зверем. Вместе творили расправы над непокорными, вместе прятали концы в воду и в землю. Финал их известен: осужденные на вечное поселение в Кексгольм, они оба там и умерли.

После этой истории наследники уже не жили в доме на Вознесенской горке. Да и как жить, когда по ночам чудятся крики и стоны, а в воздухе стоит запах погребов и подземелий. В народе скоро почти забыли о первом владельце дома, а к зданию прочно и надолго прилипло название Харитоновский дом. Легенды о подвалах и тайниках стали соседствовать с легендами о зарытом золоте и самоцветах. В художественную литературу эти легенды попадали не раз. К истории Харитоновского дома обращались Д.Н. Мамин-Сибиряк и А.Н. Толстой.

А имелись ли все-таки у дома подземные тайны?

Можно утверждать, что в Харитоновском дворце были устроены глубокие подвалы, причем разные части дома, видимо, имели свои автономные скрытые по-

мещения, иногда соединенные переходами, иногда отдельные, имевшие свой выход.

Похоже, что один из подвалов был в два этажа. Об этом свидетельствовали строители, работавшие на реконструкции Харитоновского дома в 1936—1937 годах, после которой он стал Дворцом пионеров. Строители замуровали нижний этаж подвала, а из него-то и были тайные ходы во все концы Расторгуевской усадьбы.

Подземные ходы... Сколько говорилось, сколько писалось о них! Какие только гипотезы и суждения не возникали в разное время! Сколько было заклинаний и призывов к компетентным организациям, чтобы провести работы, разыскать, вскрыть, осмотреть, покончив с легендами и рассказами.

Последняя волна общественного интереса (а именно волнами, всплесками поднимается интерес к тайнам прошлого) прошла в 1973 году. Тогда в газете «На смену!» был опубликован материал свердловского журналиста А. Пулваля «По следам старинной легенды». Другой свердловский журналист, Э. Якубовский, дал в журнале «Уральский следопыт» обзор рассказов очевидцев о подземных ходах Расторгуевской усадьбы. Экспедиция уральских геофизиков впервые исследовала «подозрительные места» в парке дома. Результаты этих исследований тоже были опубликованы.

Во всех материалах содержатся интересные обобщения, новые факты, свежие гипотезы. Некоторые новые сведения о старом расторгуевском гнезде были получены в 1982 году участниками экспедиции Уральской архитектурно-художественной академии. Попробуем реконструировать систему подземных путей, связанных с этим домом.

В поисках возможного спуска в нижние этажи подвалов студенты-архитекторы обследовали все доступные уголки нынешних подвалов. Удивительно, как мало оказалось этого доступного. Перегородки, замуровки, забутовки, заливки бетоном ограничили свободное пространство под легендарным домом до самых ничтожных размеров. Остальное — сплошные белые пятна, полная неизвестность.

Вот много раз описанный в статьях и материалах таинственный люк, якобы ведущий из верхнего этажа подвала в нижний и, конечно, забитый мусором. Студенты расчистили это забетонированное углубление правильной круглой формы, вытащили не один десяток ведер грязи.

Ох как напрашивалась к этой бетонной яме винтовая лестница! Но, увы, дно ямы оказалось тоже бетонным, на редкость крепким и монолитным, и никак не откликалось при акустических испытаниях на пустоту. Вполне вероятно, что история возникновения таинственного люка весьма прозаична: в двадцатые годы прошлого века в подвале Харитоновского дома было какое-то кустарное производство, не то красильный, не то дубильный цех — вот от тех времен и могла остаться емкость, которую до расчистки принимали за люк. Правда, совсем не исключается, что где-то существует самый настоящий спуск в нижние этажи подвала. Исследуя подвал Харитоновского дома, студенты не раз натыкались на закладки, заделки, забетонированные стенки. Видимо, все это следы реконструкции 1936—1937 годов. Однажды исследователям пришлось ползти два десятка метров по узкой щели, образованной двумя параллельными стенками: кирпичной, старой кладки, и бетонной, выполненной в тридцатые годы. Бетонная стенка закрывала какой-то боль-

шой объем, возможно, просторное помещение. Из каких соображений воздвигли эту стенку, параллельную кирпичной, — неясно. Может быть, и здесь перекрыли доступ в нижний этаж?

Если суммировать все рассказы и свидетельства о подземном хозяйстве Расторгуевых—Харитоновых, то, пожалуй, самый главный подземный ход, даже, скорее, широкий тоннель направляется от дома к беседке-ротонде, что стояла с правой стороны от главного входа в парк, со стороны Комсомольской площади. В 1924 году перед парковым входом во дворец произошел провал, открывший этот тоннель.

Примерно на половине расстояния от дома до ротонды из тоннеля есть ответвление в подземное помещение размером примерно четыре на шесть метров со сводчатым потолком. Это помещение, никак не проявляющее себя на поверхности земли, открыли геофизики с помощью приборов.

Из ротонды выходят ходы в двух направлениях: один — в восточную часть сада к куполообразному помещению, имеющему также и наземный выход. Это помещение, условно называемое «купол», служило, вероятно, складом. Другой ход спускается по рельефу к пруду и далее, проходя под ним, попадает в подвалы беседки на острове. Такую подземную ситуацию подсказали и результаты геофизических исследований. Невероятного в ней ничего нет. Но вот реален ли ход на остров?

Многие очевидцы в разные времена говорили о наличии подвалов в беседке на острове. Говорили и о ходе под прудом. Решение это технически было возможно и в давние времена. Итальянцы в Средневековье делали подводные, так называемые литые ходы. Кладка этих сооружений обладала водонепроницаемостью, так как вместо обычного кладочного раствора применялся расплавленный свинец. Фундаменты некоторых старинных петербургских домов тоже сложены на расплавленном свинце, свинцовые швы есть и в кладке фундамента Воронцовского дворца в Алушке. Такой прием исключал подсос влаги в материал фундамента, обеспечивал его водонепроницаемость и долговечность. Есть сведения, что русские мастера могли применять свинцовые растворы в подземных сооружениях.

Конечно, связь Харитоновского дома с островом паркового пруда проблематична (хотя подземный ход к пруду подходит), но некоторые свидетельства в пользу такой связи есть. А. Пудваль приводит рассказ Е.П. Ключниковой, бабушка которой Юлия Петровна Деревина была внучкой харитоновского садовника. Детство и юность ее прошли в людской Харитоновского дома, она слышала много рассказов людей, так или иначе знавших тайны и секреты дворца. Ю.П. Деревина, в частности, оказалась свидетельницей последних дней жизни самого верного харитоновского прислужника, который дожил до глубокой старости и перед смертью покался, что «загубил по приказанию хозяина много людей в подвалах дворца, открыв люк, выходящий в парковое озеро, что были среди них и фальшивомонетчики, и крамольники, и прятавшиеся от глаз властей старообрядцы». Внучке садовника лично были известны два потайных входа в подземелье, к тому времени как будто бы затопленных. Ходили упорные слухи уже в недалекое от нас время, что в помещении под островной беседкой видели какие-то системы зубчатых колес, возможно, предназначенных для запираания подземных шлюзов.

В 1985 году произошло интересное событие. Воду из паркового пруда Харитоновской усадьбы откачали. Уже давненько был составлен проект реконструкции старого парка, приведения его не просто в порядок, а в тот самый вид, который он имел при Расторгуевых — Харитоновых. Самым первым практическим мероприятием стала капитальная очистка пруда. На освободившееся от воды дно, илистое и грязное, в битых бутылках и рваных кусках железа, въехали бульдозеры и экскаваторы. Соскребли и вывезли ил, спрессовавшийся, как первобытный сланец.

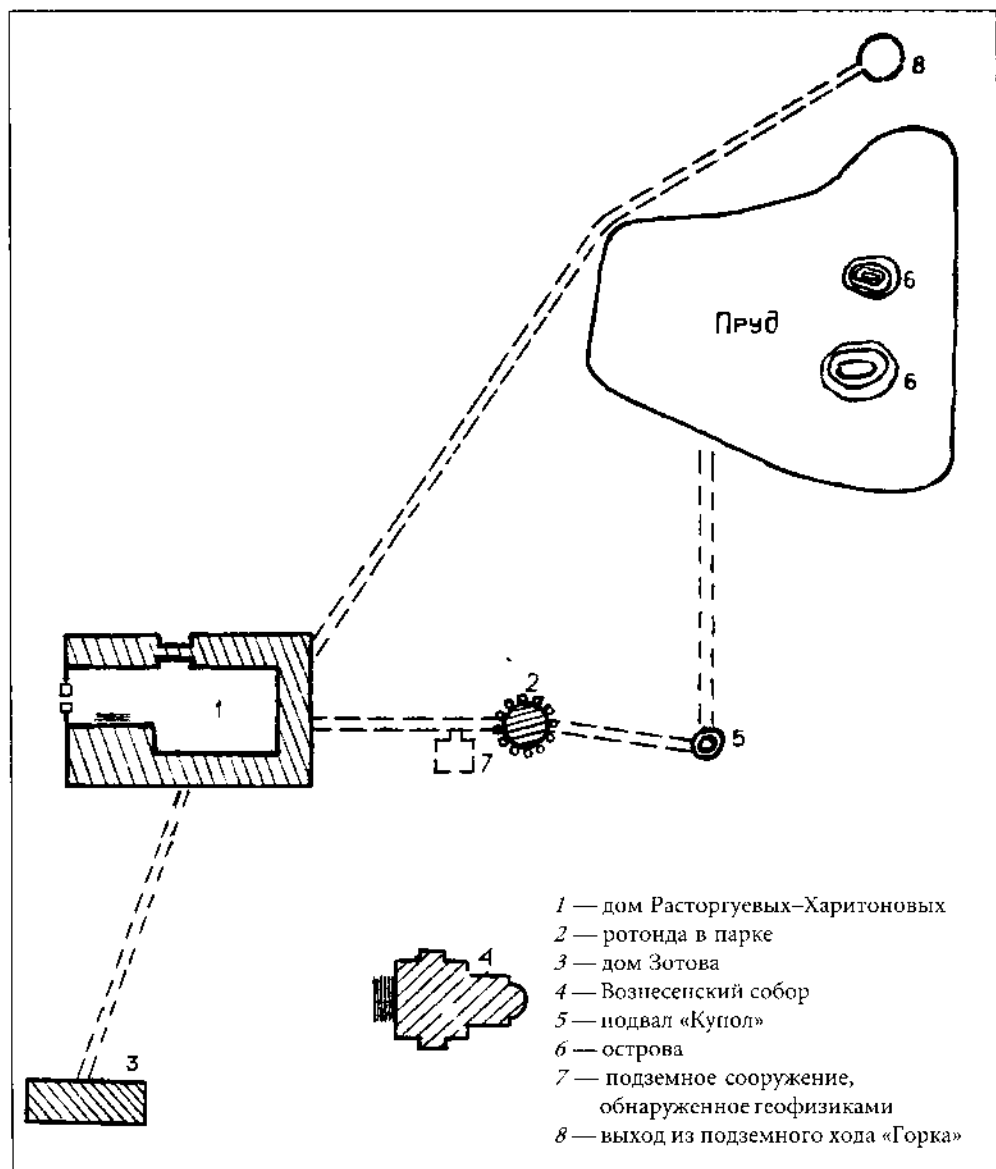

Схема расположения подземных ходов на территории ансамбля дома Расторгуевых-Харитоновых в г. Екатеринбурге (по данным автора)

Слой ила толщиной более полутора метров. Значит, не дошли зубья ковша до подземного хода? Значит, до свода, если он вообще существует, еще два-три метра этой материковой породы, способной удержать тяжесть машин? Прекрасная и таинственная легенда о подводном ходе осталась жить. Теперь, по крайней мере, до тех пор, пока не будет обследована подземная часть ротонды на островке.

Мы уже упоминали о куполообразном сооружении в юго-восточном углу Харитоновского сада, к которому, по данным геофизических исследований и показаниям лозоходческой экстрасенсорики, ответвлялся подземный рукав.

Во время всех предыдущих исследований проникнуть внутрь «Купола» не удалось. А вот совсем недавно при съемках очередной серии телепередачи «Екатеринбургские тайны», посвященной подземным тайнам Харитоновской усадьбы, съемочная группа во главе с автором И.М. Гладковой побывала в этом сооружении. Добротный кирпичный свод плотной кладки, достаточно обширное пространство, правда, заставленное и заваленное хозяйственным хламом. Кое-где открытая поверхность пола, из-под которого при ходьбе слышался гул. Постучали специально в разных местах — тот же гул. Складывалось впечатление, что под этим полом располагается еще одно помещение, скорее всего, пустое, а может быть, содержащее нечто из давних времен. Люка, чтобы попробовать спуститься в нижний этаж, среди завалов не нашли. Нужно разбирать где-то в удобном месте покрытие, что сделать не просто без специального оборудования, и тогда проникнуть в подземелье. Очень заманчиво проверить гипотезу о наличии подземной связи «Купола» с дворцом Расторгуева–Харитонова проведением раскопок — ведь подземный ход мог соединиться только с нижним этажом куполообразного сооружения.

Есть много свидетельств о другом направлении подземных ходов на парковой территории: от здания дворца в северо-восточный угол парка, где был потайной выход в стоявшую когда-то там на небольшой горюшке беседку. Этот выход протягивают чаще всего мимо озера. Но есть интересное свидетельство Н.П. Фелицына, которое приводит Э. Якубовский.

Н.П. Фелицын в 1924 году работал заместителем заведующего Екатеринбургской биржей труда, которая располагалась тогда в Харитоновском доме. Так вот, в том году силами безработных проводилась чистка пруда. После спуска воды в склоне северо-западного берега открылось отверстие, в него можно было войти согнувшись. Н.П. Фелицын прошел по ходу около двадцати метров, пока не наткнулся на завал.

То есть вполне могло быть, что ход из дворца к беседке имел связь с прудом. Под беседкой на горюшке долго сохранялся каменный подвал. О нем тоже вспоминал Н.П. Фелицын, подчеркивая большую глубину и наличие металлических колец в стенах. Старая беседка давно снесена, горюшка заросла кустарником и деревьями, стала почти незаметной. Невдалеке красуется свежими деревянными конструкциями новая беседка на заново насыпанной горке, но ни горка эта, ни беседка не имеют никакого отношения к прошлому.

По-видимому, в упомянутый подземный ход можно было попасть из нескольких мест, то есть ход имел ответвления. Были входы со стороны каретника и конюшен, а также из подвала, над которым построили оркестровую раковину, сейчас

уже несуществующую. Во время реставрации конюшен на участке северо-восточного угла был обнаружен кирпичный свод, напоминавший перекрытие подземного хода.

Когда все легенды и свидетельства очевидцев были собраны вместе, когда на всех возможных направлениях ходов были проведены геофизические исследования и составлен общий план расположения подземных сооружений в пределах Харитоновской усадьбы, появилась мысль о дублирующей проверке результатов, хотя бы с некоторыми допущениями. Археологическая проверка с проведением раскопок была совершенно нереальной. Стали искать другую возможность. И она появилась.

На какой-то конференции в библиотеке имени Белинского мы встретились с профессором А.А. Малаховым, известным геологом, ученым, писателем, автором оригинальных краеведческих проектов. Когда-то Анатолий Алексеевич был моим институтским преподавателем, и на почве общих интересов мы подружились. Он даже втянул меня в работу местного отделения общества «Знание», одним из руководителей которого по совместительству являлся. Давно не виделись, разговорились о своих делах. Я поведал о работах в харитоновском саду. Профессор расспросил о некоторых подробностях поиска, а потом вдруг рассказал, что уже продолжительное время занимается проблемой «лозоходства» и даже открыл в себе способность работать с «лозой» и получать результаты, которые проверял воочию не раз и убеждался в достоверности полученного прямо на месте.

Договорились поработать на подземельях, вернее, на их возможных трассах. В том числе и в харитоновском саду.

Лозоходство по-научному (правда, не все ученые верят в него) называется биолокацией, биоэнергетикой, даузицией. Апологеты метода относят его к элементам экстрасенсорики, базирующейся на неких тонких энергиях, информационных и торсионных полях. Наверное, в будущем все это разгадается и установится, но вот уже несколько тысячелетий некоторые люди (условно их можно назвать избранными) с помощью раздвоенного прутика (виноградная лоза, ива, яблоня, клен и т. п.) фиксируют определенные объекты в толще грунтов. Двигаясь по поверхности земли и держа развилки прутика на вытянутых руках в сжатых ладонях, они наблюдают процесс вращения его конца в тех местах, как отмечено тысячелетней практикой, где есть пустоты и текущая подземная вода. Так, между прочим, в древности и искали воду, чтобы потом копать колодцы. Известный ученый Средневековья Агрикола использовал прутик и для поисков месторождений полезных ископаемых.

Современные даузеры вместо деревянного раздвоенного прутика используют рамки — П-образные проволочки с отогнутыми концами, за которые держат устройство, или две Г-образные штуковины, вертикальные концы которых сжимают в ладонях. И «рамки», и эти «Г-образные» над объектом начинают вращаться: первые вокруг горизонтальной оси, вторые — вокруг вертикальной. По интенсивности вращения, по величине углов отклонения и прочим простому смертному недоступным признакам экстрасенсы распознают, что за объект вызвал такую реакцию «лозы». Говорят, что до 90% людей способны с помощью этого нехитрого приспособления чувствовать некие влияния от находящегося под землей, неви-

димого глазом. Бог знает, чему точно равен этот процент. Я пробовал — полное фиаско. А вот мой коллега геофизик Михаил Юрьевич Горбачев испытывал такое вращение лозоходческого устройства, что кожа на ладонях закручивалась. Так что — каждому свое. Одно ясно: необъяснимое с точки зрения уважаемых академиков действо давало и дает поразительные результаты при поисках пустот и подземной воды.

Вернемся к нашей договоренности с профессором А.А. Малаховым. Мы пришли в Харитоновский сад, чтобы поставить эксперимент. Я ничего не рассказывал, Анатолий Алексеевич ни о чем не расспрашивал. В моем портфеле был подробный план с результатами поисков подземных сооружений, но я все хорошо помнил наизусть и план не демонстрировал. А.А. Малахов достал свою «рамку», сделанную из довольно редкого металла — лития. Легкая и удобная. Пошли по территории. Шаг за шагом, метр за метром «прощупали» все аномальные участки. Мой товарищ геофизик Юрий Германович Скопечный отмечал на плане все точки, где профессор восклицал: «Вот-вот, пустота... А вот это какой-то подземный ручеек... Снова пустота... О, да тут целая трасса!»

Завершили через несколько часов. Сели на садовую лавку. Мы с напарником стали сверять результаты. Профессор демонстративно отвернулся и ждал наш вердикт, что-то напевая. Посчитали сходимость — почти 80% результатов, полученных с «рамкой», совпали с нашими геофизическими и теми, что были набраны в процессе анализа исторического материала и свидетельств очевидцев. Это была хорошая цифра. Несходимость объяснялась многими объективными причинами. Допустим, обвалившаяся и полусасыпанная часть подземной пустоты так или иначе «выплывала» при геофизической съемке, но практически не проявлялась при фиксации «рамкой». Или, наоборот, геофизические методы невнятно «подсекали» сравнительно локальные водные течи, а «рамка» их показывала отчетливо. А если, скажем, все это совмещалось, то давало еще одну причину расхождений. Впоследствии мы много работ подобного рода сделали с Анатолием Алексеевичем. Может быть, когда-нибудь разговор о них состоится. Могу сказать, что использование «лозоходческого» метода оправдывает себя при поисках пустот и воды. И не нужно тут каких-то несусветных фантазий, как не нужно и преувеличенного скептицизма и тем более — поругания.

Завершились работы в Харитоновском саду, и сразу появился вопрос: а могла быть связана усадьба (сам дворец или его подсобные здания) с другими окружающими строениями? Были ли подземные выходы во внешнее пространство Вознесенской горки и прилегающей территории?

Легенды говорят о трех направлениях подземных ходов от Расторгуевско-Харитоновского ансамбля: к собору Во Имя Вознесения Господня, к дому Зотова (сопряжение территорий сельскохозяйственной академии и бывшего управления «Бухара-Урал»), снесенного еще в конце XIX века за ветхостью, а также к дому инженера Н.Н. Ипатьева, ныне тоже не существующему. Все направления этих подземных связей в большой степени легендарны, следов их никто не видел. Однако рассмотрим вероятность их наличия и возможные предпосылки к существованию.

Подземный ход к собору не очень логичен и вряд ли был возможен. Дело в том, что и Расторгуевы, и Харитоновы были старообрядцами. В их доме была тай-

ная часовня, а церковь для «никониан» они не признавали. Геофизики обнаружили аномальные значения физических полей, характеризующие наличие пустот по направлению к собору. Но ход этот мог прокладываться в какое-то подземное помещение вблизи храма — ведь на этом участке стоял генеральский дом — резиденция В.Н. Татищева со всеми подсобными строениями. Кстати, и собор построен на месте дома и даже вобрал в свой контур достаточно глубокий подвал татищевской резиденции, в котором временами держали запасы пороха. Впоследствии в этом подвале хранилось имущество экспедиции Данненберга, которая занималась поиском и разработкой месторождений самоцветов.

Есть предположение, что в центральной части подвала, отгороженной от всего пространства мощной кирпичной кладкой, существует пустота, из которой, возможно, есть спуски в нижние помещения.

Когда-то, добрый десяток лет назад, должна была осуществиться реставрация собора (руки до нее доходят только сейчас), и настоятель храма отец Александр (Ураков), подводя группу специалистов к участку вблизи северной стены, рассказал, что здесь «гудит земля», что постоянно идет просадка грунта. Либо в этом месте засыпанный лестничный вход в подвалы собора, либо дает о себе знать какой-то неведомый подземный ход...

Что же касается подземной связи дома Расторгуевых–Харитоновых с усадьбой Григория Зотова, то теоретически это могло быть. Все эти люди принадлежали к вере «древлего благочестия», устраивали тайные моления, приглашали наставников, за которыми охотились власти. Да и общих тайных дел хватало. Несомненно, было бы удобно посещать друг друга незаметно для посторонних глаз. Но об этом нет даже легенд, которые почти всегда опираются на что-то реальное, — лишь неясные толки, не заслуживающие внимания. При устройстве в 30-е годы прошлого века знаменитого фонтана с бронзовыми лягушками достаточно глубокий котлован не вскрыл ничего похожего на подземный ход. И позднее, при закладке пьедестала для монумента Уральскому комсомолу, не было замечено признаков подземных сооружений. Откуда же эти неясные толки?

Известный уральский историк А.Г. Козлов на основании изучения архивных документов предполагал, что в недрах Вознесенской горки есть фрагменты старых горных выработок в виде коротких штолен и дудок, которые появились после открытия россыпного золота в пойме реки Мельковки с целью получения возможного доказательства коренного происхождения россыпей. Реальные находки таких выработок неизвестны, однако их наличие вполне возможно и могло дать основание толкам о подземной связи двух усадеб. И тем не менее, не найденное — это еще не факт отсутствия. Думается, что при благоприятных условиях удастся провести на самой Вознесенской площади работы по обнаружению таинственных переходов.

Разговоры о подземном ходе из дома Расторгуевых–Харитоновых в дом инженера Н.Н. Ипатьева появились, скорее всего, после пребывания в нем царской семьи. И появились не случайно, а видимо, были инспирированы командой душегубов, расстрелявших в июле 1918 года императора, его близких и тех, кто не покинул семью государя и разделил его участь. Убийцы очень хотели объяснить расправу попыткой императора и его семьи совершить побег. Известно, что в Ипатьев-

ский дом подбрасывали письма, написанные якобы группой белых офицеров, предлагавших свою помощь для освобождения узников.

Мы попробовали в этом разобраться, привлекли геофизика, провели исследования по двум измерительным профилям. Один профиль проходил вдоль восточной стены дома Ипатьева под крутым спуском, тогда еще существовавшим. А второй — перпендикулярно, вдоль северной ограды дома. В этих «клещах» ход, если он есть, не мог «ускользнуть». Что же получилось? Пусто. Практически пусто, если не считать совсем слабенькой аномалии точно против дверей парадного входа. Как установили после небольших «раскопок», в грунте лежал короб для слива дождевой влаги в канаву, что протянулась под обрывом и была закрыта гранитными плитами тротуара.

Прошло время. Дом инженера Н.Н. Ипатьева «заботами» ныне сгнувшей в бытие партийной власти был разрушен, снесен до верхней кромки фундаментов. Место разровняли бульдозеры, «подготовив» будущие заросли пустыря. Объяснять истинные причины сноса не стали, а объявили, что на благо народа по участку пройдет городская магистраль. Она энергично спрямила прежний путь, снесла всю старинную застройку и, словно гигантская пила, под самый корень подрезала Вознесенскую горку. Да так, что образовалась вертикальная стенка едва ли не пятиметровой высоты.

Каждые два-три дня я ходил на место прокладки магистрали и наблюдал, как строители вскрывают крепкий грунт, углубляясь в недра Вознесенской горки. Я ждал, когда какой-нибудь механизм провалится в темноту обвалившегося хода или после очередного взрыва породы вдруг откроется зев таинственного подземелья. Тщетно. Работы завершились, основание будущей трассы глубоко внедрилось в породы горки. Я долго смотрел на открывшуюся геологическую девственность когда-то содеянного матушкой-природой, но не было видно ни одного намека на то, что когда-то человек «буравил» эти породы. Не было этого хода.

Но судьба иногда выкидывает непредсказуемые «коленца». Двадцать лет простоял вконец заросший бурьяном и кустарником пустырь на месте Ипатьевского дома. Сменилось время, перевернулась власть, стало меняться общество. Пришла эпоха покаяния и примирения. И было принято решение — на месте Ипатьевского дома возвести храм на крови. На двадцатилетнем пустыре, где уже стояли памятные кресты и часовня, стали выполняться подготовительные исследовательские работы. На пустырь пришли геофизики. Им предстояло определить линии и наличие фундаментов, найти то, что осталось от отсека, в котором состоялось злодейское убийство. И, конечно, была тайная мысль еще раз посмотреть, не тянется ли все же из подземной части бывшего дома, ограниченной фундаментами, некий рукав. Обязательная программа была выполнена, но никакого подземного рукава не выявлено. Еще одно доказательство, зачеркивающее легенду-выдумку.

Только потом, когда пришлось работать над материалами по истории застройки Вознесенской горки, я увидел, что выводы об отсутствии такого хода можно было сделать раньше. На пустовавшем до середины XIX века месте будущего Ипатьевского дома стояла обычная бревенчатая пятистенка. Ее очень хорошо видно на фотографии 70-х годов XIX века. Потом место купил горный инженер И.И. Редикорцев и выстроил тот самый каменный дом, который без каких-либо серьезных

реконструкций перешел к золотопромышленнику И.Г. Шаравьеву, а в 1911 году — к инженеру Н.Н. Ипатьеву. Кому из них нужен был какой-то подземный ход в Рас-торгуевско-Харитоновскую усадьбу? Никому.

Городские подземные страсти в народе неизбежно отождествлялись с подземным лабиринтом этой усадьбы, где бы какая находка ни обнаруживалась. Ведь «харитоновские» ходы — это реальность, наблюдавшаяся десятками очевидцев. Вот и представляется этот дом этаким спрутом, раскинувшим подземные щупальца во все концы города.

Устоявшийся стереотип представлений приводил иногда к курьезам. Взять хотя бы историю с погребам. В погожий весенний день 1983 года на строительстве автомагистрали, переходящей из улицы Свердлова (бывший Арсеньевский проспект) в улицу Карла Либкнехта (бывший Вознесенский проспект), произошло любопытное событие. Раскапывая очередную траншею, экскаватор поднял в ковше фрагменты кирпичной кладки. Еще через две-три ходки ковша стало ясно, что пробит свод какого-то подземного сооружения. Рабочие, занятые на трассе дороги, позвонили в редакцию городской газеты. Случай неординарный, а потому на место незамедлительно явились журналисты. Самые лихие перья тут же произвели «сенсацию»: найден харитоновский подземный ход, да еще с тремя ответвлениями. Вот они, тайные подземелья! Никого не смутило, что чуть в стороне от пролома в подземное помещение виден спуск, оборудованный лесенкой, грубо сваренной из вполне современного металлического уголка, что в слое грунта прямо над сводом торчат обрывки наисовременнейшей полиэтиленовой пленки, что стенки отсеков кое-где примазаны почти свежим цементным раствором. И почему-то уже никто не помнил, что всего каких-нибудь пять лет тому назад здесь, в районе пересечения улиц Карла Либкнехта и Дзержинского, стояли дома старой екатеринбургской застройки с дворами, огородиками, сараями и, конечно, с погребам. Обычными погребам для хозяйственных нужд в «дохолодильниковую» эпоху. Такой погреб устраивался либо под сарайчиком, либо на открытом пространстве двора, но с последующим обязательным возведением над ним крытого сооружения для защиты от дождя и снега. Технология работы была проста: отрывался котлован, из кирпича выкладывались стенки и свод, а затем все это присыпалось слоем земли для улучшения теплоизоляции. Иногда в погреб вел подземный ход из подвала жилого дома.

После сноса старой застройки на этом участке, а потом при прокладке автомагистрали погребам оказались засыпанными слоем грунта примерно двухметровой толщины. Вот и произошло «открытие» якобы неведомых подземелий, причастных к «харитоновским» тайникам. С прокладкой новой магистрали связана еще одна «находка», что на первых порах была столь же таинственна, как и старые погребам. На участке вблизи здания управления газопровода «Бухара — Урал» дорожные работы только начинались. Бульдозеры сняли прежнее асфальтовое покрытие, сгребли в кучи ровненькие гранитные кубики старой екатеринбургской мостовой и чуть-чуть затронули слой желтой глины под ней. Потревоженный грунт разрядил свое напряжение: утром следующего дня появилась воронка небольшого провала. На место тотчас прибыли научные сотрудники и с помощью приборов установили, что в основании дороги есть небольшой дренажный канал, служив-

ший для стока ливневых вод со стороны вершины старой Вознесенской горки. Под дорогой, там, где стоял дом инженера Ипатьева, этот канал переходил в лоток ливневой канализации, сделанной так, как все лотки Екатеринбурга, — из гранитных плит с перекрытием тоже гранитной плитой, которая образовывала хороший гладкий тротуар. И опять кто-то шустрый объявил ливневку частью системы харитоновских подземелий. И вот уже в воронку лезет целый отряд спелеологов. В комбинезонах, в касках, с фонарями. Щелкают аппаратами фотографы. В газетный набор немедленно идет пространный материал о таинственных лазах, о системах ходов, носящих отвлекающий (!) характер, о странных бетонных обломках, почему-то оказавшихся в этой якобы старинной галерее. А сенсации снова нет: специалисты разгадывают «загадку» и объясняют ее логично и просто. Это действительно дренажный канал для стока ливневых и талых вод. Вначале, по-видимому, он представлял собой заполненную крупным гравием канаву, собиравшую воду. Над канавой проходила дорога, и засыпка хорошо держала экипажи и телеги. Вода по мере накопления в слое гравия отводилась через трубу. В течение длительного времени гравий оседал, образовывались промоины, и подземная канава стала напоминать сводчатую полость. Вот так и получилась таинственная галерея под дорогой, которую сразу «притянули» к харитоновским тайнам и оповестили об этом всю читающую публику.

Вообще-то дело гораздо серьезнее. Не имея полной и точной информации о подземном пространстве города, мы сами плодим подобные ребусы. Территории старых кварталов, подлежащих сносу, еще задолго до переселения жителей и подготовки площадки под новое строительство должны быть тщательно обследованы специальной комиссией, включающей археолога, историка, архитектора, инженера-изыскателя. Эта комиссия, собранная, скажем, главным архитектором города и обществом охраны памятников истории и культуры, обязана опросить жителей, составить историко-архитектурный план расположения возможных подземных сооружений, определить их значимость и, если сооружения не имеют ценности, дать рекомендации по надежной их закладке. В подземном пространстве исторического центра старого города должен быть порядок. Тогда не будет ни потерь, ни ненужных «находок».

Вот тут-то мне могут возразить: зачем же все так рационализировать, ограничивать фантазию, сужать рамки городского фольклора? Ведь порой даже совсем сказочные гипотезы подталкивают важные открытия. Тот же Шлиман начитался легендарной «Илиады», а открыл всамделишную Троию. Разве мало таких примеров? Можно с этим согласиться. Вот, например, долго жили и по сей день продолжают жить совсем уж фантастические рассказы о подземных ходах из Харитоновского дома под дном городского пруда к дому горного начальника или к цехам старой Монетки, к домам Рязановых. Слишком притягательным для легенд и преданий оказался таинственный Харитоновский дом.

Однажды пришел ко мне человек. Назвался Михаилом Ивановичем Дайбо. Моряк, участник Великой Отечественной войны, он сказал, что давно занимается изучением участия моряков в революционных событиях на Урале, и стал меня спрашивать о подземельях Харитоновского дома. Оказывается, в его поиске нащупалась интересная нить: арьергард частей Красной армии, оставлявших Екатерин-

бург под напором белых войск, состоял из матросов. Этот маленький отряд, вооруженный пулеметами, прикрывал отход красных бойцов к вокзалу, а потом как будто бы в самый последний момент ушел подземными ходами.

Нет-нет да и всплывают свидетельства о подземном ходе, якобы проложенном под городским прудом и соединяющем центральную часть с Вознесенской горкой. Правда, после пуска метрополитена эта молва поутихла, но не исчезла — ведь тоннели метро проходят на гораздо большей глубине, и если легендарный ход существовал бы, то он мог остаться незамеченным при прокладке метро. А недавно снова появилось свидетельство участника подземного путешествия. Александра Алексеевна Усатова, проживавшая в начале 50-х годов XX столетия на улице Октябрьской революции, вспоминала, как в подвале здания районного Дома творчества детей она увидела полузасыпанную мусором дверь. Сразу представились клады, таинственные замуровки, ниши, скелеты. Это и подвигло на раскопки двери. Помогали два молодых человека. Дверь откопали и открыли — вниз шел спуск. Чтобы не поплатиться за самоуправство, пригласили участкового милиционера и всей компанией двинулись по открывшемуся ходу. Было жутковато, и на первый раз, пройдя несколько десятков метров, исследователи вернулись. Но мысль о невыполненном тревожила и возбуждала, а потому рискнули побывать в ходе еще раз. Шли долго. И вот тут доля фантазии в рассказе начинает увеличиваться. Якобы «любители» подземелий уткнулись в конце концов в какую-то дверь. Удалось ее открыть, и смельчаки оказались... в Харитоновском саду. Из конечного пункта своего путешествия они возвращались уже по улицам города.

Здание, из подвалов которого Александра Алексеевна и ее спутники отправились в подземелье, вскоре попало под реконструкцию, и подвал был завален грунтом. А потом, по прошествии двух десятков лет, и вся улица Октябрьской революции попала под снос.

Могло ли быть реальным такое путешествие? Думается, вряд ли. Скорее всего, если ход существовал, он оканчивался где-то в застройке бывшей Ссылной слободы, соединяя здания, одно из которых могло располагаться в береговой линии пруда на Набережной рабочей молодежи. Кстати, в этой застройке обнаруживались подземелья, двухуровневые подвалы и даже подземные ходы, не столь протяженные. И еще одно обстоятельство: движение под землей, как это отмечают спелеологи, всегда кажется длинным и долгим, ощущение времени несколько нарушается — поэтому кажется, что пройдено много, десятки метров превращаются в сотни, минуты невероятно растягиваются.

Что же касается Харитоновского сада, то можно совершенно точно утверждать, что со стороны пруда к его территории не подходили подземные пешеходные коммуникации.

У Вознесенской горки есть еще одна подземная тайна. Это подземный бункер управления гражданской обороны, сооруженный в 1952 году, когда разгоралась холодная война с ее атомной истерией. Бункер площадью около 200 квадратных метров представлял собой набор помещений с переходами и тремя выходами на поверхность. Подземное сооружение внедрилось в грунт восточного склона горки примерно там, где располагался северо-восточный бастион Екатеринбургской крепости конца XVIII века. Городская молва немедленно связала бункер подземными

путями с административными зданиями в центре города, а когда появилось метро — то и с его тоннелями. Последнее время бункер занимал коммерческий «Сейф-банк». Вознесенская горка полна подземных тайн.

Усадебные подземелья были характерны для обиталищ уральских промышленников и купцов. Мы это уже видели на примере клана Расторгуевых — Харитоновых. Второй значимой семьей промышленников и торговых людей были Рязановы. Умные, разворотливые, стойкие старообрядцы, они много сделали для города. Для себя построили великолепные по тому времени особняки с парковыми зонами. Строили и храмы. Главное «Рязановское гнездо» образовалось на Сибирском проспекте (ныне улица Куйбышева) вблизи русла реки Исети. Здесь поднялись два дома с хозяйственными постройками и Свято-Троицкий храм («Рязановская церковь»). Дома встали почти напротив друг друга по разные стороны проспекта, и вся эта ситуация как бы подталкивала к решению соединить их подземной связью. Наверное, так и произошло. О подземельях Рязановских домов говорилось много, и этим разговорам всегда сопутствовали находки, которые не давали «погибнуть» легендам и слухам.

До реконструкции улицы Куйбышева (Сибирский проспект) в 30-е годы, которая завершилась постройкой моста на месте бывшего брода через реку Исеть и возведением насыпи для трамвайных путей, теперешние цокольные этажи домов были первыми этажами, под которыми находились подвалы. Между подвалами, возможно, и был проложен подземный коридор. Подвалы мало исследованы. Видимо, они были замурованы и закрыты с того времени, как в 1925 году дома были переданы под жилье. Так, в доме № 63, который стоит на северной стороне улицы (назовем его первым Рязановским домом), часть подвала замурована и даже на чертежах технической инвентаризации числится «белым пятном». Что там? Может быть, из этой части подвала и был проложен подземный коридор?

Дому № 40, что стоит напротив на южной стороне улицы (второй Рязановский дом), с находками подземных объектов «повезло» больше. До сих пор известны лазы из старого первого этажа в подвалы. Их три: один из жилой квартиры, другой под лестничной клеткой в подъезде, третий в виде люка у стены левого крыла дома. Во дворе долгое время существовал колодец. Смельчаки, спускавшиеся туда, видели в стенке колодца боковое ответвление, отходившее от дома в сторону Свято-Троицкой (Рязановской) церкви. Колодец впоследствии засыпали строительным мусором и устье заасфальтировали.

Там же, во дворе, стояли сараи жильцов. Их снесли сравнительно недавно, и на этом месте выстроен трехэтажный дом. В одном из сараев хозяин решил углубить погреб и наткнулся на кирпичную кладку свода. Пробив его, он очутился в подземном ходе, также выложенном кирпичом. Ход вел к Рязановской церкви и второму дому, к той его части, где находился колодец. Владелец сарая проходил подземным путем до завала где-то на территории находящегося по соседству здания бани.

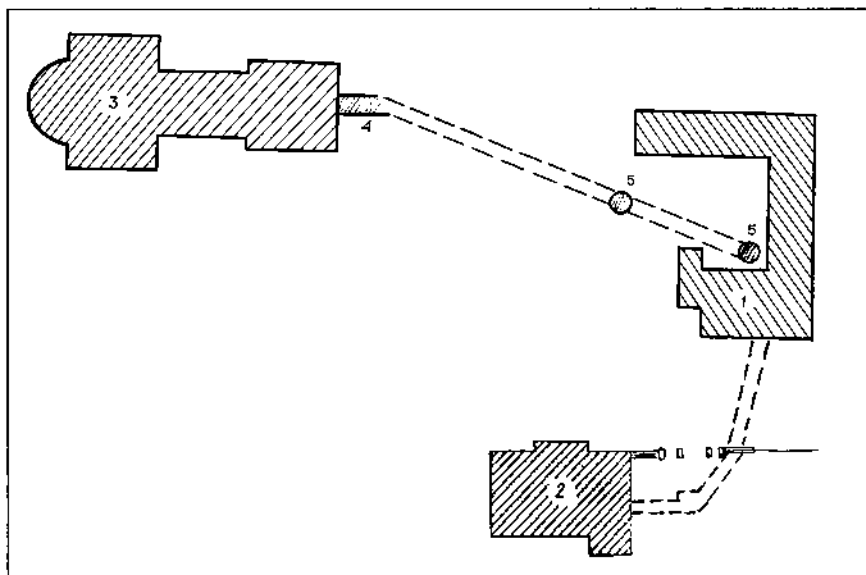
Так что же, из второго дома в церковь был подземный ход? Да, это можно утверждать с большой вероятностью. Тем более что неожиданно в руки попало еще одно свидетельство. Рязановская церковь в 30-е годы была переоборудована под кинотеатр, в военные годы здесь располагался один из заводских цехов, потом сильно

обветшавшее здание пустовало, разрушаясь, пока не попало в хорошие руки. Городские автомобилисты дали ему вторую жизнь: сооружение капитально отремонтировали и открыли там Дом культуры «Автомобилист». Во время реставрации расчистили подвал и обнаружили, что из него за контур здания идет сводчатый проход старинной кладки, подходит под проезжую часть улицы Розы Люксембург, где и обрывается обвалом. Направление хода вырисовывалось однозначно — ко второму Рязановскому дому. Итак, купцы и золотопромышленники Рязановы могли ходить в свою домовую церковь подземными путями.

Строители допустили ошибку: и подвал, и остаток хода засыпали строительным мусором (двести кубометров!). Засыпав подвал, лишили внутренней связи административную и зрелищную части здания. Чтобы попасть из одной в другую, нужно было, невзирая на погоду, выходить наружу. А ведь можно было сохранить подвал и вместе с ним, конечно, фрагмент старинного подземного хода.

Первый Рязановский дом (ул. Куйбышева, 63) на протяжении всего советского времени был обыкновенным жилым домом с коммунальной системой квартир. Незадолго до перестройки его расселили, а, как известно, пустой дом долго не живет. Став пристанищем бездомных, он быстро разрушался. Но в 1993 году его, с

- 1 — «Большой» дом Рязановых (ул. Куйбышева, 40)
- 2 — «Малый» дом Рязановых (ул. Куйбышева, 63)
- 3 — Свято-Троицкий кафедральный собор
- 4 — известный участок подземного хода
- 5 — участки случайных вскрытий хода

--- — направление подземных ходов

*Схема расположения подземных ходов
в районе Рязановских усадеб в г. Екатеринбурге (по данным автора)*

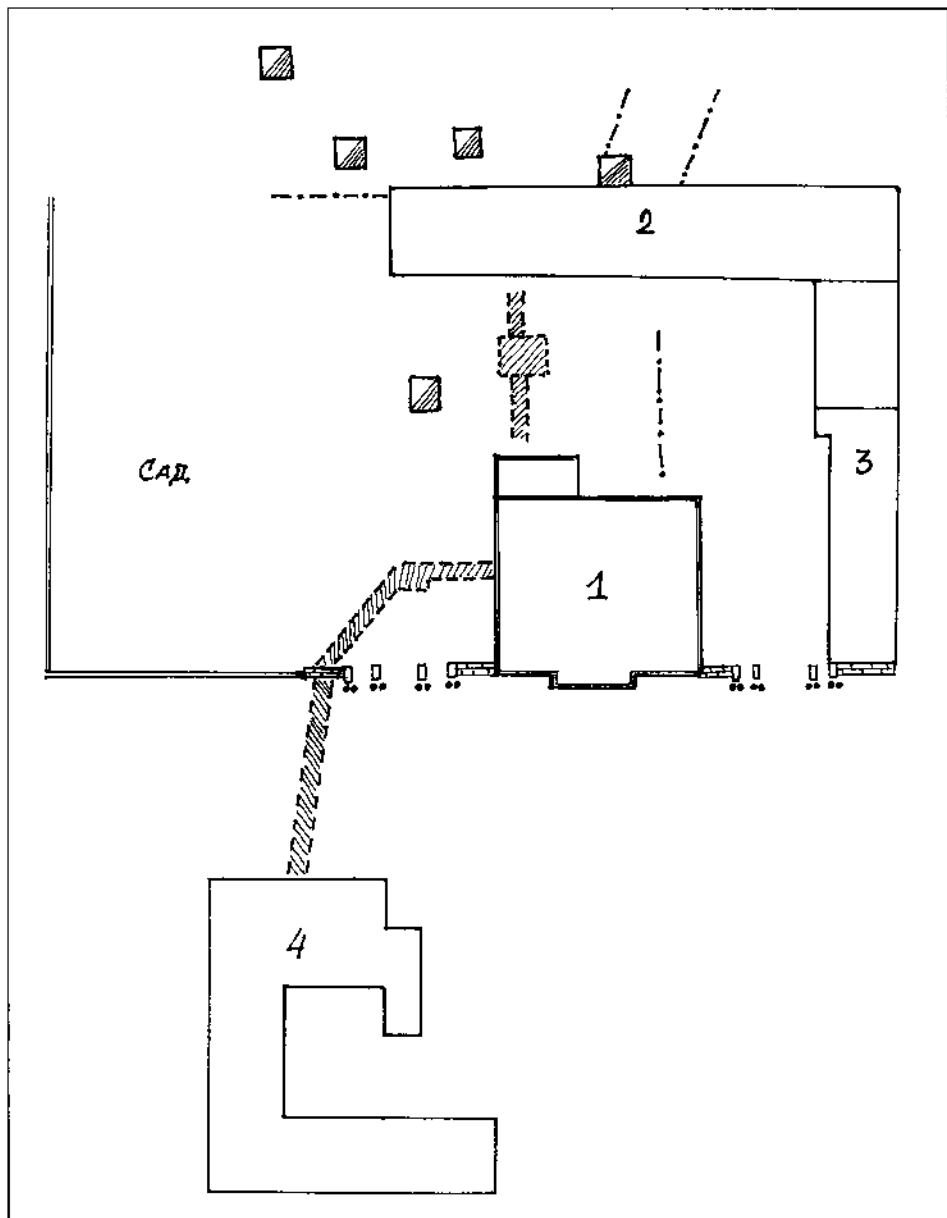
выбитыми стеклами, вырванными рамами и похищенными дверями, но еще с целыми потолками и полами, передали Институту промышленной экологии Уральского отделения Российской академии наук. Передали и дом, и все постройки на территории усадьбы. Ученые быстро и деловито принялись за реконструкцию. Пригласили специалистов для исследования технического состояния всех конструкций старых построек, грунтов территории и для оценки возможности присутствия в грунтовой толще подземных «сюрпризов». Нет, новых хозяев не интересовали тайны подземелий, для них были важны забытые и потерянные коммуникации: дренажи, сточные лотки, трубы и т. д. Но чтобы зафиксировать все это, нужно территорию обстоятельно «просветить» какими-либо известными и эффективными способами. Так, нашлась работа для геофизиков на территории старой усадьбы, «отягощенной» легендами о подземных сооружениях. Конечно, главная задача — дренажные каналы и трубы, ну а если попадется такое...

Территория внутреннего двора, бывшего сада и участок бывшего огорода вдоль речки Малаховки были размечены измерительными профилями и точками. Сложности сопутствовали с самого начала: усадьба за годы бесхозяйствования оказалась замусоренной и походила на свалку металла и строительных обломков, заросшую стойкими сорняками.

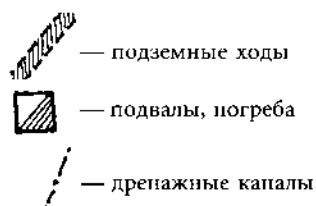
В результате выполнения геофизической съемки были найдены дренажные устройства — небольшого сечения каналы, отводившие воду и канализационные стоки из дома и зданий хозяйственных служб. Обозначились местонахождения погребов и подземных объектов, подобных отдельно оборудованным подвалам вне контура зданий. Выявлены фундаменты ограды, делившей хозяйственный двор и садовую территорию. Наконец обнаружили то, что давало повод легендам — исторические подземные сооружения. Подземный ход между двумя Рязановскими домами не просто по прямой через улицу соединял строения. Он выходил из подвала дома № 63 со стороны западной его стены, несколько метров протягивался под прямым углом к этой стене, а затем поворачивал к дому № 40. Второй выявленный ход располагался между домом № 63 и зданием хозяйственных служб в грунговом пространстве двора. Где-то в своей средней части ход либо расширялся, либо впадал в какой-то объем, напоминающий подземный погреб или подвал, а потом продолжался.

Работы были завершены, отчет обо всех исследованиях, в том числе и о находках подземелий, представлен институту. Началась реконструкция, и вскоре Рязановский дом (ул. Куйбышева, 63) стал выглядеть так же респектабельно, как при давних владельцах.

Но течение жизненных событий, как известно, не бывает однозначным. И над старым домом вновь появились грозные облака. Прошло совсем немного времени, каких-нибудь два-три года. У Института промэкологии кончились средства, да еще грянул всероссийский дефолт, и здание, закрытое поначалу на все запоры, обезлюдело и снова стало городским сиротой. Орава бомжей и наркоманов ринулась в дом, подпиливая оконные решетки и куроча прочные двери. В один миг было растащено все, что можно было взломать и унести, особенно «зверски» выдерали из стен электропроводку и распределительные коробки, потом рамы и косяки. Разбирали и пол. В сохранившихся стенах помещений образовались самые на-

- 1 — «Малый» дом Рязановых (ул. Куйбышева, 63)
 2 — хозяйственные постройки
 3 — складские помещения
 4 — «Большой» дом Рязановых
 (ул. Куйбышева, 40)

*Схема расположения подземных сооружений
 в усадьбе Рязановых (по данным автора)*

стоящие вертепы с невероятной грязью и мусором, со следами разведения костров. В конце концов один из костров сделал свое дело: сгорел мезонин, обрушился расписной потолок второго этажа, угрожающе повисли остатки конструкций.

К счастью, злодейские руки не добрались до подземелий. Говорят, что разгромленное родовое гнездо взяла под свою опеку Екатеринбургская епархия, намереваясь привести его в порядок. Но, видимо, своих сил пока не хватает, а привлечение спонсоров требует чего-то масштабного, грандиозного, чтобы потешить меценатское тщеславие. А тут что? Какой-то полуразваленный дом, благополучие которого не сулит фанфар.

Вблизи Рязановских домов есть красивый особняк из красного кирпича. Этот дом в псевдорусском «теремковом» стиле строил для себя промышленник Железнов на рубеже XIX—XX веков. Времена подземных тайн, казалось, прошли безвозвратно, но особняк Железнова не обошелся без маленького подземного сюрприза.

Верный старой традиции уральских богатых людей, Железнов вывел короткий, в несколько десятков метров, подземный ход из дома в сад, а другой — к дворовым службам. Точнее сказать, все подвальные помещения дома и служб были соединены между собой подземными переходами. Об этих ходах знали сотрудники Института имени Штернберга, занимавшего дом Железнова во время эвакуации в столицу Урала. С кем удалось встречаться, говорили о подземельях как о романтическом феномене, который скрашивал эвакуационные будни.

В одном из старых деревянных домов, уступивших уже свое место многоэтажному жилищу по улице Крестовоздвиженской (ныне — ул. Карла Маркса), из подвала дома шел подземный ход (или лучше — переход) в подвал амбара, где было и овощехранилище и ледник. Последний хозяин часто устраивал для гостей нечто вроде аттракциона, исчезая в каком-то закутке, а потом появляясь на крыльце за закрытой входной дверью.

Подобный ход был еще в одном снесенном доме, на месте которого стоит здание, называвшееся когда-то кинотеатром «Мир».

Такая же ситуация наблюдалась в другом конце города — на Ивановской горке, где располагалась группа зданий, принадлежавших спичечной фабрике Логинова. Под территорией фабричного двора проходили подземные связи между строениями.

«Домашние» лабиринты наблюдались в застройке Ирбита, в Невьянске, Шадринске, Полевском и других уральских городах.

Это не новость. Как мы уже знаем, на Урале с давних времен даже не очень влиятельные и знатные люди использовали этот прием соединения всех построек своей усадьбы. Может быть, такое решение было подсказано условиями сурового климата, может, боязнью лихих людей или старообрядческими таинствами. Вот почему так часто встречаются в черте старинных построек Екатеринбурга эти маленькие подземные лабиринты, молва о которых разносит преувеличенные во много раз слухи.

Иногда бывают курьезные находки, которые после некоторого анализа снимают с себя весь флер таинства.

В обращении жителя одного из старых домов (теперь уже, вероятно, утраченного) говорилось о том, что в дворовом пространстве существовавшей здесь бога-

той усадьбы по ул. Гоголя (в давние времена — Разгуляевская) он обустроивал свой гараж, копая под ним хозяйственную яму, и на глубине двух метров наткнулся на бревенчатый настил. Гаражевладельца этот настил заинтересовал. Он выпилил в нем люк и, вытащив выпиленную часть, увидел заполненную водой полость — ровнехонький куб из бревен (2х2х2 м). Пригласил приятелей, те откачали воду, но в объеме бревенчатого куба ничего не обнаружилось. Вся эта полость ежегодно заливалась водой до самого выпиленного люка.

Если посмотреть на план усадьбы, то рядом с этой бревенчатой полостью когда-то стояла баня, стоки из которой и собирались в этот отстойник. Не исключено, что туда же сливались и канализационные воды. Наверное, содержимое отстойника регулярно откачивалось, но баню снесли, а про полость забыли. Вот и появился «подземельный» ажиотаж.

Жители домов на теперь уже утративших старый колорит улицах Екатеринбургa Златоустовской (ныне — Розы Люксембург), Солдатской (ныне — Красноармейской), Второй Береговой (ныне — Горького) рассказывали еще каких-нибудь десять — пятнадцать лет назад о странных подземельях в своих дворах. Станных, потому что в них уходили сливные воды, вызывая удивление обитателей: десятилетиями льется, а куда пропадает, Бог ведает... Уж не образуется ли под двором «фекальное» озеро? Иногда находилась отгадка — случайно обнаруживались сооружения в виде протяженных каналов, иногда сводчатых, выложенных из кирпича, иногда с деревянной обшивкой, перекрытых толстыми плахами. Ширина таких каналов составляла не более 70—80 сантиметров, а высота — около метра, поэтому трудно их принять за проходы, предназначенные для передвижения людей, но, тем не менее, принимают и выставляют как нечто сенсационное. Стоит вспомнить, что перечисленные улицы когда-то принадлежали территории городской застройки Екатеринбургa, называвшейся Банной слободой. Значит, видимо, был смысл отводить водные и другие потоки от усадеб в сторону реки Исети.

Много лет назад, когда Екатеринбург еще был Свердловском, городские власти, взяв на себя призвание экологов, ршили окончательно очистить реку Исеть от всего наносного, что в ней плавало и лежало на дне. Окончательно — это значит, что попытки уже были, и весьма радикальные. Немногие из екатеринбуржцев помнят, что по берегам реки и городского пруда колыхался толстый слой мазута (знаки его уровней еще и сейчас можно видеть на граните набережной). Очистить — одно, а как остановить сброс явных и «подпольных» стоков — это другое. Обратились ко всем, кто спроваживает отходы своей «жизнедеятельности» в реку, чтобы закрыть на сутки заслонки в трубах. Для эксперимента, с измерениями и анализами. Закрыли. Но количество поступающих в реку стоков мало изменилось. Какие-то тайные каналы, может быть, из числа давно забытых и потерянных продолжали низвергать в водоем свое содержимое. Они там, эти каналы, в глубинах старого Екатеринбургa. Но их «работа» — это не наследие старины, а следствие нашего цивилизованного хозяйства.

Сейчас проводятся работы по благоустройству левого берега реки Исети ниже городского пруда с укреплением и облицовкой берегов. Там, где располагалась Банная слобода. Посмотрим, закроют ли свои зевы коварные подземные течи.

В поисках старинных подземелий снова переместимся в центр Екатеринбурга, в ту самую старую его часть, которая со дня основания находилась в крепостном четырехугольнике валов, частоколов и рвов. На главной площади (она и сейчас главная в городе — бывшая Кафедральная, ныне — площадь имени 1905 года) горделиво возвышался стройный кафедральный собор Во Имя Явления Господня, своим видом отдаленно перекликаясь с Петропавловским, что находится в одноименной крепости Санкт-Петербурга.

По свидетельствам историков и путешественников прошлого, собор имел глубокие подвалы. Однако никто из описывавших это здание или упоминавших о нем не оставил даже намека на то, что из подвалов выходили какие-либо подземные сооружения. Об этом стали догадываться после реконструкции площади.

Андрей Яковлевич Крокодилов (эту фамилию ему записала паспортистка в его самый первый паспорт, переименовав прежнюю фамилию Коркодинов — по месту, где жили его предки), екатеринбургский старожил, покидавший родной город надолго один раз, когда в составе танкового экипажа трудными военными дорогами гнал врага с нашей земли, написал в редакцию газеты, откликаясь на одну из публикаций о екатеринбургских подземельях.

«В 1927 году, будучи пятнадцатилетним подростком, я работал учеником штукатура. Кроме основной работы — ремонта фасадов зданий — бригада часто подражалась делать другую, побочную, связанную с мелким строительством. Так однажды подвернулась и эта «шабашка». Нужно было установить в подвале одного из домов на площади имени 1905 года какое-то оборудование, не то переплетное, не то типографское. Это здание цело и сейчас, оно фасадом выходит на площадь позади трибуны.

Бригадир и мастера послали в подвал сначала учеников Андрея Чинова, Василия Бахарева и меня. Указали место, где нужно было раскопать землю. Мы сняли совсем тонкий слой, и лопаты стали наткаться на что-то твердое. Это «что-то» оказалось гранитной плитой больших размеров. Вроде тех, что когда-то устилали тротуары екатеринбургских улиц. Плиту попробовали разбить, но камень не поддавался. При каждом ударе плита так гудела, словно под ней пустота. А может,

Кафедральный Богоявленский собор

действительно пустота? От мастеров мы знали, что так бывает. Бригадир Василий Марков распорядился плиту закидать землей, до конца рабочего дня (а оставалось немного) сидеть в этом отсеке и ждать, пока соберется вся бригада. В бригаде были крепкие мужчины. Ломами они сдвинули плиту, а под ней... открылось темное устье колодца. Сверху было видно, что стенки были выложены камнем...»

Колодец в подвале здания, да еще в историческом центре города! А вдруг это один из входов в лабиринт легендарных екатеринбургских подземелий?

Конечно, рабочие не удержались от искушения спуститься в колодец. Раздобыли толстую свечу, штукатур Медведев обмотался веревкой, завис над отверстием и стал осторожно спускаться, освещая стенки из тесаного камня. И почти сразу же задержал веревку, сдавленно крикнул. Когда его вытащили, объяснил, что дышать было нечем, а огонек свечи угрожающе уменьшился.

Спускаться еще раз не рискнули, хотя любопытство (да и корысть — а вдруг там богатый клад) толкало на разгадку неожиданной находки. Длинным шестом определили, что глубина колодца 3,5—4 метра. Бросали зажженную бумагу. Сначала огненный сполох угасал, не долетев до дна, но, видимо, шестом перемешали застойный воздух со свежим, поэтому в какой-то момент бумажный факел осветил дно. Колодец был абсолютно сухой. У самого дна в боковой стенке успели разглядеть темное отверстие уходящего из колодца тоннеля. Попробовали потом зондировать тоннель с помощью того же шеста, но длины этого зонда не хватало. И как ни хотелось взглянуть, что же там, в тоннеле, куда он ведет, все равно не полезли. Бригадир Марков, наверное, подумал: «Сокровищ в колодце не видно, а лупить глаза на какую-то дыру не стоит: жизнь дорога». Он приказал плиту задвинуть на прежнее место и использовать ее, забетонировав, как фундамент для будущего оборудования. Так и осталась погребенной тайна странного колодца.

Так что же все-таки за сооружение — колодец с боковым тоннелем? Фрагмент подземных лабиринтов кафедрального собора? Положительный ответ не исключается. Колодец мог быть входом в подземный переход к собору из какого-нибудь здания, в прежние времена стоявшего на месте того, о котором сейчас шла речь. Это мог быть дом священнослужителя или вообще принадлежащее храму строение.

Есть и другая версия. В здании, где был найден колодец, долгое время располагался Сибирский банк. Он занимал большинство помещений на первом этаже и в подвале, а на втором этаже размещалось правление Уральского технико-промышленного товарищества. До последнего времени в подвале здания функционировала комната-сейф бывшего банка. В ней глухие стены толщиной не менее метра, мощные двери из бетона и металла. Долгий период здесь находился склад. Колодец с тоннелем мог вести в другой сейф, но тайный, скрытый, подземный.

Вспоминается одна интересная ситуация, которая наблюдалась в другом уральском городе — Перми. После сноса ветхих домов в одном из кварталов обнаружили странное сооружение. В стороне от фундаментов зданий и остатков дворовых погребов под слоем земли был найден люк, закрытый тяжелой каменной плитой, вделанной в металлическую раму. Когда плиту сдвинули, то обнаружился вертикальный лаз, который оканчивался горизонтальным рукавом подземного хода. Ход приводил к решетчатой двери, за которой было сводчатое подземное помещение. Такое обособленное подземелье чаще всего определяется как тайник.

Возможно, хозяева Сибирского банка устроили нечто подобное и тоннель из колодца вел в подземный тайник, находящийся где-то вне контура здания. В такой сейф не так-то просто забраться даже хорошо оснащённому злоумышленнику. Уральский геолог и писатель А.А. Малахов проводил биолокационное зондирование вблизи здания бывшего Сибирского банка. Выяснилось, что в грунте около восточной стены здания отмечаются эффекты, которые сопутствуют наличию пустого пространства. Возможно, А.А. Малахов нашел объект, не имеющий отношения к таинственному колодцу, но не исключено, что в поле зрения биолокации попали неизвестные отсеки подвалов старого здания или подвалы стоявших на этом месте домов «офицерских и подьяческих».

Зашел разговор о подземельях как хранителях банковских ценностей, так сразу вспомнилось, что они могут работать и на преступников. И работали, да еще как! Разбойники всех мастей укрывали под землей награбленное, смутьяны всяких разновидностей держали в схронах оружие, взрывчатку и документы. И сами скрывались. Подземелья участвовали в политических войнах и смутах. Взять тот же колодец в Сибирском банке. Мы уже упоминали, что на втором этаже здания располагалось правление Уральского технико-промышленного товарищества. В нем работал один из организаторов и активных участников революционного движения на Урале, член Екатеринбургского комитета РСДРП С.А. Черепанов. В адрес правления на его имя шло большое количество нелегальной литературы и партийных документов. Ведь то помещение подвала, где найден колодец, могло принадлежать и товариществу. Властям невозможно было заподозрить, что в здании с такими солидными учреждениями вдруг хранятся крамольные документы. Конечно, это лишь догадка.

А вот уже не догадка, а факт. До сих пор в Екатеринбурге на Покровском проспекте (ныне — ул. Малышева) у самого Каменного моста стоит одинокий особняк. Когда-то он был в строю с другими, но тем не повезло, а этот уцелел, пусть переделанный и надстроенный.

Дом был построен в 1867 году и принадлежал известному екатеринбургскому антиквару, любителю старины и знатоку древнерусского искусства, а в советское время — одному из первых сотрудников областного архива Дмитрию Никитичу Плешкову. Под домом располагался глубокий подвал с двумя выходами. Не будучи приверженцем большевистских идей, Д.Н. Плешков не один раз проявлял чисто человеческое отношение к попавшим в беду, скрывая их в этом подвале от преследования властей. Первый раз после известных событий на Кафедральной площади в октябре 1905 года хозяин привел сюда Яшку-хулигана, известного нам как Свердлов, и тот жил в подвале три дня. Второй раз подземелье с тайными выходами послужило местом тайного пребывания одного из участников Свеаборгского восстания 1906 года.

Эти действия сохранили жизнь Д.Н. Плешкову в зловещем 1937 году, когда его, арестованного и уже сидевшего в других подвалах, отпустили, приговаривая: «Оказывается, он скрывал революционеров...»

Подпольщики прятались в подземельях старой визовской усадьбы по улице Конторской (потом она носила имя Ибаррури), где главный дом был соединен подземным ходом с флигелем. А в доме № 11 на Ломаевской улице (ныне — улица Фев-

ральской революции, почти утратившая свою застройку) не только скрывались «борцы за народное счастье», но и «заседал» позднее штаб Красной армии перед сдачей Екатеринбурга белым войскам. Дом этот чудом уцелел среди новой застройки бывшей Ссылной слободы, поглотившей невыразительными громадами прекрасный уголок старого жилого ядра Екатеринбурга. Уцелел именно чудом, так как за него и его ближайшее окружение долго и истово боролись историки, архитекторы, краеведы и просто жители, любящие свой город. Борьба проходила, как говорят в спорте, с переменным успехом, и подчас казалось, что ножи бульдозеров уже скрежещут в хаосе обломков. Дом отстояли, мало того, он даже отреставрирован, но его окружение (здесь, кстати, были здания, имевшие историко-культурную значимость и архитектурную ценность), увы, сохранить не удалось. Люди, жившие когда-то в доме № 11, сообщали о глубоких подвалах и подземных ходах. Один из ходов якобы тянулся до самого кафедрального собора, завязываясь в схему его подземных лабиринтов. А другой... Житель дома Адольф Константинович Епанчинцев рассказывал, что в общей коммунальной кухне был люк в подвал. Их, мальчишек, не пускали туда, боясь беды. Взрослые как-то раз, прихватив факелы, из подвала попали в подземный ход, направлявшийся ориентировочно в сторону городского пруда, а скорее, к какому-нибудь зданию на противоположной стороне улицы. Потом этот поход в подземелья живо обсуждался всеми жильцами на общей кухне, зажигая романтикой приключений присутствовавших там мальчишек. Искатели подземных тайн прошли по ходу несколько десятков метров и остановились перед завалом. Кровля хода выглядела непрочной, поэтому мальчишкам строго запретили туда спускаться, а позднее отцы семейств заложили вход в галерею кирпичом.

Интересно, что при строительстве известного в Екатеринбурге «Белого дома», где хозяйствуют административная и выборная власти области, строители дважды сталкивались со старыми подземными сооружениями. Когда рыли котлован, то наткнулись на обрушившийся кирпичный свод, а когда устанавливали одну из стальных опор здания, то заметили, что опора «ползет» вниз. Оказывается, какой-то из подвалов снесенных здесь старых домов был двухэтажным. Один этаж заметили, а на свод нижнего стала опираться конструкция, которая и «поползла». В полость нижнего этажа вбухали добрых два десятка самосвалов бетона.

Трудно сказать, как пользовались и пользовались ли вообще красногвардейцы ходом из дома № 11. Но А. Епанчинцев запомнил, что в подземелье нашли предметы времен Гражданской войны, в том числе сабельный клинок. Он демонстрировался всем жильцам.

В первые годы советской власти подземные сооружения часто оказывались предметом внимания чекистов. Бежавшие из города богатые жители оставляли клады в надежде на скорое возвращение. Возможно, и служители церкви понимали, что новая власть не пощадит церковное имущество и реквизирует его, что в конце концов и произошло. Иногда сведения о спрятанных ценностях крутились вокруг какого-нибудь тайника в подземельях. Чекисты опрашивали сведущих людей, сами спускались в подвалы и погреба, ходили по тоннелям, простукивая стенки.

Об одной из таких поисковых экспедиций в екатеринбургские подземелья поведал краевед М. Дайбо. Он сообщил, основываясь на материале беседы с участни-

цей такой экспедиции Анфисой Николаевной Боровских, что в 1921 году группа из пяти человек во главе с тогдашним председателем губчека «...прошла подземными путями через весь центр города». А. Боровских рассказывала краеведу: «Мы ломом открыли дверь, сделанную под шкаф, и все спустились в подземелье по каменной лестнице метра на три и прошли по тоннелю до Екатерининского собора (Екатерининский горный собор находился на нынешней площади Труда. — В. С.) прямо под алтарь... После этого спустились обратно и пошли дальше, вошли в здание, где раньше помещалась полиция (полицейское управление находилось недалеко от Екатерининского собора, здание не сохранилось. — В. С.), а оттуда прошли в здание жандармского управления, вошли в комнату без дверей и окон, в ней стояла кушетка, обитая кожей, в стене — кольцо. Ход из этой комнаты только подземный, по нему наша группа прошла обратно в Екатерининский собор...»

Какая интересная страничка из тайной книги подземелий! Правда, только чуть приоткрытая. Ведь вряд ли участники подобных экспедиций оставили после себя какие-нибудь записи о впечатлениях, схемы пройденного под землей пути. Не то было время. Главное — конечный результат, а значит — короткий рапорт руководству: нашли, не нашли.

Впрочем, бывают и другие записки: не отчеты и рапорты, а воспоминания. Бывший екатеринбургский чекист Г. Агабеков, ставший потом «невозвращенцем», в своей неопубликованной рукописи «ГПУ. Записки чекиста» пишет: «В конце 1920 года я из губкома (губернского партийного комитета) был направлен на службу в местное губчека. Мне было тогда 24 года. Помню вечное недоедание, голод и холод в Красной армии, где я до того служил. Они сменились более или менее сытой жизнью, как только я перешел в ЧК. Губчека помещалась на Пушкинской улице в доме № 7. Это было небольшое двухэтажное здание с большим подвалом для арестованных, с двором и конюшней в конце двора, где проводились расстрелы...»

Вернемся в центр Екатеринбурга. Конечно, не для того, чтобы еще раз вспомнить о подземных застенках, например о тех, какие до сих пор целы и функционируют в виде подземного гаража в глубине двора первого высотного дома. Он сначала назывался «Чекист» (ведь был выше всех), а потом «Домом старых большевиков». О современных подземельях еще будет разговор. Сейчас — все же о старине.

Кафедральный собор Во Имя Явления Господня был заложен в 1771 году на месте деревянного храма, строился поэтапно и в целом как единый архитектурно-строительный объем оформился к 1785 году. Но строительство продолжалось еще почти целый век: пристроена галерея, два боковых придела, сделана ограда. Храм представлял собой массивное, но гармоничное сооружение, разделявшее собственно Кафедральную площадь от Торговой.

В соборе были глубокие подвалы, состоящие из двух частей с проходом между ними. В подвалы можно было попасть изнутри здания и с внешней стороны. Старожилы однозначно свидетельствовали о наличии подземных выходов из собора. Кое-кто даже побывал в этих подземных проходах перед самым разрушением храма.

В апреле 1930 года Свердловоблсовет принял постановление о закрытии собора, одновременно отдав распоряжение тресту «Уралвзрывпром» взорвать здание в течение ближайших полутора месяцев. В светлую летнюю ночь на 30 июня 1930 года

храм был взорван. Строительные остатки частично вывезли, частично заполнили ими подвалы через проломы сводов. Сверху положили брусчатку. Время делает свое дело, происходят микропросадки грунта там, где был собор. Иногда после летнего дождя на поверхности в виде элементов микрорельефа — чередованием мокрых и подсушенных участков — проступают контуры храма, словно лик на Туринской плащанице. Не всем это дано видеть.

Одной из особенностей собора является то, что где-то в черте его приделов, а возможно, в алтарной части или даже вблизи стен с внешней стороны находится захоронение трех екатеринбургских архиепископов (Мелхиседека — 1845 г., Ирина — 1860 г., Поликарпа — 1894 г.), обретение останков которых имело бы значение для развития православия на Урале. Это обстоятельство, а также выяснение состояния руинированных фундаментов и отдельных элементов здания стали побудительным моментом для Екатеринбургского епархиального управления организовать исследования на главной площади города.

На площади появились геофизики с оборудованием, позволяющим осуществить измерения эффективным методом сейсмотомографии. Был выбран участок, превосходящий по размерам площадку, на которой располагался собор. Не все представляют сейчас, где именно находился главный храм города. Вопреки представлениям ни трибуна, ни памятник пролетарскому вождю к местонахождению собора не имели отношения. Вход в здание (в притвор) был на расстоянии около 5 метров от края платформы, на которой возвышается трибуна. Это с западной стороны. Колокольня приходилась точнехонько на линию оси 1-й Богоявленской улицы (ныне — улица Володарского), а центр основного объема храма совпадал с центром входа в здание городской администрации. Таким образом, собор занимал большую часть главной площади.

Когда были получены результаты и отстроены планы, предстала впечатляющая картина. Обозначились контуры фундаментов стен, выявились входы в подвальную часть, даже зафиксировалась плотная стена, разделявшая подвал надвое. Виден мощный фундамент пилонов колокольни, уцелевшие боковые фрагменты рухнувших сводов.

А вот могилы архиепископов определить не удалось: отсутствовал структурный контраст, своды склепов могли обвалиться. Без раскопок задачу обнаружения захоронений, видимо, не решить. Но было выявлено другое. В фундаменте северного придела, обращенного к улице Володарского, просматривались две локальные плоскости, словно два выхода наружу. А когда вдоль этой северной стены провели наблюдения за когда-то существовавшей оградой храма, то стало ясно, что полости в фундаменте совпадают по местонахождению с такими же двумя полостями за оградой. Осталось только соединить их, чтобы получилась структура двух подземных ходов. Они направлялись в сторону здания Сибирского банка. Не к тем ли подземельям с колодцем? До того, как появилось здание банка, а до него два купеческих дома, здесь в XVIII веке стояли церковные постройки и жилища священнослужителей. Старая застройка с обширными подвалами, соединенными друг с другом, существовала на 2-й Богоявленской улице (ныне — ул. Урицкого). После постройки на этом месте купеческих домов в начале XIX столетия подвалы остались и были приспособлены под склады товаров. Исследования этих сооружений

(ул. Урицкого, 1) дали возможность восстановить структуру подвальных помещений, засыпанных в 20-е годы XX века. Определено несколько объемов, связанных проходами. Они могли иметь когда-то подземную связь с кафедральным собором.

Как происходит всегда и везде, молва соединяет Богоявленский храм со всеми постройками в округе, особенно с такими значимыми, как гостиный двор, Горное правление, Дом горного начальника и другими. Никаких серьезных свидетельств этого нет, как не было никаких прямых находок. Наверное, до поры до времени.

В настоящее время в городских структурах рассматривается (а может быть, как это теперь бывает, уже рассмотрен, но информация не разглашается) вопрос о строительстве в подземном пространстве площади 1905 года многоэтажного автостояночного и торгового комплексов. Выполнение этого строительства неизбежно свяжется с дальнейшей судьбой остатков Богоявленского кафедрального собора, уже испытавшего акт вандализма. Необходимо тщательно и со всех сторон рассмотреть грядущее вмешательство в структуру главной площади города, запланировать и провести подробные археологические раскопки, принять решение если не о восстановлении собора в прежнем виде, то хотя бы о максимальном сохранении существующих остатков как неперемного элемента культурно-исторического наследия.

В Екатеринбурге существует до сих пор одна улица, облик которой сохраняется почти неизменным уже в течение ста лет. Это улица Архиерейская (ныне — Чапаева). Действительно, большинство зданий, принадлежавших именитым купцам и промышленникам, уцелели в вихре времен и даже по мере надобности реставрировались. Правда, оказались утраченными великолепные дворовые пространства с садами, выходившими к реке Исеть. Угол Архиерейской улицы и одноименного переулка (ныне — улица Тверитина) занимала усадьба главы Екатеринбургской епархии с Крестовой церковью. В 20—30-е годы XX века и архиерейский дом, и церковь были неузнаваемо перестроены и надстроены (еще можно видеть закругление центральной апсиды, если посмотреть на здание с восточной стороны). Здание сначала занимала школа НКВД—КГБ, а потом его передали пульмонологическому центру. Кстати, вместе с когда-то прекрасным садом, отдельные участки которого сохранились до сей поры. Архиерейская усадьба обладала своими подземными тайнами. Однажды известный екатеринбургский краевед В.К. Некрасов передал мне исписанный крупным почерком листок. Это было свидетельство об одном подземном путешествии, осуществленном в 1900 или 1901 годах. Вот его текст.

«Брат моей бабушки Евгений Гаврилович Турышев, смотритель по строительству казенных зданий в Екатеринбурге, дружил с известным в городе человеком — потомственным почетным гражданином Телегиным Олиmpiем Ефимовичем, который, кроме всяких других занятий и дел, состоял в старостате Архиерейской Крестовой церкви. Однажды он пригласил Е.Г. Турышева, как специалиста, сведущего в строительных делах, посмотреть подвал Крестовой церкви, а затем, после осмотра помещения, пройти по подземному ходу в сторону усадеб на Архиерейской улице, то есть в северном направлении. Пошли. Ход был длинный, с уступчатыми подъемами и спусками. Иногда останавливались и поднимались в подземное пространство садовых беседок, откуда через люки можно было выйти в сад Давыдо-

вых, Ошурковых и Нуровых. Ход заканчивался именно в Нуровской усадьбе, что расположена на углу Архиерейской и Александровского проспекта. Здесь Олимпий рассказал приятелю, что от Нуровского дома есть подземный ход, ведущий на запад, в сторону Ново-Тихвинского монастыря, и, может быть, даже выходит наружу где-то на территории обители. Но ход завален грунтом и залит водой, поскольку его начало приходится на участок бывшего болота, а щел он в сторону монастыря также уступами...»

Другие свидетельства о подземных тайнах архиерейского подворья дошли до нас почти через сто лет. По рассказам очевидцев — жителей домов, когда-то принадлежавших усадьбе, расположенных на юго-восточном участке сада почти на берегу реки Исети, одно из зданий имеет обширный подвал, из которого подземная галерея уходила к Крестовой церкви. Другие здания также соединялись с первым подземной связью. Этаким маленький подземный лабиринт с провалившимися участками грунта, и эти провалы жители использовали для складирования мусора.

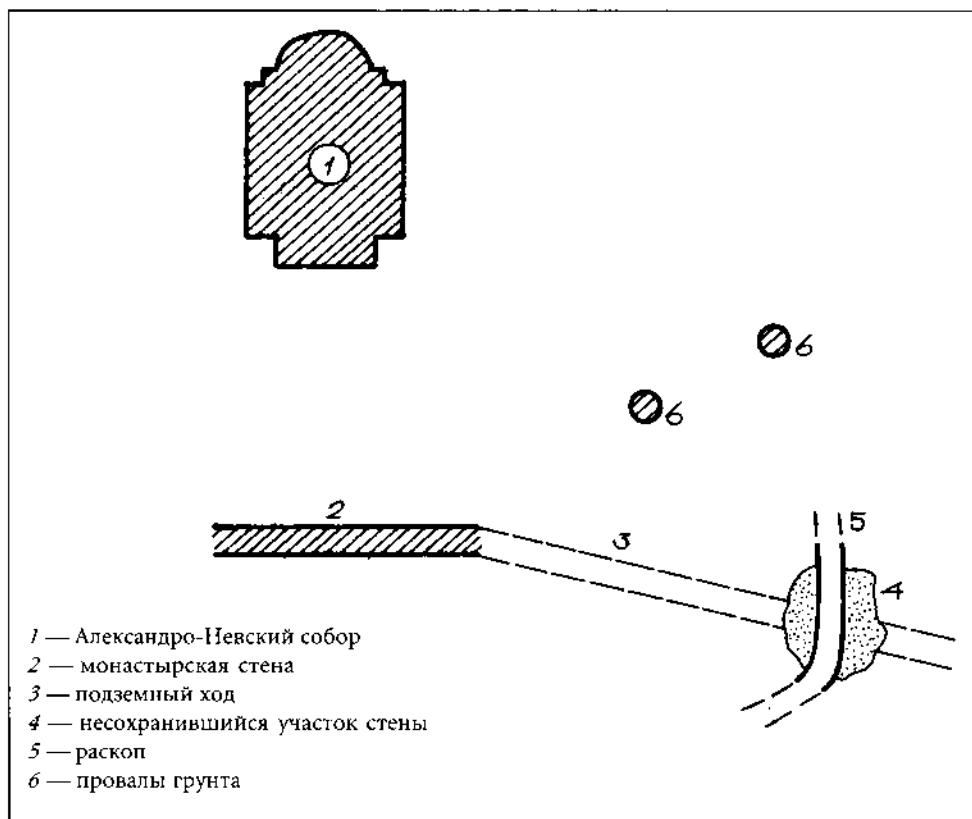
Пока сад существует, можно попробовать установить точное местонахождение подземных сооружений с помощью геофизических методов и последующих точечных раскопок.

В старом Екатеринбурге был еще один уголок, где подземные тайны просто обязаны были быть. Это Ново-Тихвинский женский монастырь. На знаменитой фотографии-панораме Екатеринбурга конца XIX века, сделанной замечательным уральским фотографом В.Л. Метенковым с колокольни Екатерининского собора, монастырь занимает верхний левый угол. В дымке выступают его невысокие белые стены и круглые башни. А там, за стенами, из слившихся в темную полосу деревьев поднимаются светлые силуэты соборов. Ново-Тихвинский монастырь был основан в конце XVIII века, и первые каменные здания его появились в 1796 году, то есть относятся к периоду бурного строительства уральских заводчиков. Как и везде, монастырские тайны под землей тщательно оберегались. В подвале центрального собора монастыря (Во Имя Святого Александра Невского) долгое время находились запасники областного краеведческого музея. Работники фондов свидетельствовали, что в подвале помещения есть замуровки ходов или лазов в другие помещения, которые, возможно, имели внешние подземные связи. Очень любопытно, что одна из настоятельниц монастыря, как говорили сведущие люди в начале XX века, была погребена в большом склепе у северной стены собора, к которому под землей из подвала был короткий ход. Трудно оценить, было ли это так.

Дело в том, что до сих пор не проводились исследования территории монастыря и его сооружений. До самого последнего времени не вся земля принадлежала монастырю и не все строения. После упразднения обители в 20-е годы XX века сюда надолго вселялись различные воинские учреждения и части, а потом до начала 60-х годов доступ на территорию был ограничен. Тем не менее в стенах монастыря постоянно проводились различные достаточно объемные земляные работы, при которых обнаруживались старые фундаменты каких-то первоначальных построек, большие склепы плотной старинной кладки, захоронения попроще, а однажды военнослужащие раскопали самый настоящий подземный ход. Через тридцать с лишним лет очевидец этого события Борис Николаевич Полянский,

руководивший работами в котловане, вспоминал, что сначала наткнулись на кладку свода из бутового камня. Когда расчистили место, открылось сечение хода, облицованного таким же камнем. Высота раскопанного сечения при замерах оказалась равной 1,6 — 1,8 метра, а ширина — около 1,2 метра. Тоннель уходил под западную стену монастыря (к сожалению, уже не существующую на этом участке) и поворачивал за стеной на север. Далеко проникнуть в него не удалось: кто-то из высокого начальства приказал засыпать все откопанное. Весной 1985 года Б.Н. Полянский показал место подземного хода архитектору Л.Н. Смирнову, который составил примерную схему расположения этого потаенного сооружения. Как выяснилось далее, на территории монастыря часто фиксировались провалы грунта. Трудно сказать, что это были за пустоты: осевшие могильные склепы или элементы подземной системы монастырской территории.

Екатеринбургский Ново-Тихвинский монастырь имел два подворья-заимки, то есть две дочерних структуры, которые занимались сельскохозяйственной деятельностью на достаточно обширных угодьях. Подворья были уменьшенной копией материнской организации: главный храм, жилые корпуса, хозяйственные постройки, глухая ограда.

*Подземный ход в екатеринбургском Ново-Тихвинском монастыре
 (реконструкция Л.Н. Смирнова)*

Одна заимка располагалась на окраине Екатеринбурга в селе Елизавет (ныне это часть Чкаловского района города), а другая в 12 километрах от села Булзи (в настоящее время здесь проходит граница Свердловской и Челябинской областей по реке Щербакровке).

Село Елизавет (в начале XX века — Верхний Уктус) получило свое название по когда-то находившемуся здесь железодельному заводу цесаревны Елизаветы. Завод был построен на реке Уктус (ныне — Патрушиха) в 1722—1726 годах, однако функционировал весьма короткое время. Позднее в селе появились мельница и лесопилка. В период 1802—1829 годов постройки завода использовались под рудотолчейную и промывательную фабрику, которая получала руду с казенных Березовских золотых промыслов. В 40-х годах XIX века на прилегающих к бывшему заводу площадях была образована сельскохозяйственная заимка Ново-Тихвинского женского монастыря. В 1872 году был построен каменный храм Всемилостивого Спаса с приделами Во Имя Святой Великомученицы Параскевы и в честь Архангела Михаила.

После упразднения монастыря в большевистский период заимка была передана молочной ферме, а затем долгие годы здесь размещалась областная полеводческая станция. Перед новым обретением храма в 1989 году в его объеме располагались службы реставрационных мастерских. Бывшая заимка женского монастыря стала мужским монастырем Всемилостивого Спаса.

Монастырь взялся не только за реставрацию главного собора, но и за постройку новых зданий и ограды с башенками. При составлении проекта, естественно, возник вопрос о состоянии грунтов территории.

Начались исследовательские работы. Что же предполагалось установить?

Во-первых, за прошедшее время были «потеряны» коммуникации: теплотрассы, канализация, кабельные каналы. Конечно, они зафиксированы на старых планах, но эти планы либо утрачены, либо уже не отражают реальную ситуацию.

Во-вторых, территория прошла через процессы строительства и сноса построек, после чего могли остаться в грунте фундаменты и остатки других конструкций.

В-третьих, совершенно не исключалось наличие старинных подземных сооружений. Предпосылками к их наличию являлись легенды об алтарном ходе (а иногда упоминалось о двух ходах), который отходил от участка апсиды храма в глубь двора заимки. Были свидетельства очевидцев — работников реставрационного участка — о подземном ходе, вскрытом вблизи северного фасада храма и продолжавшемся на другой стороне улицы Бисертской.

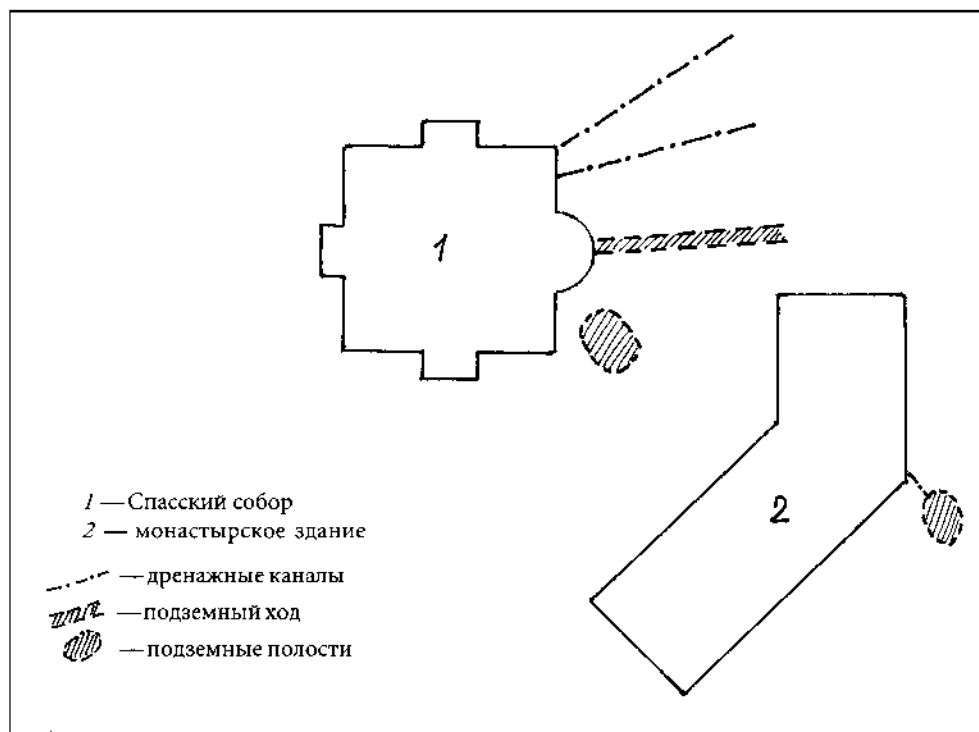
В результате комплексного исследования обозначено местоположение коммуникаций всех типов. Сколько-нибудь значимых фундаментных конструкций, способных помешать строительству и реконструкции, не выявлено. Как говорят старые планы монастыря, кроме главного собора, здесь не было капитальных каменных зданий, а для прочих не требовалось устройства мощных и глубоко сидящих в грунте фундаментов.

Подземные сооружения. Вблизи северо-восточного угла храма из-под здания выходят два дренажных канала. Они фиксируются как протяженная пустота сравнительно небольшой ширины. А вот от апсиды протягивается самый настоящий подземный ход, давший аномалии по всем примененным методам. Возможно, он

двурукавный, местами обвалившийся. Направлялся ход в сторону восточной стены монастыря. Интересное открытие было сделано на участке вблизи юго-восточного угла собора Во Имя Всемилоственного Спаса. Здесь также по результатам работы всеми методами выявлена обширная аномалия, связанная с подземным пустотным объемом, как будто в грунте на глубине 1,5—2 метров находится комната в виде куба 3х3х3 метра. Забегая вперед, можно сказать, что после всех исследований монахи попробовали копать грунт. Мы видели шурф глубиной до 75 сантиметров, нам рассказали, что с углублением в грунт все более и более слышали звук пустоты, но, докопавшись до этой отметки, раскопки прекратили. Почему? Трудно сказать. Может быть, не хотелось обнаружить тайное сооружение, а были надежды на какие-то значимые находки. Так никто и не знает, вскрыли пустоту или нет — монастырская тайна.

Что могла представлять эта полость явно техногенного происхождения? Либо тайник с подземным коротким коридором из подвала храма, либо так называемую «крестильную яму», куда по трубам сливается вода из купели после обряда крещения.

Еще одна полость, но меньших размеров была обнаружена на хозяйственном дворе позади братского корпуса. Она тоже фиксировалась одновременно несколькими методами. Но здесь у интерпретаторов не возникло разночтений: найден подземный отстойник для хозяйственных сливов.

*Подземные сооружения монастыря Всемилоственного Спаса
 (по данным автора)*

Булзинское подворье — заимка Ново-Тихвинского монастыря — было заложено в 60-х годах XIX века. По описи 1910 года в нем находилось 52 строения, в том числе каменный собор Во Имя Симеона Верхотурского Праведного с приделом Св. Магдалины. После варварского налета в 1920 году большевистского отряда, сопровождавшегося расстрелом 6 монахинь, подворье было разграблено и завершило свое существование. В последующие годы постройки хаотически разбирались, материал увозился в соседние селенья, а оскверненный храм, лишенный дверей, окон и полов, остался одиноко стоять на зарастающей деревьями и кустарником территории. Он был вновь «найден», а точнее — обретен для общества уже в самом начале нового, XXI столетия.

Православные энтузиасты вытащили из храма мусор, почистили территорию, вскрыв фундаменты разрушенных построек, замазали на стенах собора скабрзные надписи. По заявке нынешнего монастырского руководства Ново-Тихвинской обители специалисты выполнили обмеры сооружения, сделали обследования технического состояния стен и сводов, оценили несущую прочность конструкций и узлов. Осмотрев территорию с оставшимися фрагментами зданий, сразу обратили внимание на сухие глубокие колодцы, положение которых укладывалось в некую систему. Колодцы в большинстве имели стены, выложенные из тесаного камня, а некоторые были обшиты деревянными толстыми плахами. Были найдены подземные скиты — куполообразные сооружения, выложенные внутри из каменных блоков. Наружу из сводов выходили отверстия, по-видимому для печных труб.

Геофизики со своими приборами вкупе с дозоходцами с их рамками обошли контуры собора и получили сигналы о наличии подземных галерей. На площадке перед апсидой провели детальные исследования. Оказалось, что из-под алтарной залы храма выходят под углом друг к другу два подземных хода. Их общее направление — в глубь густо застроенной когда-то монастырской территории. Это направление согласуется с расположением некоторых сухих колодцев, будто они, эти колодцы, являются либо вентиляционными устройствами, либо выходами из подземелий. Интересно, что после анализа геофизических данных была определена ширина этих ходов. Она оказалась классической — 70 сантиметров.

Симеоновский собор, несомненно, имел глубокий двухуровневый подвал. Вход в него заложен давно, вполне вероятно, в годы функционирования подворья. В фундаменте стены, отделяющей алтарную часть от основного объема собора, у самой поверхности слоя грунтовой засыпки, виден небольшой свод заложенного (и засыпанного) дверного проема. Может быть, за ним разгадка всех тайн монастырского подворья, о которых ничего не рассказали шесть расстрелянных монахинь?

Екатеринбург — город динамичный. Каждый день приносит что-то новое, иногда необычное. Мы уже привыкли к новостройкам, «попирающим» рекорды прежней высотности, привыкаем к тому, что появляются они вдруг на месте старой исторической застройки и переводят город в разряд неисторических, привыкаем и к открытиям, которые делают наши историки и краеведы, теперь уже не связанные догмами и решениями каких-либо партий. Иногда эти открытия очевидны, как дым от огня. А бывают места в подземном мире, когда этого огня много, а дым появляется очень поздно. В одно из таких мест, называемое горожанами Город-

ком чекистов, удалось попасть автору телепередачи «Екатеринбургские тайны» И.М. Гладковой. Своими впечатлениями Инна Марковна поделилась в публикации об истории строительства этого комплекса.

«...Городок чекистов, как и все стройки коммунизма, возводили в основном заключенные. Их имен мы не узнаем никогда. В начале 30-х годов поставили здесь высокий забор и начали рыть огромный котлован. В результате имеется еще огромный подземный город — главная тайна этого места. И ее теперь ежедневно разгадывают работники служб эксплуатации, потому что ни одного плана подземных коммуникаций или съемок нет — то были секретные документы.

Виктор Нестеренко — единственный сегодня, кто знает почти весь подземный город. Здесь слесарем работал его отец и часто брал с собой шустрого мальчишку. Теперь, когда многие дома и коммуникации городка пришли в аварийное состояние, Виктор открывает подвал и безошибочно идет по лабиринтам...

Я со съемочной группой телевидения тоже решила на рискованную прогулку. Не знаю, что ощущают спелеологи, спускающиеся шаг за шагом в неизведанные пустоты пещер, но мы чувствовали себя не лучшим образом. Горы мусора — риск запнуться и упасть, провалиться в прогнивший люк. Проходы то сужались, то расширялись. Ненароком можно через пролом нырнуть даже в подземное озеро. Кстати, вода чистая. И глубина метра четыре...

Осторожно, высвечивая дорогу, двигаемся по длинному подземелью дальше. И наш гид, конечно, впереди. Он слышал о других подземных ходах, которые соединяли городок с Окружным домом офицеров, со штабом УралВО, со специальным правительственным бункером гражданской обороны под Вознесенской горкой. Но сейчас все замуравано. А легенды остались...»

Так остаются в памяти и сведения о совсем недавних находках и обретениях. Например, по свидетельству одного из метростроевских геологов, когда прокладывали тоннель к станции «Геологическая», то обрушили большую рукотворную полость примерно на том месте, где в дендрологическом парке стоит часовня, посвященная освобождению крестьян от крепостного права.

Подробных сведений о находках нет. Метростроевцам, подолгу не получавшим заработанное, не до городских загадок подземного пространства. Но будем надеяться, придет время для внимания и к этому объекту.

В центре Екатеринбурга был завод безалкогольных напитков. Выпускал он всякие «Крюшоны», «Яблочко». А основа завода и его корпуса — это старинное медопивоваренное предприятие Филитц. Дом этой семьи сохранился, обрел статус памятника архитектуры, а здания завода, надстроенные и перестроенные после экспроприации, сейчас проходят новую и, наверное, последнюю стадию разрушения.

Но под ними хорошо сохранились большие глубокие подвалы, где выстаивались напитки, которыми утоляли жажду екатеринбуржцы того далекого времени.

Подвалы сводчатые, стены и своды выложены из бутового камня. Наверняка когда-то соединялись с хозяйским домом — так было принято.

«Дорогие товарищи! У нас дома получился обвал. Отверстие сверху 1,5 метра на 1 метр, а глубина 5 метров или больше. А там — тоннель. Нас, стариков, этот тоннель заинтересовал, а спускаться боимся — надо, наверное, крепь сделать, а потом исследовать. Вы знаете, к кому обращаться. Может, надо попросить геологов или

других исследователей. Может быть, там, в тоннеле, какие-нибудь ценности. Обязательно позвоните в ЖКО Верх-Исетского завода, а то они отверстие завалят... Мой адрес...»

Вот такие письма нередко приходили в издательства, в редакции городских газет, в общественные организации.

...Передо мной схема города Екатеринбурга. В разливке кварталов и улиц ярким красным цветом выделяются четырехугольники, кружки и прямые линии. Их много в границах территории старого Екатеринбурга. Схеме почти тридцать лет, и тогда старый город еще существовал со своей исторической застройкой. Все эти знаки — результаты биолокационных исследований, которые проводил профессор А.А. Малахов, в течение длительного времени обходя все уголки Екатеринбурга и вынося на план свои наблюдения. Схема непривычна для восприятия, парадоксальна и фантастична. Она едва ли будет принята всерьез той частью читателей, которая отрицательно, а в лучшем случае недоверчиво относится к дозоходу, биолокационным возможностям и непонятым пока тонким энергиям и их полям.

Эта часть достаточно велика. Поэтому я долго размышлял: публиковать эту схему или подождать каких-то благоприятных времен, когда произойдет некий прорыв в современных научных представлениях об этом феномене. Верх взяло второе — подождать. И это дань памяти А.А. Малахова. Слишком много и часто он испытывал недоверие, а подчас и просто враждебное отношение к своему биолокационному опыту.

Анатолий Алексеевич ушел от нас неожиданно, не боля. Тромб остановил сердце человека, готового к новым идеям и поискам. В пишущей машинке осталась 17-я, недопечатанная страница созревшей в мыслях рукописи. Здесь было описание обнаруженной с помощью биолокации гигантской полости под массивом Мань-Пулыг-Нер с его колоритными останцами, напоминающими застывшие фигуры великанов. Последняя фраза на странице: «... вход в полость находился...»

Где? Это ушло вместе с профессором. Какие-то неведомые силы не позволили дать координаты этого входа, не позволили и дальше двигаться к раскрытию величайшей тайны мира — наследия гиперборейской цивилизации. А на Урале гиперборейцы были. Точно и несомненно. И оставили следы. Может быть, и под Екатеринбургом. Но это — другая тема.

Кукуйский тоннель и другие

Алапаевский зеттстер. Алапаевская церковь владеет подземной тайной. Склады в склоне берега. Легенда о подземном ходе с акустическими свойствами. Тоннель из Кукуйской ямы. «Царские ворота» под зеттлей. Тоннель Гутбольдта и озеро Шартахи. Колодцы Глубоченского тоннеля. Старинные тоннели — памятники техники и истории.

Алапаевск строился по законам уральского завода-крепости. Прямоугольник обнесенных валом и разбитых на кварталы строений, вытянутый рукав заводского пруда, с одной стороны ровно отрезанный плотиной, после которой речка Алапахта видится тоненькой ниточкой, квадратики заводских цехов и служб по обе стороны этой ниточки, а у плотины беспорядок самых различных форм — это церковь, дом управителя, дома священников и торговцев — словом, местной заводской знати. Вот так выглядит план старого «заштатного города Алапаевска», который «...чертил уездный землемер коллежский регистратор Иван Резанов...». Как всегда, на плане нет никаких намеков на подземные сооружения. Все, что видел землемер воочию, он и вынес на этот план. А мог ли он, Иван Резанов, знать о большем? Конечно, делая измерения строений, нанося на план каждый сарайчик, отмеряя сажени и превращая их в английские дюймы масштаба, землемер не мог не ведать о том, что у него под ногами. Ведь он распорядитель территорий и участков, без его слова и мнения никто не начнет нового строительства. Да, это так, но только не в пределах уральского завода-города, где полнота власти всегда была у хозяина или управителя, где все общество опять же представляли они.

— Делай, Ванька, как велют, — учил управляющий землемера.

— Так ведь изводите знать, ваше превосходительство Константин Николаевич, — мялся землемер, — на этом месте как раз потайник обозначивается...

— Откуда тебе знать про это? — наступал управитель. — Кто много знает, знаешь где бывает? Ты про демидовские дела слыхал? У него кто много знал, тот в стене, за тремя рядами кирпичей, замолкал... Сейчас времена другие, — смягчался управитель, — но все ж про потайник-то помалкивай, нету их у нас. Не-ту-у!

И землемер, имевший самый маленький чин российского чиновника, наверное, согласно кланялся, пятился к двери и думал: «Упаси боже залезть своими мыслями под землю... Мне что — знай свое: тут угол, тут сажень, тут дюймик. А остальное — покорно благодарим».

Землемер Иван Резанов мог иметь сведения только о подземной связи управительского дома с Святоалексеевским собором — центральным культовым сооружением старого Алапаевска. А если не управительского, то здания бывшего волостного управления (ныне здесь раз-

мещается горсовет), где с первого этажа вниз ведет интересный спуск, завершающийся непонятным туликом — будто еще в старину выложили здесь стенку. Вполне возможно, что никаких других тайных путей в этом городе и не существовало. Краеведы и старожилы в один голос свидетельствуют только об этой связи.

Казалось бы, как заманчиво протянуть, например, потайной ход от собора к обрыву берега реки Алапахихи. Там даже есть несколько больших сводчатых склепов, врытых в склон. Их мощные цилиндрические своды, стянутые металлическими связями старинной конструкции, их значительная (до 8 метров) длина, их удобное расположение давали возможность построить гипотезу о причастности к какой-то подземной системе. Однако в склепах не найдено никаких признаков тайных выходов. Нет следа замуровок, кроме тех, что сейчас напрочь закрывают доступ в эти полуподземные объемы из соображений безопасности.

Да еще вспоминается алапаевцами легенда о подземном ходе из Екатерининской церкви куда-то в сторону давным-давно заброшенных горных выработок. Якобы ход этот известен многим. Когда в него спускались искатели приключений и двигались в сторону церкви, то даже слышали церковные песнопения. Никто из ныне здравствующих людей не подтверждает наличие этого хода какими-либо фактами.

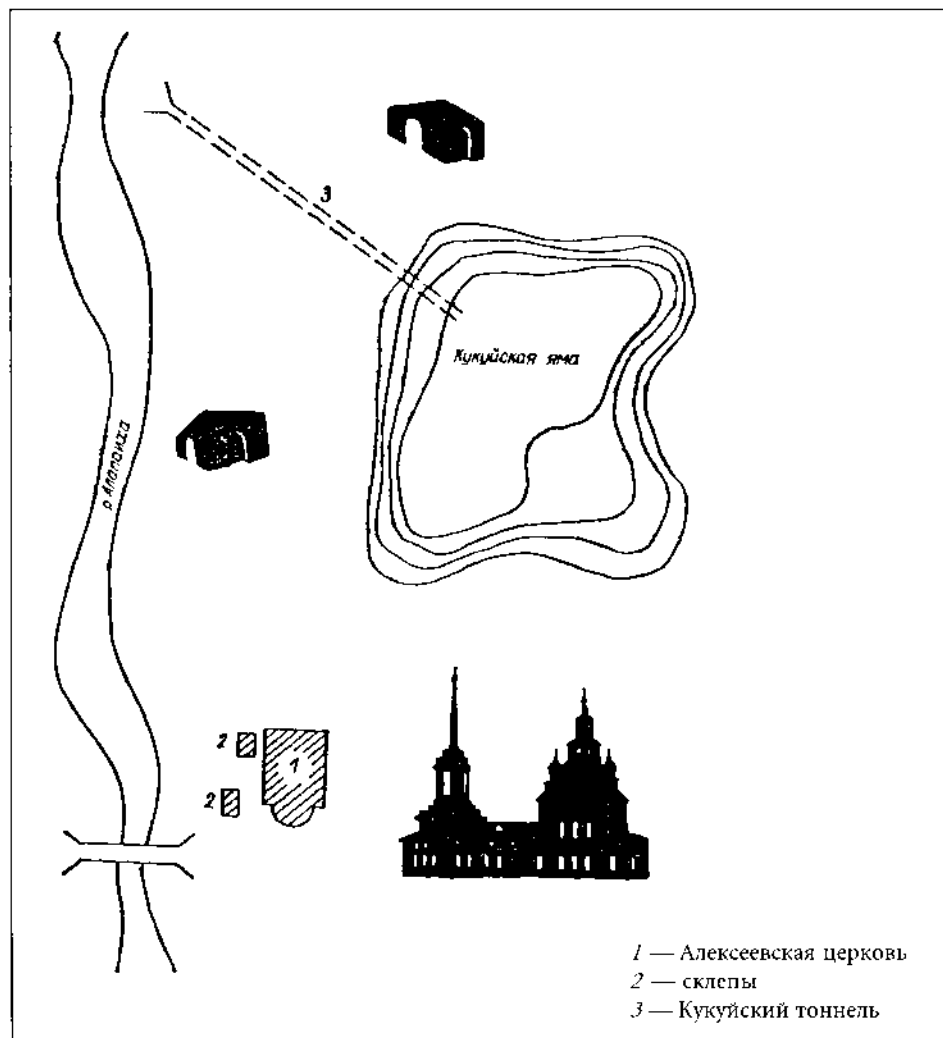
Наверное, здесь можно было бы поставить точку. Но есть в Алапаевске один старинный объект, реально существующий, несколько не уступающий по своему значению самым тем лабиринтам, что носят в себе самые заковыристые исторические загадки.

Это так называемый Кукуйский тоннель. Подземный канал чисто технического назначения. Может быть, тем он и ценен, что, будь признан, исследован и реставрирован, вполне принадлежал бы к разряду памятников уральской техники. Недобро как-то назвали старый карьер, из которого берет начало этот тоннель, — Кукуйская яма. Яма — это всегда то ли препятствие движению, то ли еще хуже — сборник мусора и отбросов. Кукуйскую яму, как и бывает с брошенной глубокой горной выработкой, затопили грунтовые воды. Потом туда добавила свою долю верховодка. А водообильные весны переполняли старый карьер, создавая опасный подпор грунтовых вод для строений завода и жилья. Тогда и появилось решение: обеспечить регулируемый сток весенних вод из Кукуйской ямы. Пусть будет вода в карьере, но если ее уровень повысится непредугаданно, то излишки должны найти безопасный сток. Рыть канаву нашли невыгодным — слишком она была бы глубока, а значит, и дорога, свободного места для нее в тесной застройке не находилось, да и избезобразила бы канавка весь благополучный лик уральского городка. Так появилась мысль о подземном тоннеле длиной ни много ни мало около двухсот метров. Такой подземный канал сделали, и он исправно служил долгое время.

Ю.П. Абрамов, сотрудник проектного отдела металлургического завода, побывал в Кукуйском тоннеле в середине 30-х годов прошлого века, когда доступ в него еще был возможен. Краевед рассказывает, что бросалось в глаза неравномерное сечение канала. По нему можно было двигаться то свободно во весь рост, то почти ползком. Наверное, строители выдерживали постоянное сечение, которое обеспечивало свободный и удобный проход для периодических осмотров, но внешние

воды илом и мусором забили отдельные участки, а кое-где сделали промоины, расширив сечение. Примерно на середине тоннеля можно было видеть несколько странное деревянное сооружение, или, скорее, остатки какого-то сооружения. Что-то вроде портала. Проникшие в тоннель назвали его «царскими воротами». Название так и закрепилось. Вероятно, это были остатки конструкции запорного устройства, имевшего выход наверх в виде колодца, впоследствии заваленного за ненадобностью. В настоящее время технический водосливной тоннель не функционирует, а его выходы завалены шлаком.

Кукуйский тоннель как образец подземного гидротехнического строительства прошлых эпох чрезвычайно интересен. Но он не одинок на уральской земле. Вспоминается в первую очередь подобный канал, который за короткое время букваль-

*Схема расположения водосливного тоннеля
из Кукуйской ямы в г. Алапаевске*

но осушил большущее озеро, по сравнению с которым Кукуйская яма — это действительно просто яма. Речь идет об одной из водных жемчужин Среднего Урала — озере Шарташ, входящем ныне в черту города Екатеринбурга. Шарташский житель Ерофей Марков в 1745 году открыл первое уральское золото. Открытие привело к разработке Березовского золоторудного месторождения. Лет двадцать после открытия разработка велась в основном в приповерхностном слое породы. Но золотые жилы уходили глубже и глубже, а вслед за ними заглублялись и выработки. Вот тут и появился извечный враг горняков — вода, да еще в каких количествах! Сотни тысяч ведер выкачивали в день водоотливные машины, приводимые в движение лошадьми. Но тщетно. Оборудованные шахты по этой причине бросали, пробивали новые, надеясь на уменьшение притока воды. Как отмечает в своей книге «Загадка русского золота» А.А. Локерман, «...вода мешала всюду. В борьбе

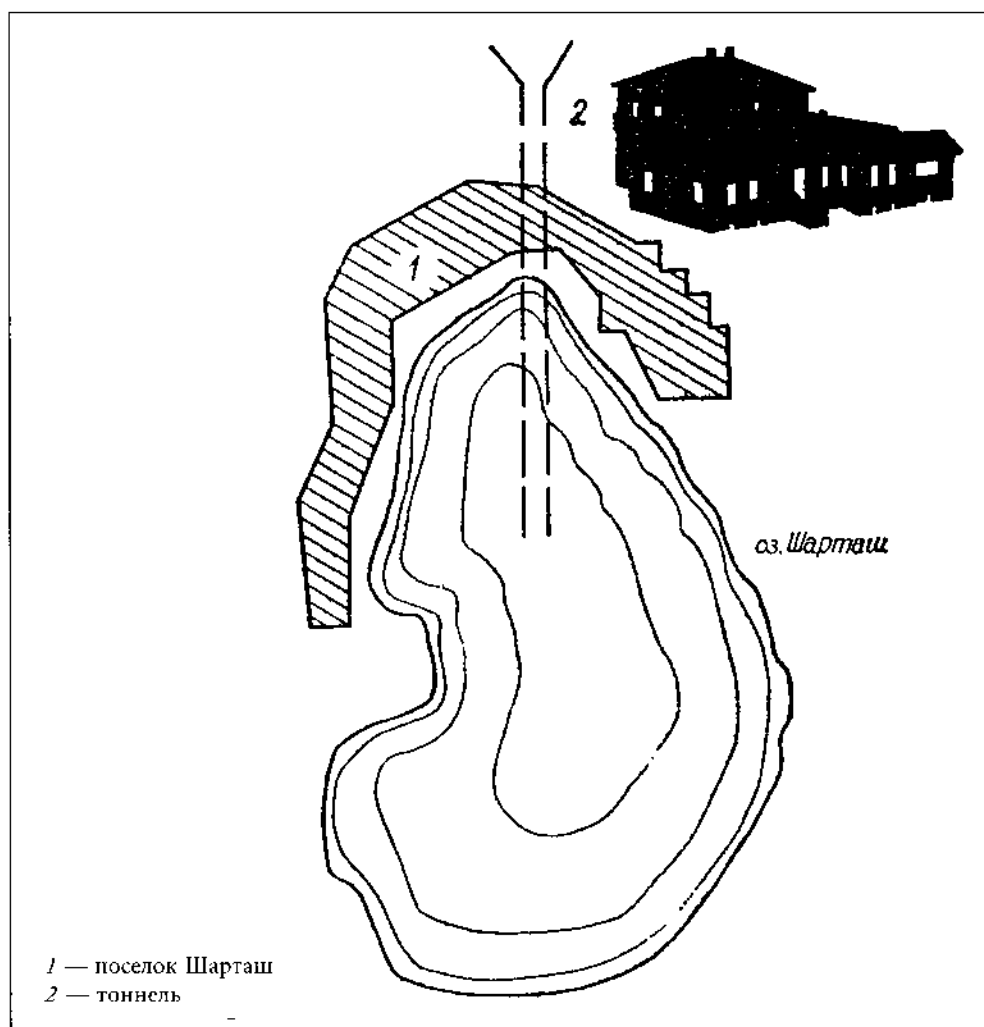

Схема расположения водосливного тоннеля из озера Шарташ

с ней решалась судьба уральского золота». И вот случай посылает неожиданного консультанта, об учености которого ходили легенды по всему миру. В 1829 году, путешествуя по Уралу и Сибири, на Березовские рудники приехал Александр Гумбольдт, выдающийся естествоиспытатель-энциклопедист, обладавший исключительными по тому времени познаниями в геологии и горном деле. Гумбольдт высказал мнение, что подпор рудничным водам, а то и прямое их питание создает озеро Шарташ.

Авторитет Гумбольдта был непререкаем, и участь озера решили быстро: выпустить. Учитывая рельеф северного берега озера, где наблюдался заметный перепад между дном озера и Калиновскими болотами, питающими речушки бассейна Пышмы, пробили тоннель. Начинаясь он под дном водоема в достаточном удалении от берегов и выходил в хорошо профилированную канаву за последними домами поселка Шарташ. Канаву эту можно видеть и сейчас. Пороховым зарядом разрушили перемычку, и через образовавшееся отверстие в дне озера вода устремилась в подземный тоннель. Озеро мелело на глазах — через короткое время о нем напоминали только небольшие лужи в углублениях дна. Печальное, наверное, зрелище было — голая илистая выемка в обрамлении темной зелени хвойного леса. Вскоре выяснилось, что великий консультант ошибся: озеро выпустили, а приток воды в шахтах Березовского рудника ничуть не уменьшился. На затею с тоннелем махнули рукой, устье его перестали чистить, оно заплыло илом и грязью. Озеро стало оживать, наполняться водой многочисленных ключей и ручьев.

Затаился тоннель-штольня под поселком. Под садами со знаменитой шарташской малиной, под старыми домами, где в сундуках памятливых к прошлому старушек хранятся атрибуты кержацкой веры трехсотлетней давности, а то и книги той же поры. Под современным Шарташом — ныне частичкой миллионного города.

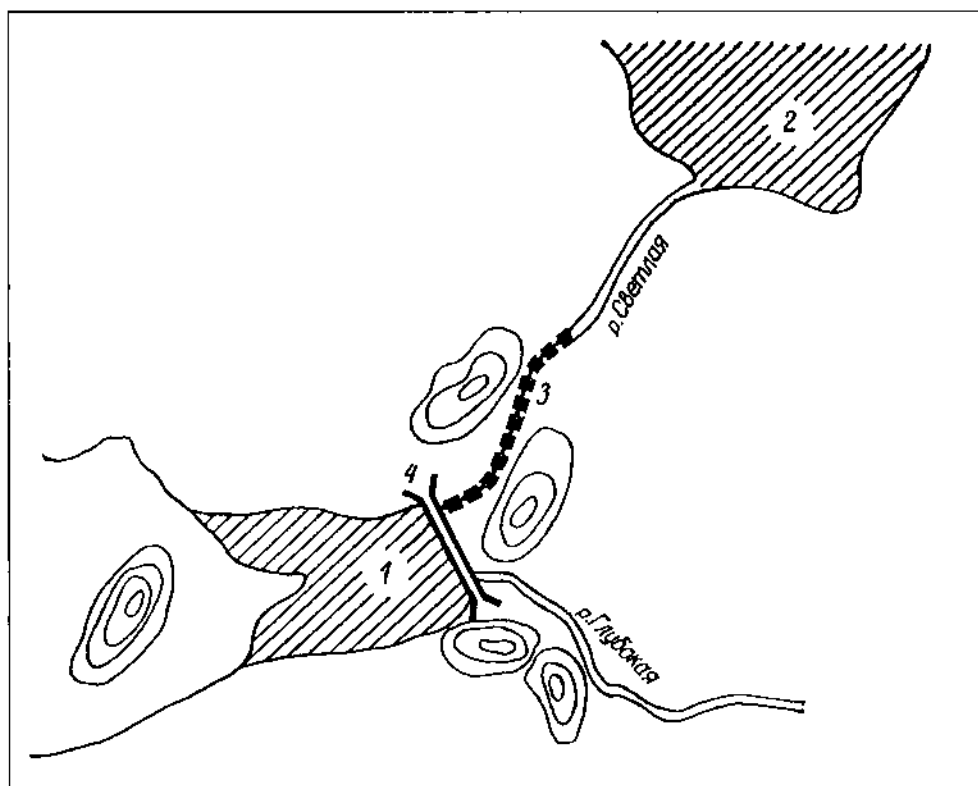
О тоннеле вспомнили после столетия забвения. Дело в том, что в силу разных причин, как связанных с деятельностью человека, так и от него не зависящих (череда засушливых лет, соседство промышленного города, нарастающий пресс индустрии отдыха и др.), озеро Шарташ умирает. И процесс этот, как считают специалисты, идет быстро. Нужно спасти озеро. В нем накопился многометровый слой ила с большим содержанием гниющей органики, интенсивно отбирающей кислород из воды. Слой этот не простой — плотный внизу, у дна он переходит в густую кисельную взвесь. Нынешнего поступления свежих вод в озеро явно недостаточно. Но ученые нашли колоссальный резерв — воды Шарташского гранитного карьера, который без пользы спускает их в болото, что поглотило когда-то озеро Малый Шарташ. Этого резерва достаточно, чтобы постепенно заменить «болотную» воду Шарташа. А как вычерпать кисель из ила и отравляемую им воду? Так ведь стоит разыскать тоннель, очистить его, призвать к деятельности, и — пожалуйста: сверху в озеро будет поступать свежая карьерная вода, а нижние слои вместе с илом будут выбрасываться через тоннель. Через некоторое время озеро очистится, а вода в нем заменится. Привлекательный проект. Если его примут, то послужит гумбольдтовский тоннель людям, исправляя ошибку ученого, которого называли вторым Аристотелем...

Кроме загадочных подземелий, тайников и потаенных ходов с их неизменным грузом романтики и тайны, есть, оказывается, на Урале и никем не таимые

сооружения. Проложены они тоже под землей, но назначение имеют очень практическое, и некоторые служат по сей день.

Такое подземное гидротехническое сооружение — Глубоченский тоннель — находится недалеко от уральского города Полевского и в составе сложной гидротехнической системы участвует сейчас в снабжении города водой. Свою работу тоннель начал сто лет назад. В чем же заключалась эта работа? Каждый уральский завод использовал энергию падающей воды и мог существовать при наличии плотины, держащей содержимое водоема? Чем больше развивалось производство, тем больший запас воды требовался. При этом плотины реконструировались, надстраивались, возводились новые. В сложные системы объединялись пруды, создаваемые на разных реках. Когда в конце XIX века старый Полевской завод стал испытывать недостаток водной энергии, то в его Верхний пруд решили подавать воду из соседнего Глубоченского пруда. Но водоем этот, образованный плотиной на реке Глубочке, принадлежал другой системе, так как река впадала в Чусовую, а та катила воды, минуя Полевской завод. Значит, переброска воды, как решил инженер Ф.А. Хво-

- 1 — Глубоченский пруд
- 2 — Верхний пруд
- 3 — трасса тоннеля и колодцы
- 4 — плотина

Схема расположения Глубоченского тоннеля

щинский, может быть только принудительной, при условии создания каналов и других сооружений.

От плотины Глубоченского пруда был прорыт тоннель длиной 1780 метров, который затем выходил в открытый канал, а далее воды Глубоченского пруда попадали в русло реки Светлой — одной из рек, питающих водоемы Полевского завода. Тоннель достался тяжело. Все работы делались вручную, начались они с пробивки вертикальных колодцев-шурфов. Всего по трассе подземной галереи было пробито 11 колодцев, самый глубокий уходил в грунт на 17 метров. Эти вертикальные выработки оборудовались срубами из толстых лиственничных бревен так, что окончательное сечение колодца составляло два на два метра.

Самое интересное было дальше. Колодцы соединялись между собой горизонтальными тоннелями, которые проходились способом «долбления по звуку», то есть бригады из двух соседних колодцев шли навстречу друг другу, ориентируясь на стук инструментов. Стены и потолок всей этой водоводной галереи обшивались толстыми плахами из лиственницы. Группа краеведов в 1965 году обследовала всю гидротехническую систему Глубоченского пруда. Они отметили хорошую сохранность сооружений, особенно деревянной обшивки тоннеля. К тому времени только один из 11 колодцев завалился, и из опасения дальнейшего разрушения и обвалов его зарыли. По-настоящему тоннель ремонтировали и чистили только один раз — в 1961 году. Правда, этот ремонт потребовал замены лишь отдельных фрагментов обшивки и срубов колодцев. В ремонте и обследованиях участвовал краевед из города Полевского В.Н. Суренков. С тех пор тоннель пострадал больше, чем за весь доремонтный период. Уже несколько колодцев завалились.

Столетнее подземное сооружение, изрядно послужив, нуждается в отдыхе. А самое главное, оно перестало удовлетворять современным техническим параметрам и нормам. Поэтому вблизи него сейчас строится новый тоннель большего сечения с бетонным ложем, стенками и потолком. А что же будет со старым? Забросят? Отдадут на милость диким ордам искателей подземных приключений? Нет, этого не должно случиться. Полевчане, гордясь делом рук своих предков, должны взять оригинальную гидротехническую систему под свое покровительство и защиту. Для этого не нужно титанических усилий. Необходимо всего лишь понимание своей истории, внимательное отношение к материальным частицам прошлого и непримиримость к вольным и невольным разрушителям.

*Глубоченский тоннель.
Смотровой колодец*

Глубоченский тоннель

Зона Глубоченского пруда отнесена к гидрологическим природным памятникам, а гидротехнические сооружения признаны памятниками истории. Это уже достижение и хоть какая-то гарантия их сохранности.

ПОДЗЕМНЫЕ ПУТИ ЗАУРАЛЬСКИХ ГОРОДОВ

ДАЛМАТОВСКИЕ ХИТРОСТИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Старец Далмат строит... пещеру. Подземная фортификация монастыря. Схема обороны Далматовской крепости. Под папертью Успенского собора. Подземный ход ведет к реке. Подземные тайны юго-западной башни. Находка древнего плаза. «Судовые кольца» крепостей и тайники.

Литературный сюжет о том, как разгульный повеса и жизнелюб вдруг отрешается от всего мирского и превращается в обуздавшего плоть и душу схимника, не нов. А самое главное, этот сюжет не надуман, и история время от времени подкрепляет его реальность. Дмитрий Иванович Мокринский не повесничал и не разгульничал, но в остальном жизнь его соответствовала сюжету. Потомок ермаковского казака, он нес нелегкую военную службу в Тобольске, за заслуги был пожалован дворянством. И двигаться бы ему дальше по лестнице наград и почестей, да пришло горе: умерла горячо любимая жена, а с горем пришли и тяжелые раздумья над смыслом жизни. Служилый человек, удачливый и обласканный начальством, вдруг ушел в монахи. Стал он старцем Далматом в Невьянском монастыре. Но то ли монастырское житье показалось ему тягостным, то ли просто не соответствовало оно его казачьей, вольнолюбивой душе, но только старец Далмат покинул монастырь, спустился вниз по реке Исеть, облюбовал место на высоком ее берегу при впадении реки Течи и вырыл там пещеру. Случилось это событие в 1644 году, с него и начинается история Далматовского монастыря-крепости, сыгравшего значительную роль в дальнейшем освоении Сибири. Видимо, незаурядной личностью был старец Далмат. Иначе как объяснить факт такого удачного выбора места для будущей церковной и военной цитадели, а впоследствии и городка. Все это во многом определило развитие Далматовского монастыря прежде всего как крепости и опорного военно-стратегического пункта.

Через 50 лет после основания монастырь-крепость окружила толстая бревенчатая стена с забутовкой землей и камнем. В черные бойницы грозно глядели пушки. Однако крепость больше страдала не от набегов, а от пожаров, и в первой половине XVIII века «рубленный город» стал каменным. Вместо деревянных с земляной засыпкой стен появились толстые каменные с боевыми башнями и всякими крепостными премудростями, в том числе и подземными. Создание подземных потаенных сооружений шло всегда со строительством наземных. Первым таким сооружением можно было бы считать пещеру — первоначальное жилище старца Далмата, а по мере того как монастырь, им основанный, окружался тыном, бревенчатой стеной и затем настоящими крепостными каменными стенами, рылись погреба с «выходом» (то есть с потайным ходом), прокладывались галереи для

забора воды и на случай отхода и вылазок, а также внутрикрепостные подземные связи между сооружениями.

Понятно, что никаких чертежей «подземных хитростей» не делалось. Изредка попадаются записи и схемы, составленные людьми, случайно попавшими в подземелья или наткнувшимися на их следы в виде подвалов, вентиляционных отверстий, выходов облицовки. Такие записи и схемы, как правило, появляются в исторически позднее время, когда прежняя ситуация неузнаваемо меняется, старые ориентиры исчезают. Пока неизвестно, кто и когда составил оригинал этого плана, но в архивах Далматовского музея он оказался, видимо, не случайно. Разыскали его участники экспедиции Уральской архитектурно-художественной академии. Документ называется «Схема обороны Далматовской крепости». Территория крепости — это неправильный семиугольник, притом очень компактный.

Почти в центре крепости-монастыря возвышался величественный Успенский собор с высокой шатровой колокольной. Остальные постройки теснились к стенам или же прямо вращались в них. На схеме видны две линии, выполненные двойным штрихом. Две слабые, робкие линии, словно тот, кто их вычертил, боялся выдать тайну. Одна из линий начинается в точке, расположенной где-то в центре территории, потом врывается в южную стену, пересекает ее, идет далее к реке, а потом продолжается за рекой. Другая отходит от юго-восточной башни и скрывается в посадской застройке. Обе пунктирные линии — подземные ходы, непременные элементы обороны. Точка, где начинается первый, не обозначена каким-либо строением даже на самых старых планах. Откуда же идет ход? Может быть, из когда-то существовавшего погреба, который не имел наземных построек? А может быть, из колодца, как это бывало в старых крепостях? И то и другое не исключается. Но документ об этом молчит.

Подземные ходы, вынесенные на схему обороны, попадали в поле зрения следопытов, так сказать, «живьем». Из многих свидетельств о находках на территории Далматовского монастыря-крепости подземных сооружений некоторые прямо говорят об упомянутых оборонных ходах. Но не только о них. Не так, оказывается, проста Далматовская цитадель.

Кое-кто из старожилов городка не только помнит легенды и рассказы о подземных хитростях, но и сам побывал в недрах старой крепости.

Яков Иванович Зайков знает родной городок до последнего камня, а уж про монастырь и говорить нечего. Знает, во-первых, в силу своей краеведческой любознательности, во-вторых, он когда-то учился в школе на монастырской территории, а мальчишки горазды на поиски всяких тайн. В-третьих, по служебным обязанностям Я.И. Зайков в конце 30-х годов был председателем сельсовета. О каких-то тайных тоннелях, идущих из-под Успенского собора, он слышал от мальчишек-сверстников, а вот увидеть их воочию пришлось в 1945 году, когда после выезда размещавшегося в монастырских корпусах госпиталя стали готовить площадку для нового хозяина крепости — завода Молмашстрой.

Входы в русские соборы почти всегда устроены так: чтобы попасть в главный объем здания, нужно пройти через некоторое предваряющее помещение, называемое папертью. В Далматовском Успенском соборе тоже была паперть. В одном ее месте, что напротив ниши, прикрытой когда-то большой старой иконой, тяжелая

чугунная крышка-люк закрывала отверстие в полу. Крышку наверняка не поднимали долгое время, она буквально выросла в пол. И вот теперь, когда ее сдвинули с места, стало ясно, что люк хранил тайну: из-под собора уходили тоннели в трех направлениях. Один вел к юго-восточной крепостной башне, той самой, где начинался оборонный подземный ход. Другой направлялся к западным воротам через всю территорию монастыря. Третий подходил к покоям архимандрита. У людей, спустившихся в люк, не было ни времени, ни желания заниматься обследованием этих тоннелей. Да еще кое-где они увидели коварные обвалы, всегда таящие беду. Приговор тоннелям вынесли решительно, без колебаний и скидок на их возможную архитектурно-историческую значимость: входы замуровать, а люк засыпать.

Рассказ другого старожида городка — учительницы Любви Павловны Козьминой — точен и документален, но иногда краеведческая романтическая жилка берет верх и слышатся взволнованные интонации. Первый раз в этот подземный ход, ведущий из юго-восточной башни за стены монастыря, Любовь Павловна попала 11-летней девочкой в начале 20-х годов. Местный священник, отец Полиевт, знакомый семьи, провел их с сестрой по тоннелю, рассказывая его историю. Любовь Павловна хорошо помнит подробности подземного путешествия.

...Железная кованая дверь с визгом отворилась, обнажая зев тоннеля. Гранитные ступени, потом чуть наклонный пол. Стены и потолок выложены серым камнем. Чисто, сухо. Метров через двести тоннель заканчивался площадкой и выходом к реке.

Второй раз Любовь Павловна побывала в этом подземном сооружении уже со своими учениками. Экскурсия состоялась в 1940 году, а сопровождал группу тогдашний директор краеведческого музея И.А. Иванча. Опять железная дверь, совсем ржавая и неподатливая, потом гранитные ступени лестницы, тот же облицованный камнем сухой и чистый тоннель, но... через двадцать метров обвал, перекрывший путь дальше. За полтора десятка лет, прошедших после первого посещения хода Л.П. Козьминой, свод не выдержал действия разрушительных сил времени.

Другое свидетельство связано с юго-западной башней. В 1926 году в бывших апартаментах архимандрита состоялась учительская конференция. Молодые участники этого форума загорелись желанием проверить рассказ одного местного жителя о подземной связи подвалов настоятельского дома с башней. И они отыскивали эту связь, пройдя коридором путь до большой железной двери, открыв которую, искатели попали в подвальную часть крепостного сооружения — помещение размером примерно 4 на 3 метра. Тяжелый воздух, на ржавых цепях висят какие-то коромысла, в стены вделаны кованые кольца. Кому-то показалось, что обрывки цепей на полу похожи на кандалы узников. Другим чудились в ржавых потеках на стенах пятна крови. Помещение окрестили «пыточной». Может быть, так оно и использовалось. Или здесь был просто монастырский склад и коромысла — это остатки весов.

У самой башни, близ южной стены крепости, еще в те времена можно было видеть закрытый деревянной крышкой колодец. Он был сухой, брошенный вниз камень летел долго. Не служил ли колодец средоточием ответов на подземные тайны Далматовской цитадели?

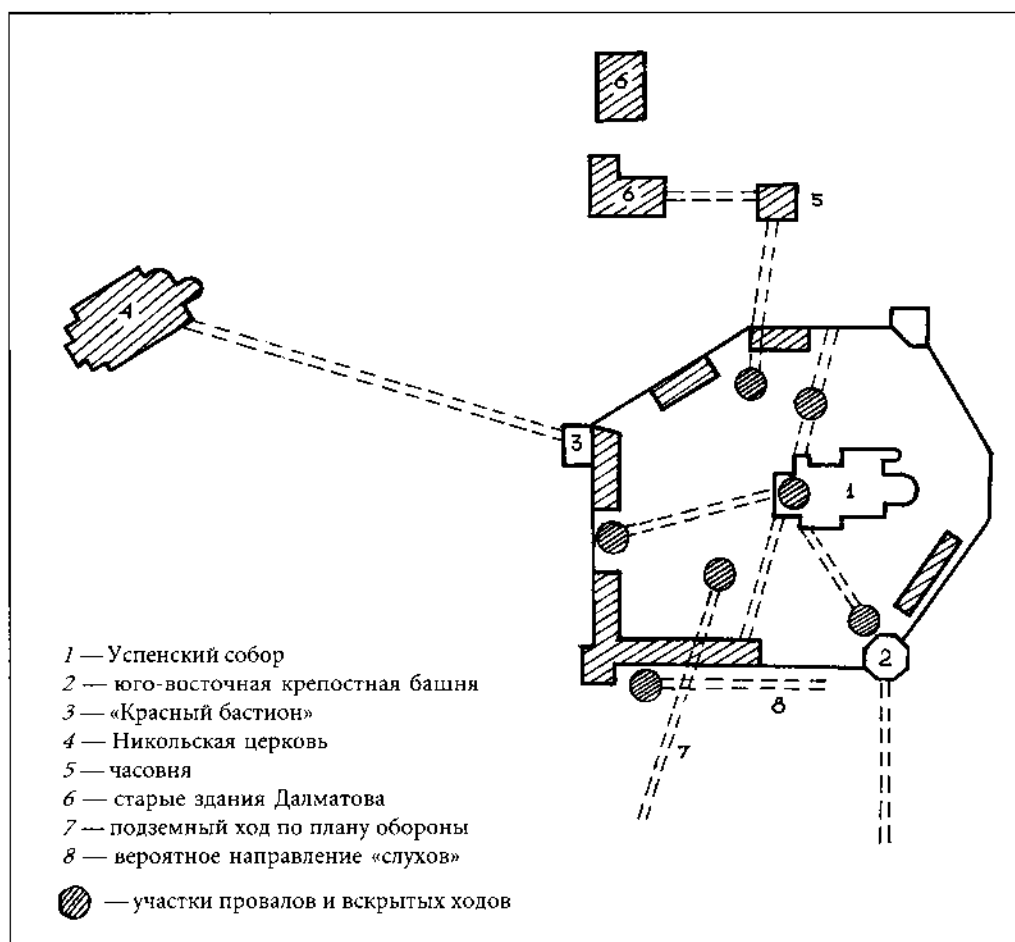
В послевоенное время территорию монастыря занял завод. Далекое не лучшее это было решение — отдать современному производству древние постройки, никак не приспособленные для расстановки станков и оборудования. Даже не просто не приспособленные, а представляющие как бы антипод любому мало-мальски производственному сооружению. И, конечно, логичнее было где-то поблизости, на удобной территории, свободной от застройки, разместить красивые, построенные по всем канонам промышленной архитектуры корпуса, обнести их зелеными лужайками, источающими кислород. И переключались бы эти современные постройки с возвышающимися рядом древними строениями, работающими на великое дело воспитания человека. Так мы рассуждали бы сейчас, так бы, наверное, и сделали. А в то время трудно было найти без дела лежащий кирпич. Завод внедрился на территорию по-хозяйски, не оглядываясь на прошлое. Ломались стены и перегородки, чтобы втащить и поставить машины, растесывались старые окна, прорубались новые двери и ворота, сбивалась лепнина, вертелись в древней кладке дыры. Строились бесчисленные пристройки, клетушки-кладовушки, необходимые поначалу, а потом бесполезные закутки и каморки. Через десяток-другой лет оказалось, что изувеченные древности мертвой хваткой держат завод: расширяться некуда, совершенствовать производство старые стены тоже не дают. Скажем прямо, ситуация хоть и печальная, но не безвыходная. Завод потихоньку может уйти на загородный простор, а памятник — восстановить себя, засиять в прежнем виде.

Завод внедрился не только в сооружения старого монастыря-крепости, но и в подземное пространство — ему нужны были коммуникации, несущие тепло, воду, газ. Здесь иногда и поджидали неожиданности. В 1952 году вели траншею под фундамент литейного цеха, и экскаватор вдруг стал сначала медленно опускаться вместе с оседающей почвой, а потом завалился набок, выставив беспомощно пытящую трубу. Машину вытащили и только тут увидели, что причиной провала был подземный ход с деревянной полусгнившей крепью. По общему расположению на территории можно предполагать, что ход направлялся с одной стороны к Успенскому собору, а с другой — к старой часовне, что стоит за пределами крепостных стен. Но как-то не связывались некоторые факты. Еще не было отмечено случаев, чтобы два каменных здания соединились ходом столь примитивной конструкции. Между каменными строениями прокладывался подземный путь, обычно облицованный камнем или кирпичом с хорошо выложенным сводом. Время каменных построек требовало новой технологии подземного строительства. Если открытый ход древнее и собора, и часовни, значит, он мог относиться к временам деревянной «юности» Далматовского монастыря и представлять самое старое подземное сооружение монастырского укрепления. Но как он оказался почти в центре территории? Конечно, могла сохраниться какая-то его часть, а остальное, близкое к входу и выходу, обрушилось в очень давние времена и слилось неразличимо с грунтом.

Да, конечно, такое объяснение правомерно, но вспомнились старинные планы русских крепостей, острогов и монастырских цитаделей. Вот схема развития крепости Троице-Сергиевой лавры под Москвой. Вначале маленький многоугольник бревенчатых прясел стен с кружками башен в углах. Где-то из-под стен или башен наверняка тянулся водозаборный тайник или просто подземный вылаз. На

более позднем плане многоугольник несколько увеличился. Стены раздвинулись и вобрали в свой контур дополнительное пространство. А тайник? Он ведь оказался теперь внутри крепости! Его можно продолжить за новые стены, но он уже потерял свои былые качества, обветшала крепь, кое-где появились завалы. Да и знать о нем стало больше людей — какой же тогда тайник? Под новые стены копали новый ход, а старый, присыпав входы и выходы, оставляли истории. Снова теснилось монастырское подворье, и в очередной раз (может, после пожара) переносились стены, охватывая новую территорию. И опять копали новый тайник и забрасывали старый. Словно дерево годичные кольца, наращивал, раздвигал монастырь-крепость свои стены, пока не остановился, зажатый мощной, теперь уже каменной оградой. Впрочем, и каменные стены тоже иногда раздвигались, давая место новым, более крепким, высоким и выгодно расположенным в военном отношении. Так было, например, со Спасо-Прилуцким монастырем близ Вологды. «Годичные кольца» крепостей увеличивались, а старые подземные соору-

*Схема расположения подземных сооружений
 Далматовского монастыря (реконструкция автора)*

жения оставались, плодя потом загадки и недоразумения. Изменение местоположения подземных тоннелей, водозаборных, «вылазных», «слуховых» и других, их мигрирование по территории при реконструкциях крепостей не были каким-то исключительным актом. Поэтому не исключено, что старинный ход с деревянной крепью в Далматовском монастыре-крепости является следом первого «голичного кольца» цитадели.

Однако вернемся к другим подземельям Далматовской обители. Из подвалов уже упоминавшейся часовни к двум старым зданиям городка (в них до недавнего времени располагались Дом пионеров и телеграф) тянулись галереи. По этим галереям в разное время ходили любопытные, но очевидцев этого факта уже не осталось.

Работники служб, прокладывая коммуникации, обнаруживали своды тех сооружений, о которых рассказывали Зайков и Козьмина. Первый раз был вскрыт участок свода между Успенским собором и юго-восточной башней, в другой раз наткнулись на оборонный подземный ход, уходивший за пределы южной стены. Жаль, что в документации по этим работам находка не была зафиксирована и осталась только в памяти людей.

В Далматово издавна держится легенда о подземной связи территории монастырско-крепостного комплекса с расположенной сравнительно далеко от него Никольской церковью. В отличие от живых, полных деталями и подробностями рассказов участников путешествий по ходам и лабиринтам древней крепости легенда передает только возможность факта. Реально ли это? Вряд ли. Ведь на пути такого сооружения неизбежно встретится глубокий овраг, а склоны его когда-то были довольно круги. Прокладывать в таких условиях почти километровый тоннель с большими лестничными спусками и подъемами, что уже само по себе определяет сложность работ, смысла не имело. Тем более что и задача такого мероприятия практически не соответствует главному требованию — обороне, а также установлению каких-то очень важных скрытых связей. Подождем с легендой. Слишком интересны и реальны факты существования самых настоящих далматовских хитростей под землей. Их расположение, направление, принадлежность к определенным наземным сооружениям не только напоминают уже делавшееся во многих монастырских укреплениях, но свидетельствуют о развитии тенденций подземного строительства с учетом урало-сибирского опыта и исторических условий, сложившихся в Исетской долине.

ПОТЯСННЫЕ ХОДЫ ЮШКИ СОЛОВЬЯ

Поселенки на новых путях в Сибирь. Крепость Юшка Соловья. Возвозборный тайник острова. Босвой вылаз пог крепостныи валост. Подбавы шадринских фальшивоботонстчиков. Собор и тавистракт, соединеннык пог зетпей. Подзетнык этажки купческских анстз.

Этот город-крепость скатился с Уральского хребта на его восточный склон, как скатывались ватаги русских землепроходцев, оставляя после себя первые поселения в дотоле неведомом крае.

На важной дороге, оберегая караваны купцов в ту и другую сторону от Каменного Пояса, предоставляя им удобное торжище, и появился Шадринский острог.

По мере того как гасли очаги опасности на востоке, все южнее и южнее смещался путь в Сибирь. В самом деле, в далекие времена Ивана Грозного и его отца — великого князя Василия сообщение с Сибирью шло через Чердынь, казавшуюся куда как северным городом. Потом стараниями Строгановых спустился путь до широты Соликамска. Во времена Федора Иоанновича, блаженного отпрыска царя Ивана, появилась знаменитая Бабиновская дорога через Соликамск и Верхотурье, спрямившая старую на многие сотни верст. В середине XVII века была проложена другая, более удобная и более южная — через Кунгур. Позднее дорога спустилась в долину реки Исети, в западном направлении переваливала через Уральский хребет в районе Каслей, чтобы ветвиться на Уфу, Казань, Кунгур. Случилось это уже на исходе XVII века. И каждое такое путешествие дороги отражено в документах, летописях, грамотах.

Путь этот долго называли и Сибирским, и Уральским, и Староказанским. Конечно, не был он проложен заново русскими купцами и поселенцами, а существовал давным-давно, когда шли по нему арабские, бухарские, джунгарские и другие восточные купцы к ордынским улусам на Волге, Каме, Уфе.

Вот на этом пути в благодатной для поселений Исетской долине и возник город Шадринск. Торговое и ремесленное его бытие во многом определило весь архитектурно-градостроительный облик. Но городом Шадринск стал не сразу.

Сначала это была маленькая крестьянская слободка в плодородном крае, где чернозем в локоть толщиной, кругом леса и воды, а погода, хоть не всегда ладная, все же дает вырасти злаку и овощу. Одно плохо — каждый день жди непрошенных гостей со всех сторон. Налетят конной тучей, похватают арканами скотину, сожгут избы, а зазевался — так и тебя самого заполонят. Словом, житье опасное. Все это на себе испытал слобожанин казацкого роду Юрий Никифорович Малечкин, по прозванью Юшка Соловей. Он-то и написал че-

лобитную тобольскому воеводе об устройстве острога и слободы на бывшей Шадринской заимке.

Вопрос решился быстро: грамота из Тобольской канцелярии на строительство острога и слободы пришла 15 сентября того же 1662 года. Воевода понимал: Исетская долина — кормилица всей русской Сибири.

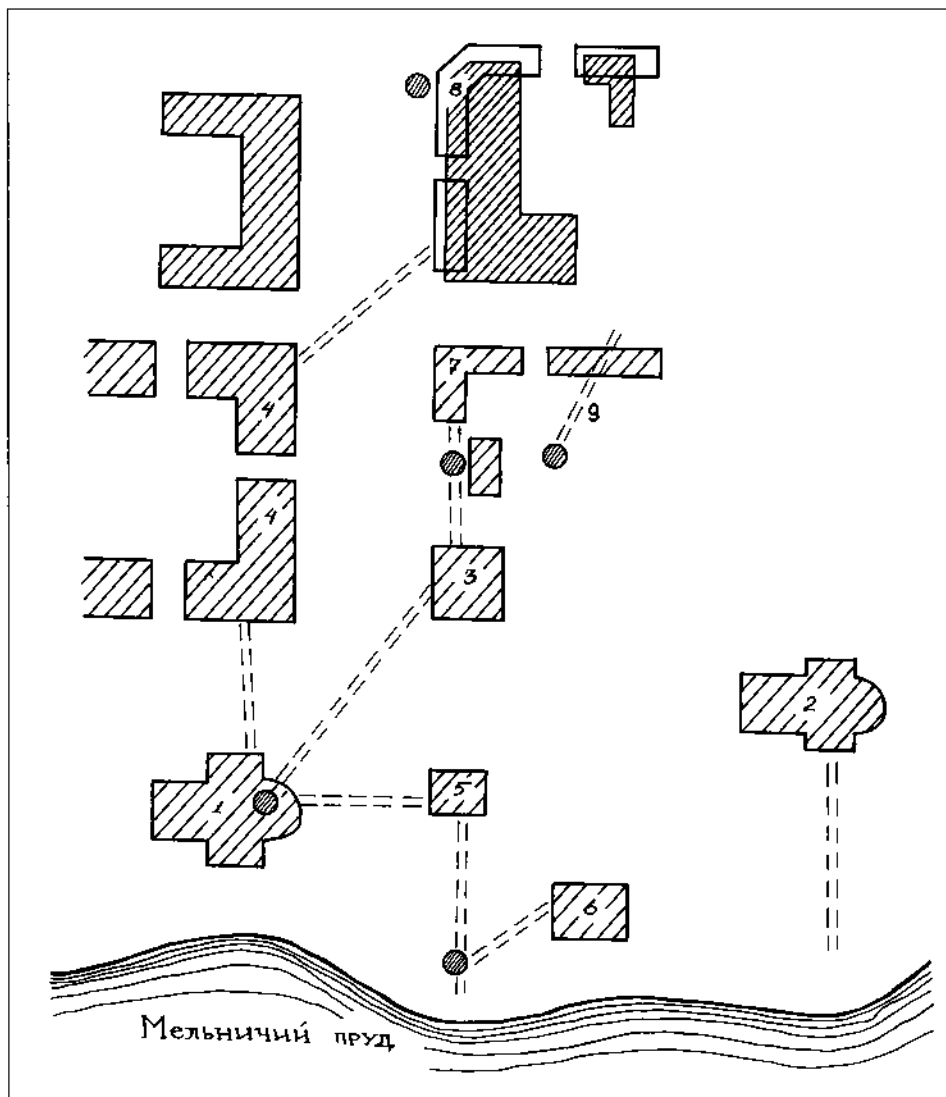
Острог вырос, как крепкий груздь. Заложены срубы, заполненные камнями, поднялась бревенчатая стена с двумя воротными башнями. Под валами прокопан ров, а полоса между рвом и валами уставлена рогатками, напоминающими современные надолбы. Валы и рвы окружали острог с трех сторон, а с четвертой естественной преградой служила река Исеть. В то время река не была еще подпругена плотинной Мельничьего пруда и имела у острога достаточно крутой берег, позволивший вывести к ней водозаборный тайник. А были ли в Шадринском остроге эти самые тайники? Предусмотрел ли Юшка Соловей потаенные выходы? Письменных документов, подтверждающих это, пока не найдено. И тем не менее есть факты, позволяющие предполагать, что подземелья в остроге были.

Однажды на самом берегу реки, там, где она подходила к стенам крепости, случился провал грунта, открывший старинный тоннель, направлявшийся к воде. Свидетели не обратили, к сожалению, внимания на важные детали: размеры сечения, из какого материала выполнена обкладка, была ли она вообще... Но сама находка говорит в пользу существования водозаборного тайника.

Другой подземный сюрприз преподнесли земляные работы. Северный вал старинной крепости располагался на месте нынешней улицы имени Карла Маркса, на которую выходит кооперативный техникум. В одном квартале со зданием техникума, но уже по улице Комсомольской, стоит известный всему Шадринску дом купца Фетисова — первое каменное здание города, построенное в самом начале XIX века. Внутри квартала, во дворе между этими двумя зданиями, был обнаружен вход в подземную галерею, которая направлялась в сторону бывшего вала. По свидетельству преподавателя истории Шадринского педагогического института А.Ф. Семснова, галерея имела деревянную крепь и перекрывалась также деревянными плахами, то есть конструкция ее соответствовала приемам и способам устройства подземных ходов и тайников XVII века. Что же, потаенный ход Юшки Соловья? Вполне возможно. Правда, ход этот должен был наверняка подновляться в более поздние периоды, иначе бы его крепь не выдержала.

И вот в этом же дворе при строительстве нового общежития техникума был вскрыт подземный ход, но уже с кирпичной кладкой стен и свода. Свод располагался на глубине около трех метров. Этот ход уже вряд ли относился к временам Юшки Соловья и представлял, по-видимому, соединительный проход между подвалами дома Фетисова и старого здания, где ныне находится кооперативный техникум.

А собственно, зачем нужны были Шадринску подземные сооружения в более поздние времена, после строительства острога? Острог Юшки Соловья и прилегавшие посады росли необыкновенно быстро. Уже через 20 лет после устройства укрепления Шадринская слобода стала самой крупной в Зауралье, а еще через 30 лет она получила статус города, городскую печать и герб. Центр зауральского земледелия, центр интенсивной торговли, где проводилось по несколько крупных яр-

- 1 — Спасо-Преображенский собор
 2 — Никольская церковь
 3 — дом Фетисова
 4 — торговые ряды гостиного двора
 5 — городской магистрат
 6 — острог (не сохранился)
 7 — здание, занимаемое кооперативным техникумом
 8 — дом Мокеева
 9 — предполагаемый подземный ход XVII века

- подвалы
 — провалы, места выходов подземных сооружений
 — подземные ходы

Схема расположения подземных архитектурно-исторических сооружений старого Шадринска (реконструкция автора)

марок в год, центр переработки сельскохозяйственной продукции огромного края, Шадринск почти 180 лет со дня строительства первого острога оставался городом-укреплением. Даже на плане города 1829 года есть валы, рвы и другие крепостные атрибуты. Вплоть до конца первой четверти XIX века город жил в ожидании нападения отрядов степных феодалов или осады бунтарскими ватагами во время волнений. Исетская долина на протяжении почти двух веков была ареной вооруженной борьбы. Если сложить вместе все годы активных военных действий, то получится около 70 лет — целый пласт истории. В XVII веке это отголоски борьбы за Сибирь, окончившейся окончательным разгромом орд агрессивных царьков. Позднее на первый план больше выступают социальные факторы. К середине XVIII столетия проходят волнения среди русского населения края — волнения крестьян-переселенцев. Широко известна так называемая дубинщина — движение исетских крестьян, когда их отряды, вооруженные лишь топорами, косами и редко кто ружьями, осадили Далмаговский монастырь. А десять лет спустя разразилась «пугачевщина».

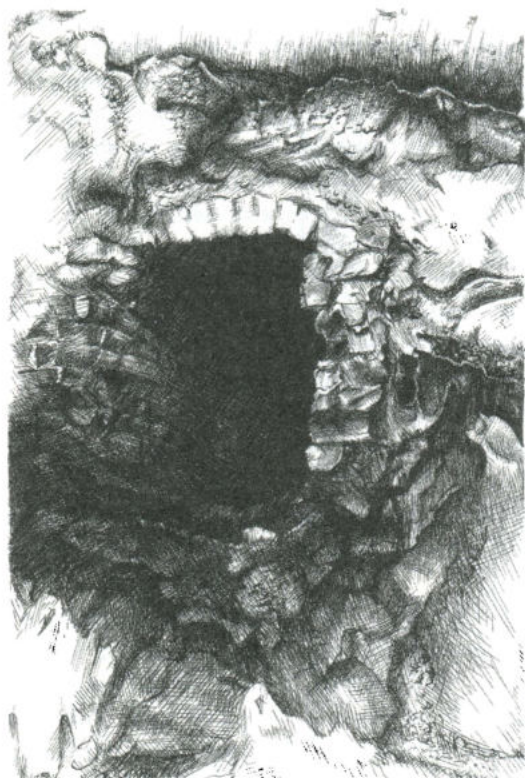
Значит, развитие подземного потайного строительства в Шадринске определялось в первую очередь нуждами обороны, а также необходимостью беречь накопленное достояние.

Вторым обстоятельством было «деликатное дело», во все времена бесчестное и преступное. В шадринских подземельях, таясь, пожалуй, только от явного взгляда да случайного чужого начальства, печатали фальшивые деньги. Собственно, это были не подделки купюр, находящихся в обращении, а похожие на ассигнации красивые бумажки, которые использовались специально для расчетов с неграмотными степными кочевниками. Д.Н. Мамин-Сибиряк в своем романе «Хлеб» упоминает о производстве таких денег в Шадринске, взяв этот город за прототип своего Заполя. Шадринские фальшивомонетчики обскакали даже самого Акинфия Демидова, который, по преданию, в подземных тайниках Невьянска чеканил свои рубли, но тот чеканил их, по крайней мере, подвесными, из настоящего серебра.

Какие же еще подземные сооружения находили в Шадринске? Старожилы называют главными объектами, связанными с подземными тайнами, дом купца Фетисова, Спасо-Преображенский собор, Никольскую церковь, дом купца Мокеева с окружающими зданиями, здание магистрата.

В годы Великой Отечественной войны выполнялись какие-то работы в Спасо-Преображенском соборе. Один из рабочих в подальней части обнаружил люк, служивший началом подземного хода. Куда направлялся этот ход, установить тогда не удалось. По прошествии двух десятков лет потерялось и местонахождение люка: то ли закрыли при переделке полов, то ли засыпали мусором. Направляться ход мог к дому Фетисова, к зданию магистрата, переделанного потом под банк, к подвалам торговых рядов гостиного двора.

О подземном ходе из собора к дому Фетисова рассказывала О.И. Ляпушкина, в то время директор Шадринского филиала Курганского госархива. На этом направлении когда-то образовалась воронка, вызванная провалом грунта. В воронке видели кирпичную кладку. Здание бывшего магистрата — одно из старых зданий города. Оно соседствовало с тюрьмой (или острогом, как называли в старину это

*г. Шадринск. Подземный ход к реке
из Никольской церкви (рисунок с натуры)*

Особое место среди подземных сооружений Шадринска занимают подвалы старых зданий, которые, если и не имеют подземных выходов или связей с другими такими же подземельями, представляют интерес как образцы довольно значительного по масштабам и хитроумного строительства. Огромный, с обильным разветвлением помещений подвал дома купца Мокеева соединяется с подземными полостями соседних зданий: например, с домом Фетисова и, по некоторым данным, с торговыми рядами гостиного двора. Уже заметно перепланированный и приспособленный под современные нужды, подвал все равно производит мрачное впечатление. Общей протяженностью чуть ли не в квартал, он похож на подземный этаж средневекового замка. Незаметно переходит в подземелье другого таинственного дома. Два марша узкой лестницы вниз — просторное помещение. Оно кажется глухим и отчужденным от всех строений. Дверной проем как бы прячется под самой лестницей. Из проема снова ступеньки вниз: уже в маленькое помещение. Оно тоже не тупиковое — короткий проход ведет в такой же по размерам отсек, а из него через дверь видна еще комната. Итак, мы спустились под землю на два этажа, прошли через два изолированных отсека и в конце концов попали в глухое помещение.

Многие шадринские подвалы пока не исследованы, не взяты на учет как архитектурно-исторические объекты.

заведение). Эти два дома находились на самой древней территории поселения. Краевед А.П. Заостренный, основываясь на свидетельствах старожилов, уверенно связывает Спасо-Преображенский собор с магистратом, а последний — с «колодничьим» застенком.

На берегу Исети нашли что-то очень похожее на рукав подземного хода, что дает основание предполагать, что магистрат и тюрьма могли иметь выход к реке. А может быть, это были остатки водозаборного тоннеля, построенного стараниями Юшки Соловья?

Второй ход к Исети краеведы «протягивают» от Николькой церкви. Это не вступает в противоречие с логикой, но твердых доказательств существования такого подземного пути пока нет. Подвалы Никольской церкви никем не обследовались, хотя, возможно, таят разгадку ее подземных связей с другими сооружениями города.

ИРБИТ ПОД ЗЕМЛЮ НЕ СТРЕМИТСЯ

Ирбитская слобода. Ярмарочный бунт. Есть ли нужда в подземных скрестках? Гонимая из купеческого гоним. К пассажиру идет старинный ход. Воробьевские тайники, ходы и подвалы.

Странно, скажет читатель, везде речь идет о подземных ходах, лабиринтах, подземельях разных рангов с их тайнами, сложной историей, подчас загадочным назначением, а тут прямо с заголовка ничего не обещают, выходит, не о чем и говорить?..

Читатель прав. Но только отчасти. Потому что в Ирбите есть свои подземные тайны. Пусть не так поражающие воображение, как, например, в Невьянске или Екатеринбурге.

Первые строения Ирбита появились в 1631 году. Как и все поселения того времени в Зауралье, Ирбитская слобода тоже выглядела укреплением. Не слишком грозны были ее рвы и валы для врага, а деревянные стены можно было легко сжечь. Но каково бы ни было укрепление, по фортификационным канонам того времени оно должно было иметь подземные сооружения оборонного назначения. Можно предполагать (ибо никаких документальных подтверждений пока не найдено), что Ирбитская слобода располагала этим необходимым арсеналом. Но если в других уральских городах, часто имевших статус крепости, подземные оборонные сооружения постоянно подновлялись, потому что опасность нападений висела долгие периоды, то в Ирбите ходы и галереи заваливались, обрушивались и естественным путем исчезали, а особой нужды в них не было.

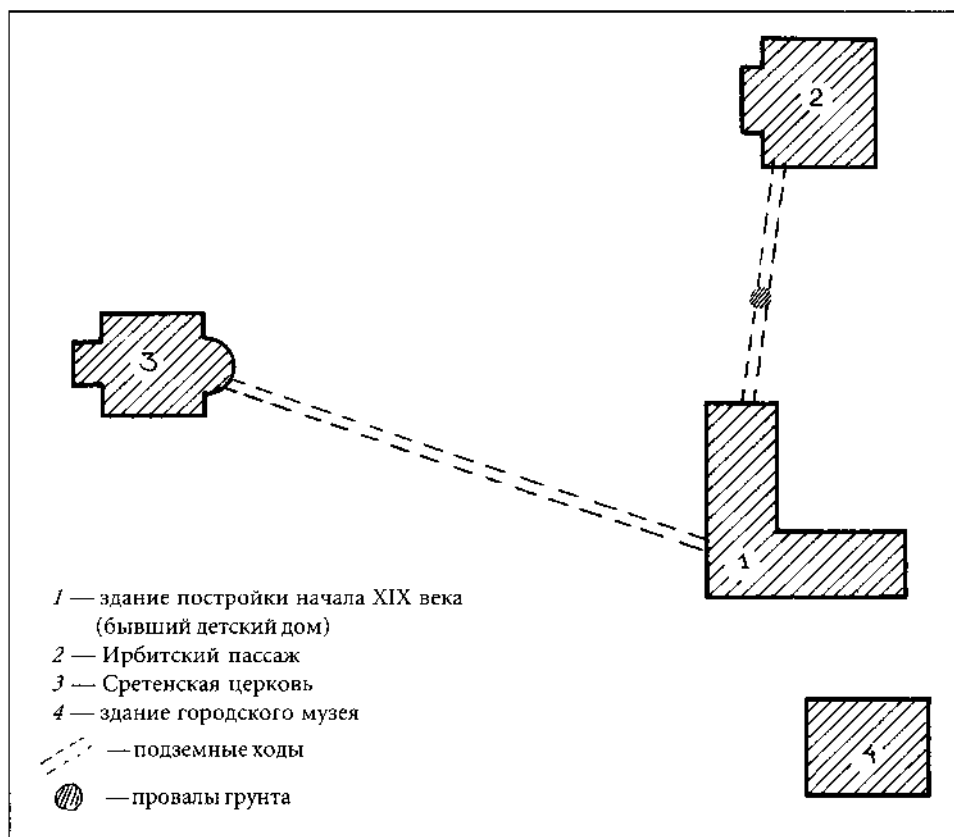
Лихие военные авантюры сибирских царьков и степных султанов большей частью обходили Ирбит стороной. С северо-востока слобода прикрывалась крепким девятибашенным Туринским острогом, с юга — мощной полосой леса, знаменитым Пышминским бором, через который узкой змейкой вились слякотные дороги. Было и еще одно обстоятельство: знаменитая впоследствии на полмира Ирбитская ярмарка.

Очень удобно располагалась Ирбитская слобода на дороге в Сибирь — почти посередине этого длинного и трудного пути. Так и получилось, что едущие с запада стали выставлять для продажи все, что везли, а едущие с востока, из диковинных для России стран, выкладывали свое. Сначала образовался маленький торжок, потом самая настоящая ярмарка, которая уже в 1643 году была узаконена указом царя. В мировой истории есть факты, когда во время ярмарок и традиционных торгов прекращались войны. Ярмарка нужна всем. Иначе откуда получить необходимые средства и товары, если купцы прекратят всякое общение с краем. А общение было удивительно широким. Греческие, армянские, бухарские, русские, китайские, польские, арабские, рижские купцы ездили сюда, по их представлениям, на край света. Но дело давало выгоду.

Заваливались древние тайники... А в новых надобности не было. Жизнь в Ирбите пульсировала от ярмарки к ярмарке. Словно гигантская оболочка раздувалась, наполнялась невиданным богатством и скоплением людей, чтобы через короткое время быстро опустеть, обмякнуть, снова превращая город в сонное, по уши грязное царство. Колоссальные денежные дела творились только в этой раздутой оболочке и исчезали вместе с ней. Большие капиталы в городе не оседали, скрывать было нечего. Все тайны города — это только тайны ярмарки. Население подвизалось на обслуживании: строительство и сдача в наем домов и квартир для приезжих, устройство быта и развлечений публике. Промышленности практически не было. Ведь даже к концу XIX столетия здесь насчитывалось всего до десятка малюсеньких полукустарных заведений: мыловаренных, свечных, кожевенных, винокуренных.

Демидовы не раз пробовали повернуть судьбу ярмарочного города, пытаясь внедрить сюда крупное промышленное производство. Вот тогда, наверное, и появились бы демидовские «штучки» под землей. Но заводчикам не удалось осуществить замыслы. И в этом одной из основных причин считают недостаток рабочей силы: слишком любили ирбитчане свою «ярмарочную» работу.

*Схема расположения подземных ходов
в старом центре г. Ирбита (по данным автора)*

Осыпались древние тайники... А зачем делать новые? Связывать под землей самотопенный и винокурный заводы? Дело даже не в этом. Градостроительная изначальная схема развития города не способствовала потаенным связям. Не возникло сразу того компактного ядра основных сооружений культового и гражданского назначения, которое всегда определяло центр русского города. А отсюда случайность связей, подчиненных одному действию — ярмарке, важному, но долгое время не материализованному в комплексе функционально необходимых и связанных единым процессом зданий. В самом деле, только в середине XIX века в Ирбите строятся биржа, пассаж, здание банка.

Тем не менее, судя по находкам, подземные хитрости в Ирбите все же были. Оставили их, видимо, XVIII и начало XIX века. По рассказам ирбитских краеведов, подземными тайнами владел дом на углу сегодняшних улиц Ленина и Кирова — бывшее купеческое гнездо. Ирбитчанам он известен как детский дом (часть здания долгое время была занята этим учреждением). Детдомовцы часто исследовали подвалы здания и однажды нашли начало подземного хода, направлявшегося в сторону старогостиного двора, а возможно, и к Сретенской церкви. Самое начало тоннеля (далеко идти по нему юные исследователи не рискнули) было выложено кирпичом, а пол покрыт слоем плотно утрамбованной глины.

Сравнительно недалеко от бывшего купеческого гнезда, на месте ранее существовавшего торгового здания, в середине XIX века был выстроен пассаж, где потом и кипели все страсти Ирбитской ярмарки. В 1928 году на участке между детским домом и пассажем, в провале, открылся кирпичный свод обвалившегося подземного хода. Его направление укладывалось на линию между упомянутыми зданиями. Факт этот зафиксирован и подтверждается многими очевидцами. Один из них даже путешествовал по тоннелю до ближайшего завала, надеясь напасть на мифические сокровища какого-то купчины, якобы спрятавшего их от ярмарочных воров да потом потерявшего место клада.

Ирбитские «подземки» — это, скорее всего, продукт той же ярмарки, привлекавшей не только деловых людей, но и откровенное жулье всех мастей и самых настоящих преступников. Владельцы домов предугадывали возможность крупных тайных операций на этом почти международном торге, устраивая «воровские» ходы и подвалы. Вроде тех, какие были в трущобах Хитрова рынка, в страшных пригонах Грачевки и других значных местах старой Москвы, так красочно описанных В. А. Гиляровским.

Кроме того, свой вклад в «воровские» затеи вносили и обыкновенные подходы к складам и амбарам, а также так называемые «домашние лабиринты» — подземные связи сооружений внутри одной усадьбы.

А древние тайники обрушивались, заваливались, пропадали бесследно и ни одним признаком никогда не показали, что был такой Ирбитский острог, стороживший древнюю слободу с тем же названием.

СЕКРЕТНЫЕ ХОДЫ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ

Укрепления на границе степи. Линия Перовского. Подземные выходы Наследницкой и Николаевской крепостей.

Не только обывателю Российской империи XVIII века, но и просвещенным представителям общества границы ее на юго-востоке казались расплывчатыми, неопределенными. А там дальше, за рекой Уралом, южнее уже накатанного Сибирского пути, пространство терялось в бесконечных негостеприимных сухих степях. Нечего было делить в этих степях русским поселенцам и коренному населению. Одни пахали и сеяли хлеб, другие пасли свой скот. Но были еще жадные и вороватые князьки, которым не давала покоя разбойничья слава бывших азиатских владык. Такой князек сколачивал орду из нескольких сотен соблазненных посулом легкой добычи людей, объявляя себя по меньшей мере султаном. Его орда летала по степям, грабила без разбора всех, разрушала и жгла поселения, увозя людей и скот. Словно возвращались для хлебопашцев и мирных скотоводов недоброй памяти батыевы времена.

Поэтому и стали появляться на границе со степью по-военному укрепленные поселения, а подчас и самые настоящие крепости. Они вытягивались в пограничную линию, в которой первоначально крупными военными узлами были Оренбург, Орск, Троицк. В одну из таких крепостей, помните, приехал служить Петруша Гринев, герой пушкинской «Капитанской дочки».

...Отгремели пушки пугачевских дружин, в опустевших крепостях появились новые гарнизоны. А когда смолкли звуки славных битв Отечественной войны 1812 года, на границу с великой степью потянулись седоусые ветераны, принося с собой диковинные названия новым поселениям: Лейпциг, Париж, Фершампенуаз... В 1833 году оренбургский губернатор Перовский составил проект новой линии укреплений. Она мало внедрялась в степь, но существенно спрямляла старую линию и предусматривала строительство новых укреплений. Так появились крепости Наследницкая, Екатерининская, Николаевская, Константиновская и другие, всего более двух десятков.

Крепости новой линии Перовского делались с учетом правил фортификационного искусства. И не напрасно. Уже в 1839 году на созданные форпосты с отрядом головорезов напал объявивший себя «султаном» Кенисары Касимов. Ему удалось после кровопролитной осады захватить многие укрепления и разрушить их. За семь последующих лет новоявленный султан совершил более двадцати набегов, однако не везде ему удавалось вершить разбойные дела. Осадив крепость Ека-

терининскую, Кенисары и его войско встретили серьезный отпор. И хотя нападавшие сожгли и разграбили хозяйственные постройки форштадта, взять само укрепление им не удалось. Мало того, они понесли заметный урон от крепостной артиллерии. Весной 1845 года отряды «султана» вновь вторглись за пограничную линию, но были разгромлены и рассеяны русскими войсками. Тем не менее возможность новых нападений еще не исчезла, а поэтому в крепостях продолжалось военное строительство: воздвигались кирпичные стены со сторожевыми башнями, углублялись рвы, рылись, как это сейчас установлено, и подземные галереи.

Квадратные зубцы на стене Наследницкой крепости различаются издалека. Низкие арочные ворота совсем не напоминают крепостные — скорее что-то от ворот восточных караван-сараев. Над обнесенной стенами территорией, словно страж, которому видно все, высится строгих форм церковь с узкими окнами-бойницами. Это тоже элемент крепостных сооружений, своеобразная мощная башня. И священнослужители, крестясь, не видели в том святотатства, если в церковь втаскивали пушки, а в алтаре лежали картечные заряды. Но самое главное: из Наследницкой церкви, как из самой настоящей крепостной башни, тянулся подземный ход. Он подходил к самой реке, обрывался хорошо замаскированным устьем в высоком обрывистом берегу. Этот ход открыли краеведы одной из школ города Новоорска во время своей экспедиции по выявлению старых пограничных укреплений линии Перовского. В крепости имелся глубокий колодец, снабжавший гарнизон питьевой водой, поэтому найденный краеведами тоннель из церкви служил для скрытых вылазок или отхода.

Подобный подземный ход есть и в другой крепости — Николаевской, тоже опоясанной кирпичной стеной с башнями. Но этот ход никем не исследовался. Можно предположить, что в малых крепостях и укреплениях, построенных уже в XIX столетии по плану Перовского, больше внимания уделялось полноте фортификационного обеспечения.

...Время стирает старые валы и рвы, скребет и подтачивает кирпич стен, обваливает искусно сделанные полости в грунте. Так распорядилось время и южноуральскими укреплениями. На месте одних выросли прекрасные города, уже забывающие свое оборонное прошлое, на месте других формируются будущие археологические объекты.

ЧУСОВСКОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, ИЛИ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Занимаясь изучением подземных сооружений уральских городов, собирая крупицы архивных сведений, опрашивая десятки очевидцев, краеведов, знакомясь с легендами и преданиями, исследуя места провалов, выходов и других материальных следов подземелий, экспедиция Уральской архитектурно-художественной академии «Терра-80» собрала большой научный материал по многим старинным городам региона. При анализе этого материала стали выплывать так называемые неудобные вопросы, которые отличаются тем, что результаты, вызвавшие их появление, никак не укладываются в уже принятую схему, не иллюстрируют распространенные представления. Скажем, принята общая, вполне обоснованная гипотеза: тайное подземное строительство на Урале — это результат движения традиций Древней и Средневековой Руси, осложненный местными социально-историческими, природными и другими условиями. И теоретически выходит: в каждом старинном городе региона (а исходя при определенных условиях — и в не очень старинном) устраивались потаенные подземные объекты. Они должны существовать, порождать легенды, предания, слухи и иногда от разрушения и обвалов, а то и от прямого вмешательства человека выявлять себя. Это выявление всякий раз обрастает рассказами очевидцев, легендами, свидетельствами. Со временем образуется солидный слой устной информации, которая иногда фиксируется в виде записок краеведов, газетных заметок, зарисовок, фотографий. Эта информация обычно бывает не только сиюминутной, но охватывает значительные периоды и передается во времени. При изучении проблемы исследователь так или иначе вторгается в этот пласт и получает некий срез во времени и пространстве. И если подземный объект есть, то он не останется незамеченным.

Но почему, скажем, в двух городах, стоящих поблизости, основанных в одно и то же время, сотни лет назад, населенных как в старину, так и сейчас одинаковыми категориями людей, случается такое: в одном тебе, что называется, с порога, захлебываясь, рассказывают о подземных дивах, в другом — безмолвие, в лучшем случае пожимают плечами и говорят что-то неопределенное. В первом в беседах участвуют многие десятки людей, специалистов и любителей. В их сообщениях настойчиво фигурируют одни и те же детали, в сведениях ничтожен налет мифичности и фантазии. В другом — даже те, кому положено и надобно знать, привычно отмахиваются: не слышал, не видел, не знаю. Или рассказывают сказочные сюжеты, явно возникшие где-то в другом месте и много раз слышанные в разных вариациях. Значит ли это, что в первом городе действительно существова-

ли и существуют подземные исторические сооружения, вызвавшие такое обилие свидетельств, а во втором — не было и нет? Да, должно быть, так.

Древнейший уральский городок Оса. Основан в 1591 году, то есть в пору массового проникновения русских на Урал и в Сибирь. Был форпостом, выдвинутым на восток после разгрома последних ханств Золотой Орды и направленным на защиту земель от еще воинственных ее остатков. Оса располагала укрепленным острогом и не раз оказывалась в гуще военных событий.

Рядом другой город, Оханск, появившийся стараниями Строгановых для укрепления южных границ своей вотчины. Как и Оса, испытал бурный военно-административный взлет и дал прибежище монастырю, который играл роль цитадели. Прежняя слава тянулась за этими городами через века и, видимо, сыграла роль в том, что в конце XVIII века им был пожалован статус уездных городов.

Что же добыла в этих городах экспедиция «Терра-80»? А добыла она крайне мало. И методика не менялась, и добросовестность исследователей не убавилась, и тщательность сбора материалов сохранилась. А почти ничего. Может быть такое? Может. Но, казалось, только не в Оханске и Осе. И в том и в другом городке есть группа краеведов-энтузиастов, есть службы, отвечающие за подземное хозяйство. Люди в этих службах работают десятками лет, знают все вдоль и поперек. Говоря языком старателей, экспедиция перелопатила население и словно просеяла его через некие сита. И что же? Вопреки общей тенденции не рождались легенды и предания о подземельях, не происходили случайные открытия, не случались провалы грунта и находки. В Оханске общее мнение крутилось вокруг подвала Успенского собора, превращенного в продкомбинат. Подвал этот в 20-е годы был засыпан, но при всевозможных ремонтах и реконструкциях строители и производственники чувствовали его наличие: то лом провалится в какую-то дыру, то пол «бухтит», отзываясь на удары. Но никто не упомянул, что из этого подвала в окрестное пространство уходили бы неведомые пути. В Осе все разговоры, беседы и даже демонстрация иллюстративного материала (о, редкость!) свелись к тому, что на противоположном берегу Камы, где была некогда деревня Монастырка, до недавнего времени существовала старая система штолен, в которых шла добыча медистых песчаников. Из этой своеобразной руды в XVIII веке выплавлялась медь. А подземные архитектурно-исторические сооружения в самом городе? О них никто не сказал ничего определенного.

Сразу вспомнилась экспедиция в Кунгур. Вспомнилась потому, что город этот находится от Оханска и Осы в какой-нибудь сотне километров, основан примерно в то же время и с теми же задачами. Но в Кунгуре был значительный поток сведений о подземельях. Если не изобилие и многообразие их, то хотя бы то обстоятельство, что на один и тот же объект указывали многие свидетели: кто-то определенно, кто-то предположительно, кто-то с элементами фантазии. Вспомнился не только Кунгур, но и недалекие от упомянутых другие камские городки Строгановской вотчины.

Почему же не появились в Оханске и Осе ни легенды, ни описания фактов? Потому что отсутствовал сам предмет. Не было подземных тайн у старинных городков, не было манящих своей романтикой и таинственностью находок. Нет фактов — нет рассказов, свидетельств. А легенды, что многожды доказано, на пустом месте не возникают. Должен быть толчок от самой реальности.

Укрепленные городки, выдвинутые в глубь осваиваемой территории, какое-то время сторожко следили за опасностью на востоке. Но там строились новые форпосты: крепости и укрепленные слободы. Опасность отодвигалась, заботы о ней переходили в другие руки. Укрепления Осы и Оханска ветшали, разрушались, застраивались. Если и были в них подземные тоннели, вылазы, «слухи», то и они исчезали в недрах. Обновлять не было смысла. Тут бы появиться свежей струе, новой удачливой функции для этих городков — торговой, промышленной! Не появилась. Торговые пути прошли через Кунгур, а позднее Великий Сибирский тракт миновал Оханск и Осу. Промышленность пульсировала там, где было близкое сырье. Бедные медью песчаники не дали импульс заводскому делу. Богатеть городам было не с чего. Например, в Осе даже к середине XIX столетия самым крупным производством числилась рогожная фабрика, на которой трудилось 30 человек. Основой экономики городков прочно стало сельское хозяйство. Оханский монастырь не превратился в богатую и влиятельную церковно-хозяйственную единицу, хирел и был в конце концов упразднен. Даже присвоение Оханску и Осе статуса уездных городов не привело к строительному буму. Если посмотреть сейчас на исторические центры этих городов, в основном сохранившиеся, то очень заметно, что за последовавшие после присвоения полтора столетия построено было архимало: десятка два кирпичных двухэтажных домов местных владетельных людей, вряд ли помышлявших о сокрытии каких-либо тайн.

На этом общем фоне трудно даже поверить в малейшую возможность встречи с подземными архитектурно-историческими сооружениями и вообще в их необходимость.

Может быть, ситуация с Оханском и Осой случайна?

Экспедиция Уральской архитектурно-художественной академии работала в городе, расположенном по другую сторону Каменного Пояса. Город этот начинался с учреждения в 1668 году Камышевской слободы. Потом слобода обросла деревянным острогом, получила название Камышловской. Острогу ни разу не довелось защищать с боем покой жителей. Стратегическое его значение угасло. С появлением Екатеринбурга слободчан приписали к построенному там металлургическому заводу. Только в 1781 году Камышловская слобода обрела былую самостоятельность и стала городом Камышловом.

И опять не услышали мы в Камышлове ни одной легенды, ни одного предания, ни одного рассказа о подземных диковинах. Единственное, о чем говорилось, — это глубокий подвал бывшей казармы, служившей до революции пересыльной тюрьмой. И все. То же информационное безмолвие. Оно говорит уже о многом, в частности, об отсутствии предмета, то есть старинных подземных сооружений. Оправдано ли это отсутствие? Анализ обстановки показывает, что оправдано. Камышлов рано потерял военно-оборонное значение, старый острог не подновлялся, и нужды в нем не стало. Торговые пути прошли севернее, через Ирбит, и южнее — по «золотой» Исетской долине. Именно в этой долине и сосредоточились укрепления, державшие оборону на южной кромке России и смотревшие прямо в глаза пока еще не познанной, неожиданной и непредсказуемой Степи. Камышлов это уже мало заботило. Потом веками город развивался как сельскохозяйственный центр, построивший свое первое каменное здание только в 1823 году.

Итак, нечего рассказывать старинному Камышлову о подземных архитектурно-исторических сооружениях, нечем похвастать по сравнению, например, с соседями: Катайском, Далматовом, Шадринском.

Приведем еще одно сравнение. Пермь и Екатеринбург. Два завода-крепости. Почти одно время основания. Правда, Пермь вышла в губернские города, а Екатеринбург топтался в уездных. Хотя, не забудем, был еще и горной столицей Урала. И вместе с тем, возвращаясь к нашей теме, в Перми — скудные сведения о старом подземном строительстве, сдержанные и малочисленные легенды, отдельные сообщения о находках. В Екатеринбурге еще во времена до русской революционной смуты 1917 года бушевали «подземные» страсти, и в настоящее время сведения о подземельях множатся, появляются все новые и новые находки, переплетаются с преданиями.

Екатеринбург жил совсем не той жизнью, что его губернский собрат. Недаром Узлом называл этот город Д.Н. Мамин-Сибиряк. Как в пестром узле, связывались здесь горное дело, заводское, золотопромышленное, встречались интересы крупного горного чиновничества, заводчиков, некоронованных «золотых» королей, старообрядчества, монастырских деятелей. Все это, стекаясь в географически удобную точку со всех сторон света, действовало, строило гнезда, выставляло напоказ и прятало богатство, оставляло после себя тайны, материальные и словесные.

Можно ли подземные тайны придумать? Скажем, никаких подземелий, подземных ходов, тайников в каком-нибудь городе и не было, а про них идет широкая молва. Представим такое: свидетели и очевидцы, забыв стыд и совесть, наперебой, клянясь и божась, сочиняют небылицы, расцветчивают их деталями. Причем, сговорившись, создают прямо-таки целую артель по выдумыванию и одурачиванию исследователей. Хороша картина? Может ли она хоть чуточку быть реальной?

Подобранные для участия в этой затее члены экспедиции «Терра-80» заранее не знали о настоящих целях поездки. Конечный пункт им сообщили почти накануне отъезда, просили неукоснительно соблюдать принятую методику работы. Никто из отправляющихся раньше в этом городке не бывал. Участников эксперимента попросили не проявлять преждевременного интереса к истории города, куда они отправлялись, чтобы не повернуть раньше времени получаемую информацию в выгодную сторону. И вот однажды ранним утром поезд пришел в город Чусовой. Все, кто нужен, оказываются на месте. Начали с главного архитектора: располагает ли он какими-либо сведениями о подземных архитектурно-исторических сооружениях в своем городе? Ответы были примерно такими: не слышал, не видел, не верю в существование. Главный архитектор может не знать — много других сложных дел. Но он назвал фамилии двух-трех человек, по его мнению, способных помочь нам. Так постепенно в сферу действия экспедиции попали заместители главного архитектора, работники отдела культуры, ведущие учителя истории, сотрудники отделения общества охраны памятников истории и культуры, директор и старейшие сотрудники краеведческого музея, работники коммунальных служб и заводоуправления и многие-многие, облеченные должностями и полномочиями. И ведь каждый называл еще других, которые могли оказаться полезными. А сколько было краеведов. Словами одного из них можно выразить по-

ловину общего ответа: «Что вы, голубчики, о подземельях у нас ничего не известно, и разговоров никаких не было, какие уж там легенды... Вам надо бы в Верхне-Чусовских городках побывать. Там от Ивана Грозного дело идет». Другую половину ответа обобщил другой знаток города: «Я вам вот что скажу: неверно вы свой поиск направили, у нас не только сведений, но и подземелий никаких нет. Да и быть не может, город-то знаете когда появился?»

Чусовой — сначала станция Горнозаводской железной дороги, а затем металлургический завод и населенный пункт, основанный Франко-Русским Уральским обществом, — появился в 1879 году. Конечно, абсолютно никакой необходимости не было в строительстве каких-то тайных или явных подземных сооружений, кроме водопровода и канализации. А если в городе не строились подземелья, не прокладывались в грунте галереи и ходы, не делались тайники, то не появилось и того комплекса устной и письменной информации о подземных тайнах, которая сопровождает течение жизни старого города и в большинстве случаев правильно отражает реальность. Вот это и удалось выявить в городе Чусовом.

Значит, важным этапом практической работы по исследованию подземного пространства исторических центров является сбор сведений и свидетельств, анализ легенд и преданий. Всему этому можно и нужно верить как некоему отпечатку реальности.

В старые уральские города каждый день, каждый месяц, каждый год входит что-то новое: новые предприятия, новые дома, новые люди. Меняется облик городов, ритм жизни, население. Вместе с необходимыми изменениями, характеризующими город как живой, активный, растущий организм, происходят и нежелательные. Иногда город теряет свою память, теряет ставшие хрупким, как коралловые веточки, творения прошлого.

В каждом из наших уральских городов, как мы уже убедились, есть слой материнской земли, сохраняющей частицы городской памяти, частицы загадочные, потерявшиеся, но не потерянные, к счастью, навсегда. И нам надо быть предельно бережливыми, чтобы не оказаться полными невеждами, забывшими создания своих предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абель И. Главная Каменная тайна // Каменный рабочий. 2001. № 66.
2. Арапова Е.П. Тайна господского дома // Урал. рабочий. 1999. 23 сент.
3. Баранов В.С. Летопись Верхотурского Николаевского монастыря. Н. Новгород, 1910.
4. Баранов В.С. Покровский женский монастырь в г. Верхотурье // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Екатеринбург, 1907.
5. Белоусова Т.М. Тайны подземелий Москвы. М., 1997.
6. Бординских Г.А. Тайны истории Перми Великой. Соликамск, 1994.
7. Бошняков Ю.В. Подземный Новгород. Новгород, 1934.
8. Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896.
9. Воеводин Л.Е. Беглый обзор заводских архивов гр. Стенбок-Фермор // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1905. Вып. IX.
10. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1981.
11. Гладкова И.М. Коммунизм для себя // Стройкомплекс Среднего Урала. 2002. № 11.
12. Гра А. Материалы к истории Оренбурга. Оренбург 40-х годов XIX столетия по описанию Базинера // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1908. Вып. XI.
13. Демидовский К.К. Некоторые итоги и опыт работы группы по выявлению рудников, бывших в районе Перми // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1969. Сб. 8.
14. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1891. Вып. III.
15. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. IV.
16. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. VIII.
17. Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевщина в Сибири. М., 1898.
18. История русского искусства / Под ред. И.Э. Грабаря. СПб., 1910.
19. Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
20. Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XIV вв. М., 1962.
21. Кочадамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978.
22. Кривошеков И.Я. Географически-статистический словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910.
23. Лавринов В. Екатеринбургская епархия. События, люди, храмы. Екатеринбург, 2001.
24. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб, 1771. Ч.1; 1780. Ч.2; 1802. Ч.3
25. Локерман А.А. Загадка русского золота. М., 1978.
26. Лясик С.А. Легенда под микроскопом // Уральский следопыт. 1973. № 2.
27. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.—Л., 1941. Т. II.
28. Муравьев А.Н. Святые горы. Харьков, 1860.
29. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал. СПб., 1904.
30. Обзорение Пермского раскола, так называемого старообрядства, составленного А.П. СПб., 1863.
31. Поляков В.П. Прошлое и настоящее Верхотурья // Исторический вестник. 1876. № 5.
32. Пудваль А.Р. По следам старинной легенды // «На смену!». 1973. № 196–197.
33. Слукин В.М. Геофизическая «осада» башни // Техника молодежи. 1979. № 7.
34. Слукин В.М. Кафедральный Богоявленский собор. Прошлое и настоящее // Домострой. 2001. № 11.
35. Слукин В.М. Наземные и подземные хитрости Демидовых. Старый Невьянский завод. 1701. Екатеринбург, 2001.
36. Слукин В.М. Новые исследования Невьянской башни // Стройкомплекс Среднего Урала. 2001. № 6 (42).
37. Слукин В., Сконечный Ю. Легенда проверена физикой // «На смену!». 1973. № 182.

38. Слупский А.И. Подземные ходы города Соликамска // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1905. Вып. IV.
39. Спегальский Ю.П. Псков. Л., 1972.
40. Спешиллов Е.А. Старая Пермь. Дома, улицы, люди. 1723–1917. Пермь, 1999.
41. Стеллецкий И.Я. Подземный Кремник // Известия. 1924. № 23.
42. Степановский И.К. Вологодская старина. Вологда, 1890.
43. Толочко П.П. Тайны киевских подземелий. Киев, 1971.
44. Фальковский Н.И. История водоснабжения в России. М., 1947.
45. Федоров В.Г. Тайны Невьянской башни. Свердловск, 1961.
46. РГАДА. Ф. 1267. Демидовы. Оп.13. Д. 23.
47. РГАЛИ. Ф. 1823. Оп.1. Д. 82.
48. РГАЛИ. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 145.
49. Черепанов И. Сибирская летопись. ГПБ. Отдел рукописей. Т. 1.
50. Чунин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии // Приложение к сборнику Пермского земства. Пермь, 1873.
51. Шевченко А. О чем молчит погибший собор // Кушвинский рабочий. 1988. №№ 113–139.
52. Шишонко В.Н. Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1881.
53. Якубовский Э. Екатеринбургские подземелья // Уральский следопыт. 1973. № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Из истории подземного дела	5
В НЕДРАХ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ	15
Подземные палаты прикамских цитаделей	16
Загадки Верхотурских глубин	31
Узлы тобольских подземелий	56
Кунгурские рукотворные пещеры	64
Пыскорский лабиринт	69
Пермские люки	77
ПОДЗЕМНЫЕ ТАЙНЫ ГОРНОЗАВОДСКОГО УРАЛА	83
Невьянское чудо	84
Тагильские тайники	103
Салдинские подземные этажи	113
Верхнетагильский «паучок»	125
Подземная интрига Кушвы	131
Склоны гор, где дремлют тайны... ..	138
Подземные страсти по-каменски. И не только... ..	153
Суксунская обманка	161
Сысертские загадки	165
Кыштым потаенный	177
Екатеринбург подземный	181
Кукуйский тоннель и другие	219
ПОДЗЕМНЫЕ ПУТИ ЗАУРАЛЬСКИХ ГОРODOB	227
Далматовские хитрости под землей	228
Потаенные пути Юшки Соловья	234
Ирбит под землю не стремится	239
Секретные ходы южноуральских укреплений	242
Чусовской эксперимент или Вместо послесловия	244
Литература	249

Слукин Всеволод Михайлович

ТАЙНЫ УРАЛЬСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ
легенды, реальность, поиск

Редактор В. Пестерев
Художественный редактор В. Мамаев
Технический редактор Н. Штоколова
Компьютерная верстка О. Владыко
Корректор Л. Сушкова

Подписано в печать 01.08.05. Формат 70 x 100^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,32. Уч.-изд. л. 16,75. Тираж 3000 экз. Заказ 3048.

Издательство «Сократ», ЛР № 063579 от 01.09.99,
620219, Екатеринбург, просп. Ленина, 49.
Тел./факс: (343) 371-35-61; 355-90-35.
<http://www.idsokrat.ru>
e-mail: sokrat@idsokrat.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
В ОАО ПИК «Офсет»,
660075, г. Красноярск, ул. Республики, 51.
Тел./факс: (3912) 23 36 81 отд. маркетинга.
e-mail: marketing@pic-ofset.ru

Слукин Всеволод Михайлович.

Екатеринбуржец во многих поколениях. Профессор Уральской государственной архитектурно-художественной академии. Специалист в области разработки и применения современных инженерных технологий в изучении историко-культурного наследия. Президент Общества уральских следопытов. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Автор более 300 научных публикаций, 14 книг и 6 изобретений. Лауреат журнала «Уральский следопыт» за 1990 г., лауреат премии имени Татищева и де Геннина за 2003 г., за краеведческую работу удостоен медали имени Н.К. Чупина.

Составитель и редактор 7 выпусков литературно-краеведческого альманаха «Уральская старина». Один из инициаторов и организаторов проведения «Татищевских чтений» – Всероссийского форума историков, краеведов, культурологов.